Г. ПАРКС

ИСТОРИЯ МЕКСИКИ

И * Л

Издательство
иностранной
литературы

Г. ПАРКС

ИСТОРИЯ МЕКСИКИ

ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО
Ш. А. БОГИНОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Б. Т. РУДЕНКО

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

H. B. Parkes

HISTORY OF MEXICO

NEW YORK

1940

ПРЕДИСЛОВИЕ

История одной из крупных латиноамериканских стран, Мексики,— это история угнетенного народа, на протяжении столетий боровшегося за землю и свободу, против угнетателей внутри страны и отстаивавшего свою независимость от различных иностранных поработителей.

В начале XVI в. Мексика была завоевана испанцами, и в течение трехсот лет вся социальная, экономическая и культурная жизнь страны была подчинена господству феодальной Испании. От испанского гнета мексиканский народ освободился лишь в результате национально-освободительной борьбы в начале XIX в. Но и после этого Мексика не стала фактически независимой и свободной страной, превратившись в яблоко раздора между США и Великобританией, в объект игры капиталистических держав.

Насколько нагло и бесцеремонно вели себя американские капиталисты по отношению к мексиканскому народу на протяжении XIX и XX вв., можно судить по тому, что еще в 1848 г., в начале своих агрессивных действий против слабой и беззащитной страны, американские правители и стоявший за их спиной молодой, поднимавшийся в те дни хищник — американский капитализм — после «победоносной» интервенции в Мексику отторгли 40% территории этой страны, площадью свыше 1300 тыс. кв. км., а в 1853 г. по так называемому «договору Гадсдена» захватили еще 140 тыс. кв. км., уплатив за это жалкую сумму в 10 млн. долл. В результате разбойничьей войны и последующих «законных» приобретений США захватили огромные пространства, а Мексика потеряла почти половину своей территории. Американо-мексиканская война 1846—1848 гг. была достойным прологом к дальнейшей захватнической политике США по отношению к Мексике. За ней последовало

финансовое и экономическое закабаление Мексики и неоднократные военные интервенции, целью которых было установление политического господства США в Мексике и превращение ее в колонию США.

Вот почему в мексиканском народе живет неукротимая ненависть к американским капиталистам, и ни один подлинный мексиканский патриот не может верить ни в какие разглагольствования идеологов американского империализма о благих намерениях США по отношению к другим странам и народам. Мексиканцы в праве презирать фарисейские речи политиков США о мире, демократии, равенстве и т. п., ибо они знают на примере своей страны, какую участь готовит американский капитализм слабым и беззащитным народам в угоду своим преступным целям.

Предлагаемая советскому читателю «История Мексики» Г. Б. Паркса дает на большом материале обстоятельное и подробное изложение истории мексиканского народа, начиная с времен, предшествовавших испанскому завоеванию, и кончая новейшим периодом. Автор книги, правда, стоит на буржуазных позициях, что, естественно, кладет печать непоследовательности и противоречивости на весь его труд, и в особенности на те его части, которые посвящены описанию решающих этапов классовой борьбы в Мексике. Буржуазное мировоззрение автора приводит к тому, что он переоценивает роль отдельных личностей в истории мексиканского общества и недооценивает значение борьбы народных масс, роль классов и политических партий. Но вместе с тем Паркс не может пройти мимо вопросов материальной культуры страны, развития ее экономики и описания тяжелого положения рабочих и крестьян в различные периоды истории Мексики. Большой материал, использованный им при освещении этих вопросов, представляет несомненный интерес; он дает читателю возможность совершенно отчетливо видеть противоречие между этим большим фактическим материалом, собранным с тщательностью и знанием дела, и буржуазно-объективистскими выводами автора.

В книге Паркса читатель, конечно, не найдет исчерпывающего анализа процесса закабаления страны различными иностранными поработителями. В силу своей буржуазной ограниченности Паркс не в состоянии также до конца

вскрыть империалистическую сущность американской политики в Мексике в конце XIX и в начале XX в. Но и то, что дает автор в своей книге по этим вопросам, начиная с испанского нашествия и кончая борьбой между английскими и американскими империалистами за нефть и другие богатства Мексики, показывает, в каких исключительно тяжелых условиях протекала не закончившаяся и поныне борьба мексиканского народа за свою свободу и независимость.

Правдиво описывая тяжелое положение индейского крестьянства и появившегося в конце XIX в. мексиканского рабочего класса, выражая сочувствие вековой борьбе крестьянства за землю и борьбе пролетариата за улучшение своего экономического положения, Паркс как буржуазный историк не идет дальше либеральных пожеланий. Он отрицательно относится к решительным методам борьбы угнетенных классов за осуществление своих прав и сужает рамки этой борьбы, не допуская и мысли о возможности победоносной народной революции, которая выдвинула бы Мексику в ряды свободных народов, идущих по пути прогресса и демократии.

* * *

Паркс довольно подробно излагает историю индейских племен, населявших Мексику до прихода испанцев. Однако характеризуя отдельные племенные образования, в частности, ацтекское государство, господствовавшее до прихода испанцев над значительной частью территории нынешней Мексики, автор уделяет мало внимания кастовому устройству этого общества, не подчеркивая в достаточной мере, что касты жрецов и военной аристократии, составлявшие по сути дела рабовладельческий класс, выступали в роли эксплоататоров низших каст — ремесленников, мелких землевладельцев и огромной массы рабов.

Описывая испанское завоевание, Паркс приводит многочисленные примеры безграничной жестокости завоевателей по отношению к индейцам, боровшимся за свою свободу и независимость. В книге Паркса показана коварная политика завоевателей, сеявших раздоры между племенами и нередко использовавших для своих захватнических целей верхушку

ацтекского общества. Вместе с тем, подразделяя завоевателей на «плохих» и «хороших», автор крайне преувеличивает историческую роль Кортеса, сравнивая его с Цезарем и Александром Македонским, и изображает в сочувственных тонах этого беззастенчивого конкистадора, прославившегося массовым истреблением мирного безоружного населения, разрушением мексиканских городов и уничтожением ценнейших памятников индейской культуры.

Еще более серьезные ошибки допускает автор в оценке политики испанских королей в Мексике на первых этапах после ее завоевания. Говоря о проводившейся испанской короной политике защиты мексиканских индейцев от закрепощения их конкистадорами, автор пишет: «Испанские короли понимали, что со свободных индейцев корона сможет получать дань, а индейцы порабощенные приносят пользу, главным образом, своим владельцам. Однако... они верили также, что завоевание Америки будет законным лишь в том случае, если окажется благодетельным для покоренных народов» (стр. 94).

Паркс лишь частично раскрывает действительную причину «забот» испанской короны о мексиканских индейцах. Конечно, ограничивая произвол испанцев-завоевателей и их потомков в Мексике, испанские короли меньше всего заботились о «законности» и «благодетельности» своих действий в Америке. Захват лучших плодородных земель испанскими дворянами-завоевателями и следовавшим за ними по пятам католическим духовенством приводил не только к закрепощению индейцев. Под натиском захватчиков индейцы целыми племенами уходили в наиболее глухие горные и лесные районы страны. Это привело к катастрофическому снижению численности населения Мексики. Уже вскоре после завоевания Мексики испанцами ее туземное население сократилось на 80%.

Угроза прямого физического истребления индейского населения, поставлявшего рабочую силу на рудники, где добывалось золото, медь и серебро, и в поместья (энкомиенды), пугала не только наиболее дальновидных представителей испанской администрации в Мексике, но и, главным образом, испанскую корону. Сокращение численности новых подданных испанского короля прямо затрагивало интересы мадридской казны. Доход короля от одной только

Новой Испании[1] в течение колониального периода в среднем достигал 14 млн. песо в год и в 1804 г., например, составил около $^2/_3$ всего дохода Испании. Основными статьями этого дохода были подушная подать, которую казна взимала с каждого взрослого мексиканца, сборы с различных монополий и выручка с рудников. Боязнь сокращения доходов казны заставила Карла V издать так называемые «новые законы» (1542 г.) о возвращении индейцам земли и восстановлении индейских поселков. Однако эта политика испанских королей не имела успеха, ибо основная масса государственных чиновников, чувствовавших себя в Мексике временщиками, заинтересованных в эксплоатации и ограблении индейского крестьянства не менее, чем помещики-энкомендерос, действовала в тесном союзе с последними и находила средства, чтобы уклониться от выполнения предписаний короны, ограничивающих эксплоатацию и закрепощение индейцев. Фактически испанские короли, несмотря на предпринятые ими попытки предохранить индейцев от истребления, сами проводили ту же политику закрепощения. Ими был издан ряд законов, закреплявших индейцев за определенными селениями и запрещавших их переход из одного селения в другое. Один из законов Филиппа III, изданный в 1618 г., гласил: «Повелеваем, чтобы ни в одном индейском поселке не было ни одного человека, принадлежащего к другому поселку». Закрепленные за поселками индейцы должны были работать на испанских дворян-помещиков, которые считались их «опекунами». Таким образом, в Мексике насаждалось крепостное право. В конечном итоге огромное количество обрабатываемых земель сосредоточивалось в руках креолов[2] — помещиков и духовенства, а индейское крестьянство в значительной своей массе было закрепощено.

Автор идеализирует роль католического духовенства в Мексике в период, непосредственно следующий за завоеванием. Пользуясь слабостью испанской монархии и опираясь на поддержку папы, духовенство приобрело в стране

---

[1] Мексика была ядром этой богатейшей испанской колонии. *(Прим. ред.)*

[2] Креолы — южноамериканские испанцы, потомки первых партий завоевателей. *(Прим. ред.)*

огромное влияние. Стремясь заманить в лоно церкви как можно больше паствы, католические монахи нередко выступали в качестве защитников индейцев от чрезмерной эксплоатации со стороны энкомендерос. Эта сторона деятельности духовенства в Мексике была, конечно, второстепенной. Основное же в деятельности католической церкви в период колонизации сводится к тому, что духовенство выступало в роли одного из главных эксплоататоров и поработителей мексиканского народа. Замена старых языческих верований новой католической религией очень дорого обошлась мексиканскому народу. Крестьян-индейцев толпами сгоняли на постройку церквей и монастырей. За время колониального господства испанцев в Мексике было построено свыше 12 тыс. церквей. Кроме подати, которую крестьянин платил казне, он должен был платить также и десятину в пользу католической церкви. Чтобы представить себе, во что обходилась церковная десятина мексиканскому народу, нужно сказать, что к концу XVIII в. она давала церкви свыше двух миллионов песо годового дохода, что по тому времени составляло огромную сумму. А ведь десятина являлась лишь частью доходов церкви! В результате этой деятельности церковные корпорации к началу XIX в. скопили в своих руках огромные богатства. Церкви принадлежало больше половины обрабатываемых земель в стране и большая часть недвижимого городского имущества. В это время церковь была единственным и притом весьма могущественным банкиром в стране, дававшим ссуды, главным образом, под землю и недвижимую собственность. Политическое влияние церкви в Мексике было огромно. В последующей истории Мексики католическая церковь всегда была надежным оплотом реакции в стране.

Подробно излагая ход войны за независимость, автор правильно отмечает социальный характер этого движения, которое было не только борьбой мексиканцев за независимость от Испании, но являлось по существу и великой войной индейского крестьянства Мексики за землю. Говоря о деятельности вождей национально-освободительной войны — Идальго и Морелоса, автор показывает, что именно социальный характер их программы, стремление вернуть крестьянам отнятые у них земли, оттолкнули от движения креольскую верхушку. Однако автор объясняет это движе-

ние со своей, буржуазной, точки зрения, утверждая, что «Идальго и Морелос потерпели неудачу потому, что поставили перед собой слишком большие задачи. Они сражались не только за изгнание гачупинов, но также за равенство рас, за отмену привилегий духовенства и офицерства и за возвращение индейцам земли. Результатом этого была разрушительная гражданская война, которая не только не принесла Мексике независимости, но, может быть, даже замедлила ее завоевание» (стр. 157). Подобное объяснение лишь свидетельствует о буржуазной ограниченности автора. Широкое революционное движение мексиканского крестьянства под руководством Идальго и Морелоса, носившее характер аграрной революции, было первым этапом войны за независимость (1810—1816 гг.). Оно носило ярко выраженный социальный характер, поскольку национально-освободительные идеи тесно переплелись в нем с борьбой крестьянства за землю. Именно социальный характер этого движения и сообщил ему ту силу, под ударами которой были значительно расшатаны устои испанского колониального господства в Мексике. Таким образом, глубочайшее революционное движение индейских крестьянских масс, которое автор называет «разрушительной гражданской войной», не «замедлило завоевание независимости Мексики, а, наоборот, создало предпосылки для этого завоевания.

Причины поражения мексиканского крестьянства в его борьбе за землю заключались в том, что оно было одиноко в этой борьбе. В начале XIX в. Мексика была отсталой колониальной страной, где не было не только пролетариата — гегемона трудящихся масс в их борьбе за свое освобождение, — но и поднимающегося революционного класса — буржуазии, способной поддержать на первых порах стремление крестьян к переделу земли. Движение Идальго и Морелоса носило все черты «стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета» [1].

Война за национальную независимость не облегчила положения не только мексиканского крестьянства, но и основной массы креольства, представлявшего преимущественно средние слои населения. Земля и почти все богатства

[1] Ленин и Сталин. Сборник к изучению истории ВКП(б). Партиздат, 1936, т. III, стр. 527.

страны попрежнему оставались в руках церкви и небольшой кучки крупных помещиков. Недовольство креолов своим положением и их стремление к перераспределению богатств страны и было той базой, которая питала происходившие в Мексике в 1830—1840 гг. военные перевороты, частую смену президентов, — всю ту борьбу клик и партий внутри господствующего класса Мексики, которая известна под названием борьбы между централистами и федералистами.

Во второй половине XIX и в начале XX в. Мексика — отсталая в экономическом и политическом отношении страна, обремененная тяжким наследием феодально-крепостнических отношений, страна, где господствовали крупные помещики, реакционные генералы и высокопоставленные чиновники, — оказалась одним из объектов эксплоатации со стороны крупнейших капиталистических стран — Соединенных Штатов Америки, Англии и отчасти Франции.

Паркс показывает пагубные для народного хозяйства Мексики последствия проникновения в страну англо-саксонского капитала; но он не дает достаточно глубокого анализа результатов этого проникновения и способствовавшей ему внутренней и внешней политики президента Диаса. Паркс пытается доказать, что политика реакционного президента диктатора Мексики Порфирио Диаса (1876—1911 гг.), направленная на поощрение притока иностранного капитала и раздачу природных богатств страны иностранным компаниям, была отчасти продиктована какими-то высшими соображениями, стремлением Диаса развить экономику страны и повысить благосостояние народа. Подробно останавливаясь на истории захвата иностранными капиталистическими монополиями командных высот в важнейших отраслях народного хозяйства страны, Паркс не решился сделать вывод, что в результате политики Порфирио Диаса к концу его правления экономика Мексики оказалась закабаленной американскими и английскими капиталистами и приобрела все те уродливые формы, которые свойственны экономике зависимых стран. Паркс не показал, что Диас проводил эту политику потому, что неизмеримо больше боялся своего народа, чем капиталистов США и Англии; между тем, именно поэтому Диас привлекал иностранных дельцов в Мексику, преследуя антидемокра-

тическую, антинациональную политику, отражавшую страх реакционных мексиканских помещиков и окружавшей Диаса бюрократической клики перед народной революцией, в которой крестьяне стали бы добиваться решения аграрного вопроса, а рабочие — улучшения своего материального положения и демократизации страны. Реакционная внутренняя и внешняя политика Диаса отражала интересы крупных мексиканских помещиков и иностранной буржуазии.

В начале XX в. перед крестьянством и рабочим классом Мексики встала неотложная задача разрешения аграрного вопроса и избавления от иностранного гнета — в первую очередь от гнета американских капиталистов. Не случайно наряду с борьбой крестьян в деревне первые крупные забастовки мексиканских рабочих имели место на иностранных и, в частности, американских предприятиях. В 1906 г. одна из таких забастовок вспыхнула в штате Сонора, на медных рудниках Кананеа, принадлежавших американцу Грину. В Кананеа забастовало около 10 тыс. шахтеров-мексиканцев, подвергавшихся жестокой эксплоатации и издевательствам со стороны американской администрации на шахтах. Шахтеры потребовали увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Правительство Диаса, верное тактике удушения рабочего движения, спровоцировало совместно с Грином забастовщиков на выступление. В результате забастовки была уничтожена часть зданий компании и сожжено несколько складов. С прибытием правительственных войск схватка превратилась в массовое избиение безоружных рабочих. Не довольствуясь этим, правительство США пыталось использовать забастовку в качестве предлога к новому покушению на политическую независимость соседней страны. К границе Мексики в Аризоне была подтянута одна из кавалерийских пограничных частей американской армии. А 2 июня посол США Томпсон в беседе с Диасом заявил, по поручению государственного секретаря Рута, что США готовы оказать ему любое содействие для «наведения порядка», вплоть до введения в Мексику американских войск.

Забастовка в Кананеа и связанные с ней события положили начало массовому антиамериканскому и антиимпериалистическому движению среди мексиканских трудящихся масс. Антипатии к американцам были сильны не только

на принадлежавших американцам промышленных предприятиях и мексиканских железных дорогах, но и среди широких масс мексиканского крестьянства, ибо американцы-плантаторы относились к пеонам [1] в Мексике не лучше, чем их соотечественники, плантаторы юга США — к рабам-неграм. Вот что говорит об этом один из американских писателей, побывавший в Мексике: «Американцы используют труд рабов — покупают, угнетают, запирают их на ночь, бьют, убивают их — точно так же, как это делают другие предприниматели в Мексике... В тропической части Мексики, на плантациях каучука, сахарного тростника, тропических фруктов — повсюду вы найдете американцев, покупающих рабов, заключающих их в тюрьмы и убивающих».

Ненависть к американским империалистам в Мексике росла с каждым годом и вскоре выразилась в открытых антиамериканских выступлениях мексиканского народа. Накануне буржуазной революции Мадеро 8—11 ноября 1910 г., в Техасе, Мехико и других городах страны в ответ на линчевание американцами мексиканца вспыхнули массовые антиамериканские демонстрации. В г. Мехико народ начал бить стекла в окнах американских магазинов и разгромил редакцию американской газеты «Геральд». В другом крупном городе Мексики, Гвадалахаре, события приняли еще более бурный характер и демонстрации превратились по существу в антиамериканское восстание. Мексиканцы забрасывали камнями принадлежащие американцам дома, требуя, чтобы американцы убирались из Мексики. В Мехико, Гвадалахаре и других городах страны это движение проходило под лозунгами: «Да здравствует Мадеро!» и «Смерть гринго!» [2]. Русский посланник в Мехико писал в своем донесении в Петербург о глубокой ненависти к американцам, которая коренится в мексиканском народе, отмечая, что эта ненависть является результатом не только того, что мексиканцы не могут простить американцам 1847 года, но и того, что «живущие здесь в значительном количестве американцы своим грубым и вызывающим обращением с здешними жителями не могли завоевать их симпатии». Характерно,

[1] Пеоны — мелкие арендаторы-крестьяне, работавшие на землях плантаторов. *(Прим. ред.)*

[2] Грингос — презрительная кличка американцев в Мексике. *(Прим. ред.)*

что уже в то время проживающие в Мексике американцы вели себя, как настоящие колонизаторы. Посол США в Мексике Генри Уилсон хвастливо отмечал, что во время событий 8—11 ноября они «вели себя воинственно». В эти дни наемники американских империалистов несколько раз обстреливали с провокационными целями толпы безоружных мексиканцев, в результате чего в Мехико и Гвадалахаре было убито 4 мексиканца, в то время как ни один американец не пострадал.

Выступление пролетариата и усиление борьбы крестьянства за разрешение аграрного вопроса были предвестниками буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг., когда в ходе революционного движения народными массами была сброшена ненавистная диктатура Диаса и страна вступила на путь демократических преобразований. Особенностью этой народной революции в Мексике был ее ярко выраженный антиимпериалистический характер.

Размах и глубина мексиканской революции испугали даже наиболее оголтелых американских империалистов, которые вынуждены были на время спрятать свои открыто интервенционистские планы. Мексиканская политика президента США Вудро Вильсона, захватнический дух которой так старательно затушевывает Паркс, отражала одновременно страх американских империалистических кругов за свои капиталы в Мексике и их желание воспользоваться «анархией» в Мексике для осуществления своих интервенционистских целей. Паркс пытается внушить читателю, что правительство США в лице Вудро Вильсона преследовало мирные цели по отношению к Мексике, но в этом ему мешали американские капиталисты, стремившиеся к господству в этой стране.

Какой же была в действительности политика Вильсона в Мексике? В 1913 г. Вудро Вильсон, выступая против политики своего предшественника Тафта, заявил, что 85% мексиканского народа угнетаются и эксплоатируются мексиканскими помещиками и иностранными капиталистами. Это заявление было вызвано тем, что наглая интервенционистская политика предшественников Вильсона была крайне непопулярна в странах Латинской Америки, и продолжение ее могло иметь опасные последствия для США.

Основные цели политики Вильсона в Мексике

заключались в том, чтобы, опираясь на уже завоеванные в этой стране американским капиталом экономические позиции, навязать ей свою волю, лишить ее не только экономической, но и политической независимости. Для достижения этих целей Вильсон не гнушался никакими средствами, начиная от политических интриг, шантажа, подкупа и кончая вооруженной интервенцией. Им была дважды спровоцирована интервенция в Мексику (в 1914 и в 1916 гг.). Обе интервенции позорно провалились. Вильсон и его клика недооценили антиимпериалистические настроения мексиканского народа. Сила и единодушие, с которыми мексиканцы выступили против захватчиков, оказались неожиданными как для американских империалистов, так и для их политических марионеток.

Кульминационным пунктом мексиканской революции 1910—1917 гг. было принятие в феврале 1917 г. новой буржуазно-демократической конституции. Конституция 1917 г. явилась значительным политическим завоеванием мексиканского народа. В ней был записан ряд требований, ставших программой борьбы мексиканских крестьян и рабочих в течение ближайших десятилетий. Большое значение имел тот факт, что в конституцию были включены антиимпериалистические требования мексиканского народа. Конституция 1917 г. фактически ставила вопрос о конфискации захваченных иностранцами нефтяных источников Мексики, что вызвало большую тревогу в империалистических кругах США и Англии. Антиимпериалистическая внешняя политика президента Мексики Каррансы стала возможной в это время лишь благодаря тому, что, осуществляя вначале прогрессивные мероприятия, мексиканская буржуазия опиралась на широкое массовое народное движение внутри страны, направленное своим острием против помещичьей реакции и американских империалистов. Паркс разоблачает реакционную внутреннюю политику Каррансы, но по своему обыкновению почти ничего не говорит о роли народных масс в решающих событиях этого периода, о противодействии трудящихся попыткам реакции бросить все свои силы против неугодных ей реформ.

В обстановке величайших революционных событий того времени, самым важным из которых была победа Великой Октябрьской Социалистической революции в России, мек-

сиканский народ шел в передовых шеренгах борцов за мир и демократию, вдохновляемый величественными победами рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами в России. Передовая часть рабочего класса Мексики стала сплачиваться вокруг коммунистической партии, зародившейся в 1919 г.

Паркс почти ничего не пишет о размахе и значении массового движения рабочих и крестьян Мексики в период 1920—1930 гг. Между тем, борьба крестьянства за землю и рабочего класса за свои права становятся в это время одним из самых существенных факторов в политической жизни Мексики. Первостепенное значение приобретают также задачи антиимпериалистической борьбы вообще и борьбы с американским империализмом в частности, поскольку соперничество между основными империалистическими державами за захват богатств Мексики и окончательное закабаление этой страны с течением времени все усиливались. Паркс не показывает, как отразились все эти процессы на политике буржуазных правительств Мексики. Он не показывает также, что инициатива в борьбе с американским империализмом в этот период, как и в самом начале революции (1910 г.), принадлежала трудящимся массам Мексики, что эта борьба всей своей тяжестью ложилась на плечи трудящихся масс, в то время как мексиканская буржуазия, и в особенности наиболее реакционная ее часть, при каждом обострении политической ситуации в стране старалась спрятаться за спину американских империалистов.

Непродолжительное президентство Обрегона, опиравшегося в основном на реакционно настроенных мексиканских помещиков и кулачество, не ослабило боевого духа народных масс Мексики. Президент Кальес, пришедший к власти в 1924 г., под давлением демократических сил внутри страны проводил вначале прогрессивную политику. В 1925—1926 гг. начала проводиться в жизнь 27 ст. конституции 1917 г. Иностранным капиталистам, ранее владевшим запасами нефти на правах собственников, отныне предлагалось арендовать эти запасы на 50 лет. Иностранцы, не соглашавшиеся принять эти условия, подлежали привлечению к суду и высылке из Мексики. Это настолько встревожило Белый дом, что в 1926—1927 гг. президент Ку-

лидж и государственный секретарь США Келлог грозили Мексике интервенцией, требуя немедленного изменения конституции страны. Когда же тактика прямых угроз потерпела поражение, столкнувшись с массовым движением рабочих и крестьян Мексики против захватнической политики империалистов, Белый дом изменил свои методы. В Мексике появился новый американский посол — Морроу, который стал проводить курс «дружелюбной» политики по отношению к Мексике. Все усилия Морроу были направлены, по сути дела, на то, чтобы расколоть антиимпериалистический лагерь в стране. Он стремился привлечь на свою сторону наиболее реакционную часть мексиканской буржуазии. Не случайно начало провокационной деятельности Морроу в Мексике совпало с открытой изменой Кальеса народу. Страх перед народными массами, среди которых все больше нарастало недовольство его внешней и внутренней политикой, бросил Кальеса в объятия реакционных кругов внутри страны и побудил его пойти на сговор с иностранными империалистами. С 1927—1928 гг. Кальес становится выразителем самых консервативных и профашистски настроенных элементов мексиканского общества. Он признал претензии к Мексике со стороны империалистов по долгам, фактически приостановил действие конституции и перешел в наступление против левых элементов в стране. Под влиянием реакционных империалистических кругов США и Англии Кальес порвал дипломатические отношения с Советским Союзом (1930 г.). Казалось, что реакция вновь намеревается надолго упрочить свои позиции в Мексике и, опираясь на поддержку американских империалистов, наголову разгромить демократические силы народа. Но этого не произошло. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. сильно задел и Мексику. Положение в стране обострилось. Реакция вынуждена была вновь отсрочить генеральное сражение с силами демократии. Это ясно обозначилось в период президентства Карденаса (1934—1940 гг.). В книге Паркса, доводящей описание истории Мексики лишь до 1938 г., события этого периода изложены бегло, и на них следует остановиться более подробно.

Прогрессивная политика Карденаса вызвала бурю негодования в лагере империалистов, усилившуюся после того,

как президент провел ряд прогрессивных буржуазно-демократических мероприятий — экспроприировал значительную часть крупных поместий, принадлежавших иностранным землевладельцам, национализировал мексиканские железные дороги, где господствовал англо-американский капитал, и в 1938 г. издал декрет о национализации собственности 17 американских и англо-голландских нефтяных компаний. В ответ на все эти мероприятия Карденаса последовали грозные ноты английского правительства и контр-мероприятия американского правительства, снизившего цены на мексиканское серебро и предъявившего Мексике ультиматум, содержавший требование немедленной уплаты за экспроприированную мексиканским правительством собственность американских землевладельцев. В усложнившейся международной обстановке Карденас занял решительную позицию. Он порвал дипломатические отношения с английским правительством. Что же касается США, то Карденас добился того, что американское правительство отказалось от своего ультиматума и согласилось на постепенную выплату компенсации экспроприированным американским землевладельцам.

Успехи антиимпериалистической политики мексиканского правительства Карденаса имели большое международное значение. Они показали, что буржуазные правительства зависимых стран могут успешно бороться с империалистической политикой крупных капиталистических держав, если в этой борьбе они будут опираться на трудящиеся массы своей страны. Примеру Мексики пытались последовать и другие страны Латинской Америки (Боливия, Эквадор).

Прогрессивная внешняя политика Карденаса была не всегда последовательной; это выразилось, в частности, в том, что он не решился установить дипломатических отношений с Советским Союзом. Тем не менее Карденас открыто выражал враждебное отношение к фашистским агрессорам, распустил фашистскую организацию в Мексике «золотые рубашки», поддерживал Испанскую республику, посылал ее борцам оружие и давал приют жертвам Франко. Весьма знаменательно, что почти все важнейшие экономические и политические мероприятия президента Карденаса проводились под непосредственным давлением со стороны

организаций трудящихся масс Мексики, возглавляемых мексиканской коммунистической партией. Компартия опиралась на Мексиканскую конфедерацию трудящихся, Конфедерацию рабочих и крестьян Мексики, Региональную конфедерацию мексиканских рабочих, насчитывавших миллионы членов.

Но одновременно с укреплением демократического лагеря в Мексике сплачивались и силы реакции. К этому времени относится возникновение фашистских организаций «Аксьон насиональ» и Национального синаркистского союза[1]. Обе эти организации наиболее реакционных элементов мексиканского общества верой и правдой служили Гитлеру и Муссолини, а с Франко они поддерживают самую тесную связь и по сей день, носясь с бредовой идеей восстановления былого военного и политического могущества Испании, способной якобы «обновить» мир на фашистских началах, поскольку этого не удалось достичь немецко-фашистским разбойникам.

Это, разумеется, не мешает мексиканским синаркистам подпевать американской реакции, агентурой которой они являются вместе со своим хозяином Франко. У мексиканского народа нет более опасного и коварного врага, чем эти фашистские организации внутри страны, предающие и продающие международной реакции дело мексиканского народа. Под прикрытием «испанизма», восстановления былого могущества Испании, мексиканские фашисты изо дня в день куют цепи мексиканскому народу и вкупе с американскими империалистами идут в первых рядах в борьбе против сил прогресса и демократии. Они питают открытую ненависть к великому Советскому Союзу и странам новой демократии.

Накануне второй мировой войны демократические силы в Мексике были очень сильны. В ответ на угрозы империалистов в стране ширилось массовое антиимпериалистическое движение, передовыми бойцами которого были мексиканские коммунисты. Острие борьбы направлялось против американского империализма. Об этом ярко свидетельствуют события 1940 г.

---

[1] В 1946 г. Национальный синаркистский союз был преобразован в фашистскую партию «Народная сила».

11 апреля 1940 г. в г. Мехико состоялась антиимпериалистическая демонстрация, в которой участвовало более 100 тыс. чел. Пролетарский праздник Первое мая 1940 г. проводился под знаком протеста против захватнической политики американских империалистов. В первомайской демонстрации в г. Мехико приняло участие около двухсот тысяч рабочих и 75 тыс. вооруженных дружинников Конфедерации труда. Демонстрация прошла под лозунгом «Защита нации и борьба против империализма».

Об успехах демократических и антиимпериалистических сил в стране свидетельствовали также и президентские выборы 1940 г. в Мексике. Эти выборы проходили в обстановке напряженной внутриполитической борьбы, тесно переплетавшейся с борьбой антиимпериалистической. Ставленником реакционных помещичьих кругов в Мексике и американских империалистов был генерал Альмасан. Альмасан добивался установления реакционной диктатуры и, в случае неудачи на президентских выборах, готовился произвести военный переворот. В этом ему активно помогали американские империалисты, перебрасывавшие в Мексику оружие для организованных Альмасаном банд. Симпатии империалистов к Альмасану были отнюдь не случайны; так, по поводу конфликта Мексики с иностранными нефтяными компаниями он заявил, что если эта проблема не будет разрешена при правительстве Карденаса и продолжать переговоры придется ему, Альмасану, то он будет стараться довести их «до полюбовного, свободного и честного решения». Это заявление содержало плохо замаскированные авансы американским и английским империалистам. Ставка на Альмасана была ставкой мексиканской реакции и иностранных капиталистов на установление профашистской диктатуры в Мексике.

Кандидатом прогрессивных сил был Авило Камачо. Камачо выдвигала «партия мексиканской революции», представлявшая в основном прогрессивно настроенную часть мексиканской буржуазии. Кандидатура Камачо получила поддержку компартии и Мексиканской конфедерации труда. Выборы проходили в обстановке ожесточенной политической борьбы. Результаты их принесли победу демократическому лагерю. Президентом Мексики был избран Авило Камачо, за которого голосовало 2 136 625 избира-

телей. Поражение Альмасана, получившего всего 128 574 голоса, было поражением реакции и крупным успехом демократических сил в стране.

Мексика активно помогала союзникам в войне с фашистскими странами. 1 июня 1942 г. она официально объявила войну Германии. Большую роль в деле организации сил мексиканского народа для оказания экономической помощи союзникам и в первую очередь Советскому Союзу сыграла компартия Мексики и передовые профсоюзы страны. Все силы трудящихся масс страны были направлены на выполнение общей задачи всего прогрессивного человечества — разгром фашизма.

Но правительство Авило Камачо (1940—1946 гг.), изображавшее себя продолжателем дела Карденаса, не оправдало надежд народа. При нем позиции американского империализма в Мексике вновь упрочились. Под влиянием массового народного движения против фашистских агрессоров Авило Камачо вынужден был, правда, пойти на восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом (ноябрь 1942 г.), но вся его дальнейшая политика показала, что на протяжении второй мировой войны и после нее он прилагал все силы к тому, чтобы впрячь Мексику в колесницу американского империализма. Он провел через конгресс закон об удовлетворении всех претензий иностранцев, пострадавших от политики Карденаса, добился новых кабальных кредитов от США, поставлял им стратегическое сырье во время войны, а в Организации Объединенных наций его представители обычно поддерживали американскую политику.

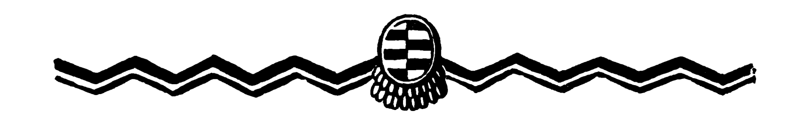
Активизация сил международной реакции за послевоенные годы и усилившаяся экспансия американского империализма в латиноамериканские страны привели к тому, что мексиканская буржуазия пошла в фарватере американского империализма. Это определенно проявляется в политике правительства нынешнего президента Мексики Алемана. Весьма характерно, что кампания за избрание Алемана президентом проводилась под лозунгами борьбы с империализмом США, что в значительной степени определило победу Алемана на выборах. Бывший министр иностранных дел при президенте Авила Камачо, Падилья, открыто высказывавшийся за установление тесных экономи-

ческих и политических связей с Соединенными Штатами, получил лишь незначительное число голосов. Поражение Падильи является ярким свидетельством того, что после второй мировой войны антиамериканские настроения в мексиканском народе заметно усилились. Но уже первые годы правления Алемана показывают, что его правительство совершает ту же эволюцию, что и правительство Авила Камачо. Экономические мероприятия правительства Алемана фактически направлены на то, чтобы не допустить проведение в жизнь предусмотренных конституцией аграрных реформ 1917 г. и затормозить самостоятельное развитие сельского хозяйства и промышленности страны. На внутреннюю и внешнюю политику правительства Алемана большое влияние оказывают мексиканские реакционеры и американские империалисты. Мексиканские реакционеры в союзе с американскими империалистами и лидерами Американской федерации труда пытаются расколоть рабочее движение, в котором за последнее время значительно усилилось влияние коммунистов.

Однако консолидации мексиканской и англо-американской реакции противостоят растущие силы свободолюбивого мексиканского народа, возглавляемые коммунистической партией и другими революционными организациями рабочего класса и крестьянства Мексики. Мексиканский народ еще не сказал последнего слова в борьбе за свою свободу и независимость.

Книга Паркса, освещающая, несмотря на все свои серьезные недостатки, основные этапы истории этой борьбы, представит несомненный интерес не только для наших историков, но и для широкой массы советских читателей, интересующихся историей народов угнетенных и зависимых стран.

Б. Руденко.

ИНДЕЙСКАЯ МЕКСИКА

1. Индейские народы

Та часть Западного полушария, которая в настоящее время известна под названием Мексики и Центральной Америки, состоит из пояса суши длиной в 2500 миль и шириной от 1000 до 50 миль. Пояс этот соединяет два больших материка Северной и Южной Америки. Главную часть его северной, более широкой половины составляет огромное плоскогорье, которое отлогими ступенями поднимается к югу и окаймляется двумя горными цепями. За горами, вдоль берегов Тихого океана и Мексиканского залива, лежат полосы равнин, известные мексиканцам под названием «горячей земли» (tierra caliente), с тропическим климатом, обильными дождями и буйной растительностью. Но на склонах гор и на плоскогорье климат умеренный — дни теплые, а ночи прохладные. На севере недостаточно воды, но далее к югу в летние месяцы бывает сезон дождей, и земля отличается плодородием. Климат в пределах этого района самый разнообразный, и там можно встретить все виды растений — от тропических банановых деревьев и пальм до сосен, которые покрывают верхние склоны гор. Центральная часть всей этой области — долина, расположенная между двумя морями в самом сердце зоны плодородия и простирающаяся приблизительно на 40 миль с востока на запад и на 60 миль с севера на юг. Местами на этой лишенной возвышенностей равнине, находящейся на 7 тыс. футов выше уровня моря, встречаются мелкие озера. К юго-востоку от нее высятся снежные вершины Попокатепетля и Истаксиуатля, а на юго-западе — гора Ахуско. Эта долина, прежде называвшаяся Анахуак, а теперь — долина Мехико, с ее обширными и плодородными полями, обилием воды, почти постоянным солнечным светом и превосходным климатом, свободным от резких

контрастов жары и холода, была самой природой предназначена служить предметом алчных вожделений и добычей захватчиков. Тот, кому удавалось овладеть ею, господствовал над всем плоскогорьем.

К югу от Анахуака пояс суши сужается. Обе горные цепи смыкаются в Оахаке, а затем внезапно обрываются на перешейке Теуантепек. После Теуантепека одна горная цепь окаймляет тихоокеанское побережье и тянется к юго-востоку до самого озера Никарагуа и далее до Панамы. Но к востоку от гор, в областях Табаско и Чиапас, равнина, окаймляющая побережье, расширяется и выходит в море, простираясь по направлению к Кубе в виде покрытого известняками кораллового рифа Юкатана. Значительная часть этой территории представляет собой тропические джунгли, покрытые болотами и лесами, где водятся ягуары и аллигаторы и встречаются макао и попугаи с ярким оперением. Горы и недостаток судоходных рек затрудняют сообщение.

Народности страны, которые европейские завоеватели назвали индейцами, — первые поселенцы, владевшие ею до XVI в. н. э.,— разделялись на большое число различных племен, говоривших на разных языках и независимых в политическом отношении друг от друга. На севере население было редкое; большая часть его находилась на стадии дикости.

В долинах Новой Мексики, в бассейнах рек Соноры и Синалоа и у озер области Халиско, жило несколько племен, которые перешли к земледелию и имели начатки цивилизации. Но индейцы большинства племен кочевали в горах и пустынях внутренних областей, питались листьями кактусов или мясом диких зверей, спали в палатках из шкур и иногда занимались людоедством. На юге же было густое население, жившее земледелием; некоторые племена уже стояли на довольно высоком культурном уровне. Уровень их приблизительно соответствовал культурному уровню Египта времен фараонов и халдеев времен царей-жрецов. Общество было еще теократическим, каждое племя имело своих отдельных богов, общего культа не было, личность не была освобождена от власти жрецов.

На востоке, вдоль берегов Мексиканского залива, жили тотонаки. Богатые рыбой озера Мичоакана принадлежали

тараскам. В горах Оахаки обитали родственные между собой племена мистеков и сапотеков. За Оахакой, в областях Чиапас и Юкатан, жило племя майя. Однако в XV в. все эти племенные группы в военном и культурном отношениях стояли ниже племени нахуа, которому принадлежала долина Анахуак и прилежащие к ней территории. А самым сильным из племен нахуа были ацтеки, или мексиканцы, чей город Теночтитлан был построен на острове посреди озера, находившегося в центре долины.

Несмотря на языковые и политические различия, индейские народности Мексики имели одинаковое расовое происхождение и были сходны в физическом и интеллектуальном отношении. Они отличались коричневым цветом кожи, широкими скулами, прямыми черными волосами на голове и незначительным волосяным покровом тела.

Экономическая основа индейского общества была в высшей степени непрочной. Индейцы питались только маисом, который сажали на холмах при помощи остроконечных палок. Когда маис созревал, женщины размалывали его в муку, а из теста делали пироги «тамалес» или плоские лепешки «тортильяс», которые пекли на угольях. Они выращивали также бобы «фрихолес» и некоторые другие фрукты и овощи и приправляли пищу красным перцем. Они пили шоколад, а из сока растения маги готовили опьяняющий напиток, известный под названием «пульке». Рыба и некоторые животные и птицы, например индейки и перепелки, потреблялись как деликатесы, но в основном пища индейских племен была растительной. На одежду индейцы употребляли ткани из волокон хлопка или маги, жили большей частью в деревянных или глинобитных хижинах, крытых тем же маги. Лошади, коровы, овцы и свиньи были им неизвестны. У них не было тягловых животных, так что вся работа производилась людьми. Они не знали ни колеса, ни плуга. Они начали применять медь, олово и свинец и выделывать украшения из золота и серебра, но еще не знали железа.

Индейцы поклонялись различным богам, символизировавшим благополучие племени или силы природы. Этим богам, которых изображали фигуры полулюдей-полуживотных, они посвящали храмы, строившиеся на плоских вершинах пирамидальных курганов. Жрецы одевались в

черные или красные одежды, носили короны из перьев и никогда не стригли и не расчесывали волос. Они руководили жизнью племени, «узнавая» волю богов при помощи обрядов прорицания, содержали школы, где детей обучали пению, пляскам и религиозным обрядам, и были хранителями исторических и астрономических знаний. Жрецы некоторых племен почитались как воплощенные боги. Верховному жрецу сапотеков было запрещено касаться ногами земли, а когда он появлялся перед народом, то все падали ниц, так как смотреть ему в лицо считалось опасным. Он должен был жить в целомудрии, за исключением религиозных празднеств, когда к нему приводили девушек, и они рождали ему сыновей, которые наследовали его жреческое звание.

Со жрецами были тесно связаны касики[1], которые водили племена на войну и власть которых по временам становилась почти монархической. У более передовых племен начинал также появляться слой светской знати, часть которой владела рабами.

Масса народа обрабатывала землю. Земля не считалась частной собственностью, она принадлежала племени или группам внутри его. Однако каждой семье выделялся участок, который она самостоятельно обрабатывала. Некоторые участки земли оставлялись на покрытие издержек управления и на содержание жрецов, причем обрабатывались они простым народом. В XV в. на территориях, которыми владели ацтеки, власть знати росла: некоторые знатные люди получили господство над землями, принадлежавшими прежде покоренным племенам, и заставили их население работать на себя. Таким образом, в это время в процессе становления находилась феодальная форма общества. Кроме знати, крестьян и рабов были также люди, занимавшиеся ремеслом — выделкой украшений, оружия и тканей, и купцы, ездившие на рынки в различные города.

Подлинное политическое единство никогда не охватывало большой области. Иногда группа родственных племен образовывала конфедерацию или объединялась под руководством династии мощных касиков. Мичоаканским

[1] «Касик» — кубинское слово, ввезенное в Мексику и применявшееся испанцами по отношению к мексиканским племенным вождям.

племенем тарасканов руководили вожди, жившие у озера Пацкуаро, а племя сапотеков организовало сильное объединение, вождей которого хоронили в больших каменных храмах в Митле. По природе своей обитатели Мексики были мирным народом, но недостаток плодородных земель заставил некоторых из них жить войной. Особенно воинственными были племена нахуа; в XV в. они распространили свою гегемонию на всю южную часть Мексики. Гегемония эта не была основана на устойчивой системе организации, но охватывала большую область. Она была делом трех союзных городов, расположенных в долине Анахуак — Теночтитлана, Тескоко и Такубы.

Ввиду ограниченности экономической и политической основы этого общества особенно замечательными представляются его достижения в интеллектуальной и художественной области.

Индейцы майя изобрели календарь, который хотя и был связан с магическими и астрологическими идеями, но отличался большей точностью, чем европейский календарь эпохи испанского завоевания. Не развив системы фонетического письма, индейские народы не имели письменной литературы. Песни их передавались по памяти. У них было мало струнных и духовых музыкальных инструментов. Но в гончарном и текстильном деле, в резьбе по дереву и камню, в производстве золотых и нефритовых украшений их лучшие творения в своем роде не уступали художественным произведениям восточного полушария [1].

2. Майя и толтеки

Развитие мексиканской цивилизации до испанского завоевания приходится восстанавливать по археологиче-

[1] Изображение общественного строя народов Мексики к периоду испанского завоевания неточно. О большинстве племен, живших в Мексике, нельзя сказать, что они достигли уровня, на котором стоял народ Египта в эпоху фараонов. Большинство народов Мексики стояло на стадии первобытно-общинного строя, который переходил в более высокую форму рабовладельческого общества только у нахуа и майя. Культурные достижения майя не уступают достижениям нахуа и, в частности, ацтеков. При этом следует указать, что значительная доля этих культурных достижений является наследием первобытно-общинного строя, который, несмотря на ограниченность своих производительных сил, давал возможность развития культуры свободных от эксплоатации производителей. *(Прим. ред.)*

ским раскопкам, по преданиям индейских племен, записанным после завоевания, и по иероглифическим и пиктографическим письменам более ранних периодов, которые, впрочем, удалось прочесть только частично. Среди археологов нет еще единой точки зрения на ход событий и на степень возможного влияния одного племени на другое. Новые открытия могут заставить нас совершенно пересмотреть наши концепции истории древней Мексики.

Американские индейцы — по крайней мере в большинстве — принадлежат, повидимому, к монгольской ветви человеческого рода. В физическом и духовном отношении они напоминают обитателей Восточной Азии.

В течение 12—14 тыс. лет обитатели Америки оставались охотниками или собирателями плодов. Первый и решающий шаг по пути цивилизации — выращивание маиса — был сделан, вероятно, за 4 тыс. лет до н. э. где-нибудь на Мексиканском плоскогорье или в Центральной Америке. Маис был выращен из теосинта, растения, которое в диком виде произрастает только в этой области. Маису предстояло сыграть для американской культуры такую же ведущую роль, как пшенице и ячменю для культур восточного полушария. Как в Египте и Месопотамии, так и в Америке выращивание злаков по необходимости привело к регулированию имущественных прав на землю и воду, к наблюдению времен года и изобретению календаря, к религиозным обрядам, целью которых было увеличить урожай, и к созданию касты жрецов и определенных форм правления. И как долина Нила была колыбелью европейской и западно-азиатской цивилизации, так из долин Мексиканского плоскогорья или Центральной Америки потребление маиса постепенно распространилось по двум материкам. Сажать маисовые семена на холмах, вскопанных остроконечными палками; ждать появления зеленых колосьев, развертывания зеленых листьев и роста зрелого колоса; собирать плоды в корзины; размалывать зерна в муку и печь тесто на угольях — таковы в течение, вероятно, 6 тыс. лет важнейшие занятия туземных народностей Мексики, а ритмическое хлопанье рук женщин, изготовляющих тортильяс, — самый характерный звук во всей Мексике.

Культура первых земледельцев, выращивавших маис, существовала, повидимому, 3—4 тыс. лет, не подвергаясь решающим переменам. Она распространилась к югу — на плоскогорья Центральной Америки, в Колумбию и далее через Анды до самого Перу. В долине Мехико можно найти ее следы, скрытые под более поздними и более грандиозными остатками толтекской цивилизации в Теотиуакане и Ацкапоцалько или же погребенные в Педрегале (Сан-Анхел) — под 30 футами лавы, извергнутой горой Ахуско при каком-то вулканическом катаклизме 3 тыс. лет тому назад.

Народы, выращивавшие маис, научились также изготовлять хлопчатобумажные ткани на ткацких станках. Они делали глиняную посуду с геометрическими или грубо реалистическими рисунками и изготовляли глиняные и каменные фигурки мужчин и женщин. Очевидно, у них был культ плодородия, причем глиняные фигурки женщин служили амулетами для повышения урожайности маиса. Повидимому, эти народы хоронили своих мертвецов — в ожидании будущей жизни.

Кто были эти древние народы, остается тайной. По одному позднейшему преданию, первым хозяином плоскогорья было племя отомис, которое впоследствии загнали в пещеры и хижины гор Идальго и Сан-Луис-Потоси и которое считалось самым отсталым из народностей Южной Мексики, — племя, говорившее на крайне примитивном языке и срезавшее маис до созревания.

Новая эра началась, вероятно, с наступлением господства жрецов, которые сумели освободиться от земледельческих работ и заставить массы трудиться над постройкой пирамид и храмов. Цивилизация ушла от первоначальной простоты своих истоков и создала те художественные творения, а также ту утонченную жестокость и гнет, которые были первыми плодами разделения общества на классы. В Андах появились таинственные народы, воздвигшие — необъясненными до сих пор способами — огромные монолитные стены и ворота Тиауанако. Продолжавшаяся здесь 2 тыс. лет смена одной культуры другой завершилась тщательно разработанной структурой теократии, созданной инками. В Мексике еще дальше ушла вперед культура племен майя, родиной которых были тропические

болота и джунгли Чиапаса, Гватемалы и Юкатана и горы внутренней Мексики, а поселения были рассеяны по району радиусом в 500 миль. Здесь за первые 8 веков нашей эры различные племена майя построили Паленке, Копан, Тикал, Пьедрас-Неграс и более сотни других городов [1].

Правители городов майя поклонялись всем грандиозным и таинственным явлениям природы. На первобытную религию плодородия, связанную с разведением маиса, наслоились культы новых божеств, символами которых были фигуры змей и ягуаров. В честь этих богов майя совершали аскетические обряды — ибо их взгляды на природу были глубоко дуалистическими, почти манихейскими — и воздвигали из земли и булыжника пирамиды, облицованные цементом или битым камнем, на которых строили свои храмы. Эти священные акрополи были центрами всех городов майя. Они возвышались над деревянными хижинами крестьян, выращивавших маис и какао или охотившихся за дичью для жрецов, а в промежутки между посевом и жатвой трудившихся для богов. Майя приносили человеческие жертвы, хотя и не практиковали их очень широко. В Чиапасе, по обряду, принятому также племенами плоскогорья, жрецы вырезали сердца своих жертв обсидиановыми ножами. На Юкатане, где рек не было и население брало воду из глубоких колодцев, лежавших в трещинах известковых отложений, в эти колодцы бросали молодых девушек в жертву водяным богам.

Период расцвета цивилизации майя продолжался, повидимому, с IV по IX в. [2].

Жрецы, господствовавшие у племен майя, были людьми мирными, предпочитавшими войне науку и искусства. Города соединялись, повидимому, в свободную конфедерацию, торговали друг с другом и с близлежащими областями. Культура майя особенно отличалась достижениями в области математики и искусства. Тщательное наблюдение

---

[1] Поскольку индейцев, говорящих на языке майя, можно найти также в краю уастеков, некоторые ученые предполагают, что майя иммигрировали в Чиапас с севера по прибрежной равнине. Не менее противоречив и вопрос о том, являлись ли наиболее высокие формы культуры мексиканских индейцев созданием самих майя или других племен, живших где-то между областью майя и долиной Мехико.

[2] Этой датировки придерживается большинство археологов.

времен года, необходимое для выращивания маиса, привело к созданию замечательного по своей точности солнечного календаря, который дополнялся другим календарем, основанным на движении планеты Венеры, и третьим, имевшим чисто церемониальное значение, в котором продолжительность года условно считалась равной 260 дням. Для этих наблюдений майя разработали систему иероглифов и цифровую систему, в которой — ранее, чем в восточном полушарии,— появился знак нуля. Счет времени приобрел тогда своеобразное религиозное значение. Через частые промежутки времени в городах майя воздвигались каменные столбы, на которых записывались даты и отмечались важные события. Записи на этих столбах, а также изображения людей и животных на стенах храмов майя обнаруживают такое техническое мастерство, такое чувство равновесия и пропорции, которые ставят их в ряд великих художественных достижений человеческого рода. Искусство резчиков по камню из племен майя тем более замечательно, что они не знали употребления металлов и были вынуждены работать нефритовыми резцами. Те же художественные дарования проявляются в резьбе по дереву и в изготовлении посуды и тканей и, может быть, — принимая во внимание богатство языка майя, имевшего 30 тыс. слов, — они же привели к развитию литературы.

Какое влияние могла оказать культура майя на другие племена — вопрос спорный. Когда-то в древности одни и те же обряды и верования были распространены на огромных просторах Северной Америки. Иногда высказываются предположения, что они возникли у племени майя. Однако поклонение богу-змею, постройка курганов и пирамид, дуалистический взгляд на природу, религиозное значение, придававшееся четырем странам света,— все эти черты можно проследить не только среди майя и племен, живших на Мексиканском плоскогорье, но также у племен, населявших великие равнины, долину Миссисипи и область далее на север до самых Великих озер. Племена, не имевшие понятия о календаре майя и об искусстве их резчиков по камню, разделяли свои деревни по четырем странам света и повторяли легенды о борьбе между добрым богом-змеем и богами смерти и разрушения.

В IX в., когда цивилизация майя была еще в зените,

когда искусство ее достигло вершин утонченности, а ее архитектурная техника — вершин мастерства, развитие ее было внезапно прервано какой-то неизвестной катастрофой. Для объяснения исчезновения этой культуры выдвигались самые разнообразные гипотезы: высказывались предположения, что изменился климат — внезапно усилились дожди и климат сделался более жарким; что применявшийся майя способ земледелия, — при котором на земле, подлежавшей обработке, сжигался подлесок, затем ее на 3—4 года оставляли под паром, а после снова сжигали подлесок, — истощил почву; что майя постигла эпидемия малярии или желтой лихорадки; что разразились опустошительные гражданские войны. Но если не будут когда-нибудь расшифрованы иероглифы, вырезанные на столбах майя, причины катастрофы останутся загадкой. Повидимому, за каких-нибудь 50 лет все строительство в городах майя внезапно прекратилось, но неизвестно, значит ли это, что сами города были покинуты. Может быть, жрецы нашли себе убежище на Юкатане, где в конце X в. началось возрождение культуры майя, которое по своим достижениям могло поспорить с первым ее расцветом. Но в Чиапасе и Гватемале цивилизация так и не была восстановлена, храмы и пирамиды были покинуты и заросли джунглями. И хотя жители Чиапаса до нынешнего дня говорят на наречии майя и временами прокрадываются в разрушенные храмы, чтобы воскурить фимиам богам майя, они позабыли учение своих предков.

Тем временем на Мексиканском плоскогорье появились другие цивилизации. В южной Оахаке возникла культура сапотеков, остатки которой погребены в Монте Албане. В горах северной Оахаки и Пуэблы расцветала культура мистеков и ольмеков. А в долине Мехико жил народ, известный под именем толтеков. Толтеки были, повидимому, авангардом нахуа, народа охотников и воинов, чья родина была на тихоокеанском побережье за тысячи миль к северу, и которые некогда двинулись на юг, в Мексику. Их главным городом был Теотиуакан в долине Мехико, к северо-востоку от озера Тескоко. В Теотиуакане и в Чолуле они построили пирамиды — Чолульская пирамида превосходит по размерам великую египетскую — и приносили человеческие жертвы. Они уступали майя в изобразительном

искусстве и архитектуре и, повидимому, были более воинственным народом. В IX или X в. Теотиуакан стал столицей объединения, которое, по некоторым предположениям, занимало бо́льшую часть Южной Мексики. К концу толтекского периода в Мексику стало проникать из южных областей употребление металлов.

Наиболее характерной чертой толтеков было их поклонение новому божеству — Кецалкоатлу, пернатому змею. Был ли Кецалкоатл всегда богом или это был обожествленный человек, возник ли его культ у нахуа или у юкатанских майя, — это и многое другое остается во мраке. Кецалкоатл был богом воздуха и воды, кажется, в особенности, ряби, вызываемой ветром на поверхности озера. Эта рябь символизировала одушевляющее и творческое начало природы. Он был также богом утренней звезды Венеры и олицетворялся фигурой змея, покрытого перьями птицы кецал, которая жила в горах Гватемалы и почиталась у племен майя священной. Жрецы Кецалкоатла были врагами человеческих жертвоприношений, проповедниками новых форм аскетизма и покровителями культуры. В честь его в Теотиуакане был построен храм, украшенный фигурами пернатых змей и обсидиановых бабочек, а внутри храмовой территории была площадка для обрядовой игры «тлачтли». По позднейшим легендам, у нового бога была белая кожа и длинная белая борода, и он прибыл в Мексику с востока, по морю [1].

Предание связывает культ Кецалкоатла с падением могущества толтеков. Поклонники его соперника, бога Тескатлипоки, который продолжал требовать человеческих жертв, восстали против гуманного культа Кецалкоатла. Народы, подвластные толтекам, воспользовались случаем

---

[1] Если легенда о Кецалкоатле передана испанскими хронистами правильно, мы не можем ее разъяснить. Со времени испанского завоевания часто предполагалось, что Мексику посетил какой-то христианский миссионер, но никто не находил доказательств в подтверждение подобной теории. Единственными европейцами, способными пересечь Атлантический океан в то время, были викинги. Но они приняли христианство только в XI в. Кроме того, характер и поведение, приписываемые Кецалкоатлу, не напоминают ни одного из вождей викингов, будь он язычник или христианин. Возможно, впрочем, что Кецалкоатл приобрел бороду и белую кожу только после испанского завоевания.

для восстановления своей независимости. Эпидемии и голод сильно сократили население. В какой-то период до XIII в. Теотиуакан был оставлен, и долина Анахуак стала добычей новых захватчиков — варваров нахуа, явившихся с северных гор. Это событие стало связываться также со сказаниями о развращенных правителях, оскорблявших богов своей чувственностью и любовью к роскоши, а особенно с употреблением опьяняющего напитка пульке, который толтеки научились делать из сока растения маги. Память о крушении толтекской цивилизации сохранилась в легенде об уходе Кецалкоатла. Он вернулся на свою родину на востоке. Предание утверждало, что он остается законным правителем Анахуака и когда-нибудь вернется за своим достоянием.

В это время в городах северного Юкатана, часть которых была основана за 500—600 лет до того, возрождается культура майя. Сюда прибыли иммигранты-толтеки, принесшие с собой культ Кецалкоатла, известного у майя под именем Кукулкана. Центром толтекского влияния и новой религии стал Чичен-Ица, город со священными площадками для игры в мяч и храмами, украшенными изображениями пернатых змей. Долгое время три города — Майяпан, Чичен-Ица и Ушмал — были объединены в лигу, которая установила на своей территории мир и процветание. В течение последующего периода над полуостровом Юкатан господствовал с помощью наемников из племени нахуа Майяпан. В конце концов, правившие в Майяпане жрецы, кокомы, превратились в тиранов, и племя ица из Чичен-Ица, а также племя шиус из Ушмала восстали. Эти гражданские войны положили конец цивилизации майя. Майяпан был разрушен в начале XV в., но мир восстановлен не был, так как теперь племена ица и шиус воевали друг с другом, а страну опустошали ураганы и эпидемии. Последний установленный майя столб, отмечавший эту дату, согласно обычаю, насчитывавшему уже 1200-летнюю давность, был воздвигнут в 1516 г. в Тулуме, городе, построенном на скалах, возвышающихся над Караибским морем, и, по мнению моряков случайно зашедшего туда испанского судна, напоминавшем Севилью. Тем временем племя ица ушло на юг, в джунгли, и обосновалось на островах озера Петен. Вскоре

страна была завоевана чужеземцами, которые разрушили последние остатки этой цивилизации.

3. Ацтеки

Племена нахуа, овладевшие Анахуаком после падения толтеков, были известны под именем «чичимеков» — слово, первоначально означавшее «варвары». По преданиям, у них было семь племен, из которых одно двинулось на восток и осело в Тласкале, а остальные шесть поселились в долине у озер, грабя и порабощая прежних обитателей. Вскоре долина оказалась перенаселенной, и в течение нескольких столетий в Анахуаке велись мелкие племенные войны. Первым установило свое верховенство над другими народностями долины племя аколуа, жившее в Тескоко. Вожди аколуа стали господами Анахуака. Они построили для себя дворцы, бани и сады и покровительствовали культуре, тщательно сохраняя все, что осталось от науки толтеков. Впоследствии, с ростом могущества тепанекского города Ацкапоцалько, аколуа отошли на второй план. В начале XV в. Тескоко был вынужден платить дань тепанекам, а его вождь Несауалкойотл был изгнан. Но тепанеки оказались такими тиранами, что другие племена нахуа объединились против них, и в 1431 г. Ацкапоцалько был разрушен. На месте города был устроен рынок рабов, а Несауалкойотл вернулся и властвовал сорок лет в качестве касика Тескоко. Он отличался справедливостью, верой в божественное единство, враждебным отношением к человеческим жертвоприношениям и любовью к науке. Сам он был поэт; сохранились его размышления о превратности человеческой судьбы. Он оставил после себя славу мудрейшего из мексиканских правителей.

Во время войны с тепанеками Несауалкойотл был вынужден вступить в союз на равных условиях с другим племенем нахуа — племенем, которому вскоре предстояло стать сильнее аколуа и далеко превзойти другие мексиканские народности в отношении человеческих жертвоприношений и жажды власти. Это были ацтеки. Последние из семи племен, вступивших в Анахуак, они долгое время бродили, как отверженные, в юго-западной части долины, нани-

маясь на службу к вождям различных племен. Неблагоприятные условия лишь усилили их честолюбие и верность своему племени. Военная доблесть стала главным смыслом их существования. Под руководством жрецов своего племенного божества Уицилопочтли, которые повелели им селиться там, где они увидят орла, стоящего на кактусе и пожирающего змея, они осели и построили свой город Теночтитлан на двух маленьких и непривлекательных островках посреди озера Тескоко. Это произошло, вероятно, в 1325 г.; в течение последующих 100 лет ацтеки попрежнему были отверженными, платили дань Тескоко или Ацкапоцалько и питались жившими в воде пресмыкающимися и отбросами, скоплявшимися на поверхности озера. Войны между аколуа и тепанеками позволили им завоевать независимость. Три города — Тескоко, Теночтитлан и Такуба — образовали союз, в котором Теночтитлан вскоре занял господствующее положение.

Под руководством даровитых вождей — Ицкоатла, Монтесумы I, «небесного стрелка», Ахайякатла, Тисока и Ауицотла — ацтеки завоевали господство над другими народами долины, а затем перешли через горы и стали совершать захваты далеко во всех направлениях. Ацтекские войска покорили племена отоми и тотонаков, ожесточенно сражались с тарасканами и тласкаланами и через страну сапотеков проникли на 500 миль к югу до самого перешейка Теуантепек. Побежденные племена сохранили своих вождей, хотя часто им приходилось держать у себя ацтекские горнизоны и давать земли ацтекским вельможам. Ацтеки даже предпочитали, чтобы эти племена периодически восставали, а они, ацтеки, имели возможность вновь покорять их. Но от покоренных племен требовали, чтобы они поставляли людей для жертвоприношений во славу Уицилопочтли и платили дань натурой — маисом и рыбой, золотыми украшениями и черепахами, диковинными птицами и животными — для потехи ацтекских вельмож и украшения ацтекской столицы.

Обогощенный добычей, награбленной в многочисленных победоносных войнах, Теночтитлан стал великолепным городом, с которым едва ли могли равняться столицы Европы. К концу XV в. его население составляло примерно 100 тыс. чел. Благодаря изобретению пловучих

садов и вбиванию свай в дно мелководного озера, острова постепенно расширялись, между домами стали проходить каналы. Два каменных акведука снабжали город питьевой водой из Чапультепека. С сушей его соединяли три бетонных дамбы в 30 футов шириной, а к востоку от островов, через озеро Тескоко, была построена плотина длиной в 7 миль, которая разрезала озеро надвое и защищала Теночтитлан от наводнения в случае внезапного подъема воды. В южной части города была построена широкая набережная, освещавшаяся по ночам пылающими жаровнями. Туда на флотилиях челноков приезжали крестьяне Анахуака, привозя дань маисом, плодами и цветами. Ацтекские вельможи жили в домах из красного или беленого камня, построенных вокруг открытых внутренних дворов, с фонтанами и цветниками, с садами на крышах. В северной части города, Тлателолько, имелся большой мощеный рынок, окруженный каменной колоннадой; там ацтекские купцы выставляли на продажу все продукты разных народностей Мексики. Здесь были медь и ваниль, каучук и кошениль, глиняная посуда и ткани, рабы и звери, мозаика из птичьих перьев, которую делали тараcканы, и выгравированные на золоте и нефрите украшения из страны сапотеков.

На пересечении трех дамб была расположена храмовая территория, окруженная стеной в 8 футов высотой и украшенная сверху каменными изображениями змей. На этой территории было сорок храмов, построенных не только в честь Уицилопочтли и его брата, толтекского бога Тескатлипоки, но также в честь богов покоренных племен, которые были допущены в ацтекский пантеон на второстепенные места. Ацтеки не знали еще религиозной нетерпимости, и даже Кецалкоатл, несмотря на то, что он покинул Мексику и оказался не в состоянии отменить человеческие жертвоприношения, имел свой храм и своих жрецов. Над храмовой территорией господствовала пирамида вышиной почти в 100 футов, занимавшая площадь более двух акров. На ней был построен храм Уицилопочтли. Освящение этого храма в 1487 г. ознаменовало вершину могущества ацтеков. Длинные ряды жертв — по преданиям 20 тыс. — тянулись по ступеням пирамиды, по улицам города и по дамбам, и несколько смен облаченных в

красные одежды жрецов в течение многих часов трудилось над ними.

По мере роста мощи ацтеков их касик, избиравшийся комитетом вельмож из членов правящей семьи, постепенно приобрел полумонархическую власть и стал объектом религиозного поклонения. Между касиком и жрецами Уицилопочтли всегда существовало полное согласие. Касик назначал жрецов, а верховный жрец обычно наследовал его власть и был главнокомандующим ацтекскими войсками. Но расстояние между касиком и рядовыми членами племени все более увеличивалось. После избрания касик следовал в храм Уицилопочтли, где жрецы умащали его с ног до головы черными благовонными маслами, а толпы людей у подножия пирамиды пели гимны и приветствовали нового вождя. После этого он четыре дня проводил в молитвах и посте, часто купаясь и пуская кровь из своих ушей и языка. Затем его короновали венцом из золота и перьев, а Уицилопочтли приносились в жертву гекатомбы пленников. С этих пор к касику относились как к воплощенному богу. Никто не смел взглянуть ему в лицо, и в его присутствии все должны были ходить босыми. Он жил в большом каменном дворце, где имелось три площади и сто комнат, а воздух был насыщен благовониями от горящих курильниц. Он ел в одиночестве, обслуживаемый вельможами, которые поддерживали надлежащую температуру его пищи при помощи жаровен, наполненных раскаленными угольями. Когда он покидал дворец, его несли в паланкине или он шел, опираясь на плечи членов своей семьи. Для его развлечения имелся гарем, коллекции диковинных зверей, птичник с образцами всех птиц Мексики и большие цветники с фонтанами под сенью кипарисов в Чапультепеке и Уастепеке.

Эта быстро выросшая держава погибла столь же внезапно. К концу XV в. она уже миновала свой кульминационный пункт. Племя тараскан из Мичоакана и энергичные горцы нахуа из Тласкалы сопротивлялись всем попыткам завоевать их. Сапотеки уже добились независимости. Ацтекские войска, шедшие к Теуантепеку, потерпели поражение от сапотекского вождя, который ждал их в засаде на вершинах гор, господствовавших над перевалами, ведущими к югу. Тескоко начинал возмущаться

против верховенства своего союзника, а народ чалько на юго-востоке долины ждал первого повода, чтобы восстать. Тем не менее, Уицилопочтли всегда торжествовал, и, казалось бы, не было причин сомневаться, что все угрозы господству ацтеков будут отражены. Когда ацтекский касик взирал с вершины пирамиды Уицилопочтли на город, так быстро и блистательно вознесшийся из вод озера Тескоко, на долину Анахуак, окаймленную горами, с ее 50 цветущими городами, и думал, что на востоке, за дымящимся конусом горы Попокатепетль, и на юге за вершиной горы Ахуско — от моря до моря и от пустынь севера до джунглей Чиапаса — ни одно известное ему племя не может сравниться с ацтеками, он вполне мог быть уверен в том, что людей ему бояться нечего. Если держава ацтеков будет уничтожена, то уничтожат ее не люди, а чужие боги, наделившие своих почитателей сверхъестественными силами.

ИСПАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

1. Приход испанцев

В XIV и XV вв. по Европе бродили слухи об удивительных цивилизациях Востока. В течение средних веков средиземноморский мир был ареной долгой и жестокой борьбы между христианами и мусульманами. Христианская знать, воевавшая в стране врага, приобрела экзотические вкусы. Благодаря крестовым походам награбленная в Леванте добыча — пряности и диковинные плоды, шелка и ковры, серебряная и стеклянная посуда — распространилась по Европе. Затем войну заменила торговля, и товары из Индии и Китая перевозились по суше в сирийские порты, где их скупали итальянские купцы. По мере того, как росли богатство и сила христиан, у них пробуждался все больший интерес к источникам этой торговли. Торговые классы западных стран, платившие итальянцам и левантинцам за посредничество, начали задумываться, возможен ли иной торговый путь, не столь извилистый и окольный. Путешественники, побывавшие в Азии с торговыми целями или для распространения евангелия, возвращались с рассказами о Катае с его великим городом Квинсай и об острове Сипангу. Эти рассказы передавались из уст в уста и постепенно приукрашивались вымыслами, а люди начинали верить, что в Азии есть города, в которых дома крыты золотом, воздух насыщен пряными благовониями и жемчуг валяется на улицах. В этих картинах иноземных райских садов, полных людьми, рожденными от деревьев, источниками вечной юности и поющими девушками, чьи чары, раз изведав, нельзя позабыть, наиболее привлекательным было золото. Шелка и пряности, доходившие до европейского потребителя, были довольно дороги. Перец стоил почти столько же, сколько драгоценные металлы того же веса, и открытие морского пути на Восток сулило огромные прибыли. Но в век, когда поднимающаяся буржуазия и

расширяющаяся торговля испытывали недостаток в деньгах, золото стало синонимом богатства. Оно обладало почти волшебной силой. Тот, кто владел им, мог вкусить не только власть и славу земного мира — золото было также ключом от райских врат.

Когда европейскими народами овладела честолюбивая жажда заморских путешествий, исходным пунктом их явился Пиренейский полуостров, выступающий со стороны Европы по направлению к Африке и в Атлантический океан. Испанцы были относительно мало заинтересованы в торговле, но в них глубоко проник дух того христианского империализма, который был результатом долгой борьбы с магометанством. Семьсот лет Испания была главным полем битвы между двумя соперничавшими религиями. В VIII в. христианских князей загнали в высокие и бесплодные горы Севера. Равнины Гранады и Андалузии были заселены магометанами и евреями, которые развивали промышленность и торговлю, науки и иску ства. Калифский двор в Кордове был центром, из которого мудрость арабов, с их таинственными науками и романтическим духом, проникла в Европу. Затем в наступление перешли христиане. В XI — XIII вв. они нападали на наиболее богатые и культурные города мусульман и завоевали всю Испанию, кроме Гранады, присваивая себе землю и обращая населявших ее мавров в полурабство. Затем последовало 200 лет анархии и гражданских войн между соперничавшими христианскими королевствами. В последние годы XV в. Кастилия и Арагон, наконец, объединились, благодаря браку Фердинанда с Изабеллой, и завоевание было окончено. Последний мусульманский правитель Гранады был изгнан в Африку. Этот долгий крестовый поход наложил глубокую печать на характер испанца. Он был воином, движимым поистине донкихотским чувством личной гордости, он чтил подвиги смелости и стойкости, но был склонен презирать мирные занятия промышленностью и торговлей, как свойственные чуждой и низшей расе. Он был католиком, который отождествлял свою религию с независимостью и гением своего народа и для которого приверженцы других религий были врагами бога, заслуживающими, чтобы их преследовали и грабили. Религиозные понятия имели для испанца своеобразную реальность. Ради абстрактных идей

он был готов убивать или быть убитым, переносить лишения, предаваться крайностям мистической набожности, — а также мучить и убивать с бессердечием, доходившим до такой же крайности.

В этническом и географическом отношении Испания не была единой. Население ее представляло собой смесь многих различных народов — иберов и кельтов, карфагенян и римлян, тевтонов и арабов, мавров и евреев, — а горы препятствовали испанскому населению приобрести однородный характер. Жители различных провинций — любители наслаждений андалузцы, суровые и угрюмые кастильцы, трезвые и трудолюбивые каталонцы — имели между собой мало общего; объединяло их только христианство. Продолжительные религиозные и гражданские войны содействовали развитию духа индивидуализма. Испанцы были способны к необычайным подвигам, но не умели действовать сообща. Правление в Испании всегда имело тенденцию колебаться между полюсами анархии и деспотизма. Периоды братоубийственных гражданских войн сменялись периодами единовластия отдельных правителей. Такой период деспотизма начался с воцарением Фердинанда и Изабеллы. Используя религию для политических целей, они отождествляли служение монархии с делом католицизма и превратили Испанию в единое государство-церковь. Раз испанцы не могли достигнуть государственной устойчивости на чисто политической основе, их нужно было примирить, пользуясь их религиозными верованиями, а такая программа предусматривала изгнание евреев и насильственное обращение мавров в христианство. То романтическое почитание, которое Испания питала к богоматери и святым, должно было теперь распространиться и на монарха. В течение известного промежутка времени эта система оправдывала себя, порождая замечательные вспышки энергии. Испанский индивидуализм, который более не получал выхода на родине, искал поля деятельности за ее границами.

До 1592 г. мысль о том, что эксплоатация нового мира выпадет на долю Испании, представлялась невероятной. Казалось, что испанский империализм направлен на юг и восток — на Марокко и острова Средиземного моря. Первой на путь географических открытий вступила Португалия. В поисках золота и рабов португальцы стали иссле-

довать африканское побережье, надеясь найти морской путь в Индию. По обычаю того века, путешествия эти были покрыты налетом религиозного идеализма. Их цель заключалась не только в том, чтобы вытеснить с рынков итальянских купцов,— они предпринимались также как миссионерские экспедиции, которые должны были распространять «истинную веру» [1].

Первенство на морях перешло к Испании случайно. Нашелся человек, родившийся в Генуе, в скромной семье, завсегдатай портов, который под влиянием бесед с моряками и географами стал одержим новой идеей. Моряки рассказывали ему об островах, лежащих далеко в Атлантическом океане. Некоторые из этих островов имели даже названия и были отмечены на картах, например Антилия и Бразилия. Подобные рассказы могли быть основаны на действительных фактах. Корабли случайно относило далеко от курса. Английские рыбаки могли знать, что у берегов Нью-Фаундленда — богатый улов, и, вероятно, хотели держать это открытие в тайне. Рассказывали также о семи португальских епископах, уплывших на запад, когда мусульмане завоевали их страну, и основавших семь городов. Кроме того географы считали, что земля кругла, и обычно преуменьшали ее размеры. Почему в таком случае не поплыть на запад по Атлантическому океану? По пути, несомненно, будут открыты новые острова. Можно даже достигнуть Катая и Сипангу. Эта мысль приходила в голову и другим, но ни у кого еще нехватало смелости подвергнуть ее решительному испытанию. Португальские мореплаватели уже ходили в Атлантику, но, обескураженные бесконечным водным пространством, поворачивали назад.

Годами, живя в бедности, работая в качестве топографа и лоцмана, Колумб лелеял свою мысль и, как другие маниаки, мечтами о будущем вознаграждал себя за безвестное

---

[1] Автор неправильно изображает причины, породившие стремление испанцев в XVI в. к новым завоеваниям. «Религиозный идеализм» служил только маской для беззастенчивого грабежа населения Америки. «Испанский индивидуализм», якобы искавший себе поля деятельности за пределами Испании, представляет собой сплошной вымысел автора. В действительности «поля деятельности» искали испанские дворяне-солдаты, оставшиеся не у дел после завоевания Гранады. (*Прим. ред.*)

существование в настоящем. Он не только откроет новые страны, но будет управлять ими. Он наживет богатство, торгуя золотом и пряностями, которыми богаты эти страны. После этого он наймет войско и отнимет гроб господень у турок. Колумб уверовал, что он избранник неба, что ему лично поручено от бога распространить истинную веру в языческих странах. Несмотря на средневековую форму, которую принимали его фантазии, он в своих мечтах о том, как сын скромного ткача при помощи золота возвысится над папой и императором, был современным буржуа.

Португальское правительство отказало Колумбу в его просьбе о финансовой поддержке. Тогда он обратился к Испании, правители которой были в то время заняты завоеванием Гранады. Красноречие Колумба — фантастическое смешение научных фактов, рассказов путешественников и цитат из писания — тронуло королеву Изабеллу, которая всегда стремилась завоевать для Христа новые души. Но комиссия богословов и морских капитанов рассматривала предложение Колумба четыре года, а затем отвергла его. Колумб решил обратиться к королю Франции. Готовясь к отъезду туда, он встретил духовника королевы Изабеллы, которому столь убедительно объяснил свой проект, что был призван обратно к испанскому двору. Требование Колумба, чтобы его назначили вице-королем всех стран, которые он откроет, и дали во владение одну десятую всего, что они произведут, вызвало новые задержки. Наконец, Фердинанд и Изабелла сдались. Колумб, которому перевалило за сорок, получил возможность осуществить свою мечту. С тремя небольшими судами и 120 спутниками он отплыл из Палоса и исчез в Атлантическом океане.

В 1492 г. касиком Теночтитлана был Ауицотл, а в Тескоко правил Несауалпильи, сын Несауалкойотла. Держава ацтеков была еще очень сильна. Вскоре Ауицотл навел ужас на лежавшие у Мексиканского залива области, требуя дани и человеческих жертв у уастеков, племени, говорившего на языке майя, и тотонаков.

В октябре этого года к берегу одного из бесчисленных тропических островов, охраняющих подходы к Мексиканскому заливу и Караибскому морю, пристали три небольших судна, приплывшие с востока и привезшие бородатых белолицых людей. Колумб, спрыгнув на берег, развернул

кастильское знамя и принял землю во владение от имени Фердинанда и Изабеллы. Затем он обследовал северный берег Кубы, которую принял за материк Азии, и высадился на Гаити. Туземцы, веселый и добрый народ, не тронутый цивилизацией, приняли захватчиков, как богов, и с большой охотой меняли свои золотые украшения на игрушки и медные колокольчики. Колумбу, мечта всей жизни которого казалась столь изумительно осуществленной, острова показались сущим раем. «Это был такой чудесный край — прекрасный воздух, великолепные деревья, окаймлявшие оба берега потока, чистая вода и страна, населенная бесчисленными птицами... Кажется, что никогда не захочешь покинуть это место». Однако Колумб приехал не для того, чтобы жить в раю, а для того, чтобы вернуться в Европу с золотом и славой. Проплавав среди островов три месяца в тщетных поисках золотых россыпей или Сипангу, он похитил шесть индейцев для подтверждения истинности своих рассказов и вернулся в Европу. Его поездка по Испании, от Кадикса до Барселоны, была триумфальным шествием, а когда он посетил Фердинанда и Изабеллу и торжественно показал им индейцев, 40 попугаев, ящериц и кучу золота, они пригласили его сесть у их ног и утвердили в званиях вице-короля и океанского адмирала.

Колумб вернулся на Гаити в следующем году с 1500 чел. и материалами, требующимися для организации постоянной колонии. Это было началом переселения, которое продолжалось 50 лет, причем количество переселенцев неуклонно возрастало с каждым годом. Испанские короли получили папскую буллу, отдававшую им в собственность бо́льшую часть Западного полушария, и это считалось достаточным оправданием для покорения туземцев. Ошеломленным индейцам торжественно читались прокламации, в которых им сообщалось, что их земля отдана папой королю Испании. Весть о том, что Колумб открыл Индию, наэлектризовала всех тех, кто жаждал приключений и быстрого обогащения. Заселение новых земель — предприятие, часто привлекающее тех, кто по некоторым не совсем благовидным причинам желает оставить родину, и караибскому раю Колумба предстояло быть разграбленным подонками испанского населения. Дворяне без гроша в кармане, которые считали, что труд ниже их достоинства;

монахи, жаждавшие убежать от монастырской дисциплины; юноши, мечтавшие об увлекательных похождениях; наемники, должники и головорезы; воры и убийцы — все отправились на поиски богатой добычи, которую обещал им Колумб в Индии. Когда они добрались до островов, Катай и Сипангу остались такими же недостижимыми, как и прежде, а золота оказалось мало. Но можно было закрепостить туземцев, и люди, которые в Старом свете были бродягами, могли жить в Новом свете, как вельможи. Земля была разделена на «энкомиенды»[1], и жившие на ней индейцы должны были работать на испанских колонистов. Если они сопротивлялись, их убивали или обращали в рабство. Колонисты, отказавшиеся от надежды найти золотые россыпи, становились владельцами сахарных или хлопковых плантаций. Коренные жители островов, которых Колумб находил такими «милыми и добрыми» и которые расхаживали «нагими, с оружием в руках и без закона», недолго несли возложенное на них бремя. Через поколение они уже были почти истреблены, и вместо них ввозились африканские негры.

Виновник всей этой бойни, который все яснее сознавал, что пути божьи более неисповедимы, чем он предполагал, делал слабые усилия защитить индейцев, но затем уступил требованию об их порабощении. В качестве вице-короля он не в состоянии был властвовать над беззаконной бандой головорезов, которых привез в Новый свет. Вскоре сделалось очевидно, что он хотя и открыл острова, но не нашел быстрого способа обогатиться, и когда в 1497 г. Васко де Гама достиг Индии и привез оттуда груз с пряностями, стоимость которого в 60 раз превышала издержки его путешествия, успех Колумба показался незначительным. Чтобы оправдать себя, Колумб продолжал искать Катай и Сипангу. И как бы стремясь забыть трагические последствия своего первого триумфального открытия, он больше обычного отдавался отвлеченным фантазиям. Во время своего третьего путешествия он обследовал устье реки Ори-

[1] Энкомиенды (encomiendas) иногда назывались также «репартимиенто» (repartimientos). Первоначально «энкомиенда» означала право собирать с индейцев дань, а «репартимиенто» — право требовать с них работы, но оба института вскоре стали почти тождественными, и названия их употреблялись как равнозначащие.

ноко. Такая река, заключил он, может течь только из земного рая. В этом пункте земля уже не шарообразна, а поднимается остроконечной вершиной, а на верхушке ее расположен райский сад. Колумб провел целый год с четырьмя изъеденными червями кораблями среди мелей и песчаных дюн у берегов Никарагуа и Панамы, терпя голод и болезни, ураганы, мятежи и нападения индейцев, и с упорством мотылька, бьющегося об оконное стекло, искал морского прохода в Катай. Ничего не найдя, он вернулся умирать в Испанию — грустный, разочарованный и почти позабытый.

Испанские монархи стремились присвоить себе как можно бо́льшую долю американской добычи и не допустить в Америке роста демократических тенденций, имевшего место в Испании. Никто не имел права уехать в Индию без разрешения. Все корабли должны были отплывать из одного и того же порта — Кадикса или Севильи. Драгоценные металлы считались собственностью короля, хотя он предоставлял частным лицам право эксплоатации их залежей за одну пятую долю добычи. Торговля с Америкой контролировалась торговой палатой («каса де контратасьон»). Кандидатуры губернаторов, посылавшихся в Индию, тщательно проверялись — сначала одним должностным лицом, епископом Фонсека, а после 1524 г. советом по делам Индий.

Следующим объектом нападения испанцев, после Гаити и соседних с ним островов, был Панамский перешеек. В течение первого десятилетия XVI в. испанцы не развивали там значительной деятельности. Но после того, как разведчики сообщили о наличии в Дариене золота и жемчуга, туда ринулись отряды искателей приключений. Страдания, перенесенные ими от голода и болезней, могут сравниться лишь с теми страданиями, которые они сами принесли индейцам. В этих условиях анархии власть принадлежала не тем, кто имел высокое звание или был назначен королем, а любому, кто ее захватывал. В качестве вождя выдвинулся Бальбоа, который тайком покинул Гаити в бочонке из-под продовольствия, чтобы спастись от кредиторов. В 1514 г. на перешеек прибыл семидесятилетний дворянин по имени Педрариас, назначенный на должность королевского губернатора, и привез с собой 1500 наемни-

ков, которые до того собирались искать славу и добычу в итальянских войнах. Половина этих наемников перемерла, а оставшиеся в живых старались добыть у индейцев золото, пытая их огнем, вешая и травя собаками. Бальбоа, намеревавшийся избавиться от Педрариаса, умер под топором палача.

В тот же период была оккупирована Куба. Губернатор Гаити послал на Кубу старого и жадного толстяка Диего Веласкеса. Последний немедленно отказался признавать над собой власть губернатора и выхлопотал себе назначение непосредственно из Испании. Он и его подручный Панфило де Нарваэс систематически убивали индейцев, отказывавшихся работать на энкомиендах.

Мексика, лежавшая далеко к западу от островов и защищенная от конкистадоров водами Мексиканского залива, на которых бушевали ураганы, была еще неизвестна испанцам; последние даже не подозревали о ее существовании. В 1503 г., когда Колумб находился у берегов Никарагуа, Ауицотл умер, и касиком ацтеков стал Монтесума II. Новый касик, добрый и благородный в личных отношениях, в качестве правителя отличался гордостью и суеверием. Он был лишен сурового реализма основателей ацтекской державы. Сны, пророчества и магические обряды прорицания значили для него больше, чем советы государственных людей. Преданный почитатель Уицилопочтли, он боялся богов и таинственных судеб, уготованных ими людям, но если ему приходилось иметь дело с силами, исходившими только от людей, ничто не могло нарушить его самоуверенности. Могущество, дарованное ацтекам Уицилопочтли, дошло теперь до крайних пределов. Монтесума уволил с дворцовой службы всех плебеев и потребовал, чтобы купцы платили налог в размере одной трети стоимости их товаров. Только знать он считал достойной своей милости. Он повысил размеры дани, уплачиваемой покоренными племенами, и увеличил число отрядов, посылавшихся на поиски жертв для Уицилопочтли. Опытные люди предостерегали его, что подобные меры ослабят ацтекскую державу, но Монтесума был глух к благоразумным советам, будучи уверен, что Уицилопочтли защитит своих почитателей.

В начале царствования Монтесумы до Теночтитлана, повидимому, дошли слухи об испанском нашествии. Возможно,

что индейцы, бежавшие в челноках с Кубы, высадились на Юкатане или в Табаско и принесли бессвязные вести о страшных чужеземцах. Быть может, жители Юкатана видели вдали корабли с белыми парусами. Говорили, что к берегу прибило волнами ящик со странными одеждами и оружием. Что могло означать все это, если не возвращение Кецалкоатла? Бородатый белолицый бог возвращался, чтобы потребовать свое достояние, положить конец угнетению и человеческим жертвоприношениям и восстановить золотой век. Если это так, то ацтекская держава близка к концу, и никакими человеческими усилиями ее не спасти. Страх Монтесумы усиливался, и каждое необычайное событие он толковал как зловещее предзнаменование. А необычайные события случались на протяжении нескольких лет с небывалой частотой. Над Анахуаком висела комета с тремя головами. На восточном краю горизонта сорок дней виден был яркий свет. Башни храма Уицилопочтли сгорели до основания. В другой храм попала молния. Внезапным подъемом воды в озере Тескоко затопило Теночтитлан. Ацтекские войска, вторгшиеся в отдаленную область, были уничтожены падающими деревьями и скалами. Кто-то видел, как на небе сражались вооруженные люди. Слышали голос женщины, оплакивавшей судьбу своих детей. Касик Тескоко, престарелый Несауалпильи, еще бо́льший фаталист, чем Монтесума, заявил, что ацтекам остается только ждать своей участи; но Монтесума, доведенный почти до отчаяния, надеялся, что, принося в жертву Уицилопочтли гекатомбы пленников, можно еще спасти ацтеков. В Теночтитлан был привезен и освящен кровью тысяч жертв вырытый в Койоакане новый жертвенный камень. Во всех направлениях были разосланы за пленниками ацтекские войска. Было приказано покрыть храм Уицилопочтли сверху донизу золотом и драгоценностями. Казначей Монтесумы, заявивший, что подданные уже до предела обременены налогами, был казнен. Покоренные племена, угнетенные небывалой тиранией, начали искать избавления любой ценой. Если возвращение Кецалкоатла было для ацтеков угрозой, то для других мексиканских народностей оно было надеждой на спасение. Монтесума расстроил и хорошие взаимоотношения между Теночтитланом и Тескоко. Когда Несауалпильи умер, оставив нескольких сыновей, Монтесума

настоял, чтобы ему наследовал Какама. Брат Какамы, Ихтлилхочитл, восстал против верховенства Теночтитлана и завладел половиной земель, принадлежавших Тескоко, а военачальник, которого Монтесума послал подавить восстание, был схвачен и сожжен живьем. Война еще продолжалась, когда гонцы с побережья принесли Монтесуме весть о том, что событие, которого он так давно боялся, наконец, произошло. Посланцы Кецалкоатла появились в Табаско.

2. Покорение ацтеков

Первые испанцы, высадившиеся в Мексике, прибыли с Кубы. В 1517 г. этому острову уже угрожало обезлюдение, и партия вновь прибывших туда испанцев решила отправиться на поиски новых земель. Командовал этой партией Эрнандес де Кордоба, а лоцманом был Аламинос, который в качестве юнги плавал с Колумбом. Экспедиция попала в полосу урагана и была выброшена на берег Юкатана. Там испанцы впервые обнаружили признаки цивилизации. Сойдя на берег, они увидели индейцев в одежде, каменные дома и храмы, построенные на вершинах курганов. Войдя в храмы, они нашли там жрецов в белых одеждах с длинными всклокоченными волосами, запах крови и искалеченные трупы недавних жертв. Более того, они обнаружили, что индейцы были готовы к их приходу. Криками «кастилиан!» туземцы заманивали их в свои города, а когда испанцы оказывались недостаточно бдительными, отряды воинов майя в броне из стеганого хлопка, вооруженные луками и стрелами, дротиками, пращами и деревянными саблями с обсидиановыми клинками, внезапно нападали на них. В Кампече испанцы потерпели поражение, и их прогнали обратно на корабли. Там, залечивая раны, они приняли решение вернуться на Кубу.

Весть об этих открытиях заинтересовала Диего Веласкеса, и на следующий год он организовал новую экспедицию, руководителем которой был назначен Хуан де Грихальва. Грихальва обследовал побережье от Юкатана до Вера Крус. Индейцы Табаско дружески приветствовали его. От них он услышал о таинственной и сильной державе, расположенной во внутренних областях. Достигнув острова

Сан-Хуан-де-Улоа, он остановился, не решаясь организовать там колонию, и послал Педро де Альварадо обратно на Кубу, чтобы спросить совета у Веласкеса. Но продовольствие заплесневело, москиты были невыносимы, и через несколько недель вся партия решила уехать. Сведения о ее передвижениях аккуратно доставлялись Монтесуме, причем изображения белолицых чужеземцев и их крылатых морских замков рисовались на пеньковой ткани. Монтесума молил богов удалить захватчиков, и когда испанские корабли отплыли назад за море, он поздравил себя с успехом своих молитв.

Как только Альварадо прибыл на Кубу, Веласкес начал готовить более сильную экспедицию и, сердясь на Грихальву за его колебания, решил найти нового руководителя — человека, которому он мог бы доверять и который не предаст его, но в тоже время будет обладать достаточной предприимчивостью и способностью повелевать. Выбор его пал на молодого человека, которого он привез на Кубу в качестве своего личного секретаря и который с тех пор женился и приобрел «энкомиенду», — Эрнандо Кортеса. Кортес согласился взять на себя две трети издержек экспедиции и энергично принялся за ее организацию. Вскоре Веласкес понял, что неправильно оценил своего избранника. Кортес уже усваивал повадки крупного вельможи. Покинув Кубу, он не будет подчиняться Диего Веласкесу. Губернатор решил отменить свое поручение, но до Кортеса дошли слухи о его намерениях, и, спешно погрузив на свои корабли запасы продовольствия, он в тот же день отплыл из Сант-Яго. В продолжение следующих трех месяцев Кортес держался берегов острова, собирал, вопреки распоряжениям Веласкеса, дополнительные запасы и людей и завербовал к себе бо́льшую часть партии Грихальвы. В феврале 1519 г. он отплыл на Юкатан. У него было более 500 солдат, 11 судов, 16 лошадей, 10 медных пушек и 4 фальконета.

До сих пор, если не считать некоторой беспечности и щедрости, завоевавших ему немалую популярность, Кортес ничем не отличался от сотен других нищих дворян, прибывших на острова, чтобы нажить состояние. Когда, в возрасте 19 лет, он приехал на Гаити, то в ответ на предложение энкомиенды высокомерно объявил, что

приехал за золотом, а не для того, чтобы обрабатывать землю, как крестьянин. Но впоследствии он приобрел сахарную плантацию и стал искать развлечений в картах и любовных приключениях. Теперь, когда ему представились неожиданные возможности, он начал проявлять свойства, которых в нем никто не подозревал. Кортесу предстояло сделаться величайшим из строителей Испанской империи. Им руководила не алчность, а страсть к славе, к романтической славе средневекового странствующего рыцаря. Он лелеял честолюбивый замысел сравняться с величайшими завоевателями в истории. Образцом для него сделался Александр Македонский. Со своим маленьким войском в 500 солдат он намеревался завоевать — для бога, для Испании и для самого себя — все царства, которые сумеет открыть. Стремясь к осуществлению этой цели, он обнаружил самые разнообразные и редкие таланты: смелость прирожденного игрока, упорное нежелание признавать себя побежденным, способность правильно оценивать людей и положение; самое скрупулезное внимание к деталям; уменье добиваться своей цели лестью и интригами; предпочтение мирного образа действий, сочетающееся с готовностью беспощадно применять силу, когда это потребуется, и уменье господствовать над беспорядочным сборищем разбойников и наемных солдат, вставших под его знамя, использовать их для своих целей, играя на их алчности и на их католицизме и заражая их своей собственной жаждой славы [1].

Что Кортес был совсем не таким человеком, как разбойники, возглавлявшие другие испанские экспедиции, стало очевидно, когда его флот достиг Юкатана. Педро де Альварадо сошел на берег, и, когда туземцы бежали, он, как обычно, стал грабить их дома. Он захватил золото, одежду и сорок кур и похитил трех индейцев, которые не успели убежать. Услышав о случившемся, Кортес очень рассердился, приказал Альварадо вернуть захваченное и, кроме того, дать индейцам подарки, сказав ему: «Мы никогда не умиротворим страну, отбирая у индейцев их имущество».

---

[1] По поводу характеристики, которую автор дает Кортесу, отличавшемуся от прочих конкистадоров лишь тем, что он действовал более ловкими и умелыми способами, см. предисловие.

В результате индейцы вернулись в свои дома, и Кортес смог быстро обратить их в христианство. Он разбил идолов в их храмах и воздвиг крест и изображение святой девы. Ошеломленные индейцы без особого сопротивления приняли внезапную смену богов — главным образом потому, что крест был также символом индейского бога дождя Тлалока. Кортес узнал, что в стране имеются два пленных испанца. За семь лет до того у берегов Ямайки потерпел крушение испанский корабль, и несколько ехавших на нем людей было вынесено в открытой лодке на берег Юкатана. Большинство их было принесено в жертву богам майя, но двое остались в живых. Один, Гонсало Герреро, жил теперь, как туземец, и учил племена майя отражать испанское нашествие, — так, между прочим, объяснялись нападения на партию Кордобы, — но другой, Херонимо де Агилар, жаждал освободиться и присоединился к экспедиции. Благодаря знанию языка майя он стал бесценным членом экспедиции.

Затем Кортес остановился в Табаско. Индейцы Табаско, наслышавшись от юкатанских соседей о характере белых людей, раскаялись в том, что принимали Грихальву дружественно, и напали на испанцев. Они обладали численным превосходством. Преимущества испанцев заключались в огнестрельном оружии, стальных саблях и кольчугах, но в конечном счете победу им дали лошади. Во время сражения обнаружилось, что индейцы, никогда не видавшие лошадей, приняли их за сверхъестественные существа, думая, что лошадь и всадник составляют одно животное. Кортес решил использовать это в будущем.

Потерпев поражение, индейские касики покорились и поднесли испанцам подарки, а Кортес прочел касикам проповедь о христианстве, велел своему священнику, отцу Ольмедо, отслужить для них мессу и принял их в число вассалов испанского короля. По обычаю страны, индейцы подарили Кортесу 20 девушек; среди них была некая Малинцин, которую испанцы назвали Мариной, дочь касика из племени нахуа, жившего в рабстве среди майя области Табаско. Таким образом, через Агилара и Марину Кортес мог общаться с индейцами, говорившими на языке нахуа.

После этого испанцы отплыли на Сан-Хуан-де-Улоа и

там впервые столкнулись с ацтеками. Монтесума с тревогой следил за передвижениями экспедиции, и каждая новая весть, которую приносили ему гонцы, подтверждала его опасение, что экспедиция послана Кецалкоатлом. Члены ее владеют сверхъестественными животными и металлическими трубками, извергающими гром и молнию, при помощи которых они убивают своих врагов. Они — слуги великого господина, живущего на востоке, за морем; они прибыли в Мексику, чтобы установить над ней власть своего господина и отменить человеческие жертвоприношения. Начался период недоразумений и колебаний, завершившийся смертью Монтесумы и разрушением ацтекской державы. Если Кортес — посланец бога, то оскорблять его опасно, но можно уговорить его уйти. Если Монтесума пошлет ему дары, подобно тому как он приносит дары и воздает почести другим ацтекским богам, то, может быть, Кецалкоатл смягчится и оставит ацтеков в покое. И вот между Теночтитланом и испанским флотом стали курсировать гонцы, привозившие испанцам дары, а Монтесуме — рассказы о возможностях испанских лошадей и пушек, которые старательно демонстрировались Кортесом. На просьбу Кортеса разрешить ему посетить Теночтитлан и встретиться с его правителем лицом к лицу Монтесума не давал согласия, но повелел снабжать испанцев пищей и построить для них хижины и послал им, как собственность их покровителя, украшения из храма Кецалкоатла — черепаховую маску, окруженную короной из перьев, которую одевал верховный жрец, представляя бога, и два больших, с колесо телеги, диска, сделанных из цельного золота и серебра и служивших символами солнца и луны. Он послал им также маски из храмов Тлалока и Тескатлипоки, 10 кип хлопка, несколько плащей из перьев и множество золотых фигурок птиц и зверей, а также — по просьбе Кортеса — вернул им шлем одного из испанских солдат, наполнив его золотым порошком. Один испанский придворный, видевший эти дары, когда их отсылали в Испанию, заявил, что он «никогда не видел ничего, что могло бы своей красотой доставить бо́льшее наслаждение взору человека... Если по части такого рода изделий были когда-либо гениальные мастера, то они были, безусловно, среди этих туземцев». Кортес, который явился

подготовленным к торговле с дикарями, послал Монтесуме кресло, красную шапку, пару рубашек, несколько игрушек и ожерелья из стеклянных бус и при этом повторил, что не уедет из Мексики, не повидавшись с Монтесумой.

Таким образом, Монтесума показал пришельцам богатства ацтеков. Теперь испанцы поняли, что в Мексике есть что-то от того азиатского великолепия, о котором мечтал Колумб. В Индии имеются не только голые дикари — в ней есть царство, которое можно разграбить. Это царство, несомненно, одно из тех, о которых писали Марко Поло и сэр Джон Мандевиль (тогда Магеллан еще не обогнул земной шар, и пространство между Америкой и Азией не было известно). Кортес был склонен отождествлять Мексику с Золотым Херсонесом, из которого, по преданиям, Соломон привозил золото для постройки своего храма. Хотя некоторые его спутники, напуганные рассказами о таинственной силе Монтесумы и измученные москитами и лихорадкой, которая свела в могилу уже тридцать человек из них, хотели вернуться на Кубу, он решил во что бы то ни стало дойти до Теночтитлана. Побывав там, он решит, какой план завоевания принять.

Прежде всего Кортес задумал избавиться от Диего Веласкеса. Он хотел сделаться независимым руководителем экспедиции и не намеревался завоевывать Теночтитлан для губернатора Кубы. Кортес привлек на свою сторону большинство своих спутников, ибо скупость Веласкеса сделала его непопулярным, и было решено основать город под названием Вера Крус. Став гражданами города, испанцы приобретали некоторые права самоуправления и переходили под непосредственную власть испанского короля. Кортеса немедленно избрали капитан-генералом и дали ему право оставлять за собой одну пятую часть доходов экспедиции — кроме одной пятой, причитавшейся королю, — а в Испанию послали корабль, чтобы заручиться королевским согласием.

Однажды, когда испанцы находились среди песчаных дюн против острова Сан-Хуан, они заметили подходивших к ним с севера пятерых индейцев, принадлежавших к народности, которой они еще не встречали. Это были тотонаки, принесшие испанцам чрезвычайно важную весть. Они были злейшими врагами ацтеков, облагавших

их данью и увозивших их юношей на смерть пред алтарями Уицилопочтли. Вскоре испанцам стало ясно, что по всей Мексике народы стонут под игом Монтесумы и что, вступившись за них и образовав крупную конфедерацию, Кортес сможет нанести ацтекам сокрушительный удар. Отдав строгий приказ, чтобы никто из отряда не притеснял индейцев, Кортес со своими спутниками отправился в главный город тотонаков. Миновав заросли бамбука и хлопчатника на прибрежной равнине, они приблизились к группе построенных вокруг площади белых каменных домов и храмов, которые блестели так ярко, что испанцы приняли их за серебряные. Это была Семпоала. Жители города поднесли испанцам плоды и забрасывали их гирляндами роз, а их глава, которого испанцы прозвали «толстый касик», просил у них помощи против ацтеков. Вскоре появилось пятеро ацтекских сборщиков податей с крючковатыми палками, в богато вышитых плащах, с букетами роз в руках — якобы для защиты от дурного запаха тотонаков. Ацтеки потребовали двадцать человек для жертвоприношений и получили бы их, если бы этому не помешал Кортес. Он настоял, чтобы ацтеков посадили в тюрьму. Затем он освободил их, не сказав тотонакам, кто это сделал, и послал обратно к Монтесуме, ибо, намереваясь поднимать индейцев на восстания против ацтеков, он хотел в то же время доказать Монтесуме свое дружественное отношение к нему. Теперь тотонаки были связаны с испанцами союзом, и Кортес пожелал завершить доброе дело, обратив их в христианство. Пока испанцы были в Семпоале, жрецы каждый день втаскивали трех-четырех рабов вверх по ступеням пирамиды и приносили в жертву богам. Наконец, пятьдесят испанцев взобрались в храм и свергли идолов.

Тотонакские жрецы молили богов о прощении, а народ стал стрелять в испанцев из луков. Тогда Кортес схватил «толстого касика» и жрецов и пригрозил убить их, если испанцы подвергнутся нападению. В конце концов тотонаки примирились с создавшимся положением, идолы были сожжены, а храмы тщательно очищены от крови и окурены. Вместо идолов Кортес поставил алтарь, увешанный гирляндами в честь святой девы, а четырем тотонакским жрецам было велено постричь волосы и помыться, чтобы они могли заботиться о святыне. Обратив, таким

образом, тотонаков в христианство, испанцы отслужили мессу и вернулись в Вера Крус.

Теперь Кортес стал готовиться к походу в глубь страны. Он сжег свои корабли, чтобы заранее предупредить всякие требования о возвращении на Кубу, и, оставив часть своей крошечной армии в Вера Крус, отправился к плоскогорью в сопровождении 40 тотонакских вельмож и 200 тотонакских носильщиков. Это было 19 августа 1519 г. Первой целью путешествия Кортеса была Тласкала, которую, по словам тотонаков, можно было тоже вовлечь в союз против ацтеков. Оставив за собой густые леса, жару и москитов прибрежной равнины, испанцы, пройдя перевал, лежавший на высоте 10 тыс. футов над уровнем моря, под снежной вершиной Орисабы, спустились в область пустынь, солончаковых болот и резких ветров. Наконец, воздух сделался мягче, и они попали в плодородные равнины, густо засаженные кукурузой и маги.

Конфедерация Тласкалы, узнав от тотонакского гонца о приближении испанцев, не была расположена принять их дружественно. Тласкаланцы слышали о частых посольствах, являвшихся от Монтесумы к Кортесу, и решили не рисковать. Они уже полвека защищались от постоянных вторжений ацтеков и не собирались пустить возможных врагов в свой дом. Совет касиков решил напасть на Кортеса, а если нападение окажется неудачным, оправдаться, приписав его племени отоми. Испанцев впустили за тласкаланскую стену — огромное каменное сооружение высотой в 9 футов, простирающееся через долину от одной горы до другой, но, оказавшись внутри, они сразу же были окружены многочисленными ордами воинов и оборонялись с величайшим трудом. Если бы тласкаланцы не стремились захватывать пленников живьем, чтобы принести их в жертву богам, они могли бы победить. После ряда сражений многие испанцы стали склоняться к отступлению, полагая, что если они не могут победить тласкаланцев, то сразиться с гораздо более мощным ацтекским войском будет для них безумием. Но к тому времени тласкаланцы, испытав мужество чужеземцев, решили победить их хитростью. К Кортесу отправили послов с предложением гостеприимства. В тласкаланских деревнях

испанцев угощали и подарили им несколько княжен, которые пополнили коллекцию наложниц, уже приобретенных ими у табасканцев и тотонаков. Единственным предметом разногласий было то обстоятельство, что испанцы нашли клетки с пленниками, которых кормили на убой для жертвоприношения, и Кортес потребовал освобождения пленников. Однако из почтения к отцу Ольмедо, начинавшему сомневаться в ценности внезапных обращений, Кортес не пытался уничтожить тласкаланских идолов; пока он требовал лишь, чтобы бог христиан был признан равным богам тласкаланцев.

Монтесума продолжал отправлять к Кортесу послов, всеми средствами стараясь не допустить его в Теночтитлан, то предлагая Кортесу дань, то объясняя, что он слишком беден, чтобы надлежащим образом принять испанцев. Теперь он изменил тактику. Оракул сказал ему, что Чолула предназначена стать могилой чужеземцев, и он посоветовал Кортесу пойти на Чолулу. Тласкаланцы предостерегали Кортеса, чтобы он не верил Монтесуме, но когда Кортес не послушал их советов, они дали ему в сопровождение 6 тыс. воинов. Испанцы пошли на юг и, вступив в долину, покрытую кукурузными полями и орошаемую бесчисленными каналами, приблизились к Чолуле, священному городу Кецалкоатла с высокой пирамидой и 400 храмами — месту паломничества всех племен плоскогорья. Огромные толпы приветствовали их цветами, музыкой и облаками благовоний. Испанцев поселили на храмовой территории. Но вскоре у них пробудились подозрения. К касикам Чолулы то и дело приходили на тайные совещания ацтекские гонцы. Одна городская жительница подружилась с Мариной и предупредила ее о заговоре, о чем Марина немедленно сообщила Кортесу. Испанцам обещали дать 2 тыс. носильщиков; обнаружилось, что эти носильщики, втайне вооруженные, должны были при помощи ацтеков напасть на испанцев по выходе из города. Кортес решил нанести быстрый и беспощадный удар. Носильщиков и чолульских касиков заманили на храмовую территорию. Там испанцы внезапно напали на них и убили всех до единого. Они сожгли храмы и на пирамиде, где прежде находилась святыня Кецалкоатла, воздвигли большой крест, возвышавшийся над местом бойни

как символ могущества Испании. После резни Кортес остался в городе до восстановления порядка. Его тласкаланские друзья хотели разрушить весь город и поработить его население, но Кортес заявил, что оставшиеся в живых — теперь испанские подданные, находящиеся под покровительством испанского короля, и постарался установить дружбу и союз между Тласкалой и Чолулой.

Монтесума мог объяснить осведомленность Кортеса о заговоре лишь вмешательством сверхъестественных сил. Но раз ни подкупы, ни заговоры, ни жертвоприношения Уицилопочтли не могут остановить неуклонного продвижения испанцев, то ему остается лишь покориться воле богов. Монтесума отправил к чужеземцам новых послов, которые должны были проводить их в Теночтитлан. Выйдя из Чолулы, испанцы поднялись на перевал под дымящейся вершиной Попокатепетля, а затем сосновыми лесами и полями маги спустились в долину Анахуак. Увидев перед собой сверкающие воды озер и белые здания бесчисленных городов, они едва поверили своим глазам. То, что они видели, походило на одно из волшебных зрелищ, которые в романе об Амадисе Галльском и в других рыцарских романах устраивались волшебниками. Они понимали, что вступают в страну чудес. Как заявил один из них, никто никогда уже не откроет таких стран. Испанцы прошли вдоль берегов Чалько и Хочимилько, восхищаясь белыми башнями, поднимавшимися прямо из воды, и пришли в Истапалапан, город белых каменных домов, украшенных изящной резьбой по кедровому дереву, полный фруктовых садов, розовых цветников и богатых рыбой прудов. Здесь Куитлавак, брат Монтесумы, предоставил им приют на ночь. Из Истапалапана на запад, а затем на север через озеро Тескоко шла бетонная дамба, а в конце ее, четко вырисовываясь в прозрачном воздухе, виднелись за пять миль пирамиды Теночтитлана. На рассвете следующего дня испанцы оставили Истапалапан. Кортес первым вступил на дамбу, а четыреста испанцев, понимая, что теперь им уже поздно поворачивать назад, последовали за ним.

Озеро было покрыто челнами, и ацтеков, проходивших по дамбе в обоих направлениях, было так много, что испанцам было трудно продвигаться. В Холоке, где дамба

из Истапалапана пересекалась с дамбой из Койоакана, навстречу им вышли четыре племенных вождя — касики Тескоко, Такубы, Койоакана и Истапалапана. Так как Кортес являлся представителем бога, его приветствовали четыре страны света. У входа в город двумя параллельными рядами стояли ацтекские вельможи, а между ними, в паланкине под балдахином из перьев, обрамленным драгоценными камнями, восседал Монтесума. Он выступил вперед, опираясь на руки двух касиков. Кортес сошел с коня, и они очутились друг перед другом. Монтесума поцеловал землю. Кортес хотел обнять его, но ему помешали касики; вместо этого он повесил на шею Монтесуме нитку стеклянных бус. Обменявшись через Марину приветствиями, они проследовали в Теночтитлан. Испанцев и их тласкаланских союзников повели во дворец Ахайякатл, на западной стороне храмовой территории. «Этот дворец принадлежит вам», — сказал им Монтесума. Он предложил испанцам отдохнуть после путешествия и простился с ними. Когда испанцы пообедали, Монтесума вернулся с хлопчатобумажными одеждами для всех гостей и с золотыми украшениями. Он приветствовал Кортеса как представителя Кецалкоатла. Ацтеки, объяснил он, издавна знают, что они не настоящие владельцы земли. Ее законный господин уехал за море, и они давно ожидают его возвращения. Он, Монтесума, готов признать короля Испании своим господином и обеспечить Кортеса всем, чего тот попросит. Стремясь отвратить зависть Кецалкоатла, Монтесума уверял, что он вовсе не так богат и могуч, как думают другие мексиканские народы. Кортес увидит, что в Теночтитлане мало золота и что Монтесума не бог, а существо из плоти и крови, как и он сам. Когда Монтесума ушел, Кортес установил свою артиллерию близ входов во дворец, чтобы оградить себя от внезапного нападения, а затем, в большом городе-острове, близ огней, постоянно горевших на пирамидах богов, четыреста испанцев, окруженные темными лицами ста тысяч почитателей Уицилопочтли, улеглись спать.

Благодаря Кецалкоатлу, Кортес стал, повидимому, без борьбы господином Теночтитлана. Но в Чолуле Монтесума показал, что положиться на него нельзя; к тому

же Кортес не мог быть уверен в том, что его жадные, буйные и суеверные спутники не спровоцируют ацтеков на враждебные выступления. Испанцы должны были вести себя очень осторожно, чтобы не дать ацтекам повода восстать против новых господ, отрезать им путь к отступлению, уничтожив мосты на дамбах, и принести их в жертву на алтарь Уицилопочтли. Кортес решил обезопасить себя, похитив Монтесуму. Через несколько дней после приезда он, в сопровождении телохранителей, отправился во дворец Монтесумы. Тот принял его с обычной любезностью и предложил ему в жены одну из своих дочерей. Кортес резко переменил тему разговора. В Вера Крус произошло столкновение между ацтеками и испанцами, причем несколько испанцев было убито. Кортес знал об этом деле еще до отъезда из Чолулы, но держал его про запас. Теперь он изложил Монтесуме искаженную версию его и утверждал, что ответственность падает на Монтесуму, который поэтому должен пойти с испанцами и остаться у них в качестве пленника. Если он откажется, его убьют. Плача, Монтесума взобрался в свой паланкин. Шествие его по улицам в сопровождении испанцев вызвало волнение, но Монтесума успокоил своих подданных, заявив, что идет по доброй воле. Затем пятнадцать ацтеков, якобы ответственных за стычку в Вера Крус, были приведены в Теночтитлан и сожжены живьем перед окнами комнаты, в которой поселили Монтесуму. Чтобы не было помех, Монтесуму заковали в цепи до конца казни. После казни Кортес обнял своего пленника и сказал, что любит его, как брата, и что Монтесума должен править не только Теночтитланом, но и другими царствами, которые Кортес завоюет для него.

Теперь Кортес намеревался править ацтекской державой из-за трона, пользуясь Монтесумой как подставным лицом. Монтесума, живя у испанцев, сохранял положение вождя и готов был исполнять все требования Кортеса. Когда несколько ацтекских племенных вождей устроили заговор против испанцев, их тоже заманили во дворец Ахайякатл и там задержали.

Монтесуму заставили созвать всех своих данников-касиков, и он, плача, приказал им признавать отныне испанцев своими господами. Ему заявили, что испан-

ский король нуждается в золоте, и по стране были разосланы испанцы, искавшие золотых россыпей и удобных гаваней и собиравшие сокровища по всей ацтекской державе. Богатства свозились к Кортесу, который, отложив одну пятую часть для короля, а другую пятую для себя, делил остальное между своими спутниками. Монтесума безропотно мирился со всем этим, тщетно надеясь, что в конце концов испанцы насытятся и вернутся за море, на родину. Он продолжал обращаться с ними самым любезным образом и делать им подарки, и испанцы даже начали чувствовать к нему своего рода симпатию. При встрече с ним они в знак почтения снимали шляпы, проливали крокодиловы слезы над его несчастиями, а оскорбившего его испанского солдата приговорили к порке. Кортес проводил часы досуга, играя со своим пленником в различные игры.

Испанцы оставались в Теночтитлане шесть месяцев. Конец их пребыванию там положили не ацтеки, а испанцы — соперники Кортеса. Диего Веласкес, уверенный в поддержке епископа Фонсеки в Испании, решил расправиться со своим непокорным подчиненным. В Мексику был послан Панфило де Нарваэс с 15 судами, 900 солдатами и 80 пушками. Так в Новом свете не вооружали еще ни одну экспедицию. Нарваэс обосновался в Семпоале и объявил тотонакам, а также посланцам Монтесумы, что Кортес изменил испанскому королю, что он мятежник, который вскоре предстанет перед правосудием. Комендант Вера Крус, Гонсало де Сандоваль, захватил двух эмиссаров Нарваэса, завязал их в гамаки, усадил на спины тотонаков-носильщиков и отправил «как грешные души» в Теночтитлан. Кортес встретил опасность с обычным для него сочетанием смелости и хитрости. Он освободил «грешные души», показал им Теночтитлан, богато одарил и послал обратно в Семпоалу сказать товарищам, что если они примкнут к Кортесу, то получат свою долю добычи, угощения и ацтекских девушек. Затем Кортес оставил половину своих людей в Теночтитлане под командой Альварадо и отправился к побережью. Темной ночью, в проливной дождь, он внезапно напал на Семпоалу, снял часовых Нарваэса, захватил его самого и пригрозил убить, если тот попытается бежать. Нарваэс

немедленно отдал приказ о сдаче. Тогда Кортес обнял офицеров Нарваэса и рассказал им о наслаждениях, которые ожидают их в Теночтитлане. Весь отряд согласился примкнуть к нему. Сняв с кораблей снасти, чтобы лишить Веласкеса всякой возможности узнать о событиях, оставив Нарваэса в Вера Крус закованным в цепи, Кортес стал готовиться к возвращению.

Через три дня к нему явились два тласкаланца с вестью о беде. Альварадо, человек буйный и вспыльчивый, отнюдь не обладавший прозорливостью Кортеса, потерял выдержку. Ацтеки готовились к религиозному празднику. Испанцы, зная, что число их уменьшилось, и тревожась за свою судьбу в случае поражения Кортеса, стали думать, что после праздника их принесут в жертву Уицилопочтли. В панике Альварадо вспомнил Чолулу. Когда храмовая территория была покрыта ацтеками, которые в венках из цветов водили хороводы и распевали гимны своим богам, испанцы заняли все четыре выхода с этой территории и обнажили шпаги. Было убито несколько тысяч беззащитных индейцев, не успевших объединиться для самообороны и отогнать испанцев к их дворцу.

Кортес пришел в ярость. Альварадо разрушил все. Кортес поспешил обратно в Теночтитлан в сопровождении тысячи с лишним испанцев и еще большего числа тласкаланцев. Никто не помешал ему войти в город, но улицы были тихи и безлюдны, а испанцам, забаррикадировавшимся во дворце, грозил голод. Кортес сказал Альварадо, что он поступил как безумец, и велел Монтесуме распорядиться, чтобы испанцев накормили. Монтесума ответил, что он ничего не может сделать. Было решено освободить одного из ацтекских вождей и поручить ему открыть рынки. Выбор пал на Куитлавака. Вскоре после этого испанцы услышали дикий, пронзительный боевой клич ацтеков. Улицы вокруг дворца Ахайякатл быстро заполнились воинами, а стрелки с пращами и луками заняли позиции на крышах домов. Куитлавак стал во главе ацтеков.

Целую неделю в Теночтитлане шли жестокие бои. Монтесуму, уверявшего, что он хочет только смерти, вытащили на улицу, чтобы он приказал своим подданным дать испанцам возможность покинуть город. Но его встре-

тили градом камней, и через три дня он умер. Ацтеков косили испанские пушки, но ничто не могло их запугать, и казалось, что никакая резня не уменьшает их числа. Здания города и сеть его каналов лишали испанцев возможности выйти далеко за пределы дворца. Запас их продовольствия вскоре истощился, и им необходимо было каким-нибудь образом уйти. Так как все мосты в дамбах были разрушены, Кортес приказал соорудить переносный деревянный мост. Королевская доля добычи была погружена на лошадей, а остальные сокровища свалены в кучу, и всем членам отряда предложили брать из нее сколько угодно. Старые спутники Кортеса предпочли двинуться в путь налегке, но новобранцы, приехавшие в Мексику с Нарваэсом, нагрузили свои карманы массой золота и драгоценностей. В дождливую ночь испанцы и их союзники-тласкаланцы тайком выбрались из дворца и направились к дамбе, ведущей в Такубу. На городских улицах никто не поднял тревоги, но на дамбе стояли часовые. В темноте загрохотал большой барабан из змеиной кожи, находившийся в храме Уицилопочтли, и испанцы были окружены тысячами завывающих ацтеков. Переносный мост сломался при первой переправе; теперь испанцам оставалось лишь бросаться в воду и спасаться вплавь. Началось паническое бегство, каждый заботился лишь о самом себе. На второй и третьей переправах озеро наполнилось сотнями тонущих жертв, а немногим счастливцам удавалось добраться до берега лишь по трупам своих товарищей. Ацтеки сновали в челноках вокруг дамбы, хватая беглецов за ноги и стаскивая их в воду. В конце концов, Такубы достигло менее половины испанцев. Остальные, в том числе большинство спутников Нарваэса, погибли или попали в число жертв Уицилопочтли. Большинство тласкаланцев и все женщины, кроме Марины и двух других, пропали. Были потеряны все пушки и бо́льшая часть сокровищ. Кортес, остававшийся на дамбе до рассвета, тщетно пытаясь спасти своих товарищей, сидел под высоким кипарисом, подсчитывал оставшихся в живых и оплакивал потерю Теночтитлана. Когда все собрались, отряд направился к холму западнее города, где впоследствии был построен храм святой девы Лос Гемедиос, и там, голодные и озябшие, испанцы стали перевязывать свои раны. Это

произошло ночью 30 июня 1520 г., которая отныне стала называться «la noche triste» (печальная ночь).

Кортес решил вернуться в Тласкалу. Ничего больше и не оставалось делать, хотя было сомнительно, примут ли тласкаланцы испанцев попрежнему как союзников. Испанцы обогнули северную часть долины, питаясь в пути дикими вишнями и остатками колосьев на маисовых полях. У Отумбы, близ развалин Теотиуакана, их ожидало ацтекское войско. Отступать было невозможно. Пехота построилась в каре, а двадцать всадников маневрировали на флангах. Сражение продолжалось несколько часов, пока Кортес не заметил рядом с ацтекским знаменем на носилках командира вражеских войск. Кортес пробился через ряды индейцев и убил его собственными руками. Тогда ацтеки отошли, и испанцы смогли возобновить свое отступление. Они застали тласкаланцев еще дружественными. Куитлавак засылал к ним послов, убеждая их образовать союз индейцев против чужеземцев, но тласкаланцы слишком хорошо помнили свою пятидесятилетнюю борьбу против захватнических устремлений ацтеков. Они встретили испанцев со слезами, лечили их раны, снабдили их провизией и напомнили Кортесу, как они предостерегали его против ацтеков.

Отступать дальше Кортес не желал. Со своими 400 спутниками, без пороха и пушек, он решил завоевать Теночтитлан. Как обычно, ему повезло. В Вера Крус прибыло несколько испанских судов. Некоторые из них были посланы Веласкесом, другие пришли с Гаити и Ямайки, третьи явились с торговыми целями. Их команды присоединились к Кортесу. К концу года у него было 900 чел., почти 100 лошадей, орудия и боеприпасы. Когда позднее запас пороха истощился, один испанец спустился на канате в тлеющий кратер Попокатепетля, чтобы собрать серу. Тем временем были покорены города между Анахуаком и побережьем. Испанцы не трогали городов, которые добровольно отдавались под власть Испании, и Кортес старался установить дружбу между их гражданами и своими союзниками-тласкаланцами. Но по отношению к тем городам, где стояли ацтекские гарнизоны или где убивали испанцев, он бывал беспощаден. Он считал их восставшими против короля, которому они

при жизни Монтесумы присягали на верность. Тласкаланцам разрешалось убивать мужчин, в то время как испанцы бросались на поиски золота и женщин.

Испанцы принесли с собой также другие виды оружия, которые оказались еще более действенными средствами истребления индейцев. Один из членов отряда Нарваэса заболел оспой, и индейцы, не имевшие от этой новой болезни никакого иммунитета, умирали тысячами. Одной из жертв оспы стал и Куитлавак. Его сменил Кваутемок, племянник и зять Монтесумы, юноша двадцати лет с небольшим.

В декабре испанцы вернулись в Анахуак и устроили свою штаб-квартиру в Тескоко. Они начали систематическое покорение городов долины, чтобы изолировать Теночтитлан. С этой целью они обогнули озеро Тескоко и затем пошли на юг через горы до Куэрнаваки. Где только было возможно, они заключали союзы. К ним присоединились чалканцы, а также Ихтлилхочитл, мятежный касик Тескоко, и Кортесу нередко приходилось посылать отряды испанцев, чтобы защищать этих новых союзников от нападений ацтеков. Но Истапалапан и многие другие города были сожжены. К маю Кортес был готов начать осаду Теночтитлана. Тласкаланцы под руководством судостроителя-испанца построили тринадцать бригантин с парусами и веслами, удобных для плавания по мелководному озеру. Войско тласкаланцев перенесло разобранные на части бригантины через горы за 60 миль. Когда эта процессия достигла Тескоко, ее шествие по улицам продолжалось шесть часов. Вскоре было наглядно продемонстрировано превосходство бригантин над ацтекскими челнами, и испанцы добились господства на озере.

Осада продолжалась три месяца. Каждый день испанцы наступали на Теночтитлан по трем дамбам: Альварадо — из Такубы, Гонсало де Сандоваль — из Тепейяка и Кристобаль де Олид — из Койоакана, а Кортес управлял маневрами бригантин. Но долгое время они не могли приобрести опорного пункта в городе. На закате они отступали, и каждую ночь ацтеки вновь пробивали бреши в дамбах, так что на следующий день их приходилось снова заделывать. Ацтеки боролись со всем упорством и мужеством, которые некогда сделали их господами

Анахуака. Трупы, сваленные большими кучами на улицах города, распространяли заразу, запасы продовольствия, которые пополнялись благодаря челнокам, каждую ночь пробиравшимся к берегам озера, иссякли, и ацтеки начали поедать насекомых, червей и кору деревьев. Испанцы перерезали акведук, и в осажденном городе стал ощущаться недостаток воды. Несмотря на все это, Куаутемок и слышать не хотел о сдаче. Испанцы были вынуждены начать систематическое разрушение города. Тласкаланцы были в восторге, но Кортес плакал, что приходит конец «прекраснейшему городу в мире» — городу, который он открыл и намеревался присоединить к испанской державе.

В конце июня, когда более половины Теночтитлана уже превратилось в дымящиеся развалины, ацтеки одержали победу. Они взяли в плен 62 испанцев, намеревавшихся захватить рынок Тлателолько и не обеспечивших себе пути к отступлению. Остальные испанцы видели с дамб украшенные перьями белые тела своих товарищей, которых заставили плясать в честь Уицилопочтли, а потом втащили на пирамиду Тлателолько, где жрецы в красных одеждах вырезали у них сердца обсидиановыми ножами. После этого испанцев покинули многие их союзники-индейцы, и они три недели бездействовали, прежде чем возобновить военные действия.

Конец наступил 13 августа. Пять шестых города было уже в развалинах. Храмы, дворец ацтекских касиков, сокровищницы, птичник, сады — все это было разрушено. Ацтеки удерживали только северо-западную часть города, Тлателолько. Куаутемок был попрежнему непреклонен, но у его сторонников воля к сопротивлению, в конце концов, ослабела. Испанцы захватили последний участок города и загнали ацтеков в озеро. От острова отплыл челн, и перед окружившими его бригантинами предстал Куаутемок. Его привели к Кортесу, который обвинил Куаутемока в разрушении Теночтитлана. Куаутемок прикоснулся к кинжалу Кортеса и попросил Кортеса убить его. Кортес взял его с собой на свою штаб-квартиру в Койоакане. На следующий день все оставшиеся в живых ацтеки были выведены из Теночтитлана, трупы похоронены, а развалины города сожжены.

3. Завоевание Южной Мексики

Завоевав Теночтитлан, испанцы получили господство над центральными областями Мексики. Теперь Кортесу предстояло проявить в области реорганизации ту же энергию и находчивость, как прежде в области разрушения. В отличие от других конкистадоров, он был не только атаманом разбойников. В истории он стоит рядом с Вильгельмом Завоевателем, Цезарем и своим любимцем Александром. Он не собирался разграбить и опустошить Мексику, а затем покинуть ее. Он намеревался сделать ее испанской провинцией, с укоренившимся в ней испанским населением, которое насадит испанскую культуру среди индейцев. Беспощадный по отношению к племенам, сопротивлявшимся покорению, он желал умиротворить те племена, которые ему подчинялись, и примирить их с испанским владычеством.

Кортес покорил Теночтитлан как вольный искатель приключений, без разрешения испанского правительства. Он писал императору Карлу письма, в которых оправдывал свои действия, и послал ему корабль, полный ацтекских сокровищ и диковинных зверей. Впрочем, корабль был захвачен французскими корсарами, и сокровища обогатили злейшего врага Карла, французского короля. Веласкес и его покровитель епископ Фонсека все еще надеялись, что Кортес, этот выскочка и авантюрист, будет осужден. Карл подозревал Кортеса, как любого из своих подданных, который становился чересчур сильным. Кортес был назначен губернатором Новой Испании, как окрестили новую провинцию. Но для наблюдения за ним были посланы четыре чиновника, назначенные якобы для контроля над королевскими финансами.

Кортес должен был удовлетворять алчность своих спутников. Они переносили лишения и опасности осады в надежде на золото, но когда Теночтитлан был, наконец, захвачен, добыча оказалась ничтожной. Ацтеки вовсе не были так богаты, как предполагали испанцы. В Мексике было много золота и серебра, но лишь немногие месторождения были уже открыты и разрабатывались. К тому же значительная часть сокровищ ацтеков попала на дно озера во время «печальной ночи». Разочарованные завоева-

тели говорили, что Кортес присвоил сокровища себе или что ацтеки их спрятали. Еще до осады Кортес повесил главаря группы, пытавшейся его убить, простив многочисленных участников заговора. Под угрозой нового восстания он согласился подвергнуть Куаутемока пыткам. Ноги Куаутемока поливали маслом, а затем жгли. Куаутемок переносил муки со стоическим самообладанием и не открыл никаких тайн.

Раз золота было мало, нужно было наградить испанцев землей и трудом ее обитателей. Испанцы получили в собственность поместья и рудники, принадлежавшие прежде ацтекам, и индейцев, обращенных в рабство за сопротивление завоевателям. Это их не удовлетворило, и Кортес нехотя принял энкомиендарную систему, которая уже привела к вымиранию населения островов. Индейские деревни, за исключением деревень тласкаланцев и других союзных испанцам племен, были поделены между завоевателями, но Кортес знал своих спутников и старался, чтобы процесс истребления местных жителей, свидетелем которого он был на Гаити и Кубе, не повторился в Мексике. По установленным им правилам, индейцы должны были работать на новых господ не более трех недель из семи. Их нельзя было увозить далеко от дома и заставлять работать на рудниках, где разрешалось использовать только рабов. Женщин и детей вообще запрещалось заставлять работать. Владельцы энкомиенд должны были быть женаты, жить в Мексике не менее восьми лет, строить церкви и заботиться, чтобы их индейцы воспитывались в христианском духе. Им не дозволялось посещать свои индейские деревни без правительственного разрешения. Однако эти прекрасные в теории установления нельзя было провести в жизнь. Кортес организовал ввоз быков, овец и свиней, пшеницы, риса, сахара, плодовых деревьев и виноградных лоз и приказал владельцам энкомиенд, «энкомендерос», разводить этих животных и выращивать новые растения. Для размола кукурузы строились водяные мельницы. Деревни, не отданные энкомендерос, стали собственностью испанской короны и платили правительству ту же дань, что прежде ацтекам. Ими продолжали управлять касики, действовавшие теперь в качестве агентов Испании; члены семей этих касиков вступали в браки с испанцами. Дочери

Монтесумы стали женами вельмож и прародительницами испанских грандов.

Кортес решил восстановить Теночтитлан, известный отныне под именем Мехико, и обещал Карлу V, что город станет еще великолепнее, чем прежде. С этой целью он беспощадно требовал принудительного труда от индейцев — жителей долины. Прежняя храмовая территория стала теперь центральной площадью города и главным рынком. С трех сторон ее Кортес построил дома, ряды лавок и ратушу, а на северной стороне, на месте пирамиды Уицилопочтли, на фундаменте из разбитых идолов и обломков ацтекских храмов собирался вскоре воздвигнуть церковь, а затем собор. От площади к берегам озера прямыми линиями шли улицы, окаймленные построенными из красного камня домами конкистадоров. Район Тлателолько был предназначен для ацтеков. Кортес назначил членов городского совета, собиравшегося для совещаний в его доме в Койоакане, и издал распоряжения против монополий и о регулировании цен, а также ввел строгие санитарные правила. Но, несмотря на его надежды, прошли века, пока Мехико достиг размеров Теночтитлана.

Кортес просил у испанского правительства миссионеров, особенно монахов. Он считал белое духовенство слишком склонным к наслаждениям. Индейцы привыкли требовать от своих жрецов строжайшего целомудрия, и было бы весьма некстати, если бы проповедники новой религии оказались ниже их в моральном отношении. Первая партия монахов состояла из фламандцев. Испанцы приняли их холодно и оставили в Тескоко. Но в 1524 г. из Испании приехала вторая партия, которую встретили самым театральным образом. Монахи, в грубых серых одеждах, прошли босиком от Вера Крус до Мехико. Когда они вступили в столицу, Кортес склонил перед ними колени и целовал их одежды. Бедность и смирение этих представителей испанского бога произвели на индейцев надлежащее впечатление; еще больше изумило их то, что Кортес, после того, как он не пришел на мессу, явился, чтобы подвергнуться публичному бичеванию за свой проступок. Монахи, в отличие от многих своих собратьев, которые до них приезжали на острова и прибывали в Мексику впоследствии,

были искренне преданы задаче спасения душ, а простота и наивность их веры увеличивали их успех. Вскоре они энергично принялись за работу — изучали индейские языки, уничтожали идолов, разрушали пирамиды, строили церкви и монастыри и вводили моногамию у привыкших к многоженству касиков. Кортес столь убедительно продемонстрировал всемогущество христианского бога, что индейцы стремились к обращению. Они приходили креститься в таком количестве, что монахи скоро потеряли счет произведенным ими крещениям и считали новообращенных сотнями тысяч и даже миллионами. Индейцы продолжали веселиться на праздниках, украшать себя цветами и плясать свои старые языческие пляски, но они научились петь христианские гимны и плясали уже в честь святой девы. Если не считать исчезновения человеческих жертвоприношений, то перемена была невелика. Индейцы попрежнему молились о дожде и о хорошем урожае, изменились только имена их богов. Многие новообращенные прятали от монахов своих идолов и продолжали втайне поклоняться им наряду с изображениями святой девы.

Тем временем завоевание продолжалось. Теночтитлан был только началом. Границы известного мира так расширились, что он казался бесконечным. В Америке и на Тихом океане были, без сомнения, другие, еще более богатые державы. Кортес обещал Карлу V, что сделает его господином новых, еще неизвестных царств, бóльших, чем те, которыми он уже обладает. Как только закончилось покорение Теночтитлана, Кортес стал посылать своих офицеров с заданием покорить новые племена, исследовать страну и, если возможно, открыть тот морской путь в Азию, который испанцы еще надеялись найти. В эти экспедиции он набирал большие армии своих союзников — тласкаланцев и нахуа, которым предстояло отдавать жизнь за расширение испанской империи. Индейцы племен, принимавших испанское подданство, распределялись среди энкомендерос; те племена, которые сопротивлялись покорению, обращались в рабство, а всем, кто убивал испанцев, жестоко мстили. В покоренных областях основывались города, становившиеся центрами испанского влияния, и туда посылались монахи для обращения индейцев в христианство.

В 1521 г. Сандоваль покорил племена к югу от Вера Крус — причем сжег живьем одного касика, убившего испанца, — а ороско прошел по берегу Тихого океана до самого Теуантепека и подчинил Испании сапотекские племена. На следующий год Альварадо покорил мистеков и сапотеков на холмах внутренних областей и оставил там партию испанцев, основавших город Оахаку. Тараcканы из Мичоакана собирались послать ацтекам помощь, но под влиянием дурных предзнаменований заколебались. Кроме того, умер их касик, а наследовавший ему сын, боясь соперничества за престол, потерял драгоценное время на истребление всех своих братьев. Услышав о разрушении Теночтитлана, тараcканы решили спастись от участи ацтеков, перейдя в подданство Испании, и послали к Кортесу дары и послов. В Мичоакан был отправлен Олид. Его люди разбили тарасканских идолов и набросились на добычу, причем не давали никому пощады, не взирая на инструкции Кортеса. Они основали город на берегу Тихого океана, у Сакатулы, а затем покорили Колиму и, услышав о лежавшей далее к северу стране, богатой золотом и населенной амазонками, проникли в Халиско. В Сакатуле Кортес построил корабли, на которых надеялся обследовать Тихий океан и присоединить к испанской империи недавно открытые Магелланом богатые пряностями острова Ост-Индии. Тем временем гватемальские племена киче повторили ошибку Монтесумы и тарасканов и послали в Мехико посольство с богатыми дарами — золотом, жемчугами и украшениями из перьев,— и испанцы стали мечтать о втором, еще более богатом, Теночтитлане, лежащем за Теуантепеком. Они вспомнили рассказ, будто золота в той стране так много, что рыбаки употребляют его на грузила. Кортес намеревался немедленно завоевать Гватемалу, так как боялся, что его может предупредить Педрариас, который все еще правил Дариеном, и, несмотря на свою старость — ему было уже под 90, — был жадным тираном, грозой как индейцев, так и испанцев.

Однако кульминационный пункт карьеры Кортеса остался уже позади. Ему еще предстояло перенести труды и страдания, которых хватило бы нескольким обыкновенным людям на целую жизнь; но зависть соперников-

испанцев и подозрения императора расстраивали его планы, и приобрести ему уже не пришлось ничего, кроме долгов и разочарований. Экспедиция в Гватемалу была отложена из-за волнений племени уастеков, жившего в лагунах Пануко. Кортес сам покорил и умиротворил эту область и принял ее жителей в число подданных императора. Почва ее была богата нефтью, которую позднее предстояло эксплоатировать конкистадорам другой расы, но золота в ней не было. Однако испанцы, жившие на островах, считали всю Мексику сплошной сокровищницей, и в 1523 г. губернатор Ямайки Гарай повел туда армию разбойников. Разочарованные бедностью страны, испанцы грабили и пытали ее жителей. Альварадо, употребив тактику, примененную Кортесом по отношению к Нарваэсу, переманил спутников Гарая к себе. Но индейцы начали восставать, и много испанцев было убито. Сандоваль, посланный Кортесом для восстановления порядка, подавил восстание и сжег живьем около 400 индейцев. Страдания Пануко на этом не кончились — через несколько лет испанское правительство назначило губернатором этой области Нуньо де Гусмана. Этот последний, выделявшийся алчностью и жестокостью даже среди конкистадоров, систематически обращал в рабство своих новых подданных, грузил их на корабли и продавал плантаторам на острова.

Зимой 1523/24 г. из Мехико отправились две экспедиции на покорение Гватемалы и Гондураса: Альварадо должен был пойти по побережью Тихого океана, а Олид отплыть из Вера Крус и покорить жителей побережья Караибского моря. Альварадо потратил на завоевание Гватемалы два года и был награжден должностью губернатора этой территории, Олид же, достигнув Гондураса, поступил с Кортесом, как некогда сам Кортес поступил с Веласкесом, отказавшись признавать власть своего начальника. Впоследствии он был схвачен и обезглавлен друзьями Кортеса, но в то время Кортес решил сам пойти на Гондурас. Поручив управление Мексикой на время своего отсутствия чиновникам королевского казначейства, он в октябре 1524 г. отправился в путь, взяв с собой Кваутемока и нескольких других ацтекских касиков, оставить которых было небезопасно. Кортес уже не обладал той неукротимой физической энергией, которую проявил

при осаде Теночтитлана, но воля его оставалась непреклонной. В последующие месяцы ему понадобилась вся его выдержка. В Табаско испанцы перешли пятьдесят рек, причем через каждую им приходилось строить переправу. В северной Гватемале, где за тысячу лет до того строили свои города индейцы майя, они проходили через такие густые леса, что часто не видели, куда поставить ногу, шли по компасу и питались кореньями и ягодами. Многие из их союзников-индейцев умерли с голоду, и Кортесу донесли, что Кваутемок убеждает оставшихся в живых восстать против испанцев и перебить их. Кваутемок и другие касики клялись, что они ни в чем не повинны. Тем не менее Кортес потребовал их казни, и все они были повешены на ветвях дерева сейбы. Затем испанцы пришли в колонию жрецов майя на озере Петен. Майя приняли их мирно и слушали проповеди о христианстве. Кортес оставил у них своего раненого коня. Майя кормили коня курятиной и цветами, а когда он пал, поставили ему статую и поклонялись ей как богу грома и молнии. За озером Петен испанцы пересекли крутую и кремнистую горную цепь Сьерра де-лос-Педерналес, где потеряли большинство лошадей, скатившихся в ущелья и пропасти, и спустились в новую область болот и рек, вздувшихся от ливней во время сезона дождей. Наконец, через семь месяцев после выхода из Мехико они достигли Гондураса и там узнали, что Олида нет в живых, так что в их путешествии не было никакой надобности. Никарагуа было уже опустошено соперниками-конкистадорами из Дариена и с Гаити. Началась борьба, победителем в которой вышел Кортес. Он намеревался, невзирая на Педрариаса, пронести свое оружие по крайней мере до перешейка и даже пойти дальше, на южный материк, но от этих мечтаний о беспрерывных завоеваниях в духе Александра Македонского его пробудили вести из Мехико.

Королевский агент Саласар захватил в Мехико власть, изгнав своего главного соперника, казначея Эстраду. Кортеса и весь его отряд считали погибшими в лесах Гватемалы, и кто-то рассказывал, что видел их души в адском пламени. Саласар отслужил по Кортесу панихиду и присвоил себе все его имущество, на которое мог наложить руку. Человек, которому Кортес поручил управление своими

поместьями, был схвачен, подвергнут пыткам и повешен. Все, кто противился власти Саласара, были заключены в тюрьму или принуждены скрываться в горах. В Оахаке и других местах индейцы, которых грабили без зазрения совести, восстали, и настала очередь испанцев подвергаться пыткам и погибать на кострах. В конце концов, сведения об этих событиях дошли до Кортеса. Он отправил посланца, который высадился в Вера Крус, под покровом ночи явился переодетым в Мехико и передал монахам письмо Кортеса. Как только стало известно, что Кортес жив, обитатели города схватили Саласара, заперли его в клетку, вынесли на площадь и там затравили, как дикого зверя. Когда вернулся сам Кортес, Мехико отпраздновал «фиесту»[1]. Кортес восстановил порядок и попытался загладить последствия тирании Саласара. Один из его приближенных женился на ацтекской принцессе и был послан в поездку по стране с поручением умиротворять индейцев и возвращать им отнятое у них имущество.

Но Саласар и его подручные своими письмами, где Кортес обвинялся во множестве преступлений — от убийства своей жены до намерения создать независимое королевство, — уже успели пробудить подозрения Карла V, и император, наполовину поверив их россказням, решил устранить Кортеса. Чтобы принять управление Новой Испанией и выслушать обвинения против Кортеса, в Мехико была направлена «аудиенсия» (audiencia), состоявшая из президента и четырех «оидоров». Президентом был назначен Нуньо де Гусман, известный Совету по делам Индии лишь как человек сильной воли и способный адвокат. Тогда Кортес решил апеллировать в Испанию, и весной 1528 г., через 24 года после своего прибытия на Гаити, отплыл в Европу.

Нуньо де Гусман управлял Мексикой так же, как областью Пануко. С полного согласия охотно ему помогавших оидоров он продавал индейцев в рабство, облагал касиков тяжелой данью, похищал красивых женщин и конфисковал энкомиенды, которые Кортес роздал своим сторонникам, чтобы распределить их среди собственных

[1] «Фиеста» (исп.) — празднество с музыкой, цветами и колокольным звоном. (*Прим. перев.*)

друзей. Он установил слежку за портами, чтобы вести о его действиях не проникли в Испанию.

Протесты монахов игнорировались, а когда один из них в проповеди разоблачил Гусмана, его стащили с кафедры. Индейцев, просивших монахов о защите, сажали в тюрьму и грозили им виселицей. Вновь назначенный епископ Мексики Сумаррага отлучил членов аудиенсии от церкви, а когда они не обратили на это внимания, он контрабандой переслал письмо через Атлантический океан, спрятав его в бочку с маслом. Жалобы его были поддержаны Альварадо, выступившим в качестве поедставителя Кортеса и первых завоевателей. В 1530 г. в Мексику была послана новая аудиенсия, под председательством епископа Рамиреса де Фуэнлеаля. Нуньо де Гусман уже пришел к выводу, что его правление будет непродолжительным и что ему следует искать власти и добычи в другом месте. Покинув своих товарищей по преступлениям, он собрал большое войско, которое финансировал, ограбив королевское казначейство, и отправился в ту богатую золотом и населенную только женщинами страну, которая, по слухам, лежала где-то к северу от Мичоакана. Фуэнлеаль и его товарищи предоставили Гусману заниматься своими проектами, но отправили оидоров обратно в Испанию и стали править более благопристойно.

Теперь император и его советчики решили, что управление Новой Испанией нельзя доверить никому из конкистадоров. Пусть авантюристы завоевывают провинции; они слишком завидуют друг другу, слишком жадны к богатству и власти, чтобы им можно было позволить управлять этими провинциями. Вице-королем нужно назначить испанского дворянина, лично известного королю. Это назначение получил Антонио де Мендоса, принадлежавший к одной из наиболее знатных семей Испании и отличавшийся в качестве чиновника испытанной преданностью и проницательностью. Мендоса прибыл в Мексику в 1535 г. До того обязанности губернатора выполнял Фуэнлеаль.

Кортес, надеявшийся, что его великие заслуги будут награждены по достоинству, был в любезной форме отстранен. Его сделали маркизом и пожаловали обширные земли в Оахаке и других областях. Но в завоеванной им

стране ему позволили занять лишь должность капитан-генерала. Если он хочет быть губернатором, пусть завоюет еще одну державу. Ему было обещано управление всеми землями, которые он может открыть за свой счет на Тихом океане. Когда в 1530 г. Кортес вернулся в Мексику, он не смог долго мириться с тем, что страной, господином которой он когда-то был, управляет Фуэнлеаль. В то же время влияние Кортеса на индейцев вызывало зависть аудиенсии. Поссорившись с Фуэнлеалем, Кортес уехал в Куэрнаваку, где построил дворец и церковь и занимался производством сахара и овцеводством. В Сакатуле, Акапулько и Теуантепеке он построил корабли и послал их на север открывать новый Теночтитлан. Но многие из этих кораблей погибли, а другие были захвачены Нуньо де Гусманом, который теперь сделался господином области Халиско. Береговая линия была исследована до самой Калифорнии, но оказалось, что там живут только дикари. В 1535 г. Кортес лично предпринял безуспешную попытку основать колонию на бесплодных берегах Нижней Калифорнии. После этого он поссорился с Мендосой, которому не давало покоя его безудержное стремление открывать все новые и новые земли, и вернулся в Испанию в надежде добиться отставки Мендосы. Но император решил, что Кортес больше ему не нужен. В дальнейшем Кортес участвовал в экспедиции против Алжира причем корабль его разбился, а сам он спасся вплавь и потом до самой смерти, последовавшей в 1547 г., оставался в Испании, всеми забытый и опутанный долгами. Он пожелал, чтобы его тело перевезли в Мексику и похоронили в монастыре в Койоакане.

Эпическая эра конкистадоров подходила к концу. В Америке была еще одна держава, богаче и обширнее ацтекской. В 1531 г. Франсиско Писарро во главе разбойничьей банды отправился из Дариена на юг и разгромил государство инков, набрав добычу, которая затмила славу Теночтитлана, и обращаясь со своими жертвами с таким циничным зверством, на которое Кортес был бы неспособен. Потом завоеватели поссорились при дележе добычи, и на равнинах Перу сражались между собой испанские армии. Но империя инков была последней добычей конкистадоров. На долю авантюристов, надеявшихся

поспорить с Кортесом и Писарро, осталась неразведанной бо́льшая часть двух материков, но находили они только страны, разработка природных богатств которых была еще делом будущего. Стремительность и дерзость конкистадоров, их способность переносить муки и бессердечие, с каким они причиняли их другим, сменились прозаическими трудами горняка и «ранчеро», епископа и королевского чиновника.

Одним из тех, кому выпало на долю разочарование, был Нуньо де Гусман. Бежав из Мехико, он сначала отправился в Мичоакан. Среди живших там тарасканов действовали монахи, которые крестили индейцев и строили монастыри. Захватив несколько тысяч индейцев в качестве носильщиков, Нуньо де Гусман потребовал у племенного вождя тарасканов золота. Старания вождя не дали достаточных плодов, а посему его привязали к конскому хвосту, протащили по степи и затем сожгли. Нуньо де Гусман оправдывал этот подвиг тем, что вождь будто бы снова впал в язычество; но хотя Гусман пытал нескольких свидетелей, он не смог добиться подтверждения своего обвинения. Из Мичоакана он последовал в Халиско, сжигая деревни и воздвигая кресты. Если индейцы принимали его мирно, их провоцировали на восстания, чтобы испанцы имели предлог поработить их. Когда они бежали, их преследовали, приводили обратно и проповедовали им христианство. По мере того, как Гусман двигался к северу, уровень культуры туземных племен снижался, но женщины казалось, становились красивее, и это подкрепляло Гусмана в убеждении, что он на пути в страну амазонок, В Тепике почти все его союзники-индейцы погибли от наводнений и болезней. Некоторые пытались бежать, но их ловили и вешали или доводили до самоубийства. Сам Гусман заболел, и его несли на носилках. Наконец, достигнув Синалоа, он сдался и согласился повернуть обратно. Он обосновался в Халиско, где построил города Компостелу и Гвадалахару и оганизовывал энкомиенды. Многие индейцы бежали из Халиско в горы Сакатекаса, другие, менее счастливые, ждали возможности восстать. Завоеванным им областям Гусман дал громкое название Великой Испании; однако ему не удалось обмануть испанское правительство. Власти, не желавшие мешать

ему, пока он мог быть полезен завоеванием какой-нибудь новой державы, в конце концов припомнили его преступления и приказали ему вернуться в Мехико. Халиско и прилежащие территории были переименованы в Новую Галисию, и в 1536 г. должность их губернатора была передана Пересу де ла Торре. Гусман провел два года в тюрьме в Мехико, а затем был отправлен в Испанию, где через несколько лет умер всеми забытый.

Такое же разочарование принесло испанцам завоевание Юкатана, последней области южной Мексики, которую им оставалось покорить. В 1526 г. товарищу Кортеса Франсиско де Монтехо было разрешено завоевать Юкатан и управлять им. Племена майя, несмотря на упадок их культуры, оказались достойными потомками людей, построивших Паленке и Чичен-Ицу. По всей Америке испанское завоевание не встречало более упорного сопротивления. Если бы майя способны были забыть свои внутренние раздоры, они могли бы сохранить независимость. Монтехо высадился на Юкатане и направился в глубь страны, причем сперва его принимали дружественно. Но как только он попытался установить новые порядки в стране, которую считал покоренной, и стал рассылать во все концы свои отряды, он оказался в осаде. Майя быстро собирались в лесах и окружали испанцев, грозя им голодной смертью. Иногда испанцы встречались с ними в открытом бою, и тогда превосходство оружия давало им победу, но майя никогда не признавали себя побежденными. Раненые воины кончали жизнь самоубийством, не желая, чтобы их убили испанцы. В 1535 г. Монтехо отбыл за подкреплениями, и на всем Юкатане не осталось ни одного испанца. Майя отпраздновали победу возобновлением своих старых межплеменных конфликтов. Племя шиус, помогавшее испанским захватчикам, попросило у кокомов разрешения посетить Чичен-Ицу для жертвоприношений. Когда шиус прибыли туда, кокомы подожгли дом, в котором находились шиус, и перерезали их. После этого между племенами началась война. В 1537 г. вернулся и возобновил наступление сын и тезка Монтехо, унаследовавший его губернаторскую должность. Несколько лет тяжелой борьбы дали ему власть над северной оконечностью полуострова, где он основал город Мериду, а майя были постепенно

обращены в рабство. Монтехо сжигал живьем племенных вождей, отказывавшихся подчиниться ему. Он приказывал отрезать у пленников-мужчин руки и ноги, а женщин вешать или бросать в озера с грузом на шее. Отдельные области внутри страны, в том числе колония жрецов на озере Петен, оставались независимыми до конца следующего столетия.

Несмотря на то, что в конце концов индейцы майя были сокрушены превосходящими силами, они сохранили духовную независимость. Они не желали говорить на испанском языке, значительно уступавшем их языку по богатству словаря, и их господа были вынуждены учиться языку майя. Еще в XIX в. майя продолжали восставать против господства белых. Покорение Юкатана, где не было ни золотых россыпей, ни плодородной земли, стоило испанцам бо́льших людских потерь, чем завоевание ацтеков и инков.

4. Завоевание Северной Мексики

В 1535 г., когда Мендоса стал вице-королем, граница испанских владений простиралась полукругом — от Пануко на юг до пункта в нескольких милях от Мехико и далее на север, до города Кулиакан, основанного Нуньо де Гусманом в Синалоа. Южнее этой линии испанские поселения сплошной цепью проходили через Оахаку, Центральную Америку и по тихоокеанскому побережью южного материка до самых границ Чили. На всей этой огромной территории основывались испанские города. Индейцев обращали в рабство или распределяли по энкомиендам, и монахи деятельно обращали их в христианство. Время от времени вспыхивали восстания, но они не получали большого распространения и легко подавлялись. Однако горы севера не были еще ни завоеваны, ни исследованы, и «тайна севера» привлекала искателей приключений следующего поколения, надеявшихся открыть не только новый Теночтитлан или новое Перу, но даже те легендарные царства, которые привлекали Колумба. Неудачливые конкистадоры бродили по пустыням Мексиканского плоскогорья и болотам долины Миссисипи в поисках семи золотых городов португальских епископов и морского пути, который даст им легкий доступ в Катай и Сипангу.

Нашли они только полудикие племена, но индейцы, стремясь избавиться от беспокойных чужеземцев, постоянно возбуждали их надежды, говоря им, что на несколько сот миль дальше находится какое-то богатое царство. Таким образом испанцы обследовали Северную Мексику и незначительную часть территории, принадлежащей в настоящее время Соединенным Штатам.

Покорение этих территорий шло медленно и трудно. На них жили племена, которые можно было грабить или заставлять работать на энкомиендах. Но большей частью это были кочевники-варвары, которые отступали перед испанцами, а затем совершали набеги на ближайшие испанские поселения и убивали их жителей. Однако Северная Мексика, мало привлекавшая конкистадоров, манила к себе менее честолюбивых и более трудолюбивых колонистов. Она была богата залежами серебра и обширными пастбищами. Вместо городов и плантаций испанцы устроили там горняцкие поселки и скотоводческие фермы. Некоторые более дикие племена сохраняли независимость вплоть до XIX в.

Вера в существование на севере богатых городов косвенным образом была результатом стремления завоевать Флориду. Юго-восточная часть современной территории Соединенных Штатов, страна болот и диких племен, вооруженных отравленными стрелами, принесла разочарование не одному искателю приключений. Завоеватель Порто-Рико, Понсе де Леон, отправился во Флориду искать источник юности и был убит индейцами. Айльон, привлеченный индейским сказанием о людях с твердыми, как кость, хвостами длиной в ярд, основал в Каролине недолговечную колонию. В 1527 г. право на Флориду приобрел Панфило де Нарваэс, побежденный Кортесом в Семпоале. Он высадился там с отрядом в 400 чел. и, услышав о богатом царстве Аппалачен, направился в леса внутренних областей.

Аппалачен оказался деревней, состоящей из сорока глиняных хижин. Возвратившись на побережье, испанцы обнаружили, что их корабли вернулись на Кубу. Тогда они убили своих лошадей, соорудили лодки из их шкур, сделали канаты из конского волоса, а паруса из своей одежды. На этих самодельных судах они намеревались

плыть вдоль побережья до Пануко. У устья Миссисипи их настигла буря, весь «флот» был рассеян, и большая часть его пропала без вести. Вскоре после этого в ветреную ночь сам Нарваэс был спящим унесен в море. Несколько членов отряда было выброшено на берег острова близ Галвстона и попало к дикарям, питавшимся орехами и улитками. Некоторые испанцы умерли с голоду, другие дошли до людоедства и вскоре тоже погибли. Среди оставшихся в живых был Кабеса де Вака. Попав в рабство к индейцам, он приносил им пользу тем, что лечил болезни. В конце концов, Вака приобрел достаточный престиж, чтобы иметь возможность убежать. Он подговорил трех других членов экспедиции — двое из них были испанцы, а третий — раб-мавр по имени Эстеван, — и вся группа начала постепенно пробираться по материку, по долине реки Рио Гранде, по пустыням Чигуагуа до провинции Синалоа. Индейцы приветствовали пришельцев как сынов солнца, и в каждом племени Вака лечил больных. Через восемь лет после своей высадки во Флориде они встретились с партией испанцев — охотников за рабами из Кулиакана.

Во всех своих странствиях Вака не нашел никаких следов золота и цивилизации. Но в ответ на нетерпеливые вопросы испанцев он не мог удержаться, чтобы не приукрасить свой рассказ. Он стал намекать, что видел вещи, о которых нельзя говорить, и заявил, что, по дошедшим до него слухам, где-то на севере имеется семь городов. Мистического числа «семь» было достаточно, чтобы возбудить жадность искателей приключений. Эрнандо де Сото, побывавший с Педрариасом в Дариене и с Писарро в Перу, повел экспедицию в бухту Тампа. Три года он бродил взад и вперед между Атлантическим океаном и Миссисипи, сжигая деревни и убивая индейцев или заковывая их в цепи и угоняя в рабство. Испытывая постоянные разочарования, Сото не хотел вернуться на родину и признаться в неудаче. В конце концов, он умер. Остальные отправились на запад, надеясь добраться до Мексики сушей, но дошли лишь до лесов Техаса. Через год они вновь вернулись на Миссисипи и построили семь барж, на которых проплыли 700 миль вниз по реке, а затем вдоль берега Мексиканского залива достигли Пануко.

Рассказ Вака заинтересовал и вице-короля Мендосу. Он купил мавра Эстевана и в сопровождении францисканского монаха, брата Маркоса, и эскорта индейцев послал его обратно на север. Эстеван разукрасил себя перьями, погремушками и колокольчиками, соорудил магическую бутыль из тыквы и пошел вперед, совершая «чудеса», которым научился от Вака, и собирая богатые дары у племен, которые встречал по пути. Индейцы встречали его повсюду как посланца неба, помещали в хижинах, увешанных гирляндами, и старались коснуться хотя бы края его одежды. Таким образом Эстеван и Маркос прошли вверх по долине реки Соноры и через горы попали в Аризону. Эстеван, услышав рассказы о стране Сибола, где имеется семь городов, и послав гонцов назад к Маркосу, продолжал свой путь далее. В Нью-Мексико, в деревне племени суни, его внезапно схватили и убили. Маркосу сообщили о случившемся, и он не посмел войти в деревню, но видел ее с вершины отдаленного холма, и в обманчивой ясности воздуха она показалась ему больше и богаче, чем город Мехико.

Когда Маркос вернулся с вестью о своем открытии, Мендоса организовал экспедицию для завоевания Сиболы и поручил руководство ею Франсиско Васкесу де Коронадо, преемнику де ла Торре по управлению Новой Галисией. В экспедицию было включено 300 искателей приключений, большинство которых недавно прибыло из Испании в надежде на легкие завоевания и праздно жило за счет вице-короля, так что от них рады были избавиться. Мендоса снабдил их тысячей лошадей, стадами коров, овец и свиней и дал войско из союзников-индейцев. Эта огромная кавалькада вышла из Компостелы в феврале 1540 г. и медленно двинулась по берегу Тихого океана, истребляя скудные запасы индейских деревень и оставляя за собой голод. Сибола оказалась всего лишь деревней из двухсот глинобитных хижин. Коронадо остановился в ней, чтобы подготовиться к завоеванию Нью-Мексико. Здесь до него дошли рассказы о стране Кивира, где, по слухам, водилась рыба величиной с лошадь, были парусные лодки и великий король, который ел с золотых блюд и спал под деревом, увешанным золотыми колокольчиками. Испанцы искали Кивиру целый год, но обнаружили только стада

буйволов и бесконечные просторы прерий. В Канзасе проводник-индеец признался, что лгал им, надеясь, что они все погибнут в пустыне. Они задушили его и повернули обратно. Некоторые из монахов остались в Нью-Мексико, чтобы проповедовать индейцам, и впоследствии заплатили жизнью за убийства, совершенные Коронадо и его подручными; но остальным членам экспедиции не терпелось вернуться в Новую Испанию, и они отступали, как разгромленная армия. Рогатый скот и лошадей оставили бродить на воле и размножаться в богатых растительностью степях Северной Мексики. Авантюристы начали разбегаться, как только достигли испанских поселений, и Коронадо с жалкими остатками своего первоначального отряда предстал перед недовольным Мендосой. Мендоса посылал также суда, которые доходили вдоль берега Тихого океана до самого Орегона, не находя морского пути, который соединял бы западную часть материка с восточной. После этих неудач крупных экспедиций больше не предпринималось.

Пока Коронадо гонялся в Канзасе за миражами, произошло самое серьезное из индейских восстаний. Провинция Халиско, завоеванная Нуньо де Гусманом, терпела от испанцев больше жестокостей, чем любая другая часть Мексики. Индейцы из энкомиенд поддерживали связь с независимыми еще племенами, жившими в горах Сакатекаса, и эти последние убеждали их вернуться к старым богам и истребить белых захватчиков. Постепенно посланцы индейцев Сакатекаса привлекли на свою сторону деревни Халиско. Уверенные в покровительстве свыше, индейцы в 1541 г. стали поджигать церкви и убивать энкомендерос. Они засели на вершинах скалистых холмов, называемых «пеньолес», к северу от Гвадалахары и разбили напавшего на них Кристобаля де Оньяте, исполнявшего обязанности губернатора провинции. В то время в Халиско находился Педро де Альварадо, готовивший флот для обследования Тихого океана. Товарищем его в этом предприятии был Мендоса. Завоеватель Оахаки и Гватемалы был уверен, что, как бы много ни было индейцев, испанские всадники всегда с ними справятся. Выразив презрение к Оньяте, он во главе небольшого войска пошел на пеньоль Ночистлан. Индейцы отразили три атаки испанской конницы и убили

30 испанцев. Тогда армия Альварадо распалась и бежала, преследуемая тысячами индейцев на протяжении десятка миль. Один испанец бешено пришпоривал коня; у края ущелья конь споткнулся и упал, придавив бежавшего Альварадо. Конкистадора принесли в Гвадалахару, где он через 11 дней умер. После этого индейцы напали на Гвадалахару, но испанцы оборонялись в окружавших площадь каменных зданиях, и в конце концов их пушки отогнали индейцев обратно на их пеньолес. Взятым в плен индейцам испанцы выкололи глаза. Тем временем Мендоса решил сам возглавить военные действия; положение считалось столь серьезным, что союзных индейцев впервые вооружили пушками и лошадьми. Осенью Мендоса брал один пеньоль за другим. Сдававшихся индейцев щадили, но сопротивлявшихся убивали или обращали в рабство. Многие индейцы кончали жизнь самоубийством, бросаясь вниз со скалистых склонов своих естественных крепостей. Война завершилась осадой Мистона, который оборонялся три недели, пока некоторые из его защитников, разочарованные тем, что индейские боги не охранили своих почитателей, сдались испанцам в плен и указали им потайную тропинку, ведшую на вершину пеньоля. После войны испанцы получили свои энкомиенды обратно, но многие индейцы бежали в Сакатекас или к племенам кора' и уичоле в горах Сьерра-де-Найярит. Население этой обрывистой, кишевшей скорпионами цепи холмов не признавало испанского господства до XVIII в., и еще в президентство Порфирио Диаса край этот оставался центром борьбы индейцев за независимость, против господства белых.

Мистонская война показала, что необходимо покорить Сакатекас. То ли из благочестия, то ли из экономии, но Мендоса пожелал, чтобы это совершилось мирным путем, и в горы была послана партия монахов в сопровождении Хуана де Толосы для проповеди евангелия. Это филантропическое предприятие было вознаграждено открытием богатств, далеко превосходивших всю теночтитланскую добычу. В горном ущелье, где бушевали ветры и где впоследствии был построен город Сакатекас, были открыты залежи серебра. Счастливцы разбогатели, и весть об их находке вызвала первую из крупных «горных лихорадок» в истории Северной Америки. С 1548 г. ведет свое начало

тот непрерывный поток серебра из Мексики в Испанию, который в сочетании с богатствами Боливии и Перу распространился по Европе, гальванизировал ее производительную энергию и ускорил рост капитализма. Заселение Сакатекаса сопровождалось покорением всей центральной части Северной Мексики. Из Сакатекаса через горы были проложены дороги в столицу для перевозки серебра, а в важных стратегических пунктах были основаны военные колонии. Провинция Керетаро была завоевана вождями племени отоми, которые приняли испанские имена и испанскую веру и были награждены испанскими титулами. Севернее Керетаро партия погонщиков мулов открыла в Гуанахуато, среди крутых ущелий и огромных порфировых скал, напоминавших разрушенные крепости народа великанов, другое небывало богатое месторождение серебра. Несколько столетий гуанахуатские залежи Вета Мадре давали четверть всего мексиканского серебра, и чем глубже они разрабатывались, тем оказывались богаче. Гуанахуато был также центром наиболее плодородных пахотных земель Мексики. К востоку от Сакатекаса, в Сан-Луис-Потоси, были в течение XVI в. открыты новые месторождения серебра. Дикие племена, охотившиеся до сих пор в этих местах, были либо обращены в рабство и обречены работать в рудниках, либо вынуждены искать убежища в менее доступных горных долинах и в непокоренных еще областях дальнего севера.

На северо-западных территориях — Соноре и Чигуагуа, Синалоа и Дуранго — уже действовали францисканцы и иезуиты, но их усилиям обратить индейцев в христианство мешали экспедиции охотников за рабами. В ответ на эти экспедиции индейцы напали на горняцкие поселки в Сакатекасе. В 1554 г. Франсиско де Ибарра предпринял покорение северо-запада. Завоевания считались еще частным делом, и хотя Ибарра был назначен губернатором всего этого огромного района, составлявшего почти треть Мексики, его финансировал дядя из доходов рудников Сакатекаса. Завоеванная область была названа Новой Бискайей. Почти 20 лет Ибарра бродил по ней, ища залежей серебра и мифическое царство Топия. Здесь не было богатых месторождений, как в Сакатекасе, а обрабатываемую землю нужно было орошать, но в Дуранго и Чигуагуа

имелись покрытые высокой травой нагорья, где бродили стада быков и овец — потомков тех животных, которых привел на север Коронадо. Испанцы устроили скотоводческие фермы, и к концу века некоторые из них имели по 30—40 тыс. голов скота. Скот резали не на мясо, а на шкуры и копыта. Индейцев-кочевников, живших на плоскогорье, удалось легко покорить или отогнать на север, но те, которые жили в речных долинах Соноры и Синалоа и занимались земледелием, оказались более стойкими. В 60-х годах XVI в. индейцы изгнали из этих провинций всех белых. К концу столетия к ним отправились иезуиты и начали обращать их в христианство. Но покорить этих индейцев так никогда и не удалось. Жившее в Соноре племя яки защищалось от агрессии белых до конца XIX в.

Северо-восточные племена также нападали на горняцкие поселки. Сначала испанцы пытались умиротворить их, платя им субсидии и насаждая среди них колонии тласкаланцев. В 1584 г. Луис де Карвахаль предпринял завоевание этой территории. Карвахаль был назначен губернатором провинции Нуэво Леон, где основал город Монтерей и согнал индейцев в энкомиенды нового типа, называемые «конгрегас» (congregas). Предполагалось, что в них будет облегчена задача обращения индейцев в христианство, но в действительности индейцы становились там рабами. Карвахаль был по происхождению еврей и впоследствии был арестован и сожжен инквизицией по обвинению в том, что не донес на членов своей семьи, совершавших еврейские обряды. Дело его не было завершено, и индейцы Сьерра Горды и побережья Тамаулипаса совершали набеги на испанские поселения и не признавали испанского владычества еще 150 лет.

Волна экспансии в XVI в. еще раз докатилась до Нью-Мексико. Когда английский корсар сэр Френсис Дрейк, совершив набеги на Перу и Панаму, исчез на берегу Калифорнии и оказался затем на родине, в Англии, стали думать, что он открыл мифический морской путь через материк, и в 1598 г. на север был послан Хуан де Оньяте, чтобы найти этот путь и укрепить его против англичан. Оньяте покорил индейцев Пуэбло и разослал разведывательные партии. Надежда на открытие морского пути

вскоре угасла, но занятие Нью-Мексико положило начало торговле с индейцами Великих равнин. Каждый год из Санта-Фе в Чигуагуа и на юг отправлялся караван, груженый одеялами и буйволовыми шкурами. Но власть испанцев над Нью-Мексико всегда была слабой. В 1680 г. индейцы восстали, часть испанцев вырезали, а остальных прогнали на юг. Восставшие были вновь покорены лишь в 1694 г.

Нью-Мексико стал пределом господства испанцев. По мере того как владения Испании расширялись на север, способность испанцев покорять и поглощать индейцев все слабела. Нью-Мексико, занятый через сто с лишним лет после путешествия Колумба, был последним завоеванием испанцев. В Аризоне и Неваде имелись богатые месторождения серебра. Там обитали воинственные племена, нападавшие на пограничные селения. Единственной естественной границей провинции Новая Испания являлся Ледовитый океан. Но Испания была уже не в состоянии осуществлять свою власть и на той территории, которую имела. Кроме того, индейцы уже начали усваивать европейские методы войны. Скот, приведенный Коронадо на север, обеспечил стадами ранчо Новой Бискайи, но лошади были захвачены племенами, совершавшими набеги на эти ранчо. Животное, которое помогло Кортесу покорить ацтеков, стало теперь союзником индейцев. В XVII в., после колонизации французами Квебека, к индейцам, населявшим равнины, попали европейские пушки. Они передавались от одного племени к другому, и некоторые дошли до мексиканской границы. На протяжении столетий команчи из Техаса и апачи из Аризоны совершали набеги на Мексику, убивали испанцев и уводили скот. Положить конец этим нападениям выпало на долю белым колонистам другой расы и более поздней эпохи.

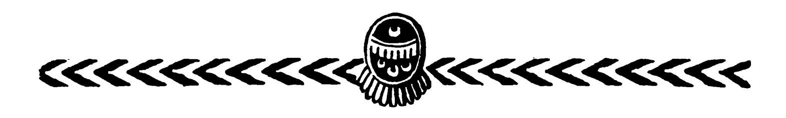
Тем временем Испания создавала форпосты своей империи к востоку и западу от Мексики. После неудач Нарваэса и де Сото Флорида была покинута. Она была «полна болот и ядовитых плодов, неплодородна, худшая из всех стран под солнцем». Тем не менее, Флорида имела важное стратегическое значение. Флот, увозивший в Испанию добычу из ее мексиканской империи, шел через Багамский архипелаг. В 1553 г. флот был разбит ураганом, и огром-

ные галеоны, переполненные серебром Сакатекаса, были выброшены на рифы Флориды, где спасшихся пассажиров убили индейцы. Кроме того, Флорида была удобным местом укрытия для пиратов. Когда золотые украшения ацтеков и их ковры из перьев попали в руки французского короля, французы решили не допускать, чтобы испанцы монополизировали сокровища Индии, и французские корсары стали нападать на острова Караибского моря. В 1562 г. во Флориде была основана колония французских протестантов, и некоторые из них вскоре нашли, что пиратство выгоднее земледелия. Тогда на завоевание для Испании Флориды был послан Менендес де Авилес. У берегов Флориды он застал французский флот, но когда он известил французов, что явился, чтобы сжечь и перевешать всех протестантов, они немедленно перерезали канаты и бежали в океан. Тогда Авилес до рассвета напал на французскую колонию, захватив ее врасплох, и обезглавил всех жителей, за исключением нескольких, принявших католицизм. Испанским центром во Флориде стал город Сант-Аугустин, и монахи проникали на север, в Джорджию и Каролину.

Со времени путешествия Магеллана честолюбие испанцев возбуждала Ост-Индия. В 1542 г. Мендоса послал из Акапулько экспедицию под руководством Вильялобоса с заданием переплыть Тихий океан. Один из кораблей Вильялобоса разбился у Гавайских островов, и там испанский моряк стал родоначальником династии полинезийских королей. Но остальные суда обследовали Филиппинские острова и вернулись, обогнув Африку. Однако на востоке были колонии португальцев, и Карл V не хотел трогать их. В 60-х годах проект Мендосы был воскрешен. Испанцы, приплывшие из Мексики, основали город Манилу, и после открытия удобного морского пути от Филиппин до Калифорнии испанские галеоны стали регулярно пересекать Тихий океан, привозя в Акапулько китайские шелка и пряности с островов. Миссионеры-иезуиты проникли уже в Японию, и одно время испанцы мечтали о завоевании новых империй — настоящих Катая и Сипангу, которых искал Колумб, которые привели конкистадоров в Америку и которые теперь, через 75 лет, казались такими близкими и доступными.

Но было уже поздно. Отныне Испания должна была стремиться упрочить свои владения и охранить их от соперников. Испанской монополии начинали грозить другие европейские нации — сперва французы, затем англичане и голландцы. Испанская культура, поверхностно распространившаяся по значительной части двух материков, почти не была воспринята индейскими народами. Индейская культура, временно затопленная потоком завоевания, сохранила некоторые свои прирожденные черты и с течением времени медленно развивалась, измененная, но не уничтоженная.

КОЛОНИЯ НОВАЯ ИСПАНИЯ

1. Политическая организация

Новая Испания была завоевана независимыми авантюристами, искавшими славы и добычи для себя, но управлять ею стали чиновники испанской короны, чья деятельность строго регулировалась монархией и Советом по делам Индий. Испанские короли намеревались не допускать, чтобы среди их американских подданных развивался дух независимости. Конкистадоры и их родившиеся в Америке потомки были поставлены под контроль деспотической бюрократии, чиновники которой посылались из Испании. Пока Мексика оставалась испанской, ее белое население, креолы, считалось низшей расой. Власть и привилегии были монополией чиновников, родившихся в Испании, а экономическое развитие Мексики было подчинено интересам испанских купцов и промышленников. Эти уроженцы Испании получили от американцев выразительное прозвище «гачупинов» [1].

Основы испанской администрации в Мексике были заложены Фуэнлеалем и второй аудиенсией, а завершил ее структуру Мендоса. После приезда Мендосы в 1535 г. вплоть до установления независимости в 1821 г. Новая Испания управлялась вице-королем, который был окружен царским великолепием и пользовался почти царскими почестями. Прибытие нового вице-короля в Вера Крус и его медленное торжественное шествие в столицу праздновалось с самым расточительным великолепием. Испанские города, лежавшие на его пути, соперничали друг с другом в трате денег на банкеты и бои быков, индейские племенные вожди обязаны были являться, чтобы целовать руку новому правителю и преподносить ему гирлянды цветов, а пред-

[1] Gachupines — люди со шпорами; согласно другому толкованию, слово «гачупин» первоначально означало «новичок», «новоприбывший».

ставители индейских племен в длинных плащах и шлемах из перьев исполняли традиционные пляски. В качестве гарантии против злоупотреблений и неверности от вице-короля требовалось, чтобы в конце срока службы он проходил через «ресиденсию» (residencia); это значило, что назначался другой чиновник для выслушивания жалоб на вице-короля и для обследования его управления. Ресиденсия не была простой формальностью, так как вице-короля иногда осуждали, и ему приходилось платить штраф. Вице-королю помогала заседавшая в Мехико аудиенсия, являвшаяся апелляционным судом и совещательным органом по административным вопросам, а также подчиненная ей аудиенсия в Гвадалахаре. Более мелкие административные единицы управлялись коррехидорами или старшими алькальдами. Все эти чиновники, а также высшие служители церкви были обычно гачупинами. Элементы демократии в правительственной машине представляли лишь городские советы, называвшиеся «аюнтамиентос» (ayuntamientos) или «кабильдос» (cabildos) и состоявшие из «рехидоров» (regidores) и «ординарных алькальдов» (alcaldes ordinarios). Но этим советам было дано мало власти, членство в них скоро стало наследственным и могло быть куплено за деньги.

Испанские короли понимали, что со свободных индейцев корона сможет получать дань, а индейцы порабощенные приносят пользу, главным образом, своим владельцам. Однако отождествляя свою религию с величием своей страны и властью монархии и веря, что врагов бога и Испании можно по праву пытать и убивать, они верили также, что завоевание Америки будет законным лишь в том случае, если окажется благодетельным для покоренных народов [1].

Но идеальные стремления были несовместимы с укреплением империи.

Главным стимулом, приведшим колонистов в Америку, была мечта жить в аристократической праздности за счет местного населения. По мнению многих испанцев, индейцы

---

[1] Об истинных причинах «забот» испанской короны о покоренных индейцах и о действительном характере этих «забот» см. предисловие, стр. 8. (*Прим. ред.*)

являлись низшей расой. Они были «gente sin razón» — неразумные люди, предназначенные богом быть рабами или крепостными. Когда предполагалось уничтожить эксплоатацию труда индейцев, испанцы грозили восстать и заявляли, что если король настоит на своем, то они покинут Мексику, обрекая ее на пребывание в тьме язычества и лишая тем самым Испанию доходов, на которые она рассчитывала.

Феодальное угнетение еще господствовало в европейском обществе, и народ-завоеватель неизбежно требовал феодальных прав на зависимое от него индейское население. Более 500 испанцев приобрели энкомиенды. Индейцы должны были платить им дань или работать на их плантациях, выращивая пшеницу, сахарный тростник, хлопок — не говоря уже о работе для удовлетворения собственных нужд. Другие испанцы владели серебряными рудниками, где индейцы осуждены были на рабство. И хотя по закону индейцев можно было обращать в рабство лишь в наказание за сопротивление завоеванию, владельцы рудников злоупотребляли своей привилегией, открыто рассылая настоящие экспедиции охотников за рабами, а смертность на рудниках была так высока, что кадры рабов нужно было беспрестанно пополнять. Даже племена, являвшиеся непосредственными вассалами испанской короны, не были ограждены от эксплоатации. Коррехидоры зачастую были людьми того же типа, что и конкистадоры. Они собирали подати, заставляли индейцев выполнять общественные работы, и, хотя королевская дань, вначале равная дани, какую эти племена ранее платили ацтекам, была в дальнейшем сокращена до подушного налога в 1 или 2 песо и официально за всякий труд полагалась заработная плата, коррехидоры почти никогда не ограничивались в своих требованиях пределами закона.

Бремя, возложенное на индейцев светской знатью, было впоследствии дополнено обязанностью содержать церковь. Вначале христианство представляли монахи, которым платило правительство. Языческие храмы надлежало как можно скорее заменить христианскими церквами. Индейцам приходилось выкапывать камни, переносить их в свои деревни, передавая из рук в руки по цепочке, а индейские ремесленники украшали эти камни резьбой и укладывали

их на место под присмотром монахов. Вскоре над всеми долинами Центральной и Южной Мексики вознеслись церковные башни и купола. В течение колониального периода в стране было построено 12 тыс. церквей. Свидетельствуя о торжестве Христа над Уицилопочтли, они в то же время свидетельствовали об умении миссионеров добиваться от индейцев бесплатной работы. Но монахи были лишь авангардом католического духовенства. Как только для веры завоевывалась новая территория, она передавалась в ведение священников, организованных в епархии, и должна была приносить доход, а монахи шли дальше. С индейцев стали требовать десятину, плату за бракосочетание, за крещение, за похороны. Приезд священников означал для индейцев не только новое финансовое бремя, но и новую тиранию, ибо прибывавшие в Мексику священники часто ехали туда с тем, чтобы попользоваться властью и престижем, на которые они не могли рассчитывать на родине.

Одним из гибельных результатов испанского завоевания было то, что испанцы принесли с собой в Мексику европейские болезни, от которых индейцы не имели иммунитета. Оспа поразила их еще до падения Теночтитлана. Другая эпидемическая болезнь, которая впервые появилась в вице-королевстве Мендосы и косила индейцев сотнями тысяч, а в течение двух последующих столетий снова и снова охватывала Новую Испанию, болезнь, которую ученые того времени приписывали влиянию кометы или испарениям вулканов, была, повидимому, особой формой гриппа. Третьей болезнью, которой предстояло сделаться одним из постоянных бедствий Мексики, был сифилис. В правление Мендосы сифилис был уже так распространен, что для его лечения устроили особую больницу. Болезни привели к большому сокращению населения. В течение нескольких столетий плотность населения Мексики была ниже, чем до испанского завоевания.

Когда Мендоса стал вице-королем, главной его обязанностью, кроме изыскания способов увеличения королевских доходов, было урегулирование положения индейцев. Мендоса был испанским чиновником лучшего типа и отличался той боязнью поспешных действий, которая характеризовала испанскую бюрократию. Он считал, что хороший

администратор должен делать мало и действовать не торопясь.

Император хотел отменить рабство и энкомиендарную систему, но Мендоса не отважился принять столь решительные меры и удовлетворился попыткой ограничить чрезмерную эксплоатацию. Он установил часы, в которые разрешалось заставлять рабов работать в рудниках, и приказал платить за всякую работу, требуемую со свободных и работавших на энкомиендах индейцев. Сохранив индейскую систему общинного землевладения, сходную с той, которая была распространена среди испанских крестьян, он организовал механизм для защиты индейских земель от посягательств испанцев. Каждая деревня имела право на участок общинной земли, «эхидо» (ejido), размер которого впоследствии, по закону 1567 г., был установлен в 1 квадратную лигу.

В индейские обычаи, пока они были совместимы с христианством, вмешиваться не полагалось, и местное управление индейскими деревнями должно было осуществляться индейскими касиками.

Высшие чиновники Новой Испании занялись насаждением просвещения. Монахи обучали индейцев чтению, письму и закону божию. Ганте в Тескоко имел школу с тысячей учеников. Мендоса основал приют Сан-Хуан Летран для воспитания найденышей смешанного происхождения, а епископ Сумаррага устроил в Тлателолько школу, где сыновья касиков получали более солидное образование. В Тлателолько индейцы изучали латынь и богословие и делали такие быстрые успехи, что через десять лет их учителя смогли передать преподавание в школе окончившим ее индейцам. Было время, когда чистокровные индейцы обучали сыновей испанцев латыни. Монахи изучали индейские древности и переводили богословские трактаты на индейские языки. Плодом просвещения индейцев был ряд написанных лицами индейского происхождения книг, передававших сказания индейских народов.

Подобная деятельность не пользовалась популярностью среди испанских колонистов, не желавших, чтобы индейцы стали им ровней. Императору слали непрерывные жалобы на школу в Тлателолько. Индейцы, говорилось в этих донесениях, учатся так быстро и проявляют такие способно-

сти, что это может быть лишь делом дьявола, который замышляет извратить истинную веру мерзкими ересями. Единственное средство заключается в том, чтобы не позволять индейцам изучать латынь и ограничить их образование выучиванием нескольких молитв. Мендоса и Сумаррага убедились, что распространить среди индейцев испанские ремесла невозможно. Сумаррага ввозил из Испании искусных мастеров, но они отказывались обучать индейцев своему ремеслу. Они понимали, что, монополизируя свое искусство и храня его в тайне, они смогут диктовать потребителям более высокие цены. Работники-индейцы проявляли в изучении испанских ремесл замечательные способности. Они брали для ознакомления испанские изделия и без всяких указаний воспроизводили их. Но испанцев это только пугало. Когда в Мексике была введена испанская система гильдий, то высшие должности в важнейших гильдиях предоставлялись только лицам испанского происхождения. Все же некоторые индейцы, работавшие подмастерьями у испанских мастеров, имели возможность проявлять свойственные их народу художественные дарования. Гончарные изделия, которыми некогда славилась Чолула, производились теперь в соседнем испанском городе Пуэбле. Индейское художественное мастерство было приспособлено к нуждам церкви. В деревнях индейцы продолжали изготовлять посуду и ткани, но многие ремесла, которыми славилась Мексика до испанского завоевания, стали исчезать.

Между тем противники испанской завоевательной политики возобновили атаку на императора и его советников. Профессор богословия в Саламанкском университете Франсиско де Викториа упорно разоблачал эксплоатацию индейских народов, и усилия его были поддержаны пламенным утопистом Бартоломэ де Лас Касасом. Этот последний полагал, что покорение индейцев при помощи оружия ничем нельзя оправдать и что единственной справедливой целью прихода испанцев в Америку могло быть желание завоевать для Христа души ее жителей. Не сумев двадцать лет тому назад улучшить положение на островах, он ушел в доминиканский монастырь на Гаити, где занялся составлением истории испанского завоевания. В ней он страстно разоблачал весь процесс созидания империи и вместе с тем сильно преувеличивал добродетели и дости-

жения индейских народов. В 1536 г. он добился единственной крупной победы за всю свою многолетнюю деятельность: в северной Гватемале была область, успешно сопротивлявшаяся испанскому завоеванию; Лас Касас и группа монахов отправились туда без оружия, завоевали любовь индейцев и обратили их в христианство. Затем Лас Касас вернулся в Испанию и, прежде чем уехать оттуда на должность епископа области Чиапас, содействовал принятию «новых законов» 1542 г. Согласно этим законам, все энкомиенды сохранялись до смерти их владельцев, а раздача новых энкомиенд отменялась. Духовные лица и чиновники, владевшие энкомиендами, должны были немедленно от них отказаться. Рабство отменялось. Законы должны были издаваться на важнейших индейских языках. Для наблюдения за проведением «новых законов» в Мексику был послан Франсиско Тельо де Сандоваль.

Когда «новые законы» стали проводиться в Перу, испанцы восстали и убили вице-короля. В Мексике приезд Сандоваля вызвал панику. Его закидали петициями, и к нему зачастили депутации перепуганных энкомендерос. Вся деловая жизнь прекратилась. Испанцы заявляли, что «они будут вынуждены убить своих жен и детей, чтобы спасти их от позора». Первый флот, вышедший из Вера Крус после принятия «новых законов», увез из Мексики 600 колонистов. Мендоса и Сандоваль убедились, что осуществить «новые законы» невозможно. Даже монахи не хотели поддерживать эти законы, не без оснований указывая, что передача индейцев, работавших на энкомиендах, в ведение коррехидоров не улучшит их положения. К императору обратились с просьбой отменить законы, и когда пришла весть о его согласии, испанцы отпраздновали ее пирами и боями быков. Лас Касас вскоре после этого вернулся в Испанию, где до самой смерти продолжал предавать гласности беззакония, которые терпели индейцы.

Император считал своего вице-короля столь полезным для испанской империи, что не давал ему передышки в работе буквально до смертного часа. Когда старость и болезни заставили Мендосу просить позволения уйти в отставку и вернуться в Испанию, его только перевели в Перу, где трудности управления были еще бо́льшими, чем в Мексике. Менее чем через год Мендоса умер. Его

преемником на посту вице-короля Новой Испании стал Луис де Веласко, принявший должность в 1551 г. Веласко привез с собой приказ короля, запрещавший порабощение женщин и детей и предлагавший провести в жизнь правило, по которому обращение мужчин в рабство разрешалось лишь в наказание за сопротивление завоеванию. Утверждали, что эта мера привела к немедленному освобождению 150 тыс. чел., не считая женщин и детей. Рабство в Новой Испании постепенно исчезло и сохранилось только для небольшого числа ввезенных туда негров[1]. Но польза от освобождения была невелика. Рабы в рудниках и на плантациях попрежнему несли непосильный, плохо оплачиваемый труд. Оторванные от родины, они не имели никаких возможностей бежать.

После смерти Веласко, последовавшей в 1564 г., возникла новая угроза ограничения наследования энкомиенд. По крайней мере, пошел слух, что таково намерение короля. Группа энкомендерос начала угрожать вооруженным сопротивлением. Выдвигались предложения, чтобы Новая Испания объявила себя независимой. Лидерами этого движения были братья Авила, сыновья одного из первых конкистадоров. Они попытались привлечь на свою сторону сына Кортеса, маркиза дель Валье, которого они собирались объявить королем. Не успело движение выйти из стадии неопределенных споров, как оидоры аудиенсии арестовали дель Валье и обезглавили обоих Авила. Следующий вице-король, Перальта, нашел, что аудиенсия была излишне строга; тогда оидоры сообщили королю Филиппу, что Перальта поощряет измену. На смену Перальта было

---

[1] Негры были физически сильнее, чем индейцы. Они были ввезены около середины XVI в. в количестве 20 тыс. чел. для работы на сахарных плантациях Куэрнаваки и на «горячей земле» Вера Крус. Несмотря на относительную немногочисленность негров, испанцы боялись их восстаний больше, чем индейских. Мендоса повесил нескольких негров. В начале XVII в. распространялись слухи, что в какой-то определенный вечер в Мехико начнется негритянское восстание. Однажды ночью испанцы, тревожно ждавшие в своих домах, со страхом услышали топот ног. Оказалось, что этот шум произвело стадо убежавших свиней. Но испанцы отомстили за пережитый страх казнью 32 негров. Вследствие смешанных браков с индейцами негры в Мексике постепенно исчезли как особый народ. Районы, где их имелось больше всего, — Морелос и Вера Крус — были в новое время районами наиболее грозных крестьянских движений.

послано три следователя, и их руководитель, Алонсо Муньос, ввел в Мексике террор. Тюрьмы наполнились людьми, подозреваемыми в измене, ряд энкомендерос был обезглавлен, а Мартина Кортеса, сына завоевателя от Марины, пытали в надежде, что он даст показания против своего брата. Новые жалобы в Испанию привели к назначению нового вице-короля, Энрикеса де Альмансы, и к отзыву Муньоса. Маркиз дель Валье был уже отправлен в Испанию. В конце концов его оправдали, но в Мексику он так и не вернулся. Его потомки владели значительной частью провинции Оахака, не живя там и даже не посещая своих поместий до XX в.

После заговора Авила — если это был действительно заговор — движение креолов за независимость Мексики прекратилось на 200 с лишним лет. Но отсутствие мятежей объясняется не только террористическими мерами, принятыми для их подавления, но и постепенным распадом всей испанской административной системы и ослаблением внимания королевской власти к индейцам. По мере того, как короли слабели, креолам разрешалось делать все, что угодно. Энкомиенды сохранились и были окончательно отменены только в XVIII в. Намерения монархов XVI в. получили воплощение в так называемых «законах об Индии», но бюрократия вяло проводила их в жизнь. К тому же законы стали так многочисленны и сложны, что едва ли можно было ожидать полного повиновения им. Коллеж в Тлателолько превратился в начальную школу, а потом был закрыт; другие индейские школы также исчезли или превратились в школы для креолов. Расовые разграничения усилились, и испанцы, чья агрессия вначале носила скорее религиозный, чем расовый характер, считали теперь, что цветная кожа является доказательством неполноценности. Индейцы не могли быть священниками, чиновниками, адвокатами или врачами. Они были обречены на физический труд, и только работа индейских художников поощрялась духовенством. Все более или менее важные посты оставлялись для потомков завоевателей.

Между двумя мексиканскими народами сохранилась резкая грань: креолы наверху социальной лестницы, индейцы внизу ее. Часть индейцев превратилась в рабочих

рудников и испанских городов, но большинство продолжало жить в деревнях, под управлением касиков, власть которых нередко была более деспотической, чем до завоевания. В Мексике развились две системы общественной организации — одна для креолов, другая для индейцев. Индейцы остались чужды испанской культуре; они считали белых врагами и со всем прирожденным упорством сохраняли свое расовое сознание. Многие из них остались фактически непокоренными. Даже в Южной Мексике, среди гор Пуэблы и Оахаки, некоторые племена, жившие в отдаленных долинах или по склонам холмов, где земля слишком бесплодна, чтобы привлечь захватчиков, продолжали вести полукочевую жизнь, почти не затронутую европейскими влияниями.

При первых вице-королях экономическое положение племен Центральной Мексики было, вероятно, не хуже, чем при ацтеках. Подати и принудительный труд, которого требовали энкомендерос и коррехидоры, не превышали требований ацтекских сборщиков налогов. Если индейцам приходилось теперь содержать духовенство, то и раньше они содержали языческих жрецов, и если теперь им нужно было строить церкви, то прежде они строили пирамиды. К тому же они освободились от обязанности поставлять жертвы Уицилопочтли. Но в XVII и XVIII вв. население индейских деревень стало больше страдать от незаконных тиранических вымогательств коррехидоров и от упорных посягательств землевладельцев-креолов. Попытки правительства охранить общинные земли (эхидо) сводились на-нет продажными чиновниками. Этим попыткам препятствовало и то обстоятельство, что индейцы не знали испанских законов и не имели возможности изучить их. Процесс увеличения земельных владений креолов, продолжавшийся долгое время после свержения испанского господства и достигший кульминационного пункта в первом десятилетии XX в., был вторым завоеванием, менее драматичным, чем то, которое совершил Кортес, но по своим последствиям для мексиканского общества даже более полным и глубоким. Сначала креолы получали либо крупные поместья, вроде того, которое приобрел Кортес в Оахаке, либо мелкие «пеонии» (peonias) и «кабалиерии» (cabalierias), распределявшиеся между рядовыми конки-

стадорами. Но бóльшая часть земли, принадлежала ли она короне или энкомендерос, была еще в пользовании индейцев. По испанским законам вся земля в Мексике являлась в конечном счете собственностью короны, и только королевское пожалование давало законное право на владение землей. Поскольку большинство индейских деревень никогда не получало королевских пожалований, креолам было легко постепенно расширять границы своих поместий под тем предлогом, что они занимают землю, принадлежащую только короне. По прошествии некоторого времени правительство нередко в законном порядке оформляло такую узурпацию посредством «урегулирования» (composición). Другие креолы покупали у деревень землю на льготных условиях, игнорируя законы, якобы защищавшие индейцев от обмана. Из-за королевских податей и частых неурожаев индейцы постоянно нуждались в деньгах. Таким образом, в результате медленного процесса приращения, продолжавшегося на протяжении многих поколений, относительно малые держания первых конкистадоров постепенно превращались в огромные асиенды, покрывавшие бóльшую часть плодородных долин Центральной Мексики. Закон, предоставлявший каждой деревне одну квадратную лигу земли, был еще в силе, и пока Мексика оставалась частью испанской империи, многие деревни сохраняли некоторую, хотя и непрочную, самостоятельность, а иные сумели даже добиться от правительства возврата земли, отобранной асиендами. Однако значительная часть индейского населения — вероятно, более одной трети общего его количества — была вынуждена стать батраками на асиендах. Владельцы асиенд, асендадос, выдавали батракам в счет заработной платы авансы, которых индейцы никогда не имели возможности выплатить. Таким путем их превращали в пеонов и обращали в долговое рабство, причем долги передавались по наследству от одного поколения другому.

Креолы не получили самоуправления и в период упадка Испанской империи. Напротив, эксплоатируя индейцев, они сами являлись жертвами бюрократии гачупинов. Вице-короли XVII и начала XVIII в. были, как правило, бездеятельны, а иногда и продажны. Великие администраторы, посылавшиеся в Америку императором Карлом, не

имели достойных преемников. Примеру высших властей охотно следовали остальные чиновники. Взятки и волокита приобрели почти всеобщий характер. Судьи продавали свои решения тому, кто больше давал. Тяжбы иногда длились поколениями. Дело о праве собственности на снег, лежащий на вершине Попокатепетля, продолжалось более 200 лет. Люди, подозреваемые в уголовных преступлениях, годами сидели в тюрьме, и многие узники, содержавшиеся в крошечных зараженных камерах, умирали до суда. Таможенные чиновники мирились с контрабандой и сами занимались ею. Коррехидоры грабили индейцев. Новая Испания была обременена огромным бюрократическим аппаратом гачупинов, пользовавшихся богатствами, которые производились трудом туземного населения.

Развал испанских учреждений беспрепятственно продолжался двести лет. В течение двухсот лет страной правили гачупины, вице-короли и архиепископы, а креолы жили большей частью в аристократической праздности, храня верность королю и церкви и не имея достаточных стимулов ни для умственной, ни для политической деятельности. В результате отстранения креолов от власти, угнетения индейцев и постепенного возникновения новой смешанной расы метисов медленно развивались силы, которым предстояло в будущем создать мексиканскую нацию.

2. Экономическое развитие

Испанская монархия бдительно следила за экономическим развитием Новой Испании. Подобно всем правительствам колониальных стран в век меркантилизма, испанское правительство установило покровительственное регулирование промышленности и торговли и подчинило интересы американских колоний интересам метрополии. Первая экономическая функция колоний заключалась в том, чтобы обеспечивать правительство доходами. Со времени первых открытий Колумба была создана неуклонно совершенствовавшаяся система налогов и экономического контроля. Первыми налогами были дань индейцев и причитавшаяся королю пятая часть всех добытых ценных металлов, сокращенная впоследствии до одной десятой. Затем налоги были дополнены тяжелыми ввозными и вывозными

пошлинами, шестипроцентной алькабалой, взимавшейся со всех продаж, прибылями от некоторых государственных монополий, например соляной, ртутной и в XVIII в.— табачной, и другими многочисленными налогами, число которых в конце колониального периода достигло 60. Излишек от доходов отправлялся в Испанию флотом с сокровищами, который, если его отправку не задерживал страх перед пиратами или перед флотами враждебных держав, покидал Америку в феврале каждого года. Чтобы еще более усилить контроль над экономической жизнью колоний, им было запрещено торговать с иностранными государствами. Торговля их друг с другом также была строго ограничена, а те отрасли промышленности колоний, которые могли бы соперничать с соответствующими отраслями промышленности Испании, были запрещены.

Короли XVI в. стремились поощрять экономическое развитие колоний. Фердинанд и Изабелла, а впоследствии император Карл отправляли за Атлантический океан европейские растения и животных, а также квалифицированных ремесленников. Первые правители Новой Испании — Кортес, Мендоса и Сумаррага — считали, что экономическое развитие колонии уступает по важности только ее религиозному обращению. Приход испанцев увеличил ресурсы Америки. Наряду с традиционными маисом и маги появились поля пшеницы, виноградники, фруктовые сады и рощи тутовых деревьев, где разводили шелковичных червей. В Мексике получили распространение лошади, коровы, овцы и свиньи. Испанские ремесленники принесли в страну новую технику, и в первое же столетие после завоевания в ней появился ряд цветущих промыслов: производство шерсти и шелка — в дополнение к туземному хлопку,— кож, мебели, железных изделий, вин, черепиц Пуэблы и одеял Сальтильо. Владельцами мастерских были обычно испанцы, но работали там часто туземцы, и в некоторых видах ремесла стало замечаться смешение стилей — смесь индейских традиций с традициями мавританскими и арабскими, доставшимися в наследство испанцам. Ввоз через Филиппинские острова китайских изделий принес в страну новое влияние, и в лакировке, а также в филигранных работах по золоту и серебру колониальной Мексики появились китайские мотивы.

Дальнейшему росту препятствовали правительственное регулирование и феодальный характер мексиканского общества. За исключением драгоценных металлов, Мексике разрешалось вывозить, пожалуй, только лишь кошениль и индиго. Поэтому не было стимула развивать промышленность более, чем того требовали нужды внутреннего рынка, а поскольку большинство населения составляли индейские крестьяне, емкость этого рынка была очень невелика.

После XVI в. сельское хозяйство почти не развивалось. Только мелкие фермеры «ранчерос», обрабатывали свою землю производительно. Индейцы не имели возможности приобрести ни европейских животных, ни европейских растений, ни европейских орудий. В лучшем случае вместо плуга им служил деревянный клин с привязанным к нему куском железа, а вместо мотыги — деревянная палка с железным наконечником. По мере того как помещики прибирали к рукам землю индейцев, жизненный уровень последних понижался. Но помещиков мало интересовал рост продукции. Некоторые из них специализировались на производстве сахара или водки-пульке. На животноводческих ранчо севера выделывались кожи. Но типичная асиенда была самодовлеющей единицей. Она удовлетворяла почти все потребности помещика и его семьи, а пеоны должны были покупать то, в чем нуждались, в хозяйской лавке, так называемой «тиенда де райя» (tienda de raya), увеличивая тем самым задолженность, которая держала их в рабстве. Многие асендадос старались приобретать землю не столько из-за ее хозяйственной ценности, сколько из-за престижа, который давало землевладение, и девять десятых земли асиенды зачастую оставались необработанными. Огромные стада быков бродили в полудиком состоянии по пастбищам, где, быть может, когда-то, до испанского завоевания, простирались кукурузные поля индейцев. Помещики жили в обстановке аристократической беспечности и пышности, и к концу колониального периода многие асиенды были заложены и перезаложены.

Средства сообщения оставались первобытными. До конца XVIII в. испанцы не строили дорог. Товары перевозились на мулах. Караваны мулов тянулись из Мехико в Вера Крус, в тихоокеанский порт Акапулько и, по пло-

скогорью, в Чигуагуа и Санта-Фе. Но такой способ перевозок обходился дорого и не годился для транспортировки громоздких предметов. По этой причине, а также вследствие частых неурожаев города периодически страдали от голода.

Росту мексиканской промышленности мешала малая емкость рынка и ревнивое отношение испанских купцов. Короли XVIII в., вняв жалобам гачупинов, стали подавлять некоторые виды хозяйственной деятельности, так старательно поощрявшиеся их предками. Производство шелка в Мексике было запрещено, рощи тутовых деревьев вырублены. Ради испанских виноторговцев были таким же образом уничтожены мексиканские виноградники. Некоторые отрасли промышленности было разрешено сохранить. Первое место среди них занимала выделка тканей и кожаных изделий. Но предприятиям мешала тщательно разработанная регламентация. Рабочими в XVIII в. были полуголые пеоны, которых хозяева избивали по собственному произволу и от зари до зари запирали на фабриках рядом с преступниками, которых отдавали им в наем гражданские власти. Нужды богатых креолов обеспечивались главным образом товарами из Европы или с Филиппин.

Единственной отраслью мексиканской промышленности, которую Испания всегда старалась поощрять, было горное дело. По закону все рудники были собственностью короны, но на практике тот, кто открывал залежи, получал право на постоянное владение ими и должен был лишь отдавать в пользу короля пятую часть добычи. В XVI в. испанские горняки в Америке были, пожалуй, самыми умелыми в мире. Ацтеки собирали металл с поверхности земли и в речном песке и плавили его на небольших кострах, употребляя бамбуковые палки в качестве поддувал. Испанцы стали разрабатывать рудники и применять меха. В 1557 г. способ плавки на огне был вытеснен открытием «патио», процесса амальгамирования при помощи ртути.

Впрочем, рудники были так богаты, что почти не было стимула совершенствовать методы производства, и правительство, несмотря на свое желание получить побольше золота и серебра, не могло удержаться от близоруких методов хищнической эксплоатации рудников. На ртуть была объявлена государственная монополия, и правительство

продавало ртуть вдвое и втрое дороже себестоимости. Всю ртуть приходилось ввозить из Европы — из Альмаденских рудников в Испании или из Венгрии, так что когда война или пираты задерживали прибытие ежегодного флота, работа на рудниках иногда прекращалась. К XVIII в. методы горных работ уже устарели. Вместо крупных рудников с соединительными галереями выкапывались мелкие отдельные рудники. Вода вычерпывалась кожаными мешками, которые рудокопы наполняли руками и поднимали на поверхность воротом. Руда выносилась на-гора рабочими, которые часами карабкались вверх и вниз по брусьям с зарубками, применявшимся вместо лестниц. Многие рудники, впоследствии вновь открытые и оказавшиеся производительными, были оставлены, потому что при употреблявшихся тогда примитивных способах добычи они становились нерентабельными. Другие минеральные богатства Мексики — железо, нефть, свинец, медь — были едва затронуты. На рудниках наживались еще большие состояния, ежегодная добыча рудников продолжала расти, увеличившись с 2 млн. песо в середине XVI в. до 13 млн. в середине XVIII в. Но это объяснялось не столько искусством горняков, сколько богатством недр и постоянным открытием новых шахт.

Пагубные последствия испанской покровительственной системы были еще более заметны в области торговли. Между Акапулько и Манилой разрешалось ходить только одному галеону в год, причем два-три месяца уходило на путешествие к западу, шесть-семь — на обратный путь. Этот рейд считался самым скверным в мире. Между Мексикой и Перу можно было перевозить товары стоимостью не более 100 тыс. песо в год. Вся остальная мексиканская импортная и экспортная торговля должна была проходить через испанские порты Кадикс и Севилью, но даже эта торговля была весьма ограниченной, так как отправлять суда через Атлантический океан частным лицам не позволялось, а грузоподъемность ежегодного флота была ограничена. Испанцы так и не стали искусными мореплавателями. Корабли часто попадали на скалы, терпели крушения из-за ураганов или попадали в руки пиратов. Кроме того, торговлю ограничивали высокие пошлины и то обстоятельство, что как в Испании, так и в Мексике она находи-

лась в руках небольших групп оптовиков-монополистов, взимавших максимально высокие цены. В результате розничные цены в Мексике были обычно в три-четыре раза выше, чем в Европе. К тому же в Мексике купцами были всегда гачупины, приезжавшие из Испании к старшим родственникам юношами и возвращавшиеся в Испанию, нажив состояние. Невежественные и жадные, славившиеся полным равнодушием ко всему, кроме цен и прибылей, они были ненавидимы и презираемы креолами. В Мексике не мог развиться туземный класс торговцев. Ее население эксплоатировалось отчасти в интересах испанской бюрократии, отчасти в интересах испанских купцов.

3. Церковь

Проповедь католицизма была составной частью испанской колониальной системы, и священники фактически входили в состав королевской бюрократии. Главой мексиканской церкви был испанский король. От папы он получил право назначать духовных лиц на все церковные должности, собирать десятину и оставлять часть ее на издержки правления, а также служить посредником между Мексикой и Римом. Таким образом, церковь была неспособна развить независимое политическое мышление, и мирян учили, что проповедь политической свободы является не только крамолой, но и ересью.

Над обществом Новой Испании в значительной мере господствовала верхушка духовенства. Важнейшей после вице-короля фигурой в стране был архиепископ. Ниже его стояли еще восемь епископов, члены инквизиции и иных церковных судов и целая армия других церковных чиновников — вплоть до простых приходских священников. Рядом с организацией белого духовенства и почти независимо от нее существовали женские и мужские монашеские ордена — францисканский и доминиканский, святого Августина и кармелитский, а также орден иезуитов, чьи монастыри, больницы и школы были рассеяны по центральным провинциям. Вплоть до XIX в. этот орден посылал миссии к диким индейским племенам в горы Севера. В XVIII в. в Мексике имелось 5—6 тыс. священников и 6—8 тыс. монахов. Они обладали «фуэро» (привилегией) отвечать за любые совершенные ими проступки только перед церков-

ным судом. Постепенно они завладели огромными имуществами. Как представители организации, претендовавшей на посредничество между богом и людьми и обещавшей своим покорным последователям благосостояние в этом мире и спасение в будущем, они приобрели над умами мирян власть, которая надолго пережила испанскую империю. До последних десятилетий XVIII в. в Мексику не могли проникнуть никакие чужеземные или еретические идеи, и самыми серьезными волнениями в этой атмосфере всеобщего умственного застоя были волнения, вызывавшиеся спорами между монахами и белым духовенством или между церковью и королевскими чиновниками.

Отклонение от догм церкви подавлялось инквизицией, организованной в 1571 г. Поскольку все индейцы были изъяты из-под ее власти, а все иммигранты тщательно проверялись испанским правительством, этот суд, казалось бы, должен был иметь небольшое поле деятельности. Однако инквизиции разрешалось оставлять себе в собственность все конфискованное имущество еретиков. Стремясь использовать это право, инквизиторы сумели найти ряд креолов, которых можно было осудить за еврейские или еретические обычаи. За 200 с лишним лет инквизицией было сожжено менее 50 чел., но многие были приговорены к меньшим наказаниям. Ауто-да-фе производились в Мехико, где муниципалитет выделил для этой цели «кемадеро», место сожжения осужденных, в углу Аламеды — площади для общественных гуляний. Там в присутствии вице-короля, государственных чиновников и многочисленных жителей города и близлежащих областей упорных еретиков сжигали, а других, от которых требовали отречения от заблуждений, проводили по площади в белых шляпах и желтых «санбенито». Но главное значение инквизиции заключалось не в ее достижениях по части сжигания еретиков, а в тех оковах, которые она наложила на мысль, в ее цензуре над книгами и идеями.

Успех католического духовенства среди индейского населения, над которым оно приобрело власть, объясняется в значительной степени тем обстоятельством, что оно не принесло индейцам особенно новых идей. Лучшие из монахов были способны к истинно христианскому милосердию и самопожертвованию, но вера среднего испанца была более

воинствующей и более примитивной. Кортес и его конкистадоры верили, что бог поможет им покорить почитателей Уицилопочтли, и принимали любую случайность, благоприятствовавшую их планам, за чудо. Испанская религия, с ее постоянными призывами к святой деве, покровителю Испании святому Якову Компостельскому и к бесчисленным другим святым христианского календаря, была в действительности политеистической, а приписывание сверхъестественной силы мощам святых, священным изображениям и медальонам являлось пережитком еще более древних воззрений. Эта воинствующая вера легко слилась с язычеством индейцев. Политика монахов всегда заключалась в том, чтобы избегать всяких резких перемен в идеях и обычаях. Подобно своим предшественникам в Северной Европе в период раннего средневековья, они разбивали идолов и запрещали почитание ложных богов, но приспосабливали на службу церкви все старые обычаи и сказания, которые можно было примирить с христианством.

Поэтому, став христианами, индейцы не перестали быть язычниками. Вместо Уицилопочтли и Тескатлипоки они теперь поклонялись богоматери и святым, олицетворявшимся деревянными усеянными драгоценностями изображениями, которые, как верили индейцы, обладали чудесной силой и могли исцелять болезни и управлять погодой.

Посредством религиозных обрядов индейцы могли попрежнему выражать свои эмоции, празднуя фиесты с плясками, сохранившимися от языческих времен. Они надевали головные уборы из перьев, обвивали себя венками из цветов и водили хороводы, притоптывая ногами и играя на гитаре в честь святой девы. Потом они шли в церковь, становились в ряд у алтаря и опять плясали перед местной иконой. Эти языческие празднества сливались с испанскими идеями и испанскими церемониями. Индейцы изображали в плясках войну между маврами и христианами и исполняли драматические представления на темы из христианского календаря.

Главной целью духовенства было искоренить почитание языческих богов, но зачастую не удавалось достигнуть даже этого. Францисканцы уверяли, что за семь лет они уничтожили 20 тыс. идолов, но даже в долинах Центральной Мексики от их бдительности скрывались фигуры Тлалока

и Тескатлипоки. До последнего времени находились индейцы, которые хранили языческие изображения, как сокровища, веря, что они не потеряли свою древнюю силу, кланялись этим изображениям и приносили им живые цветы. Религия племен, живших в высоких горах и малонаселенных пустынях Севера, была смесью христианства и язычества, в которой часто господствовало язычество. В лесах Чиапаса и южного Юкатана были племена, совершенно не тронутые христианскими идеями. Некоторые миссии, действовавшие среди кочевых племен Соноры и Южной Калифорнии, где испанские колонисты всегда были немногочисленны, оказались только островками среди океана язычества. Два-три монаха под защитой солдат собирали несколько индейских семей, строили деревню, церковь и учили индейцев земледелию и ремеслам. Поколениями эти индейцы вели идиллическую жизнь, размерявшуюся звуком церковного колокола, который звал их на молитву. Обращенные в христианство индейцы освобождались от податей, и их не затрагивала алчность энкомендерос. Но монахи, часто милостивые, были нередко и деспотами. Образование индейцев сводилось к выучиванию наизусть нескольких гимнов и молитв, смысла которых они не понимали. Когда в XVIII и XIX вв. монахов убрали, индейцы быстро возвратились к привычкам своих предков, и от многих миссий не осталось ничего, кроме разрушенных церквей.

Религия креолов была, пожалуй, более сложной в догматическом отношении, но главным и здесь было соблюдение религиозных обрядов. Католическая церковь принесла в Мексику все эстетические и эмоциональные средства воздействия религиозного культа, выработанные в течение пятнадцати веков: картины и статуи, яркие одежды священников, раскачивание кадильниц, музыку и ладан, сопровождавшие мессу. В дни религиозных праздников устраивались большие процессии с музыкой и хоругвями. В праздник тела господня по улицам Мехико проходило до 30 тыс. чел. Всегда и всюду что-либо напоминало о значении религии и ее служителей. Когда по городским улицам проезжал епископ в пурпурном облачении, прохожие склонялись и получали его благословение. К постели каждого умирающего приносили причастие: впереди шел человек, звонивший в колокольчик, затем в карете, запря-

женной мулами, ехал священник, а следом за ним человек десять монахов с пением и с зажженными свечами в руках. Над городами с их низкими одноэтажными и двухэтажными домами господствовали башни церквей, и почти все время раздавался колокольный звон.

Религия испанцев требовала не только пышности и празднеств, но также боли и страданий. В каждой церкви имелось изображение Христа с кровоточащими ранами. Вплоть до XIX в. сохранились монастыри, где монахини с детства носили терновые венцы и спали на досках, утыканных железными гвоздями. Ежегодно, в период, известный под названием «десагравиос», признания греховности человеческой плоти требовали и от мирян, и по ночам в полутемных церквах, после того как священник описывал бичевание Христа, члены религиозных братств бичевали друг друга, пока пол не покрывался кровью.

Во всей этой многообразной обрядности нравственный элемент занимал мало места. В лучшем случае она принимала мистический характер, в худшем — являлась орудием испанской колониальной политики. От среднего гражданина требовалось лишь соблюдение десяти заповедей, а часто не требовалось даже этого. Единственным непростительным грехом была ересь. Грабители надевали на себя освященные медали и надеялись, что вмешательство святой девы спасет их от казни. По мере того как короли ослабляли свою бдительность и рассеивался энтузиазм миссионеров периода завоевания, духовенство стало вырождаться. Конкубинат священников вскоре стал не исключением, а правилом, и монахи открыто ходили по городским улицам под руку с женщинами. Многие священники были невежественными тиранами, которые интересовались своими прихожанами лишь с точки зрения платы за бракосочетания, крестины и похороны. В иных бедных индейских деревнях священника видели раз-два в год, а то и совсем не видали. Большинство священников жило в центральных провинциях, где были сосредоточены и монастыри. Уже в 1644 г. аюнтамиенто[1] Мехико жаловалось на огромное количество праздных клириков, шатавшихся по городу.

В течение колониального периода духовенство неуклонно обогащалось. К епархиям были приписаны асиенды,

[1] Городской совет. *(Прим. ред.)*

монастыри владели полями и фруктовыми садами. Целые городские кварталы стали собственностью церкви. В Мехико церкви принадлежала почти вся часть города между площадью и Аламедой. Над этой частью города господствовал большой монастырь святого Франциска. В начале XIX в. было подсчитано, что более половины обрабатывавшейся в Мексике земли являлось собственностью духовенства [1]. Более того, церковь была ростовщическим учреждением, владевшим, по крайней мере, двумя третями имевшегося в обращении капитала. Она давала помещикам займы и приобретала закладные на их поместья. От рент и процентов, от десятин, платежей за требы и продажи папских булл церковь получала огромные доходы, а поскольку от налогов она была освобождена, имущество ее неуклонно возрастало. Значительная часть ее богатства, изъятого из обращения, употреблялась на украшение церковных зданий. Собор города Мехико имел алтарь и подсвечники из цельного серебра и длинную решетку перед алтарем из серебра и золота. В помещениях капитулов лежали кучи серебра, для которого в соборах нехватало места. Доход, поступавший из этих различных источников, распределялся неравномерно. Многие приходские священники получали едва 100 песо в год, и в XIX в. это обстоятельство сделало некоторых из них отзывчивыми к революционным идеям. Но монахи часто жили в роскоши. Архиепископ же, получавший в XVIII в. жалованье в 130 тыс. песо, и епископы Пуэблы, Вальядолида и Гвадалахары, получавшие почти столько же, принадлежали к числу самых богатых людей Мексики.

За свое богатство и привилегии духовенство должно было внедрять в Мексике католическую культуру. Но со времени периода завоевания оно сделало для образования немного. Начальное обучение почти совершенно заглохло: в конце XVIII в. во всей Мексике было только 10 начальных школ. Высшее образование было представлено университетом в Мехико, основанным в 1551 г., но преподавание там было узко схоластическим. Оно прививало культурной верхушке мексиканской молодежи вкус к непонятным и бесплодным тонкостям аргументации, в которой не было

[1] Таково мнение Лукаса Аламана, который сам был защитником церкви. Некоторые другие подсчеты дали более умеренные результаты. Точных цифр нет.

места конкретным фактам. В учебном плане университета почти ничто не напоминало о том, что Европа пережила эпоху Возрождения и что Декарт и Галилей, Ньютон и Локк исследуют почти столь же новый мир, как тот, который был открыт Колумбом. Одни лишь иезуитские коллежи давали мексиканцам серьезное образование, и в XVII и XVIII вв. из крупнейших иезуитских семинарий Тепосотлана и Сан-Ильдефонсо вышел ряд видных ученых. Исследования одного из них, математика, астронома и археолога Карлоса Сигуэнса-и-Гонгора, завоевали ему в век Ньютона славу в Европе. Но к иезуитам относились подозрительно и испанское правительство и большая часть духовенства.

В стране, где всякое проявление свободной мысли навлекало подозрения инквизиции, расцвет литературы был невозможен. В обильной продукции мексиканских типографий редко встречаются произведения, обнаруживающие проблески настоящей жизни. Высшая культура в Новой Испании, несмотря на царившую там нравственную распущенность, была почти так же строго ограничена богословскими каналами, как культура Новой Англии в первые ее десятилетия.

Поэзия состояла почти исключительно из скучных размышлений об истинах христианства и мудрости монархов из дома Габсбургов и Бурбонов. В этой поэзии царил искусственный и чванливый стиль, изобретенный Гонгорой. Но каким-то чудом в ней явился один человек, умевший выражать живые чувства. Это была женщина, сестра Хуана Инес де ла Крус. Еще девочкой она прославилась при дворе вице-короля необычайной ученостью, а позднее писала любовные стихи, отличавшиеся истинной тонкостью и эмоциональной глубиной. Но эта удивительная женщина скоро ушла в монастырь, где провела зрелые годы, жалуясь на строгость монастырских правил и на угнетенное положение женщины.

Однако нельзя было совершенно задушить художественный гений мексиканцев, который всегда так пышно цвел в народном искусстве. В одной области был еще возможен прогресс. Духовенство боялось деятельности свободного разума, но оно стремилось прославить церковь с помощью живописи и архитектуры. Покровительствуя искусству

индейских народов, оно сделало возможным в области изобразительных искусств то соединение индейских качеств с испанской культурой, то цветение Нового света в изделиях, полных христианской набожности, которое было испанским идеалом.

В наиболее возвышенных произведениях колониальной живописи индейскому элементу принадлежала незначительная роль, хотя лучший из художников колониального периода, Мигель Кабрера, был чистокровным сапотеком. Для украшения церквей целые акры полотна покрывались сценами из священных легенд, но дух в них был испанский, и трудно было бы обнаружить в них влияние мексиканской жизни или мексиканского характера.

Величайшим творением Новой Испании была ее архитектура. Испанцы были великими строителями, а в Мексике из соединения испанских традиций с мастерством индейских ремесленников родился новый стиль, развившийся из испанского чурригереско, лучшие образцы которого можно поставить в ряд с соборами Европы. В церквах XVI в. еще легко было различить элементы двух рас. Построенные по планам испанских монахов, эти церкви имели массивные гладкие стены, подобно крепостям — да они в сущности и были крепостями. Мелкие же украшения работы индейских резчиков по камню были ацтекскими. Но когда завоевание окончилось, церкви стали более изящными, менее мрачными, и обе традиции начали смешиваться. Для внешнего вида типичной мексиканской церкви характерны две башни с куполом за ними, покрытым раскрашенными черепицами Пуэблы. Но особенно типична для мексиканского чурригереско его любовь к краскам и к пышному орнаменту. Фасад и верхняя часть башен были обильно украшены, а внутри церкви созвучный фасаду запрестольный образ сверкал, как пышное тропическое растение. Его покрывали резьбой по позолоченному дереву — херувимами, свитками, цветами, плодами и человеческими головами. Мексиканский чурригереско был вариацией барокко. Подобно барокко, он не имел массивной силы и мощи готического стиля. Изломы его прямых линий, округлые и ломаные фронтоны, разнообразные изгибы его арок и окон выражали скорее любовь к парадоксам — порождение самой эпохи. В этом стиле отразились самоуверенность креолов и гордость владельцев рудников,

финансировавших его наиболее дорого стоящие образцы. Но если мексиканские церкви стиля чурригереско были испанскими, то они были также и индейскими. Резьба на фасадах и запрестольных образах напоминала искусство ацтеков, проявлявшееся в лепке золотых птиц и животных. Она напоминала также сложность красок и рисунков, которыми художники городов майя любили покрывать камни. Общий эффект был скорее азиатским, чем европейским. Параллели мексиканскому чурригереско можно найти среди храмов Явы и Индостана.

Первые десятилетия XVIII в.— период культурного застоя в других областях — были великим периодом мексиканской архитектуры. В конце XVIII в. чурригереско внезапно сменился новым стилем, заимствованным у версальского классицизма и представленным испанским скульптором и архитектором Мануэлем Толса, который приехал в Мексику в 70-х годах XVIII в. Лишь один художник, отличавшийся силой и разнообразием творческого гения эпохи Возрождения, Франсиско Эдуардо Тресгеррас, остался верен туземному стилю. В течение всей жизни он трудился над украшением родного города Селайи и равнины Гуанахуато, работая архитектором, скульптором и художником. Он украшал стены церквей композициями собственного сочинения. Церковь богоматери Кармен в Селайе, шедевр Тресгерраса, была закончена в 1807 г. Тресгеррас дожил до независимости Мексики. Он был последней значительной фигурой в мексиканском искусстве до XX в. После завоевания независимости строительство церквей прекратилось, и лишь веком позднее мексиканские художники стали находить новый стимул в светских сюжетах.

Церкви чурригереско были единственным ценным наследием, которое оставил современной Мексике колониальный католицизм. Если не считать архитектуры, мексиканская церковь в конце колониального периода едва ли представляла что-либо достойное названия цивилизации. Идеалом мексиканской церкви или многих из ее служителей было деспотическое правительство, привилегированное духовенство и невежественные миряне. Впоследствии духовенство вызвало долгие и жестокие гражданские войны в надежде увековечить этот идеал.

4. Мексиканское общество

Мексике было суждено стать в конце концов родиной новой нации, возникшей из соединения двух рас с различными характерами и традициями. В течение колониального периода, под беспечной и деспотической властью вице-королей, испанец и индеец медленно сближались. Индейские привычки и влияние мексиканского окружения смягчали первоначальную угрюмость и суровость креолов. Испанские обычаи и верования сливались с традициями индейских деревень. Новая смешанная раса — метисы — становилась все многочисленнее.

Мексиканское население делилось на четыре различных касты: гачупинов, креолов, метисов и индейцев. Аристократическая страсть к тончайшим различиям привела к тому, что категория метисов была подразделена на 16 групп, представлявших различные комбинации испанского, индейского и негритянского происхождения.

Рост мексиканской нации и борьба метисов за власть будут процессом медленным и болезненным — процессом, испещренным периодами анархии и диктатуры, революциями и гражданскими войнами. Однако уже в колониальный период сказывались качества, свойственные новой национальности. Мексиканское общество приобрело свой индивидуальный характер, который нельзя было назвать ни индейским, ни испанским, а только мексиканским. Вся страна была проникнута старой мексиканской любовью к музыке, краскам и цветам. На улицах городов певцы играли на маримбас (род примитивного ксилофона) и распевали песни (корридос) в честь популярных героев. По вечерам в деревнях собирались необразованные ранчерос и пастухи (вакерос) импровизировали стихи, подбирая к ним мелодии на гитаре. Художники изображали на стенах кабачков (пулькериас) бои быков или эпизоды из жизни святых и продавали изображения чудесных спасений от несчастных случаев или исцелений от болезней. Раскинувшиеся под тропическим солнцем, под синим небом, на фоне бесконечной перспективы голубых гор, мексиканские города с их широкими, прямыми улицами, белыми или красными домами, с их внутренними дворами (патио), украшенными розами и апельсиновыми деревьями, башня-

ми церквей и монастырей, с индейскими рынками и крикливо раскрашенными кабачками, представляли прекрасную картину, равной которой не было во всей Америке.

Город Мехико, резиденция вице-королей и главный центр роскоши и изящества креолов, был до XIX в. большим и красивым городом Западного полушария. В XVIII в. он уже не был островом. Рубка леса уменьшила количество воды в долине, а вице-короли построили для предотвращения наводнений канал в горах, который осушил часть озер, отведя из них воду в долину Тула и реку Пануко. В центре города была большая площадь, некогда храмовая территория ацтеков, окаймленная теперь собором, дворцом вице-королей и ратушей. К западу, мимо монастыря святого Франциска, шла главная улица делового квартала Калье де Платерос [1] (улица серебряных дел мастеров), ведшая к тополям, фонтанам и мощеным дорожкам Аламеды, за которыми простиралась обсаженная ивами проезжая дорога Пасео.

Не менее великолепны были сами аристократы — креолы и гачупины, составлявшие важнейшую часть населения Мехико. Каждый вечер в пять часов по улице Пасео двигались кареты богатых дам, одетых в китайские шелка; их окружали всадники, чьи лошади были украшены уздечками и седлами, тяжелыми от серебра, и кожаными попонами, с которых свисали серебряные колокольчики. На кавалерах были широкие шляпы «сомбрерос», шелковые камзолы с золотым шитьем, зеленые или синие панталоны, открытые на коленях и украшенные серебряными пуговицами, и огромные серебряные шпоры. Вечером, сменив весь костюм, дамы и их кавалеры встречались в театре или танцовали на маскараде, куда дамы являлись в пурпурных или желтых платьях и в зеленых или розовых туфлях. Летом креольские семьи уезжали в загородные дома, утопающие среди фруктовых садов Сан-Анхела. А в августе, в день святого Августина, все население города собиралось в Тлалпаме, где богатые дамы сидели рядом с нищими и ворами и проводили дни, ставя на карту кучи серебра или наслаждаясь петушиными боями, а вечера — в танцах. Состояния в Новой Испании наживались глав-

---

[1] Теперь часть улицы Франсиско Мадеро.

ным образом на рудниках; поэтому в креольском обществе всегда было что-то от беспечности и варварской хвастливости жителей горняцкого поселка.

К концу XVIII в. в Мексике было около миллиона человек, претендовавших на принадлежность к креолам, хотя в жилах многих из них текла индейская кровь. Во времена конкистадоров смешанные браки заключались часто. Отстранение креолов от власти оправдывалось тем соображением, что они «низшая раса». Предполагалось, что американская среда ведет к вырождению. В этой теории было зерно истины. Креолы были великодушны, любезны и иногда культурны, хотя им была также свойственна склонность к лени, распущенности и легкомыслию. Разумеется, причиной их вырождения был не климат, а то обстоятельство, что обладание рудниками и асиендами или оплачиваемыми должностями в церкви и государственном аппарате давало им возможность жить в роскоши, а вследствие политики испанского правительства им не доверяли никаких ответственных дел. Их излюбленными занятиями были игра в карты и любовные похождения, а развлечениями — посещение боя быков и петушиных боев. Вместо того чтобы восставать против гачупинов, они рабски подражали их привычкам. Многие креолы добивались второстепенных должностей в административном аппарате, и вице-короли весьма охотно удовлетворяли их страсть к чинам, продавая им должности. Города Новой Испании кишели мелкими чиновниками, не имевшими власти и обязанностей, но наслаждавшимися престижем, который им давала принадлежность к бюрократии. Ближе к концу XVIII в. для них открылась новая сфера деятельности: организовалась армия для защиты Новой Испании от возможного английского вторжения. Рядовыми солдатами этой армии были метисы или мулаты, а офицерами — креолы. Блиставшие своими синими с белым мундирами офицеры, пользовавшиеся, подобно духовенству, фуэро (привилегией) судиться только в военных судах, вскоре привыкли считать себя независимой и привилегированной кастой.

За пределами городов долины Центральной и Южной Мексики были усеяны огромными белыми домами, где в одиноком великолепии жили помещики-креолы. Они владели поместьями, простиравшимися на сотни квадратных

миль гор и лесов, где паслись стада быков, иногда в несколько сотен тысяч голов. Помещики проводили свое время на коне, в охоте, стрельбе и надзоре за пеонами, работавшими на полях пшеницы или на плантациях сахарного тростника. Путешественника, нарушавшего их одиночество, принимали с кастильской любезностью и развлекали боем быков, пикником с музыкой или демонстрацией ловкости пастухов-вакерос, ловивших быков хозяина. Только на дальнем севере, в степях Дуранго, Соноры и Чигуагуа, столь отдаленных от Мехико и столь недоступных, что о них почти ничего не знали, возникло более демократическое общество. Это был край энергичных и трудолюбивых креольских и метисских ранчерос, обрабатывавших собственные земли и пасших на холмах стада овец и коз.

Три или четыре миллиона индейцев жили почти так же, как их предки до завоевания. На плодородных землях долин центральных провинций многие из индейцев сделались пеонами на асиендах. Некоторые отдаленные горные деревни сохранили общинные земли (эхидос). В пустынях севера кочевали дикие племена, совершавшие набеги на испанские поселения. Пеоны, как и самостоятельные крестьяне, почти не поддались влиянию испанской культуры. Правда, в их пище и одежде, орудиях и утвари время от времени проявлялись испанские влияния. Религия индейцев превратилась в смесь язычества и католицизма. Но в главных своих чертах жизненный уклад индейцев не изменился. Они продолжали питаться лепешками, перцем и бобами. Они попрежнему строили для себя хижины из дерева, глины или необтесанного камня и расстилали свои соломенные цыновки на голой земле. Они не употребляли в пищу говядины, баранины, пшеничного хлеба, не пили вина, не носили шерстяных или шелковых тканей. Они попрежнему сажали маис остроконечными палками, пекли его на угольях, подчинялись своим касикам и говорили на старых племенных языках.

Испанское завоевание нанесло большой ущерб индейской культуре. Но при испанском владычестве индейцам в деревнях зачастую было бесполезно проявлять трудолюбие и ум. Каждая деревня, производившая больше, чем нужно для скудного существования, могла соблазнить жадного коррехидора. В Мексике имелись доказательства талантов,

присущих индейским народам. Но Паленко и Чичен-Ица были похоронены в непроходимых лесах, пирамиды Теотиуакана превратились в покрытые травой холмы, место храма Кецалкоатла можно было узнать лишь по нескольким курганам странной формы, а развалины Теночтитлана были скрыты под собором и площадью испанского города.

Лучшие произведения индейской культуры были уничтожены. Храмы были разрушены, пирамиды снесены, идолы сожжены, коллегии жрецов распущены. Сожжение индейских рукописей, приписываемое преданием Сумарраге, повидимому, не имело места [1],— напротив, некоторые наиболее просвещенные духовные лица пытались сохранить индейские пиктографические письмена, но вскоре не оказалось индейцев, способных прочесть их. Наука Мексики до испанского завоевания стала закрытой книгой. Но хотя надстройка старого общества исчезла, его базис — экономическая и социальная организация — сохранился. Под испанским игом индейское общество было придавлено, но не убито. В XX в. индейцы встретятся с креолами на равных началах — не как низшая раса, а как наследники майя и ацтеков.

В течение колониального периода промежуточная раса, метисы, находилась почти в столь же тяжелом положении, как и индейцы. В XVI в. к смешению рас относились терпимо, но впоследствии, когда расовые предрассудки креолов возросли, метисы были лишены привилегий расы победителей, и в то же время им было даже запрещено жить в индейских деревнях, чтобы они не подстрекали жителей к восстаниям. Некоторые семьи метисов стали фактически индейскими. Другие метисы становились погонщиками мулов, ранчерос или же находили работу на рудниках и в промышленности, а в XVIII в. начали проникать в ряды низшего духовенства. Но метис, рожденный вне брака, мог выбирать только между нищенством или разбоем. В испанских городах постепенно появилось огромное население босяков (леперос). В одном лишь городе Мехико их было 15—20 тыс. Бездомные и полунагие, они толпились на улицах и площадях. Днем они просили милостыни, а под покровом ночи были способны на грабеж и убийство.

[1] Однако на Юкатане епископ Ланда сжег рукописи племени майя.

Выпросив или украв несколько реалов, они могли удовлетворить свою жажду пульке, и каждую ночь город объезжали повозки, подбиравшие пьяных и увозившие их в тюрьму. Наиболее энергичные из этих париев организовывали в горах разбойничьи банды. Столетиями главные торговые пути кишели бандитами, которые отличались всей присущей их профессии жестокостью, но иногда становились легендарными героями индейских деревень — о них рассказывалось, что они крадут у богачей, чтобы щедро одаривать бедняков. В XVIII в. была организована особая полиция — «акордада» — с правом совершать смертную казнь. Кто попадал в ее когти, того немедленно распинали, и разлагающиеся трупы распятых украшали дороги в назидание всем проходящим.

Тем не менее, именно метисам предстояло в будущем создать мексиканскую нацию. Человек сомнительного происхождения, с неопределенными связями, метис обладал вулканической энергией, весьма отличной от медлительности креола, а также от пассивности индейца. Возмущаясь против претензии испанцев на превосходство, он унаследовал достаточно испанского индивидуализма, чтобы бороться с ними. Метисы были революционной силой, которой предстояло играть руководящую роль в борьбе против испанского правительства и испанских учреждений. К концу XVIII в. эта категория составляла 2 млн. чел. и продолжала расти, так что представлялось вероятным, что она поглотит и чистокровного креола и чистокровного индейца [1].

5. Испания и ее враги

Тем временем империя, в состав которой входила Мексика, все более слабела и вырождалась, и ее распад быстро приближался. Испания XVI в. — владычица величайшей в мире империи — в XVII и XVIII вв. была самой слабой из европейских держав. Деспотизм и бюрократия, подавление свободной мысли и презрение к полезному

[1] Метисы Мексики представляли собой скорее социальную, чем этническую категорию. Во всяком случае особенности метисского населения Мексики XVIII в. были обусловлены именно его неполноправным социальным положением, а не каким-то «расовым характером». (*Прим. ред.*)

труду парализовали ее энергию. Монополистическая торговая политика испанских королей не пошла Испании на пользу,— напротив, она оказалась для нее гибельной. Открытием американских рудников воспользовались не испанцы, а англичане, французы и голландцы. Золото, ежегодно привозившееся специальным флотом, не оседало в Испании. Она стала лишь центром распределения американского золота и серебра. Испанская промышленность, непроизводительная со времени изгнания евреев и мавров и испытывавшая помехи вследствие высокого уровня внутренних цен, почти перестала существовать. В XVIII в. пять шестых товаров, отправлявшихся из Севильи в Америку, вывозилось из Англии, Франции и Голландии. Значительная часть испанского народа — знать, духовенство и государственные чиновники — жила непроизводительно. А многие из тех, кто не принадлежал к этим трем привилегированным и паразитическим классам, занимались нищенством и воровством.

Англию и Францию не удовлетворяло получение серебра из Америки этим косвенным путем. Почти сразу после того, как весть о падении Теночтитлана достигла Европы, началась долгая борьба за подрыв испанской монополии в Индии. Деятельность Англии и Франции в испанской Америке прошла через несколько фаз: началась она с пиратства, развилась в контрабанду и завершилась — после свержения испанского господства — легализованным процессом капиталистических инвестиций.

Из всех врагов Испании самыми упорными были англичане. Жажда добычи соединялась у них с религиозным ханжеством, развившимся под впечатлением рассказов об ужасах инквизиции и воспоминаний о кострах при Марии Кровавой. Ограбление испанцев было в их глазах частью священной войны против папства. Существенным элементом антикатолической пропаганды, служившей для оправдания контрабанды и морского разбоя, были писания Лас Касаса, в которых он разоблачал жестокости конкистадоров; они были переведены на английский язык, и человек, гуманность которого должна была бы стать славой Испании, оказался поводом для поношения его соотечественников. Однако в действительности у англичан было мало оснований к самоуважению. Правда, англий-

ских морских разбойников, попадавших в руки испанцев, сжигали как еретиков или осуждали на каторжные работы, но ведь в качестве пиратов они и не могли претендовать на милосердие. В отношениях англичан с цветными народами главным стимулом всегда была прибыль. Именно англичане наиболее активно занимались работорговлей.

Иностранные флоты стали появляться в Караибском море и подстерегать испанские суда еще в начале XVI в. Набеги их были сначала спорадическими, но в 60-х годах XVI в., после окончательного установления протестантизма в Англии, англичане стали более активны; особенно взволновал их один инцидент, имевший место в 1568 г. Когда из Испании прибыл в Мексику Энрикес де Альманса, вице-король, назначенный на смену тирану Муньосу, он нашел гавань Вера Крус занятой английским флотом под командой Джона Хаукинса и его племянника Френсиса Дрейка. Первой задачей Хаукинса в испанских водах был не морской разбой, а продажа — в нарушение испанской торговой монополии — рабов-негров, пойманных в Африке. Нуждаясь в свежей воде и в ремонте, он смело вошел в гавань и захватил остров Сакрифисиос, где поставил несколько из своих 10 судов и высадил своих людей. Вице-королю не улыбалась перспектива совершать путь открытым морем, пока англичане не соизволят уйти, особенно в виду наступления сезона ураганов, и он обещал не нападать на англичан, если они пропустят его в гавань и дадут ему высадиться в провинции, управлять которой он приехал. Оказавшись на берегу, в безопасности, он приказал своему флоту открыть по англичанам огонь. Испанские понятия о чести оправдывали такой предательский поступок, если жертвы были одновременно протестантами и контрабандистами. Англичане быстро сгрудились на трех судах, имевшихся в их распоряжении, защищались до наступления ночи, а потом ушли из гавани мелководным проливом, по которому никогда не плавал ни один испанец. Хаукинс оставил близ Пануко около двухсот человек своих людей, чтобы облегчить перегруженные корабли. Люди эти были схвачены и переданы инквизиции.

После этого случая англичане, и Френсис Дрейк в особенности, жаждали не только добычи, но и мести. Це-

лых 30 лет, до самой смерти, Дрейк был самым дерзким из пиратов, совершавших набеги на испанские моря. В 80-х годах XVI в. создание Голландской республики дало Испании нового и, в течение нескольких десятилетий, еще более грозного врага. Флот с сокровищами, всегда под усиленной охраной, обычно добирался до Севильи, но в 1628 г. голландский адмирал Питер Хейне захватил его. А когда пираты бывали особенно активны, флот двигался столь осторожно, что на путь от Вера Крус до Гаваны тратил иногда 6—7 недель. Пираты захватывали многие прибрежные города, грабили их и заставляли платить выкуп, причем излюбленным объектом их нападений была Панама, куда через перешеек доставлялось серебро из Перу для отправки в Испанию. Английские и голландские корабли стали появляться на Тихом океане, который до тех пор был как бы испанским озером. Там, близ Акапулько или в бухтах Нижней Калифорнии, они поджидали появления галеона с шелками и пряностями из Манилы.

В XVII в. пираты находили постоянное убежище в Караибском море. Англичане захватили Ямайку, французы — западную половину Гаити, голландцы — Кюрасао. Мелкие острова, многие из которых никогда не были заняты Испанией, были поделены между Англией и Францией. Кроме того, длинная береговая линия мексиканской провинции Кампече изобиловала уединенными бухтами, где пираты могли устраивать свои убежища и где при неблагоприятной для морского грабежа конъюнктуре они могли грузить свои корабли красильным деревом. Последние годы XVII столетия были золотым веком пиратов. Караибское море кишело кораблями разноплеменных пиратов, нередко деливших свои доходы с английскими и французскими чиновниками. В течение длительных периодов то Англия, то Франция официально находились в состоянии войны с Испанией. Но даже когда в Европе они не воевали, господствовало правило «за чертой мира нет», и атаманы пиратов, втайне поощряемые европейскими королями, продолжали грабить испанский торговый флот. Наибольшей славой среди пиратских главарей пользовался сэр Генри Морган, которого английский король назначил потом губернатором Ямайки. Но самым смелым

из пиратских набегов был захват Николасом ван Хорном и Лораном де Гаффом порта Вера Крус в 1683 г. В Вера Крус ожидали ежегодного флота, и городские склады были наполнены слитками серебра и мешками с кошенилью. Однажды на закате солнца появились два корабля под испанскими флагами. Так как они подавали сигналы, что за ними гонится пиратский флот, портовые чиновники зажгли маяки, чтобы впустить их в гавань. Корабли принадлежали Николасу ван Хорну. Тем временем Лоран де Гафф высадился на берег несколькими милями выше. Ночью пираты напали на жителей города, заперли их в церквах и на три дня оставили без пищи и воды. Испанский губернатор спрятался в конюшне под сеном. Его нашли и взяли в качестве заложника. Женщин группами вытаскивали из церквей на потеху пиратам. В конце концов, жителей города, умирающих от голода и обезумевших от жажды, использовали для переноски их собственного имущества на пиратские корабли. Пираты пробыли в городе до тех пор, пока на горизонте не появились паруса испанского флота, а затем ушли, увезя с собой всех негров и наиболее красивых женщин.

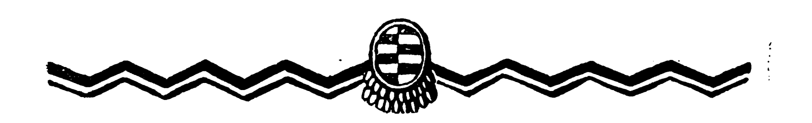
В XVIII в. пиратов стало значительно меньше. Пираты причиняли хлопоты не только испанцам, но и своим английским и французским покровителям, так что были приняты меры по борьбе с ними. Американское серебро достигало теперь Северной Европы посредством контрабандной торговли. Товары, которым полагалось проходить через Севилью и Вера Крус, снабжая испанское правительство доходами, а испанских купцов прибылями, шли вместо того прямо к потребителю. Они доставлялись на испанский морской путь с Ямайки, Гаити и Кюрасао, и их охотно раскупали не только креолы, но и чиновники испанского правительства. Нарушение торговых правил в той или другой форме стало обычаем для всего населения Испанской Америки, начиная с вице-королей. Торговые корабли, нагруженные контрабандными товарами, бросали якорь в нескольких милях от испанского берега, а затем к берегу приближались шлюпы, извещая о своем прибытии ружейными выстрелами. Другие корабли, под предлогом необходимости в ремонте или в свежей воде, смело входили в испанские гавани. Груз выносили на берег и

по всем правилам помещали в запечатанный склад, но на следующую ночь жители города при соучастии чиновников потихоньку уносили его через оставленную незапертой дверь и оставляли на его месте серебро и кошениль. Были годы, когда нужды испанской Америки полностью удовлетворялись контрабандной торговлей, так что когда прибывал флот из Севильи, он не мог распродать своего груза и оказывался вынужденным везти его обратно в Испанию.

Уже давно была подорвана монополия Испании на американский материк, всю территорию которого когда-то хотели захватить испанские короли, в соответствии с папской буллой. Через сто лет после завоевания Теночтитлана англичане и французы начали колонизацию Северной Америки. Линия поселений вдоль Атлантического побережья казалась сперва далекой от Новой Испании, но через одно столетие англичане уже угрожали испанскому господству во Флориде, а французы обосновались у самого Мексиканского залива, в Луизиане. В середине XVIII в. русские заняли Аляску и начали двигаться вдоль берега Тихого океана. Главную угрозу испанской цивилизации в Новом свете представляли англичане и их американские потомки. Вскоре северные границы Мексики оказались под угрозой не только со стороны апачей и команчей, но и со стороны сильной и быстро растущей англо-саксонской республики.

Испанская империя, ослабленная внутренней враждой между креолами и гачупинами и находившаяся под угрозой нападения извне, едва ли могла уцелеть долго, даже под руководством самых умелых государственных людей. А до второй половины XVIII в. государственное руководство было ее слабым местом.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

1. Рост либерализма

Почти триста лет Мексика оставалась феодальной и католической страной, где земельная аристократия господствовала над крестьянским населением и где культура могла развиваться лишь в узких рамках, отведенных ей духовенством. Испанское правительство стремилось предотвратить всякое заражение мексиканского общества чужеземными идеями. Иммиграция иностранцев была запрещена. Еретики, осмелившиеся нарушить это запрещение, передавались в распоряжение инквизиции. Литература подвергалась цензуре. Мексика жила в почти столь же полной изоляции, как и до путешествия Колумба.

Но тем временем в других частях мира формировались новые идеи, а войны и революции порождали новые формы общества. Из идей Возрождения, из подъема протестантизма и религиозных войн, из того роста торговли, промышленности и финансов, который был отчасти вызван серебром Сакатекаса и Гуанахуато, развилась новая вера, лозунгами которой были — свобода и равенство, разум и права человека. Над людьми, заявляли философы либерализма, не должна больше господствовать троица из короля, священника и аристократа-помещика. Правительство должно основываться на согласии управляемых. Религия должна стать частным делом. Общество, не разделенное более на сословия, должно дать личности возможность подняться до той высоты, до какой вознесут ее собственные таланты.

Какое влияние оказали эти новые идеи на Мексику? Их атмосфера, их возвышенный и благородный характер производили опьяняющее действие. Креольские и метисские интеллигенты, читавшие полученные контрабандным путем изложения Вольтера и декларации Джефферсона,

мечтали о свержении испанской тирании и о создании свободной республики, основанной на справедливости и равенстве: гачупинов нужно изгнать, инквизицию и цензуру печати отменить, образование освободить от контроля духовенства. Все отрицательные задачи были ясны. Но положительные следствия либеральной философии были не столь очевидны. В Мексике едва ли имелись самостоятельные предприниматели. Коммерческая деятельность, поскольку она существовала, была монополизирована гачупинами. В феодальной Мексике было в основном два класса: владельцы рудников и асиенд, высшие чиновники и духовенство, с одной стороны, и индейские крестьяне — с другой. Сильной и честолюбивой буржуазии, вроде той, которая свергла Стюартов и Бурбонов, не было. Роль среднего класса приняли на себя ранчерос, приходские священники, мелкие чиновники и адвокаты. Эти группы обладали энергией и честолюбием. Они постепенно прониклись либеральными идеями и в XIX в. повели мексиканскую нацию к независимости, к республике и к свержению католической церкви. Но воспринятая ими идеология была иностранной. Свобода рынка не имела никакого значения для индейских масс с их общинными традициями и привычками, созданными веками угнетения. Она имела мало значения даже для командовавших революционными армиями метисов, честолюбиво стремившихся к завоеванию политической власти и военного престижа. Попытки мексиканских якобинцев создать нацию мелких собственников не принесли освобождения индейцам. Единственным результатом этих попыток было то, что они создали возможность отнять у индейцев те земли, которые им еще принадлежали. Победа либерализма в Мексике создала такую общественную структуру, которая не дала преимущества самим мексиканцам и от которой в конце концов получила выгоду буржуазия других стран. Только в XX в. мексиканские интеллигенты начнут думать по-мексикански и приводить свои идеалы в соответствие с нуждами своего народа [1].

---

[1] Революционный подъем в Мексике, как и в других испано-американских странах, являлся следствием глубокого кризиса испанского колониального режима. Испания не могла уже удержать под своей

Впервые попытался применить в Мексике новые идеи, как это ни парадоксально, король. Вторая половина XVIII в. была эпохой просвещенного абсолютизма. Карл III, третий из испанских Бурбонов, царствовавший с 1759 по 1788 г., был увлечен теориями физиократов и антиклерикализмом французских философов. В начале его царствования в Мексику в качестве виситадора был послан Хосе де Гальвес. Произведенное им длительное и тщательное расследование открыло бесчисленные злоупотребления, укоренившиеся за два столетия административного упадка. Впоследствии Гальвес стал министром по делам Индий с полномочиями проводить реформы, какие он сочтет желательными. Система коррехидоров и старших алькальдов была уничтожена. Они были заменены двенадцатью «интендантами», которые отбирались более тщательно и были более честными и деятельными. Торговые правила были смягчены. Мексике было разрешено торговать со всеми испанскими портами, тарифы были почти отменены, а ежегодный флот более не посылался. Монополия богатых гачупинов, скупавших товары, привозившиеся флотом, была сломлена, и менее крупные торговцы также получили возможность торговать с Испанией. В результате последовал быстрый рост внешней торговли Мексики и королевских доходов, а также улучшение всего экономического положения страны. Стали поощряться науки и искусства, были организованы новые культурные учреждения, а именно школа горного дела и академия Сан-Карлос.

Царствование Карла III было также периодом территориальной экспансии, вызванной не внутренними нуж-

---

властью свои колонии в Америке, среди которых Мексика занимала по своему значению одно из первых мест, так как в это время в колониях выросла своя национальная буржуазия и интеллигенция. В Мексике также назрел кризис испанской колониальной системы. Национальная буржуазия и интеллигенция опирались на недовольство широких народных масс Мексики, земля которых была экспроприирована испанскими помещиками и духовенством. На этой основе и выросла идеология мексиканского национально-освободительного движения, страдавшая некоторой неясностью прежде всего в силу недостаточного размежевания классовых сил в Мексике, а не вследствие того, что она была, будто бы, занесена из-за границы, как это пытается представить Паркс. *(Прим. ред.)*

дами, а внешней опасностью. Чтобы отразить французскую угрозу в Луизиане, монахи еще в 1716 г. вступили в Техас и основали там миссии, которые должны были распространить испанское влияние среди индейцев. В 1763 г. французы были вытеснены из Северной Америки, и на сорок лет, пока Франция вновь не заняла ее, а затем не продала Соединенным Штатам, Луизиана стала испанской. На тихоокеанском побережье для защиты против русских Гальвес организовал самое смелое из испанских колониальных предприятий после XVI в. Группа монахов под руководством Хуниперо Серры вступила в Верхнюю Калифорнию, а в 1776 г. Анса с партией колонистов совершил тысячемильный путь из Соноры, через пустыни Аризоны и территории диких апачей до бухты Сан-Франциско. В Калифорнии появились колонисты — креольские аристократы, имевшие огромные стада.

Между тем становилось очевидно, что Испанской империи грозит непосредственная опасность распада. Если когда-нибудь креолы захотят восстать, они, вероятно, найдут помощь у Великобритании и у новой республики Соединенных Штатов в обмен на торговые привилегии и территориальные уступки. Вопрос о независимости испанской Америки уже обсуждался на тайных совещаниях в Лондоне и вскоре после этого возбудил интерес в Нью-Йорке. Пример Кортеса будет в 1798 г. волновать честолюбивый дух Александра Гамильтона, а в 1807 г. соответствующий проект трезво, с фактами и цифрами, будет разрабатываться будущим герцогом Веллингтоном.

Реформы Карла III встревожили умы и дали толчок мысли. Это само по себе было опасно для деспотической империи. После того как Карл III ускорил ее развитие, Мексике предстояло вынести дурное управление одного из худших испанских администраторов. Карл IV был мягок, несообразителен и во всем подчинялся своей жене, которая в свою очередь во всем подчинялась Мануэлю де Годой, молодому человеку, чье единственное средство завоевания власти заключалось в красивом лице. Годой и его подручные получили возможность управлять Испанской империей и грабить ее. Экономические реформы Карла III были постепенно оставлены, и после увольнения Ревильи Хихедо в 1794 г. мексиканские вице-короли стали такими

же продажными и такими же несведущими в делах, как худшие их предшественники.

Тем временем началась французская революция. В 1793 г. король был гильотинирован, и лозунгами новой республики стали свобода, равенство и братство. Несмотря на все усилия инквизиции и вице-королей, французские идеи начали проникать в Мексику. Французы, оказавшиеся благодаря приобретению испанцами Луизианы испанскими гражданами, сделались якобинскими агентами. В Мексике из рук в руки передавались часы, ящички и серебряные монеты с выгравированным на них изображением женщины со знаменем в руках и надписью «Libertad Americana»[1]. Однажды утром в 1794 г. на стенах общественных зданий Мехико были найдены плакаты с восхвалениями якобинского правительства. Креолы стали понимать, что в мире существует какая-то новая сила, которая несет тиранам смерть. В Мексике медленно зарождалась новая жизнь. Начались заговоры, сами по себе бесплодные, но предвещающие грозные взрывы в будущем. В 1798 г. мелкий чиновник Хуан Герреро составил заговор с целью добиться власти путем государственного переворота. На следующий год возник план вооружить массы города Мехико тесаками «мачетес». Испанское правительство арестовало заговорщиков, но казнить их побоялось, чтобы не восстановить против себя креольское население. Они были заключены в тюрьмы или высланы. Революционный дух охватил и индейцев. В Халиско тласкаланский племенной вождь задумал взорвать дворец вице-королей и храм святой девы в Гвадалупе и восстановить державу ацтеков. Было арестовано 86 чел., обвинявшихся в участии в заговоре.

По стране циркулировала революционная литература, хотя тем, кто ее читал, постоянно грозила опасность доноса в инквизицию. Среди молодых адвокатов и студентов распространялись новые идеи. Философия Декарта и Локка впервые через 100 с лишним лет после своего возникновения стала вытеснять схоластику в университете Мехико. В Мериде коллекция конфискованных книг, принадлежавшая инквизитору, оказалась после его смерти в

---

[1] Американская свобода. (*Прим. ред.*)

библиотеке коллежа. В 1805 г. появилась первая ежедневная газета «Эль диарио де Мехико» под редакцией Карлоса Мария де Бустаманте. Ограничиваемая цензурой, газета избегала политических дискуссий, но ее сотрудники были сторонниками независимости и посвятили себя созданию туземной мексиканской литературы. Отказавшись от искусственного подражания испанским образцам, они впервые начали употреблять мексиканские выражения и описывать сцены из мексиканской жизни. Через несколько лет Фернандес де Лисарди, более известный под псевдонимом «Мексиканский мыслитель», написал первый и один из величайших мексиканских романов «El Periquillo Sarmiento». Другим духовным предтечей независимости был высланный в Испанию монах Сервандо де Тереса-и-Мьер. Страстному, высокомерному и не знающему компромиссов, злейшему врагу деспотизма и суеверия, Сервандо предстояло пережить тридцать лет беспрерывных приключений и несчастий и, бежав из разных тюрем, пробраться в возрасте 70 лет на родину, чтобы сыграть руководящую роль в создании Мексиканской республики.

В то время как Мексика поддавалась влиянию новых идей, финансовые требования испанского правительства все росли. Французская революция, за которой последовала наполеоновская империя, повергла всю Европу в состояние войны. Годой сначала сражался с французами, а потом сделался их союзником и согласился субсидировать их. Необходимые для этого средства должны были доставляться колониями, и от богатых мексиканцев потребовали займов. В 1804 г. были захвачены церковные средства, и церковь была вынуждена потребовать платежа по многим своим закладам. Но честолюбие Наполеона и невежество Годоя приносили Испании все новые несчастья, завершившиеся событием, от которого Испанская империя так никогда и не оправилась. В 1808 г. Мексика узнала, что Карл IV отрекся от престола и что он и его сын, Фердинанд VII, завлечены во Францию их союзником-императором и исчезли во французских тюрьмах. Монархии, которой Мексика повиновалась почти триста лет, более не существовало. В Мадриде царствовал Жозеф Бонапарт. Бо́льшая часть Испании была занята французскими войсками, а независимость ее была представлена лишь народной

хунтой, сохранявшей непрочную власть в Севилье, и другой хунтой в Овиедо. Эта катастрофа, возбудившая открытую вражду между креолами и гачупинами во всей Испанской Америке, положила начало распаду империи. Колонии единогласно отказались признать Жозефа Бонапарта и присягнули королю Фердинанду. Но раз Фердинанд и все его родственники сидели в тюрьме, то в качестве его доверенного должен был действовать какой-то другой орган. Креолы считали, что теперь суверенитет перешел к народу и что колонии должны избрать свои хунты. Гачупины, боясь всего, что могло содействовать независимости колоний, утверждали, что королевская власть принадлежит испанским хунтам, несмотря на то, что в этих хунтах господствовали либералы. Началась своеобразная борьба, в которой реакционеры-гачупины поддерживали требования испанских либеральных хунт, а либералы-креолы клялись в верности реакционному королю. Каждая сторона обвиняла другую в якобинстве. Гачупины заявляли, что креолы действуют по приказу французских агентов, а креолы отвечали, что гачупины намерены признать бонапартистский режим в Испании.

Вице-королем Новой Испании был ставленник Годоя Итурригарай, наживший состояние путем продажи должностей. Он знал, что испанская хунта, если будет признана ее власть, лишит его звания вице-короля, и стал поддерживать креолов. Он надеялся, завоевав среди них популярность, удержаться в должности по крайней мере до реставрации Фердинанда VII, а может быть даже стать первым королем независимой Мексики. В августе он созвал объединенное собрание аудиенсии и аюнтамиенто Мехико. Аюнтамиенто потребовало избрания креольской хунты. Аудиенсия, представлявшая власть гачупинов, настаивала на повиновении Севилье, а руководители церкви осуждали разговоры о народном суверенитете как ересь. Когда и из Севильи и из Овиедо в Мексику приехали делегаты, претендовавшие на трон Новой Испании, Итурригарай нашел предлог отказать им обоим в признании. В сентябре он открыто встал на сторону креолов и начал разрабатывать план избрания конгресса. Но Итурригарай действовал неуверенно, ошибаясь, а гачупины решительно встали на защиту своих привилегий. Богатый гачупин

Ермо, владелец сахарных плантаций в Куэрнаваке, устроил государственный переворот. В полночь 15 сентября триста «добровольцев» Фердинанда VII ворвались во дворец и схватили спящего Итурригарая. На следующий день, рано утром, пока креолы еще не узнали о случившемся, собралась аудиенсия и назначила новым вице-королем пожилого военного, Педро де Гарибая. Итурригарай был отправлен в Испанию, а его имущество конфисковано. Семеро креольских лидеров было арестовано. Двое из них, которые наиболее решительно защищали народный суверенитет, умерли в заключении: адвокат Вердад, очевидно, от яда, а монах Таламантес — от желтой лихорадки в сыром подземном каземате форта Сан-Хуан-де-Улоа.

На время гачупины, казалось, восторжествовали. Народные демонстрации против переворота подавлялись войсками. Правда, креолы города Мехико единодушно хотели самоуправления. Для пропаганды самоуправления были организованы тайные общества, например общество «Гвадалупес». В кабачках распевались корридос в защиту Итурригарая. Но никто не осмеливался действовать.

Однако переворот разрушил всякое уважение к вице-королевскому званию. Всем стало ясно, что правительство Мексики представляет собой лишь тиранию гачупинов. И если жители столицы были запуганы превосходством врага, то в провинциях группы креолов вели активную заговорщическую деятельность. Гачупинов было так мало в сравнении с остальным населением, что свергнуть их казалось легко. Единодушное восстание креолов, метисов и индейцев могло бы освободить Мексику почти без борьбы. Заговорщики стали, пренебрегая расовыми различиями, называть себя американцами. Позднее им предстояло открыть, что положение сложнее, чем они думали. Не так легко было примирить наследников Кортеса с наследниками Кваутемока.

Гарибай оказался слишком мягким для гачупинов и был заменен архиепископом Лисаной, а в награду за услуги Ермо дал ему пенсию. В 1809 г. был подавлен заговор креолов в Вальядолиде. Были собраны и посланы в Испанию новые займы, и экономические бедствия еще усилились. Тем временем испанские хунты уладили свои разногласия. Снова существовало испанское правитель-

ство, возглавлявшееся тремя регентами, власть которых простиралась лишь на остров Леон, так как на всей территории Испании господствовали французы. Регенты послали в Мексику нового вице-короля, Венегеса, который принял должность 14 сентября 1810 г. Через два дня деревенский священник в интендантстве Гуанахуато начал войну за независимость.

2. Идальго

1810 год был критическим годом для всей Испанской империи. Весной креольские хунты в Южной Америке стали захватывать власть, объявив себя полномочными представителями короля Фердинанда. Когда гачупины отказались признать их, весь материк был охвачен войной, продолжавшейся четырнадцать лет. Это была война быстрых переходов, сражений в тропических джунглях и на заоблачных, покрытых снегом вершинах Анд. Первыми завоевали себе независимость аргентинские креолы. После этого армии Сан-Мартина перешли горы и стали действовать в Чили. Симон Боливар выгнал гачупинов из Венесуэлы, провел свою армию через занесенный снегом перевал, лежащий на 13 тыс. футов выше уровня моря, и внезапно напал на изумленных испанцев в Боготе. Затем освободители с разных сторон подошли к Перу. В 1824 г. Сукре уничтожил на плоскогорьях Боливии последнюю в Южной Америке испанскую армию. Девять новых республик было обязано своей независимостью этим конкистадорам свободы.

В Мексике обстоятельства сложились иначе. Там гачупины опередили своих противников. В Мексике не было креольской хунты, которая могла бы организовать освободительную войну креолов; были только отдельные заговорщики, без оружия и без законной власти. Одна из этих заговорщических групп, вынужденная начать восстание до намеченного срока, обратилась с призывом к метисам и индейцам, ненавидевшим богатых креолов почти так же, как испанцев. В результате значительная часть креольского населения оказалась на стороне гачупинов. Таким образом, то, что должно было стать войной за национальную независимость, превратилось на 10 лет в стол-

кновение более ожесточенное и имевшее более глубокое значение, — в войну классов. В конце этой войны креолы добились независимости Мексики и взяли власть в свои руки, но метисы и индейцы приобрели традиции, которых они впоследствии не забыли и которые их потомки отстояли в дальнейшей борьбе. Мексиканская война за независимость была репетицией войны за реформу и революции.

Война за независимость приняла характер социальной революции почти случайно; виновник этого, человек, сделавшийся национальным героем будущей Мексиканской республики, умер, повидимому, раскаиваясь в том, что сделал. В городе Керетаро группа креолов основала литературный и общественный клуб, в котором обсуждались идеи независимости. Члены этого клуба не были ни республиканцами, ни противниками католической церкви. Они хотели только, чтобы креолы, продолжая признавать короля Фердинанда, не управлялись больше чиновниками — гачупинами. Мексика, по мнению членов клуба, должна была входить в Испанскую империю на равных правах с Испанией. Руководителями этой организации были коррехидор Керетаро с женой и группа армейских офицеров, из которых самым выдающимся был молодой землевладелец, любитель приключений и боя быков, по имени Игнасио Альенде. Альенде ввел в клуб приходского священника города Долорес, Мигеля Идальго-и-Костильо. Идальго было уже без малого 60 лет; он был очень начитан, причем особенно любил французскую литературу. В прошлом он занимал должность декана коллежа Сан-Николас в Вальядолиде[1] (провинция Мичоакан). Его интерес к новым идеям уже навлек на него подозрения инквизиции. Идальго был гуманным человеком, сочувствовал угнетенным индейцам, что было уже редкостью среди мексиканского духовенства, и обладал величайшим мужеством. В Долорес он завоевал любовь своих прихожан-индейцев и, в нарушение закона, обучил их сажать оливковые и тутовые деревья и виноградные лозы и выделывать новые виды глиняной посуды и кожаных изделий. О деятельности Идальго стало известно вице-королю, и за несколько лет до описываемых событий испанские

[1] Современная Морелия.

чиновники явились в Долорес, срубили деревья Идальго и уничтожили его виноградники.

Заговорщики Керетаро начали привлекать в различных городах на свою сторону креолов, в особенности тех, которые служили офицерами в армии. Заговорщики надеялись навербовать столько сторонников, чтобы изгнание гачупинов можно было осуществить почти без борьбы. Они намеревались провозгласить независимость Мексики на большой ярмарке в Сан-Хуан-де-Лос-Лагос в декабре 1810 г. На случай сопротивления военным командиром заговорщиков был назначен Альенде. Об этих планах было донесено правительству офицерами, которых пытались завербовать, и одним священником, получившим сведения о заговоре на исповеди. Сперва испанские чиновники отнеслись к заговору пренебрежительно и заявляли, что стоит показать креолам печать на пергаменте, как они немедленно испугаются, но в конце концов решили действовать. 13 сентября были изданы приказы об аресте руководителей заговора. Жена коррехидора, участие которой в заговоре не было известно правительству, предупредила их, и Альенде с двумя-тремя товарищами поехал в Долорес посоветоваться с Идальго. Идальго, которого они разбудили 16 сентября до зари, принял важное решение. Вместо того чтобы бежать или ждать ареста, лучше немедленно восстать. Но весь план пришлось изменить. Уже нельзя было организовать восстание креолов или рассчитывать на привлечение армии. Не имея ни оружия, ни союзников, можно было только обратиться к индейцам, к возмущению, порожденному в них веками угнетения. Днем Идальго собрал нескольких своих сторонников и арестовал всех испанцев в городе. Потом он зазвонил в колокол своей церкви, как будто бы созывая индейцев к мессе. А когда его прихожане собрались, он взобрался на кафедру и сказал им, что настало время свергнуть гачупинов, которые так долго угнетали их и которые, как сообшил он своим слушателям, замышляют теперь признать Жозефа Бонапарта. Вооруженные дубинками, пращами, топорами, ножами и тесаками-мачетес, индейцы вместе с Идальго и Альенде отправились освобождать Мексику.

В течение нескольких дней восстание было настоящим триумфальным шествием. Испанцы были захвачены совер-

шенно врасплох. Увеличиваясь по мере движения вперед, освободительная армия прошла через равнину Гуанахуато, захватывая на асиендах кукурузу и скот и вербуя в свои ряды пастухов и батраков. Она заняла Сан-Мигель, где к ней присоединился полк Альенде, и пошла к Селайе. Монахи монастыря Кармен вооружились пистолетами и распятиями и разъезжали по городу, умоляя его жителей не переходить на сторону повстанцев. Но и здесь повстанцы не встретили сопротивления, и армия Идальго, разросшаяся уже до 50 тыс. чел., завладела городом. В Сан-Мигеле и в Селайе приход Идальго сопровождался мятежами среди босяков — «леперос» — и пролетариата. Мятежники взламывали двери домов гачупинов и богатых креолов и грабили их имущество. Альенде беспорядки привели в ужас. Он ожидал военного восстания и видел себя самого в роли генерала, ведущего свою армию к победе: в действительности же происходила социальная революция. Альенде разъезжал среди мятежников, пытаясь разогнать их. Но внезапное решение Идальго разбудило такие глубокие и мощные силы, что справиться с ними было невозможно. Гачупины расплачивались за преступления Альварадо, Нуньо де Гусмана и десяти поколений помещиков — энкомендерос и асендадос,— коррехидоров и владельцев рудников. Идальго, принявший на себя руководство восстанием и звание капитан-генерала Америки, знал, что задумал, но не предвидел того, что произошло в действительности. Однако теперь, когда все шлюзы были открыты, он понял, что бороться с потоком бесполезно. Желая достигнуть цели — освобождения Мексики, — он принял средство для ее достижения — устрашение испанцев и массовые восстания.

Из Селайи повстанцы отправились в столицу интендантства Гуанахуато. Интендант Рианьо нашел невозможным защищать город, где было слишком много сторонников Идальго. Но Рианьо собрал гачупинов и некоторых креольских богачей в «Алондига де Гранадитас», большом каменном здании, использовавшемся правительством для хранения зерна. Рабочие серебряных рудников примкнули к Идальго. Другие собрались на возвышавшихся над Алондигой скалистых террасах, чтобы наблюдать за сражением. Артиллерия интенданта косила индейцев Идальго

сотнями, но они продолжали бомбардировать здание из своих пращей с отчаянной храбростью, напоминавшей ацтеков. Рианьо был убит одним из солдат Альенде. Пока помощники еще спорили о том, кто будет его преемником, один гуанахуатский горняк подкрался к деревянной двери здания и поджег ее. Индейцы ворвались в дом и убили большинство тех, кто в нем находился. Потом они несколько часов в неистовстве носились по городу, грабя дома гачупинов, магазины и таверны и ломая машины на рудниках. Когда порядок был восстановлен, Идальго возложил на нескольких креолов ответственность за управление городом, запер оставшихся в живых гачупинов в Алондиге в качестве пленников и пошел на Вальядолид. Услышав о его приближении, испанцы поспешно бежали, и он вступил в город без сопротивления, а местный полк присоединился к повстанцам.

Тем временем восстание ширилось. Импровизированный призыв Идальго к массам, не намеченный и не подготовленный заранее, зажег всю Северную Мексику. Некоторые местности были подняты агентами, разосланными Идальго, но в других было достаточно одной только вести о кличе Долорес — «Грито де Долорес». Большинство повстанцев едва знало, за что сражается; но все знали, что угнетатели должны быть свергнуты. Повстанцы продолжали кричать «viva» в честь короля Фердинанда, но они арестовывали гачупинов, бросали их в тюрьмы и захватывали их имущество. Быстро организовывались партизанские отряды, которыми руководили деревенские священники, погонщики мулов и ранчерос, контрабандисты и бандиты. По горным хребтам, сьеррам, разъезжали отряды всадников, совершавших набеги на асиенды и нападавших на поезда с серебром и на караваны купцов-гачупинов. Некоторые из них были патриотами, другие — просто разбойниками. Города были изолированы, и вскоре также стали попадать в руки повстанцев. В Сакатекасе население восстало стихийно. Город Сан-Луис-Потоси был захвачен сторонником Идальго, монахом Эррерой, почти без всякой организованной помощи, а затем в город вступил главарь бандитов Рафаэль Ириарте, называвший себя представителем Идальго, и вырезал гачупинов. В провинции Халиско командование принял на себя крестьянин Торрес, который

пробился к Гвадалахаре, а епископ и «оидоры» бежали к тихоокеанскому побережью. Один из офицеров — товарищей Альенде, Хименес, посланный Идальго на север, занял Сальтильо. После таких успехов власти провинций Нуэво-Леон и Техас встали на сторону восставших. Через несколько недель во всей Северной Мексике испанские власти, казалось, были уничтожены. Правда, на юге агенты, посланные Идальго организовать восстание в провинции Оахака, были арестованы и расстреляны. Но сельский священник Хосе Мария Морелос, ученик Идальго по коллежу Сан Николас, примкнувший к восстанию еще в Вальядолиде, собирал новых повстанцев в холмах над Акапулько.

На долю Идальго выпала грандиозная задача — руководить революцией и не допустить ее вырождения в простую анархию. Альенде и его товарищи, офицеры Алдама, Абасола и Хименес, завидовавшие Идальго, потому что он был руководителем, и не сочувствовавшие его целям, мало помогали ему. Они все еще надеялись, что революция каким-нибудь образом перестанет быть революцией и превратится в военный мятеж. Идальго пытался заручиться поддержкой креолов, предлагая им генеральские должности в своей армии и посты в правительстве. Он борется, заявлял он, за выборный конгресс, который будет управлять Мексикой от имени короля Фердинанда. Но независимость Мексики не была единственной целью Идальго. Он продолжал призывать к восстанию индейцев. На территориях, находившихся в его власти, он отменил взимавшуюся с индейцев дань и приказал вернуть индейским деревням незаконно отнятые у них земли. Подобная программа, продиктованная отчасти стремлением к социальной справедливости, отчасти сознанием, что раз пушки находятся в руках правительства, то революция может восторжествовать только если ее силы будут обладать подавляющим численным превосходством, отдалила от Идальго большинство креолов. Они помнили, что произошло на Гаити, где негры под влиянием якобинской пропаганды свергли французское господство и перебили своих прежних хозяев. Молодые интеллигенты, охваченные либеральными идеями, сочувствовали Идальго, а тайные общества Мехико действовали в его пользу. Но большинство землевладельцев,

чиновников и офицеров поддерживало правительство. Владельцы сахарных плантаций Куэрнаваки и богатые помещики мобилизовали своих пеонов и послали их сражаться за Испанию. Церковь отлучила Идальго и использовала все свое огромное влияние, чтобы проповедовать верность Испании. Креольские офицеры, верные своим генералам-гачупинам, охотно убивали повстанцев, а метисы и мулаты, т. е. рядовой состав армии, слепо повиновались им. Это была гражданская война, в которой почти все силы обеих сторон состояли из уроженцев Мексики. Но в то время как правительство располагало дисциплинированной армией в 28 тыс. солдат, вооруженных ружьями и артиллерией, Идальго не имел ни генералов, ни солдат, за исключением Альенде и его товарищей, да еще полков Селайи и Вальядолида. Он всемерно старался снабдить своих сторонников пушками и установить среди них хоть какую-то дисциплину, но быстро превратить индейские орды в армию было невозможно. Сражаясь с испанцами, некоторые индейцы пытались вывести испанские пушки из боя, кидая свои сомбреро на их дула.

В конце октября Идальго пошел на Мехико. Цвет испанской армии во главе с самым способным ее генералом Кальехой был занят покорением Сан-Луис-Потоси, и для защиты столицы вице-король смог собрать только 7 тыс. чел., которых поставил под командование Трухильо. Этот последний занял горный перевал между долиной Мехико и долиной Толуки, у Монте-де-лас-Крусес. Революционеры, которых было 80 тыс. чел., прибыли туда 30 октября, и Альенде повел их в бой. Они взобрались на холмы с обеих сторон перевала и окружили армию Трухильо. С наступлением темноты Трухильо с несколькими спутниками прорвался через окружение, вернулся в Мехико и сообщил вице-королю, что одержал великую победу. Узнав истину, вице-король в отчаянии перестал надеяться на земную помощь. Кальеха шел ему на выручку, но пока город был беззащитен. Однако штурма, которого так боялись, не произошло. Идальго, очевидно, решил, что его импровизированная армия, получив в Мехико свободу рук, утратит всякое подобие дисциплины и станет легкой добычей для Кальехи. Вопреки совету Альенде и всех его военных помощников, он повернул от столицы и повел своих людей обратно

к Гуанахуато. Встретившись в Акулько с Кальехой, он избежал боя, но был вынужден пожертвовать своим обозом и артиллерией, и лойялисты заявили, что одержали победу. Изменение плана ознаменовало начало поворота в ходе восстания. Разочарованные индейцы дезертировали из армии повстанцев тысячами, а чиновники-креолы, высказавшиеся прежде за независимость, быстро раскаялись в своей опрометчивости и пошли на соглашение с правительством.

Споры между Идальго и Альенде стали такими ожесточенными, что они расстались. Идальго почти в одиночестве вернулся в Вальядолид, а затем обосновался в Гвадалахаре. Креолы и духовенство города нашли уместным торжественно приветствовать его. В его честь в соборе пели «Te Deum», а Идальго сидел под балдахином, предназначенным для вице-королей и других высших властей. Идальго издавал газету и стал организовывать правительство. Министром юстиции этого правительства стал Чико, а министром иностранных дел — Игнасио Район. Тем временем Кальеха шел на Гуанахуато, где командование принял Альенде. Защищать окруженный холмами город казалось невозможным, и Альенде бежал из него с остатками своей армии, пока город еще не был окончательно окружен, предоставив жителей их участи. Население Гуанахуато, зная, чего следует ожидать от Кальехи, схватило оставленных в Алондиге пленников-гачупинов и убило их. Вступив в город, Кальеха сперва уничтожал жителей без разбора, а затем построил на главных перекрестках виселицы, куда несколько дней подряд граждан группами приводили на казнь. Война принимала кровопролитный характер. Вице-король приказал расстреливать в течение 15 минут всех повстанцев, взятых с оружием в руках. Кальеха объявил, что во всех городах, где убивали гачупинов, за каждого убитого заплатят жизнью четыре гражданина города. Идальго принял те же методы. В Вальядолиде и Гвадалахаре он осудил на смерть целые группы гачупинов.

Альенде пошел сначала в Сакатекас. Но, несмотря на свою зависть к Идальго и на недовольство тем оборотом, какой приняло все движение, ему оставалось лишь присоединиться к Идальго в Гвадалахаре и сражаться за рево-

люцию. Кальеха прибыл туда в середине января. У него было 6 тыс. чел., а у Идальго — опять 80 тыс. Снова отвергнув совет Альенде, Идальго решил поставить все на карту. Он вывел всю свою армию из Гвадалахары и стал ждать Кальеху на мосту Кальдерон, на берегах Лермы. Революционеры выдерживали атаки лойялистов, пока не загорелись боеприпасы у них в тылу. Ветер понес пламя по сухой траве в войска повстанцев. Ослепленных дымом и испуганных блеском огня, их рубили направо и налево. Руководители повстанцев бежали на север, в Сакатекас, а Кальеха занял Гвадалахару, где креолы, приветствовавшие Идальго, поспешили объяснить ему, что сделали это только по принуждению.

Битва у моста Кальдерон была последней битвой под руководством Идальго. Группа креольских офицеров, примкнувших к движению с самого начала и ставших генералами повстанческой армии, требовала, чтобы военным командиром сделался Альенде. Идальго, номинально возглавлявшего правительство повстанцев, держали почти в плену. Альенде решил покинуть центральную Мексику, соединиться в Сальтильо с Хименесом и искать помощи у Соединенных Штатов. Он знал, что пограничное население долины Миссисипи ненавидит испанцев и стремится к экспансии в Техас. Остатки революционной армии отступили на север, а Кальеха занял Сакатекас. В Сальтильо во главе большей части армии был оставлен Игнасио Районⁿ, а Альенде, Идальго и большинство их помощников-креолов отправились на границу, взяв с собой тысячу человек, четырнадцать повозок и все сокровища, захваченные из королевской казны и у гачупинов. Гутьерреса де Лару послали вперед, чтобы добиться помощи в Кентукки и Вашингтоне, но Альенде и Идальго не пришлось встретиться с ним. Один креольский офицер, командовавший в Коагуиле, по имени Элисондо, примкнул было к революции, но отказ Альенде назначить его генерал-лейтенантом рассердил его. Элисондо решил предать руководителей восстания. Он подкараулил их у родников Бахана, на месте, где дорога в Техас огибает склон холма, так что путники не могут видеть того, что впереди них. Войско Альенде разбросанными отрядами, не приняв мер предосторожности, брело по дороге; и каждый отряд, как только

огибал холм, попадал в руки войск Элисондо. Офицеров расстреляли, солдат осудили на работы на асиендах, а руководителей отослали к высшим испанским властям в Чигуагуа.

В течение мая, июня и июля их одного за другим осуждали и расстреливали. Альенде и его товарищей офицеров приговорили к смерти, почти не соблюдая формальностей, но Идальго нужно было сперва лишить священнического сана. Он переносил заключение без жалоб и оставил на стенах своей камеры стихи, в которых благодарит тюремщиков за их учтивость. Испанское правительство опубликовало отречение, подписанное будто бы им самим, и, хотя авторство Идальго недостоверно, документ, пожалуй, действительно носит отпечаток его развитого и сильного ума. Мексика, говорится там, не готова к независимости, которая привела бы только к деспотизму и анархии. Голова Идальго, а также головы Альенде, Хименеса и Алдамы были посланы в Гуанахуато и выставлены на стенах Алондиги, где оставались до 1821 г.

3. Морелос

Испанцы считали Кальдеронскую битву концом восстания. Но пламя, зажженное «Грито де Долорес», было не так легко потушить. Массы мексиканского народа — индейские крестьяне, чьи земли были отняты помещиками, метисские священники и ранчерос, недовольные тем, что испанцы претендовали на привилегированное положение, креольские интеллигенты, воспринявшие у американцев и французов революционные идеи, — были внезапно охвачены надеждой на уничтожение угнетения и создание новой нации на принципах свободы и равенства. И хотя испанские войска при помощи церкви и землевладельцев в конце концов сокрушили восстание и загнали его в подполье, оно не погибло. Более ста лет после «Грито де Долорес» история Мексики была историей борьбы за осуществление надежд, впервые провозглашенных Мигелем Идальго.

После смерти Идальго и Альенде революция нашла своих собственных вождей. Большей частью это были метисы скромного происхождения и не обладавшие ученостью Идальго, но более пригодные для военного коман-

дования, более уверенно и стойко добивавшиеся своих целей. Эти вожди уже не мечтали о всеобщем восстании масс. Зная, что борьба будет долгой и жестокой, они создавали небольшие, но обученные и дисциплинированные армии. Вместо того чтобы собирать орды одетых в хлопчатобумажные ткани и вооруженных только ножами и пращами индейцев, они вербовали войска из всадников, вооруженных ружьями и тесаками-мачетес, войска, которые могли атаковать испанские армии.

Если революция потерпела поражение, то прежде всего из-за отсутствия централизованного руководства. Это была партизанская война, в которой каждая провинция имела своего вождя. Некоторые из тех, кто был вознесен на вершину бурями этих лет, оказались людьми с широкими взглядами и патриотическими идеалами, но другие были просто бандитами, дравшимися за свои личные выгоды. Из своих штаб-квартир в сьеррах они нападали на испанские города и без разбора убивали и грабили. Некоторые партизанские отряды сражались друг с другом из-за границ своих территорий. Другие принимали в свои ряды только индейцев и призывали к истреблению всего креольского населения. Наиболее умные руководители боялись партизанских главарей в такой степени, в какой ненавидели испанцев, но так и не сумели подчинить их центральной власти.

После того как Идальго и Альенде попали в руки противника, во главе повстанческой армии оказался бывший министр иностранных дел революционного правительства Игнасио Район. Расстреляв Ириарте, который отправился с другими главарями в Техас, но бежал и был заподозрен в измене, Район повернул на юг и повел свою армию из Сальтильо через Сакатекас в Мичоакан. Армия была настроена мятежно и склонна сдаться испанцам, а отступать ей пришлось через местность, занятую испанскими армиями и такую бесплодную, что солдаты утоляли жажду соком кактусов. Но Район вел их с искусством бывалого командира. Вальядолид был захвачен испанцами, и Район обосновался в Ситикуаро, в почти неприступной долине, окруженной лесами и высокими горами. Здесь он построил кольцо укреплений с рвом и двойным частоколом. Чтобы придать своему положению вождя законный вид, он организовал избрание

жителями долины хунты, которая должна была создать революционное правительство. Эта хунта действовала якобы по доверенности от короля Фердинанда, так как Районн продолжал утверждать, что сражается не против короля, а против гачупинов. Из Ситикуаро он тайно поддерживал связь с гвадалупесами и другими сочувствовавшими революции элементами в Мехико, которые встречались с его агентами на одной асиенде в нескольких милях от столицы. К нему явились креольские интеллигенты, например доктор Кос и молодой поэт Кинтана Роо. Один член общества «Гвадалупес» приобрел печатный станок, принадлежавший прежде испанскому правительству, и тайком переправил его в Ситикуаро в телеге с тыквой, так что повстанцы смогли издавать газету.

Однако главные силы революции находились не в Мичоакане, а на территории, входящей теперь в штат Герреро. Морелос, посланный туда Идальго с 25 спутниками и без оружия, к концу 1811 г. собрал армию в 9 тыс. чел., тщательно обученную и вооруженную захваченным у испанцев оружием. Он не только создал армию, но подобрал себе также способных и преданных помощников: деревенского священника Матамороса, сына крестьянина Висенте Герреро, бывших ранчерос братьев Галеано и семью Браво, креолов-землевладельцев из Чильпансинго, которых загнали в ряды повстанцев испанские офицеры, преследовавшие их за то, что они не помогали правительству. Морелос, невысокий коренастый метис, едва 5 футов ростом, скромный и молчаливый, страдавший малярией и постоянными головными болями, человек, который до 25 лет работал батраком на асиенде, а потом голодал в коллеже Сан-Николас и до начала войны жил в неизвестности священником в Каракуаро, в провинции Мичоакан, был гениальным полководцем и одним из самых прозорливых политических мыслителей в истории Мексики. К концу 1811 г. он господствовал над всей областью от долины Мехико до берегов Тихого океана. Один лишь порт Акапулько был ему неподвластен.

В других местах действовали партизаны. Осорно владел горами над Пуэблой. Гарсиа, предложивший способ поимки вражеских офицеров арканом, рыскал по равнине Гуанахуато. Дорога из Вера Крус в глубь страны стала местом

действий Феликса Фернандеса, уроженца Дуранго и студента юридического факультета коллежа Сан-Ильдефонсо. В Сакатекасе командовал Росалес. В горах над Тампико появился индейский племенной вождь, принявший титул императора уастеков Юлиана I. Было около десятка других партизанских руководителей, отряды которых увеличивались и уменьшались в зависимости от шансов на успех. Пастухи и ранчерос, охотно вступавшие в партизанский отряд, когда можно было ограбить поезд с серебром или совершить набег на город, превращались в лойяльных граждан при приближении испанского полка. Армии возникали как из-под земли и исчезали за ночь. Этот способ войны представлял для правительства величайшие трудности. Положить ему конец могли лишь самые суровые репрессии. Убийства и погромы участились. Испанцы осуждали пленных на расстрел и сжигали все деревни, заподозренные в оказании помощи восставшим. Повстанцы приняли аналогичную тактику. Когда Николас Браво, вскоре после того как его отец Леонардо был казнен испанцами, отпустил на свободу 300 пленных, вместо того чтобы расстрелять их, его поступок сочли актом непревзойденного великодушия.

Самым способным из испанских генералов был Кальеха. Он был высокомерен, жесток и хладнокровен. Вице-король не любил его, а подчиненные ненавидели. В течение последних месяцев 1811 г. он вел бои с партизанами на севере. Потом вице-король послал его в Мичоакан, и он пошел на Ситикуаро. Его тщательные приготовления напугали Район, и повстанцы бежали, несмотря на защищавшие их ров и двойной частокол. Ситикуаро был сожжен, а артиллерия, старательно собранная Районом в течение долгого времени, попала в руки испанцев. Сам Район и хунта продолжали руководить партизанами в Мичоакане, но престиж их был подорван. Тем временем Морелос начал угрожать столице. Отряды повстанческой конницы спускались с гор в долину и патрулировали дороги до самых окраин города, не допуская подвоза к нему продовольствия. В феврале 1812 г. Кальеха вернулся из Мичоакана; поскольку он был слишком силен, чтобы имело смысл встретиться с ним в открытом бою, Морелос ждал его в Куаутле — открытом и не имевшем укреплений городе, расположенном

на невысоком холме. Кальеха попытался взять Куаутлу штурмом и был отбит. Он осыпал ее градом пушечных ядер, которые городские дети собирали в кучи для артиллерии Морелоса. Наконец, Кальеха осадил город, решив взять его измором. Морелос и его люди ели червей, мыло и древесную кору, но сдаваться отказывались. Они ждали сезона дождей, когда в армии Кальехи, непривычной к полутропическому климату, должны были распространиться болезни. Но через несколько недель после обычного срока начала дождей небо все еще было безоблачным. Тогда, 2 мая, Морелос построил свои войска и население Куаутлы в колонну, и в два часа ночи она вышла из города. Колонна дошла до открытого места, но ей пришлось пробиться через линию часовых, и звуки ружейных выстрелов разбудили испанское войско. Морелос приказал своим спутникам рассеяться, и большинство солдат спаслось, но женщин и детей испанцы перебили. Кальеха оказался господином пустого города. Он вернулся в столицу, как будто бы с победой, но мексиканцы понимали, в чем дело. В комедии, поставленной день или два спустя в одном из театров Мехико, один солдат говорил своему генералу: «Вот тюрбан мавра, которого я взял в плен». — «А сам мавр?» — «Он, к несчастью, убежал».

Весь остаток того года Морелос был непобедим. Быстро собрав свою рассеянную армию, он вновь занял Куаутлу, а затем перешел на восточную сторону плоскогорья. Для своей штаб-квартиры он избрал Теуакан, к юго-востоку от Пуэблы, на стратегической позиции, с которой он угрожал дорогам, ведущим из долины Мехико к Мексиканскому заливу, а если бы представилась возможность, мог пойти на столицу. Он захватил Орисабу и сжег склады табака, дававшего вице-королю часть его доходов, и постепенно овладел городами в направлении от Вера Крус в глубь страны. Осенью он повернул на юг и штурмом взял Оахаку, а следующей весной осадил Акапулько и в августе взял этот город, несмотря на недостаток пушек и на то, что повстанцы не обладали господством на море. Этими победами для революции была завоевана вся Южная Мексика, кроме городов Мехико, Пуэблы и Вера Крус. На всей территории, находившейся под его властью, Моралос ввел порядок, организовал сбор налогов, назначил местных должностных

лиц и расстреливал солдат, осужденных за воровство. Морелос был фактически диктатором, но его никогда не обвиняли в злоупотреблении властью ради собственных выгод.

После взятия Акапулько Морелос решил, что настало время организовать законное правительство. Район претендовал еще на руководство революцией, и ситикуарская хунта еще действовала, но она была дискредитирована поражениями, внутренними раздорами и интригами. В Чильпансинго было созвано для образования конгресса восемь делегатов из подвластных революционерам районов. Морелос, назначенный генералиссимусом революционой армии, изложил этой организации свои планы переустройства общества. Он отказался от видимости повиновения королю Фердинанду, которую еще сохранял Район. Впрочем, Район и сам признал, что она служила просто средством для приобретения поддержки невежественных, зараженных предрассудками людей. Мексика должна быть республикой — республикой Анахуак, управляемой волею народа. Морелос верил в равенство рас, в отмену привилегий (фуэрос) духовенства и офицеров и считал нужным разделить крупные асиенды на мелкие крестьянские участки. Имущество богачей должно быть конфисковано, причем одна половина его должна пойти на государственные расходы, а другая должна быть распределена среди бедняков. Морелос был католиком и всегда перед битвой исповедывался у своего духовника. Однако он выступил за отмену обязательной десятины и захват церковных земель. Эти идеи, в общем виде изложенные им в Чильпансинго в 1813 г., служили программой мексиканских реформаторов в течение всего последующего столетия. По призыву Морелоса конгресс занялся разработкой конституции, окончательно составленной лишь год спустя в Апацингане. Эта конституция, сочетавшая англо-саксонские традиции с испанскими, предусматривала всеобщее избирательное право и систему косвенных выборов, исполнительный орган из трех назначаемых конгрессом лиц, верховный суд и суд резиденсии. Но к тому времени, когда конституция была готова к проведению в жизнь, Морелос уже не был господином Южной Мексики. Революционеров загнали обратно в горы, а вице-король опять управлял теми обла-

стями, в которых Морелос надеялся ввести свободные республиканские учреждения.

Конгресс в Чильпансинго ознаменовал кульминационный пункт революции. Отчасти он сам был виновен в гибельных поражениях следующего года. Морелос был слишком бескорыстен и стремился избавиться от диктаторских полномочий. Но в разгаре войны не время было производить опыты парламентарного правления. Члены же конгресса — в большинстве креольские адвокаты и священники, — хотя все, в отдельности взятые, были способными людьми, объединившись, только мешали ведению войны. Кроме того, испанцы научились справляться с положением. В феврале 1813 г. Венегеса отозвали в Испанию, и вице-королем стал Кальеха. Он вооружил все креольское население. Все домовладельцы были призваны в милицию и получили приказ быть готовыми сражаться против партизан. Это было опасное средство, но оно оказалось успешным. Закрытие рудников, опустошение полей, прекращение торговли и насильственные займы, взимавшиеся испанским правительством, заставили людей жаждать мира, а самым легким путем к нему была победа Испании.

Страна была истощена. Многие жители, сочувствовавшие делу независимости, готовы были воевать с гачупинами против герильерос. С этими новыми войсками Кальеха покорил северные области, готовясь нанести Морелосу решающий удар; эту возможность дало ему то обстоятельство, что все лето 1813 г. Морелос был занят осадой Акапулько. Императора уастеков поймали и расстреляли. Сакатекас и Сан-Луис-Потоси были усмирены. В Техасе Арредондо вырезал целый отряд американских флибустьеров, которых Гутьеррес де Лара привлек в ряды защитников мексиканской независимости. К концу года Кальеха имел возможность сосредоточить свои силы для завоевания юга. В декабре Морелос пошел на север, в Мичоакан, и напал на Вальядолид, город, где он родился, где познакомился с Идальго, город, который он собирался сделать столицей революционного правительства. На выручку Вальядолиду явился испанский генерал Льяве, а в его войсках был молодой полковник, тоже уроженец Вальядолида, тоже метис, хотя и называвший себя креолом, и тоже знакомый с Идальго, — Агустин де Итурбиде. Итурбиде происходил

из богатой клерикальной и роялистской семьи. Он сочувствовал идее независимости, но не хотел присоединяться к социальной революции. Он сражался под начальством Трухильо у Монте-де-Лас-Крусес, а в войне с партизанами в Гуанахуато проявил себя способным, честолюбивым и жестоким командиром. Лагерь Морелоса находился на вершине скалистого холма, который считался неприступным, вследствие чего его недостаточно охраняли. Когда обе армии стали друг против друга, Итурбиде собрал кавалерийский отряд и после захода солнца прорвался через ряды революционной армии, штурмовал холм и напал на лагерь. Морелос был захвачен совершенно врасплох. В темноте и сумятице революционные полки, вернувшиеся, чтобы спасти своего вождя, сражались друг с другом. Оставшиеся в живых были разгромлены и в беспорядке оттеснены к Пуруарану, где потерпели окончательное поражение. Матаморос был взят в плен и расстрелян. Армия, которую Морелос обучил и привел к стольким победам, быстро распадалась, а сам Морелос, у которого осталось менее сотни спутников, стал вскоре преследуемым беглецом. За этими поражениями последовали сокрушительные удары в самое сердце территории повстанцев. Одна испанская армия взяла Оахаку, другая захватила плантации сахарного тростника в Куэрнаваке и горы, окаймляющие тихоокеанское побережье,— Куаутлу, Таско и Чильпансинго — все те ставшие для него родными места, на которых Морелос впервые сражался с испанцами. Захватив в плен Ильдегардо Галеано, самого выдающегося после Матамороса помощника Морелоса, испанцы без боя вступили в Акапулько, на осаду которого Морелос потратил пять драгоценных месяцев. Через несколько недель рухнуло все здание, которое Морелос воздвиг с таким трудом.

Морелос снова вернулся в Мичоакан, сопровождаемый членами конгресса республики Анахуак. Но конгресс уже не доверял своему генералу. Орган, заботливо созданный и охранявшийся Морелосом, отказался признавать его своим главой. Войну должен был вести комитет, между членами которого были поделены территории, где еще существовали повстанческие армии. Морелос принял разжалование, не пытаясь сопротивляться. Он заявил, что готов сражаться в рядах революционных войск как солдат. Но из

членов конгресса ни один не обладал тем военным искусством, той магнетической силой, той бескорыстной преданностью делу, которые отличали Морелоса. Заменившие его военачальники плохо вели войну с испанцами и ссорились между собой. Район, начальствовавший в Оахаке, боролся с Росаинсом, действовавшим в Вера Крус. Доктор Кос, крайне энергично осуждавший конгресс, был сперва приговорен к смертной казни, а затем заключен в тюрьму. Он дезертировал из лагеря революции и получил прощение от вице-короля. Тем временем Итурбиде истреблял мичоаканских герильерос с ужасающей быстротой. За два месяца он захватил в плен и расстрелял 19 главарей и 900 рядовых. Мичоакан являлся, повидимому, отнюдь не безопасным местом для членов конгресса, и они решили перевести правительство в Теуакан Этот город был еще в руках повстанцев, которыми командовал молодой креол, сбежавший из университета студент-правовед, Мьер-и-Теран. Конгресс, оказавшийся в крайне тяжелом положении, попросил Морелоса сопровождать его в этом долгом и опасном путешествии. Члены конгресса отправились на юг и благополучно перешли через реку Мескала, но в Техмалаке они встретили испанскую армию. Перед лицом превосходящих сил противника Морелос приказал Николасу Браво проводить членов конгресса в безопасное место, а сам с несколькими спутниками отвлек на себя внимание преследователей. Он спрятался в кустах на открытом горном склоне и был взят в плен — одним из своих прежних помощников. Его отвезли в Мехико. Тюремщик предложил Морелосу бежать, но он отказался, заявив, что не может спастись ценой жизни другого человека. Вице-король приказал казнить его в нескольких милях от города, чтобы не было демонстраций сочувствия.

После гибели Морелоса конец войны был только вопросом времени. Не было уже революционного вождя, достаточно авторитетного, чтобы заставить вождей герильи действовать сообща. Даже конгресс, за который Морелос отдал жизнь, вскоре перестал существовать, ибо когда он, наконец, добрался до Теуакана, между его членами разгорелись такие споры, что Мьер-и-Теран захватил власть и разогнал его. По мере того как уменьшалась территория, подвластная партизанским отрядам, и воз-

можности снабжения становились все более ограниченными, споры между вождями этих отрядов делались все ожесточеннее. Когда Росаинс потерпел поражение в Вера Крус, его люди стали переходить к Феликсу Фернандесу, который еще пользовался популярностью. Тогда Росаинс начал войну со своим удачливым соперником. Он был арестован Мьер-и-Тераном, но бежал и примкнул к испанской армии. Дело революции стало все более отождествляться с грабежами и личным честолюбием; поэтому люди, преданные идее, начали с отвращением покидать ряды восставших. Главари повстанцев теперь почти ничем не отличались от бандитов. Они строили неприступные крепости высоко в горах, тиранили своих приверженцев и украшали себя золотом и серебром, драгоценностями и дорогими тканями, украденными у гачупинов.

Кальеха сломил хребет революции, но он был слишком жесток и непопулярен для задачи умиротворения. В 1816 г. его сменил Аподака. Последний был обязан своим назначением милости короля Фердинанда, который после падения Наполеона опять стал королем Испании; однако это назначение отнюдь не означало, что испанское правительство начинает понимать всю серьезность положения в Мексике. Однако Аподака вполне годился для выполнения своей задачи. Он прощал всех, кто выражал готовность подчиниться, и многие воспользовались возможностью прекратить борьбу, которая теперь уже казалась безнадежной. Роялисты без труда взяли Теуакан, а Мьер-и-Теран отказался от общественной деятельности. Подчинение Осорно умиротворило Пуэблу. Вера Крус и Оахака были совершенно покорены. К весне 1817 г. партизаны действовали еще только в Мичоакане и Гуанахуато.

Почти не изменила положения помощь из неожиданного источника. Король Фердинанд нанес решительный удар испанским либералам, и среди тех, кто ушел в изгнание, был молодой руководитель партизан, уроженец Наварры, Франсиско Хавьер Мина. В Англии Мина встретил некоторых мексиканских либералов, — в частности, брата Сервандо де Тереса-и-Мьера, — которые убеждали его продолжать борьбу против деспотизма в Новом свете. Сопровождаемый искателями приключений и революционерами разных национальностей, преимущественно англо-саксами,

Мина в апреле 1817 г. высадился на берегу Тамаулипаса. Он отправился в Гуанахуато, где помещалась штаб-квартира последних повстанцев. Но мексиканские главари приняли его холодно, хотя он и одержал несколько побед. Революция уже угасла, и снова разжечь ее было невозможно. В октябре того же года Мина был взят в плен и расстрелян.

К декабрю революция фактически окончилась. В Гуанахуато был убит собственными солдатами последний главарь повстанцев, прославившийся своей жестокостью. В Мичоакане Николас Браво и Игнасио Район удерживали Сакатулу до конца года, но затем сдались. В южной Мексике действовали еще два-три партизанских вождя — Гусман, Монтес де Ока, Педро Асенсио; но из тех, кто претендовал на руководство революцией и чьи мотивы были чисто патриотическими, непримиримых оставалось только двое. На берегу реки Мескала, в горах того штата, который теперь носит его имя, Висенте Герреро предводительствовал отрядом примерно в две тысячи оборванных и полуголодных повстанцев. Герреро был человек необразованный, смешанного испано-индейско-негритянского происхождения, исключительно благородный и добрый по характеру и всецело преданный идеям Морелоса. Его отец-крестьянин воевал на стороне испанского правительства, и Аподака, стремясь завершить усмирение, послал его в лагерь Герреро, обещав последнему деньги и военный чин. Герреро заплакал, но отказался принять это предложение. А в горах над Вера Крус еще не сдавался Феликс Фернандес. Все его приверженцы дезертировали, и испанцы пытались взять его измором, сжигая все деревни, которые его принимали. Два с половиной года Фернандес жил в лесах, ни с кем не встречаясь, питаясь плодами. Его донкихотскую веру в дело мексиканской независимости символизировало принятое им имя, под которым он и был известен, — Гвадалупе Виктория. Этим двум людям — Гвадалупе Виктория и Висенте Герреро — предстояло впоследствии стать первым и вторым президентами Мексиканской республики.

4. Игуальский план

Идальго и Морелос потерпели неудачу потому, что поставили перед собой слишком большие задачи. Они

сражались не только за изгнание гачупинов, но также за равенство рас, за отмену привилегий духовенства и офицерства и за возвращение индейцам земли. Результатом этого была разрушительная гражданская война, которая не только не принесла Мексике независимости, но, может быть, даже замедлила ее завоевание.

Духовенство и армия, священники, землевладельцы и мелкие чиновники — фактически все, кроме 80 тыс. гачупинов, хотели независимости, но без войны и при условии, что она не принесет преимуществ метисам и индейцам. Под влиянием выступления Идальго и Морелоса, а также событий в Южной Америке, они задумались над вопросом о возможности завоевания независимости и без труда сумели оценить связанные с нею выгоды. Им больше не придется посылать в Испанию подати и деньги, собранные посредством принудительных займов. Их больше не будут эксплоатировать купцы-гачупины. Они смогут занимать государственные должности и получать жалованье из государственной казны. Богатые креолы ожидали от независимости таких выгод, которые иногда были прямо противоположны идеалам повстанцев. Ибо если Морелос намеревался разделить асиенды, то креольские землевладельцы желали отмены испанских законов о защите индейцев, чтобы иметь возможность беспрепятственно угнетать последних и присваивать их земли.

В 1812 г. это почти всеобщее стремление к независимости получило на короткий срок возможность открытого выражения. Испанская хунта организовала выборы в кортесы. В качестве испанского органа она желала сохранить господство Испании над колониями, но в качестве органа либерального была вынуждена согласиться с тем, что колонисты также должны иметь какие-то права. Таким образом, американские городские советы получили приглашение избрать делегатов в кортесы. Мексике было дано семь мест, и самым выдающимся из ее представителей был Мигель Рамос Ариспе — говорливый, воинственный и самоуверенный священник из провинции Нуэво-Леон, любивший называть себя индейцем из племени команчей. В 1812 г. кортесы разработали конституцию, согласно которой создавались выборные городские советы и провинциальные собрания, колонии получали в испанских кортесах

равное представительство с самой Испанией, инквизиция и другие специальные религиозные и военные суды уничтожались и вводилась свобода печати. Поскольку бóльшую часть Испании занимали французы, конституция там почти не проводилась в жизнь, но Венегесу было приказано осуществить ее в Мексике.

В то время, когда повелителем всей Южной Мексики был Морелос, внезапное дарование свободных учреждений могло быть только губительным для испанских интересов. Тем не менее, ошеломленному вице-королю, получившему власть от кортесов, оставалось лишь повиноваться. 28 сентября конституция была прочитана гражданам, собравшимся у дворца, и все они должны были присягнуть ей. Народ встретил объявление конституции с восторгом, который быстро вышел за рамки всякого контроля со стороны властей. Стреляли из пушек, звонили в церковные колокола. Площадь Пласа Реаль была переименована в Пласа де ла Конститусьон, и граждане отпраздновали это событие, разрушив виселицу, которая до тех пор украшала эту площадь.

Опасения вице-короля вскоре оправдались. Когда состоялись выборы в городские муниципалитеты, то победили на них везде креолы, известные, как сторонники независимости. После выборов победителей торжественно вели в церкви, где служили благодарственные мессы; колокольный звон продолжался почти до утра и был прекращен лишь по особой просьбе вице-короля. Появились газеты, выражавшие народную ненависть к гачупинам и к испанскому владычеству. 5 декабря Венегас решил положить всему этому конец. Действие конституции было приостановлено до конца гражданской войны, и всякий, кто без разрешения звонил в церковный колокол, присуждался к 10 годам каторги. Так как виселица была предметом народной ненависти, то уголовные преступники должны были отныне подвергаться казни удушением. В других же отношениях старый режим был восстановлен полностью. Несмотря на протесты Рамоса Ариспе, это решение было одобрено испанскими кортесами. Дарование конституции, а затем приостановка ее действия, естественно, только усилили стремление к свободе. Как писал Морелос Район у, все мексиканцы убедились теперь в лицемерии Испании.

В 1815 г. Наполеон был свергнут, а Фердинанд VII освобожден из французского плена. Испанскому народу, который пять лет сражался за возвращение Фердинанда на престол предков, не довелось блаженствовать под его скипетром. Воспользовавшись восторгом, вызванным его возвращением, Фердинанд смог без труда отменить конституцию, восстановить деспотическое правление и посадить либеральных лидеров в тюрьму. Кальеху известили об этой перемене, и в августе граждане Мехико были снова созваны на площадь — на этот раз, чтобы услышать об отмене отсроченной конституции. Это событие было приказано отпраздновать, но все усилия вице-короля вызвать восторг были встречены холодно.

Пять лет реакция торжествовала в Испании и во всей Европе. Права королей гарантировал Священный Союз, в котором господствовал Меттерних. Но в Южной Америке Боливар и Сан-Мартин одерживали победы. Мексика ждала. «После того как в нынешнем столетии был начат спор о независимости Америки, — писал несколько лет спустя современный наблюдатель [1], — я думаю, что его уже не задушить ни насильственными, ни мирными способами». В народных массах стремление сохранить национальный характер своей страны было инстинктом, чувством, которое нельзя было объяснить никакими теориями, а для тех, кто обладал некоторым образованием, оно являлось правом, вопросом национальной чести, а поэтому обязанностью. В 1819 г. не было мексиканца, который не был бы убежден в том, что Мексика должна стать независимой.

В 1820 г. в Испании произошло восстание, начатое солдатами, которых отправляли в Южную Америку. Конституция 1812 г. была восстановлена, и Фердинанд спас свою корону тем, что принес присягу конституции. Но он собирался нарушить эту присягу при первой возможности. Когда, наконец, ему представилась такая возможность, он при помощи иностранной интервенции открыл кампанию террора против либералов. Но тут ему показалось, что его мексиканские подданные будут сговорчивее испанцев. Он стал помышлять о том, чтобы сделаться монархом

---

[1] Лоренсо де Савала.

Мексики. Тогда реакционная Мексика стала бы независимой от либеральной Испании.

Аподака провозгласил конституцию в 1820 г. с теми же результатами, что и прежде. На выборах победили креолы, а газеты стали нападать на гачупинов. Однако любопытно одно обстоятельство. Победа либерализма в Испании напугала мексиканских реакционеров, в особенности духовенство. Свобода печати, отмена фуэрос духовенства и офицерства, уничтожение инквизиции, конфискация церковных имуществ, распространение учений философов-рационалистов — вот чего следовало ожидать, пока Мексикой будет править Испания. Реакционеры стали стремиться изолировать Мексику от «либеральной заразы». Некоторые из них надеялись на приезд короля Фердинанда. Другие считали, что Мексика должна объявить себя независимой, а потом предложить престол Фердинанду. Тем временем креольские либералы приветствовали конституцию, но не переставали требовать изгнания гачупинов. Сплеталась сложная сеть противоречивых планов и интриг. Но в Мексике был один человек, который знал, чего он хочет, и сумел использовать все различные группы с их противоречивыми интересами, чтобы самому захватить власть. Это был Агустин де Итурбиде.

В 1816 г. расправе Итурбиде с повстанцами внезапно был положен конец. Получив приказание снабжать охраной проходившие через повстанческую территорию поезда с серебром, он положил за правило взимать определенный процент серебра для себя. Владельцы рудников, отказавшиеся подкупать его, должны были сами заботиться о своей защите. Об этом шантаже известили Аподаку, и он заставил Итурбиде вернуться к частной жизни. Тогда Итурбиде вознамерился реабилитировать себя, войдя в милость у церкви. Он проявил большое влечение к благочестивой жизни и ушел в монастырь Ла Професа. Этот монастырь часто посещали видные церковные деятели и государственные чиновники, в частности, глава уничтоженной инквизиции Маттиас Монтеагудо, принимавший участие в мятеже против Итурригарая. В 1820 г. эти люди стали обсуждать вопрос о независимости Мексики. Красивый, привлекательный и способный Итурбиде, верный сын

церкви и враг либерализма, завоевал их расположение и объявил себя готовым поддержать их планы.

Аподака готовил военную экспедицию против Герреро, и духовенство убедило его поручить командование этой экспедицией Итурбиде. В декабре 1820 г. Итурбиде отправился из Мехико на юг. Его покровители — клерикалы полагали, вероятно, что он завоюет престиж, сокрушив Герреро, и после этого они смогут сделать его вице-королем вместо Аподаки. Но у Итурбиде были свои замыслы. Он намеревался стать освободителем Мексики, быть может, даже ее Бонапартом. Такой проект ослепил друзей, которым он его открыл, а одному из них, беседовавшему с Итурбиде ночью, во время прогулки по залитым лунным светом улицам столицы, проект показался почти сверхъестественным. Потерпев поражение, Итурбиде решил примкнуть к повстанцам. Он вступил в переговоры с Герреро и захватил в свое распоряжение шедший в Акапулько поезд с серебром стоимостью в полмиллиона песо. В феврале он опубликовал в городе Игуале план завоевания независимости и убедил свои войска поклясться ему в верности. Согласно этому плану, Мексика должна была стать независимой монархией, управляемой королем Фердинандом или каким-нибудь другим европейским принцем. Римско-католическая церковь сохраняла свои привилегии, а креолы уравнивались в правах с гачупинами. Эти пункты получили известность под названием трех гарантий. До прибытия короля власть должна была принадлежать хунте, которой надлежало подготовить выборы в конгресс. Конгрессу предстояло выработать конституцию. Конфискация имуществ запрещалась. После долгих колебаний Герреро, наконец, поверил искренности Итурбиде и решил, что план стоит поддержать. В Телолоапане оба лидера встретились и обнялись.

Игуальский план с его гарантией существующих имущественных отношений не предусматривал почти ничего из того, за что боролся Морелос. Этот проект соответствовал первоначальным намерениям заговорщиков из Керетаро, возникшим прежде, чем призыв Идальго к массам изменил весь характер движения за независимость, и давал программу, к которой могли примкнуть как либералы, так и реакционеры. Они могли объединиться для борьбы

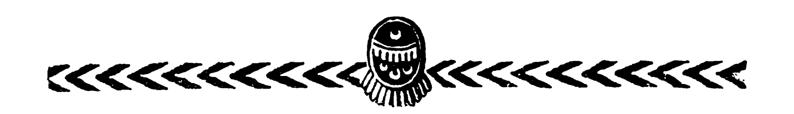
за независимость Мексики и временно оставить свои раздоры. В течение нескольких недель исход борьбы висел на волоске. Солдаты Итурбиде начали дезертировать, а Аподака готовился послать против него армию. Недавно организованные в Мексике масонские ложи, среди членов которых было немало гачупинов, противодействовали борцам за независимость. Но в апреле весы начали склоняться на сторону Игуальского плана. К Итурбиде стали примыкать как либералы, так и роялисты, а к лету движение приобрело массовый характер. Итурбиде вступил в Гуанахуато, где к нему примкнул креольский генерал Анастасио Бустаманте, присоединивший к армии трех гарантий 6 тыс. солдат. В мае Итурбиде занял Вальядолид. В следующем месяце за Игуальский план высказалась Гвадалахара, и ее примеру последовала вся Северная Мексика. На Юге силами сторонников независимости руководил Герреро, и старые повстанческие главари присоединились к своим прежним товарищам. К Игуальскому плану примкнули Осорно и Николас Браво. Друзья Гвадалупе Виктория, которого считали погибшим, отправились в горы и вывели его из мест, где он прятался. Офицеров-роялистов привлекали обещанием чинов. Военных действий почти не было, и когда в августе Итурбиде, сопровождаемый Браво и Гвадалупе Виктория, въехал в Пуэблу, испанский флаг развевался только над городами Мехико, Вера Крус, Пероте и Акапулько.

В конце июля в Вера Крус высадился новый вице-король, Хуан О'Доноху, назначенный либеральным испанским правительством на смену Аподаке. О'Доноху был осажден в Вера Крус, и его спутники и члены его семьи начали умирать от желтой лихорадки. Он решил принять, как единственный выход из невыносимого положения, Игуальский план. В августе О'Доноху встретился с Итурбиде в Кордобе и согласился поддержать его. Итурбиде, уверенный теперь в успехе, существенно изменил свой первоначальный план. Мексика должна была стать монархией, но выбор монарха более не ограничивался царственными домами Европы. О'Доноху поехал в Мехико и вступил в должность, а войска гачупинов вышли из города. 27 сентября Итурбиде верхом на черном коне, во главе армии трех гарантий, вступил в столицу. Через Акапо-

цалько и Такубу он проехал к Аламеде. Затем, наподобие странствующего рыцаря феодальных времен, он повел свою армию к югу, в Платерос, чтобы прекраснейшая дама города могла быть свидетельницей его триумфа, а потом проследовал в монастырь святого Франциска, где аютамиенто поднесло ему на серебряном блюде золотые ключи города Мехико. После этого О'Доноху принял его во дворце, а архиепископ отслужил в соборе благодарственную мессу. Юкатан, почти незатронутый волнениями последних одиннадцати лет, уже высказался за Игуальский план. В октябре сдались Вера Крус, Акапулько и Пероте, и последняя испанская армия ушла в островную крепость Сан-Хуан-де-Улоа. Теперь вся материковая часть Мексики стала независимой.

Была готова арена для захвата власти Итурбиде и для следующего тура борьбы между либерализмом и реакцией.

ЭПОХА САНТА-АНЫ

1. Введение

Победа армии трех гарантий поставила больше вопросов, чем разрешила. Мексика была независима, но задача ликвидации учреждений, оставшихся по наследству от испанского правительства, и создания мексиканской национальности только начинала разрешаться. Следующие полвека были периодом анархии, революции и гражданской войны.

Власть получили креолы, а метисы начали переходить в оппозицию. В политическом отношении Мексику до XX в. представляли именно эти две группы, а не три или четыре миллиона индейцев. Во время войны за независимость повстанцы называли себя американцами, а некоторые из них, несмотря на свое испанское происхождение, претендовали на звание наследников Монтесумы. Креольский интеллигент Карлос Мария де Бустаманте написал прокламацию, в которой призывал армию трех гарантий отомстить за битву при Отумбе и за резню в Чолуле. В Кортесе видели первого гачупина, и после победы Итурбиде леперос напали на его гробницу в Механском соборе. Но хотя потомки конкистадоров выступали теперь в роли ацтеков, они все же принадлежали к народу-завоевателю, и в течение целого столетия индейцы ничего не выиграли от независимости. Некоторые индейцы сражались за Идальго и Морелоса, а впоследствии дрались в армиях либералов; но в либеральном учении с его верой в частную собственность и выборную демократию не было почти ничего, что могло бы улучшить их положение. Большинство индейцев продолжало говорить исключительно на своих языках, подчиняться своим касикам и работать на своих эхидос или в качестве пеонов на асиендах. Ничего не зная о перевороте, изменившем политический строй Мексики, верные старым племенным связям, они

продолжали считать всех белых своими врагами. Даже в XX в. в нескольких милях от Мехико были индейские деревни, жители которых не знали, что являются гражданами независимой республики. Индейцы майя, жившие в центральном Юкатане, и кочевники-варвары Чигуагуа и Соноры так и не были окончательно покорены. В XIX в. они продолжали совершать набеги на креольские города и восставать против господства креолов.

Несмотря на кастовое разделение и неграмотность, несмотря на недостаток политического опыта и продажность, ставшую обычным явлением, креольские адвокаты и интеллигенты надеялись создать в Мексике парламентарную демократию. В течение пятидесяти лет Мексика под руководством группы креолов, известных как «модерадос» (умеренные), экспериментировала с парламентарной системой. Результаты были катастрофические. Демократию делали невозможной в особенности два учреждения, оставшиеся в наследство от Испанской империи с ее авторитарными традициями: церковь и армия. Пока духовенство и генералы сохраняли независимость от гражданской власти, Мексика оставалась в состоянии анархии.

Церковь вышла из войны за независимость с окрепшими силами и увеличившимися поместьями. Права «патронато», в силу которого испанский король контролировал назначения на церковные должности, уже не существовало, так что церковь стала совершенно независимой от государства. Духовенство сохранило свои фуэрос, согласно которым священников-правонарушителей судили только церковным судом. Духовенство попрежнему было освобождено от налогов, а во время военной сумятицы оно приобрело новые земли и новые закладные. Но количество духовных лиц уменьшалось. Многие миссии и церкви в индейских деревнях были почти заброшены. В некоторых больших францисканских и доминиканских монастырях оставалось по нескольку человек монахов, проживавших доходы от прикрепленных к монастырям асиенд. Женские монастыри превратились в убежища для знатных дам. Во многие из них принимались только девушки из богатых семей. Монахини жили с удобствами, каждая имела своих личных служанок. Однако каждого политического лидера, касавшегося церкви хоть пальцем, встречали

анафемой, отлучением от церкви, пророчествами о божьей каре и проповедью гражданской войны. Духовенство хотело не только сохранить свои доходы и привилегии,— оно стремилось также бороться со свободой мысли, со светским образованием — со всем, что могло подорвать ту власть над массами, которую давали ему невежество и суеверие.

Духовенство пропагандировало и оплачивало реакцию, но главным источником его силы была армия — та армия, которая во время войны за независимость сражалась под знаменами Испании, а в 1821 г. под командованием Итурбиде оказалась вершительницей судеб Мексики. После провозглашения независимости боеспособность армии сильно упала. Рядовые состояли из индейцев-новобранцев, которых вербовали путем набегов на индейские горные деревни и в цепях привозили в испанские города. Это были необученные солдаты, снабженные самым устарелым оружием или вообще невооруженные. Нередко они маршировали босые, полуголые — на них не было почти ничего, кроме одеял. Их сопровождали орды женщин — «солдадерас» (солдаток), заменявших интендантскую службу. Эти солдаты, которые во внезапной схватке могли проявить энтузиазм, во время длительной кампании пользовались всякой возможностью, чтобы дезертировать. Офицеры были креолами. Они интересовались главным образом петушиными боями, картами, лошадьми и пурпурными мундирами, богато расшитыми золотом. Подобно духовенству, они пользовались фуэро судиться только в офицерских судах. На практике эта привилегия означала, что они были свободны от всякой обязанности уважать права гражданского населения. Во время войны эти офицеры привыкли пренебрегать законом, расстреливать всех по первому подозрению и конфисковать имущество по собственному произволу. После провозглашения независимости они были расквартированы в различных областях Мексики под начальством восемнадцати комендантов-генералов и попрежнему продолжали убивать и грабить гражданское население. Они восставали против всякой серьезной попытки ограничить их власть, провозглашая лозунг «religión y fueros» (вера и привилегии), но шли также против всякого консервативного правительства, которое не

предоставляло им достаточного количества почетных должностей, и некоторые из них по временам боролись за власть, выступая в роли либералов. Тридцать лет, последовавшие за провозглашением независимости, были эпохой военных переворотов — «пронунсиаменто» и «куартеласо». Группа генералов под руководством своего вождя «каудильо» восставала против правительства и составляла «план», в котором, не скупясь на патриотическую риторику, осуждала существующее правительство и обещала реформы. Посулами разделить плоды победы эта группа нередко привлекала на свою сторону войска, которые высылались против нее. Самым неразборчивым мастером «пронунсиаменто» был Санта-Ана. В течение тридцати лет история Мексики состояла из одних только «революций» Санта-Аны.

Ключом к разрешению политической проблемы были финансы. Генералам нужно было платить. Чиновники также получали жалованье из государственной казны. Место в бюрократическом аппарате было в Мексике, стране «empleomania» [1], главным предметом честолюбивых устремлений людей среднего класса. Человек, интересующийся политикой, как правило, добивался для себя какой-либо должности. Правительство, которое платило своим генералам и чиновникам, могло продержаться у власти очень долго. Несбалансированный бюджет означал переворот. К несчастью, двенадцать лет партизанских войн привели мексиканскую экономику в состояние полного развала. Благосостояние страны всегда зависело главным образом от рудников. Именно продукция рудников снабжала вице-королевскую администрацию излишками, а сельское хозяйство и промышленность — рынком. Во время войны перевозка серебра стала почти невозможной, много машин на рудниках было сломано. В 1821 г. рудники были затоплены, а продукция их сократилась до ничтожных размеров. Прекращение работы рудников подорвало всю экономику страны. Чтобы снова открыть рудники, нужен был капитал, но капитала, за исключением сокровищ церкви, было так мало, что ростовщики могли брать за ссуды по три процента в месяц. Две трети светского капитала было прежде

[1] Empleomanía (исп.) — жажда должностей.

собственностью гачупинов, но многие из них вернулись в Испанию, забрав деньги с собой, а остальные были обвинены в заговоре с целью восстановления испанской власти и изгнаны в 1829 г. В результате расходы правительства нередко вдвое превышали его доходы. До 1894 г. в Мексике ни разу не был сбалансирован бюджет. Между 1821 и 1868 г. ежегодный доход правительства составлял в среднем 10,5 млн. песо, а расход — 17,5 млн. Как указал Франсиско Бульнес, всегда, когда дефицит превышал 25%, происходил переворот.

Положение требовало реорганизации всего общественного порядка. Нужно было сократить расходы путем исключения ряда генералов из платежных ведомостей правительства, увеличить доходы путем конфискации церковных имуществ и дать толчок развитию экономики, для чего пустить в обращение церковные богатства. Но креолы — будь то реакционеры или «модерадос» — не хотели об этом и слышать. Вместо того они обращались к более простым, но и более опасным средствам. В Мексике появилась новая профессия «ахиотисты». Ахиотиста одалживал правительству деньги на короткие сроки и с высокими процентами, получая в залог государственное имущество или таможенные пошлины. Когда наступал срок выкупа залога, ахиотисты собирали свои барыши, государственные доходы падали, и правительство обычно свергалось в результате заговора. Выгодно используя дефицит в государственной казне, ахиотисты старались поддерживать беспорядок и вступали в союз с каудильо, главарями военных мятежей.

Между тем экономическая деятельность постепенно начала оживать — однако не в результате энергии или предприимчивости самих мексиканцев, а в результате иммиграции и капиталовложений из-за границы. Мексику взяли на откуп иностранные банкиры и промышленники. К зловещей троице, состоящей из помещика-асендадо, епископа и генерала, присоединилось четвертое лицо — иностранный капиталист, власть которого имела очень слабую опору в самой Мексике, но за спиной которого стояли пушки иностранных правительств. Рудники открылись вновь, и развилось производство новых сельскохозяйственных культур, но значительная часть прибылей потекла в

карманы иностранных капиталистов. А когда поток дивидендов прерывала революция, возникала угроза иностранной интервенции.

Пока у власти стояли креолы, Мексика казалась обреченной на распад. Модерадос могли мечтать о конституционной демократии, а клерикалы — о самодержавном правительстве по старому испанскому образцу, но ни те, ни другие не обладали достаточной честностью и способностями, чтобы создать устойчивую политическую систему. Однако в это время на сцену выходит новая группа, одаренная большей энергией и более сильным чувством мексиканского национализма,— метисы. Предводимые либеральными интеллигентами «пурос» (крайними), они были поборниками социальной революции. Они требовали отмены фуэрос духовенства и офицерства, конфискации церковного имущества, уничтожения кастовых различий. Их руководители, ученики Руссо, Джефферсона и Морелоса, мечтали о свободной республике, основанной на широком распределении собственности. Подобная программа соответствовала интересам метисов. Стремясь к богатству и власти, они жаждали для себя церковных имуществ и хотели захватить места в бюрократическом аппарате. Но эта программа была также единственным средством спасения от банкротства и анархии. Когда в войне за реформу метисы добились власти, в Мексике стали возможны мир и прогресс.

Силы консерваторов сосредоточивались в городе Мехико и в центральных провинциях, где испанское господство было наиболее прочным. Либералы преобладали в горах юга и на северных территориях — в Сакатекасе, Дуранго и Сан-Луис-Потоси, где собственность была распределена более равномерно, где было меньше асиенд и больше ранчо и где индейские племена были более воинственны. В этих областях развился новый, метисский касикизм, родственный тому, который попрежнему господствовал среди индейцев. Появились новые вожди, которые могли располагать повиновением масс, которые при случае поднимали массы на партизанскую войну, а в мирное время управляли ими — с санкции правительства или без нее; иногда это были вымогатели и тираны, иногда — люди подлинно честные. К благороднейшим из них принадлежал

Хуан Альварес, старый последователь Морелоса, в течение пятидесяти лет бывший касиком гор Юга. Говорили, что на всей этой территории без его согласия не шелохнется ни один лист. Самый непреклонный из либеральных военачальников во время гражданской войны, Альварес жил, как ранчеро, и гордился тем, что сам пашет свою землю. Провинциальные касики были основой либеральной партии, ее защитниками от креольских каудильо регулярной армии. Поэтому конфликт между консерваторами и либералами превратился в конфликт между централистами и федералистами. Консерваторы стояли за централизованное правительство, подобное правительству вице-королей, которое дало бы Мехико возможность господствовать над провинциями, либералы — за систему местной автономии по образцу федеральной системы Соединенных Штатов, которая легализовала бы власть касиков. Касикизм был, по крайней мере в течение ста лет, той формой, которую принимала в Мексике демократия. После войны за реформу либералы, подобно модерадос, продолжали верить в конституционное правительство, но в Мексике административная машина всегда контролировалась достаточно тщательно для того, чтобы обеспечить на выборах большинство тем, кому требуется. Ни одно правительство в истории Мексики еще не было свергнуто вследствие поражения у избирательных урн. В действительности за парламентскими формами всегда скрывалось господство отдельных лиц. После войны за реформу, а затем после революции 1910 г. Мексика в теории была парламентарной демократией, но на практике ее правительство всегда было диктаторским. Президент республики был национальным касиком.

2. Империя Итурбиде

В 1821 г. ничто еще не предвещало трагического будущего. Обе стороны были исполнены оптимизма и радости по поводу освобождения. Консерваторы надеялись на приезд короля Фердинанда или другого принца из дома Бурбонов, в соответствии с Игуальским планом, либералы — на федеральную республику. Каждая партия верила, что Мексика займет теперь место в ряду великих наций.

Тем временем Итурбиде мечтал о короне. Он мог положиться на ряд людей из высшего духовенства и на армию, пока имел возможность ей платить. Даже Висенте Герреро и ряд либералов готовы были поддержать его, считая, что Мексика не готова к демократии и что туземная монархия будет самым реальным средством организации мира.

Перед Итурбиде раскрывались огромные возможности, но он совершенно не обладал талантами, необходимыми для их использования. После одной славной, но кратковременной кампании Итурбиде почти немедленно ухватился за парадный мундир. Простая арифметика могла бы доказать ему необходимость осторожности. Казна была пуста, и даже таможенные доходы, пока Сан-Хуан-де-Улоа находился в руках испанцев, были ничтожно малы. Между тем, 80 тыс. чел., составлявшие армию трех гарантий, числились в платежных ведомостях правительства, и едва ли будет преувеличением сказать, что половина креольского населения надеялась получить должности в бюрократическом аппарате.

Итурбиде назначил хунту и совет из пяти регентов и стал подготавливать избрание обещанного им конгресса. Сам он занял должность президента совета регентов и присвоил себе титул генералиссимуса и верховного адмирала с жалованьем в 120 тыс. песо. Он сразу же показал, что намерен опираться только на реакционеров. При распределении милостей старые повстанцы были почти совершенно забыты, и некоторые из них вскоре стали относиться к Итурбиде подозрительно. Гвадалупе Виктория и Николас Браво, встретившись в доме бывшего коррехидора Керетаро (того самого, который за одиннадцать лет до того вместе с Идальго и Альенде замышлял провозгласить независимость Мексики), составили заговор с целью свержения Итурбиде. Но заговорщики были схвачены и провели несколько недель в тюрьме. Когда Гвадалупе Виктория был освобожден, он вернулся в свои старые потайные места в холмах над Вера Крус, снова предпочитая быть изгнанным, но не поступиться своими принципами.

В феврале 1822 г. собрался конгресс, избранный по сложной системе, которая давала преобладание богатым креолам. Большинство его членов были «борбонистас»

(сторонниками Бурбонов). Но Фердинанд дал ясно понять, что не имеет намерения ни стать королем Мексики, ни признать ее независимость. Тогда ряд борбонистас стал на сторону централистической республики и объединился с либералами в нападках на Итурбиде. Быстро распространялось масонство, и масонские ложи, в которых действовал Мигель Рамос Ариспе, стали центрами республиканской пропаганды. Члены конгресса должны были выработать конституцию и обеспечить правительство доходами, но они нашли гораздо более легким и соответствующим их склонностям делом заниматься препирательствами с Итурбиде. В Мексике оставались еще тысячи купцов и чиновников-гачупинов, которые совместно с испанскими войсками, находившимися в Сан-Хуане, замышляли возвратить Мексику Испании. В апреле Итурбиде обвинил одиннадцать членов конгресса в причастности к этим заговорам, но не мог подкрепить свое обвинение никакими доказательствами. Конгресс отомстил ему, удалив из совета регентов трех его друзей. Это выступление против Итурбиде было произведено с нарочитой театральностью. Некоторые депутаты поговаривали о Цезаре, переходящем через Рубикон, а Карлос Мария де Бустаманте призывал их ожидать смерти на своих местах, подобно римским сенаторам, подвергшимся нападению галлов. В мае конгресс предложил сократить армию до 20 тыс. чел. и лишить членов регентского совета их военных постов. Под угрозой потери своей армии Итурбиде решился действовать. Конгресс был уже достаточно дискредитирован тем, что ничего не совершил и занимался лишь нападками на исполнительную власть. Вечером 18 мая сержант находившихся в столице войск, Пио Марча, поднял крик «Да здравствует Агустин Первый!». Крик этот немедленно подхватили солдаты и леперос, и у дома Итурбиде собралась огромная толпа, требовавшая, чтобы он объявил себя императором Мексики. Итурбиде вышел на балкон и разыграл отказ. Затем он ушел обратно, якобы для того, чтобы посоветоваться с другими регентами, но вскоре вышел вторично и объявил о своем согласии. Впоследствии Итурбиде заявлял, что принял корону только чтобы спастись от самосуда толпы; но все считали, что Пио Марча действовал по его инструкциям. Всю ночь город

приветствовал нового правителя колокольным звоном, пушечной пальбой и парадами войск. На следующее утро, в семь часов, был созван конгресс. На заседании присутствовал сам Итурбиде, и тысячи его сторонников проникли в зал и смешались с депутатами или ждали у дверей, крича «вива» в честь Агустина Первого и требуя смерти для всех, кто откажется голосовать за предоставление ему короны. Замечательно, что в такой обстановке 15 голосов было подано против этого предложения, 67 депутатов голосовало за него, а более половины воздержалось.

Итурбиде хотел, чтобы мексиканская империя была не менее великолепной, чем европейские. Он щедро одарил титулами своих сторонников из рядов духовенства и армии, создал должности раздатчика милостыни, высшего церемониймейстера, конюшего, капитана императорской гвардии и назначил целый ряд камер-юнкеров и фрейлин. Корона была объявлена наследственной, и отец и мать, братья и сестры, а также семеро детей императора стали принцами и принцессами. В июле была отпразднована коронация Итурбиде. Нашли модистку, некогда работавшую при французском дворе, и с помощью ее компетентных советов церемония была устроена по образцу коронации Наполеона Бонапарта. Итурбиде и его жена, блистая драгоценными камнями, часть которых была для данного случая одолжена, а остальные были фальшивыми, проехали по Платерос и площади в собор, где выслушали мессу, были помазаны миром и воссели на два приготовленных для них трона, после чего на их головы были возложены короны. В августе был учрежден орден Гвадалупе с 50 большими крестами, сотней рыцарских званий и неограниченным числом членов.

Эти празднества доставили развлечение толпе и удовлетворили высшего церемониймейстера, конюшего, капитана императорской гвардии и обладателей 50 больших крестов. Но бóльшая часть креольского населения, не получившая таких почестей, была разочарована. Казна попрежнему пустовала. Правительство держалось благодаря принудительным займам и конфискации имущества гачупинов.

Конгрессу было все еще разрешено заседать и продолжать разработку конституции. В его рядах появился

теперь новый враг Итурбиде, более грозный, чем все прежние. Брат Сервандо де Тереса-и-Мьер, прожив в изгнании почти 30 лет, в 1821 г. отправился на родину; но ему, как всегда, не повезло. Его поймали испанцы и держали в плену в Сан-Хуане. Однако комендант форта Давила, наконец, понял, что в его подземной тюрьме сидит человек, который может доставить императору Мексики величайшие неприятности, и брат Сервандо был освобожден. Он занял в конгрессе место, на которое был избран, и немедленно начал с беспощадной дерзостью высмеивать Итурбиде, поддельные титулы и пышность его империи.

В августе 15 депутатов, в том числе брат Сервандо, были заключены в тюрьму. Это только объединило конгресс на защиту своих законных прав, в результате чего в октябре он был разогнан войсками и заменен назначенными Итурбиде 45 членами конгресса. Однако эти 45 депутатов попрежнему отказывались выработать приемлемую конституцию и голосовать за налоги, и Итурбиде заявил, что он сам составит конституцию. Правительство становилось открытой диктатурой. Если бы Итурбиде пользовался поддержкой армии, он мог бы еще, пожалуй, сохранить власть, но генералы, которым надоело ждать жалованья, покидали его и вступали в масонские ложи. Итурбиде был вынужден принять крайние меры. Он стал печатать бумажные деньги, которыми отныне должна была оплачиваться одна треть всех долгов правительства. Цены соответственно поднялись, а негодование чиновников и генералов усилилось.

Первый же офицер, открыто выступивший против Итурбиде, мог поднять бурю. Эта честь выпала на долю не кого-либо из бывших роялистских или повстанческих генералов, а на долю молодого человека, Антонио Лопеса де Санта-Ана, который в дальнейшем в течение сорока лет проявлял замечательную способность оценивать ситуацию, угадывая психологический момент, благоприятный для восстания или отступления. Уроженец Халапы и бывший офицер роялистской армии, Санта-Ана примкнул к Итурбиде в 1821 г., получив обещание повышения. После провозглашения Итурбиде императором Санта-Ана написал ему несколько льстивых поздравительных писем,

приехал в Мехико и стал ухаживать за незамужней сестрой Итурбиде. Но Итурбиде в гневе отослал Санта-Ану на военный пост в Вера Крус. Тогда Санта-Ана состряпал план захватить Сан-Хуан-де-Улоа. Достоинство этого плана состояло в том, что в случае его удачи прославился бы Санта-Ана, в случае же неудачи вина падала на начальника Санта-Аны Эчаварри. План не удался, и Эчаварри едва не был взят в плен во время набега испанцев. Заподозрив, что дело нечисто, Эчаварри написал Итурбиде — и тот отправился в Халапу. Итурбиде велел Санта-Ане ехать в Мехико, обещав ему назначение на более высокий пост. Но обмануть Санта-Ану было трудно. Как только Итурбиде уехал, он поспешил в Вера Крус и провозгласил республику. Значение этого слова он, как сам впоследствии признавался, представлял себе весьма туманно. Из своего уединения появился Гвадалупе Виктория и примкнул к Санта-Ане. «Освободительная армия» вначале потерпела поражение, и Санта-Ана намеревался бежать в Соединенные Штаты. Но вскоре стало очевидно, что Итурбиде потерял власть над армией. Висенте Герреро и Николас Браво бежали из Мехико, чтобы организовать восстание на юге. В Чалько они были пойманы одним из генералов Итурбиде, но им дали возможность убежать. Эчаварри, посланный осаждать Вера Крус, почему-то медлил и, наконец, в феврале 1823 г. опубликовал так называемый план Каса Мата. Согласно этому плану, Итурбиде сохранял императорский престол, но должен был быть избран новый конгресс, на который не оказывалось бы воздействия извне. Генералы повсюду стали высказываться за план Каса Мата, даже полки, стоявшие в столице, присоединились к мятежникам и открыто с развевающимися знаменами вышли из города под музыку оркестров. Меньше чем через десять месяцев после того, как Итурбиде был торжественно провозглашен императором Мексики, он остался один. В марте Итурбиде созвал старый конгресс и, обратившись к нему, пробормотал несколько слов, очевидно, не зная, что делать и что говорить. 19 марта он решил что-то предпринять. Он обратился к конгрессу с посланием, в котором объяснил, что принял корону только по принуждению и что теперь желает отречься от престола. Мексика, прибавил он, должна ему 150 тыс. песо. Конгресс принял

отречение и приговорил императора к пожизненному изгнанию.

Николас Браво проводил Итурбиде до берега и посадил его на судно, отправлявшееся в Европу. Но не в характере Итурбиде было после краткого апофеоза примириться со скромным существованием. Весной следующего года он осведомил новое мексиканское правительство, что Испания замышляет вторичное завоевание Мексики и просил разрешения приехать на родину, чтобы опять сражаться за независимость. Правительство постановило, что если он вернется, то будет подвергнут смертной казни, но Итурбиде не дожидался ответа. Он уже плыл через Атлантический океан с целым запасом напечатанных прокламаций и бумажных денег, и летом, не зная о грозившем ему смертном приговоре, высадился на берегу Тамаулипаса. Он направился в город Падилья, где местные власти арестовали его и в тот же день расстреляли. Этот жестокий поступок встретил мало одобрения, и Итурбиде сделался героем мексиканских реакционеров. Духовенство и землевладельцы предпочитали превозносить в качестве поборника независимости Мексики Итурбиде, а не Идальго и Морелоса, связывавших независимость с социальной революцией. В 1838 г., при консервативном правительстве, останки Итурбиде были перенесены из Падильи в Мехиканский собор.

3. Федералистская республика

Захват власти Итурбиде вызвал раскол в среде реакционных элементов, а его падение ослабило их. Мексика была теперь объявлена республикой, и модерадос получили контроль над правительством. В ноябре 1823 г. собрался новый конгресс, руководство которым принял на себя Мигель Рамос Ариспе. Конгресс принял конституцию, выработанную главным образом Ариспе и являвшуюся точной копией конституции Соединенных Штатов, приспособленной к мексиканским традициям посредством исключения пунктов о веротерпимости (допускался только католицизм) и о суде присяжных. Мексика разделялась на 19 штатов и 4 территории. Штаты избирали своих губернаторов и законодательные собрания. Президент и

вице-президент избирались законодательными собраниями штатов. Первый выбор пал на Гвадалупе Виктория и Николаса Браво, которые вступили в должность осенью 1824 г.

Силы, которые привел в движение Идальго и которые когда-то были представлены Морелосом, теперь, казалось, господствовали в государстве. Однако Гвадалупе Виктория не был Морелосом. Его партизанские подвиги, длительное мученичество, отказ пойти на компромисс с Испанией и с Итурбиде сделали его самой популярной фигурой в Мексике; но, к несчастью, тридцать месяцев одиночества и голодовки еще не дают подготовки к государственной деятельности. В качестве президента Гвадалупе Виктория проявил себя бездеятельным, нерешительным, медлительным и завистливым по отношению к способным людям. Он отслужил свои четыре года — привилегия, которой в течение последующих пятидесяти лет не имел никто другой — и оставил должность таким же нищим, каким в нее вступил, что было почти столь же редким явлением. Но хотя период его президентства можно считать относительно спокойным, уже тогда были посеяны семена будущих бедствий. Недостатки президента не возмещались достоинствами вице-президента, ибо Николас Браво — после выдающейся деятельности в качестве вождя повстанцев — сделался теперь орудием реакционеров.

Люди, руководившие первым конгрессом, были креольские интеллигенты, не понимавшие особенностей мексиканского общества. Они забыли, что Морелос требовал перераспределения собственности. Они думали только о республиканских учреждениях и всеобщем избирательном праве. Но право голосовать было бессмысленным в стране, где бóльшая часть населения была неграмотна, а несколько миллионов человек не умело даже говорить по-испански. Всякое правительство, которое действительно управляло, управляло по-диктаторски.

Федералистская конституция 1824 г. имела свои достоинства. Церковь, например, лишалась монополии в области просвещения, так как некоторые правительства штатов организовали светские учебные заведения. Но выборы были комедией. Индейцев напаивали спиртными напитками пульке и агуардиенте, сгоняли вместе и толпой вели голосовать соответственно инструкциям.

Тем временем консерваторы оправлялись от смятения, в которое повергли их Итурбиде, и организовывались для захвата власти. А когда либералы нашли, наконец, руководителей, которые хотели нанести удар по силам реакции, было уже слишком поздно.

Столь же пагубные последствия имело и то, что правительство не сумело разрешить финансовую проблему. Взимавшаяся с индейцев дань была отменена и, если не считать ставшего ничтожным налога на металлы, казна черпала свои доходы из таможен, от алькабалы, акциза и монополий. Правительство открыло порты для торговли всех стран и наложило на все ввозимые товары 25-процентную пошлину. Алькабала повышала цену товаров еще на 18%. Такие пошлины вызывали контрабанду, предотвратить которую было невозможно. Число портов, через которые разрешался и контролировался ввоз, было ограничено; к тому же, контрабандисты без труда могли выгружать товары в других пунктах издавна пустынной береговой линии. В 1825 г. государственный доход составлял 9—10 млн. песо. В том же году ассигнования на одну лишь армию доходили до 12 с лишним млн. песо, а все расходы — до 18 с лишним млн. Более того, правительство приняло на себя ответственность за внутренний долг как вице-королевского, так и повстанческого правительств. Общая сумма этого долга составляла 76 млн. песо. Чтобы не навлекать на себя нападок введением налогов на церковь и на землевладельцев или увольнением офицеров из армии, Гвадалупе Виктория предпочел занимать деньги за границей. Мексика начала становиться зависимой от иностранного капитала.

Великобритания, которая почти триста лет жаждала получить большую долю богатств испанских колоний, исподтишка поощряла движение за независимость. Успех его должен был дать ей новые выгодные рынки, в которых она нуждалась после промышленного переворота. В 1822 г. британским министром иностранных дел стал Джордж Каннинг, который быть может первый из английских государственных деятелей понял, что защита прав малых стран может оказаться весьма полезной для торговых интересов Британии. Когда Священный Союз угрожал помочь Испании вновь завоевать ее мятежные коло-

нии, Каннинг дал понять, что Великобритания употребит свой флот для их защиты. Он признал независимость Мексики и новых южноамериканских республик и отправил в Америку несколько кораблей с консулами и поверенными в делах, получившими инструкции заключить выгодные торговые договоры. «Испанская Америка,— торжествующе заявил он,— принадлежит Англии».

Лондонская фондовая биржа выпустила два мексиканских займа более чем по 3 млн. фунтов каждый, но учетная ставка, которую потребовали лондонские банкиры, оказалась столь высокой, что до мексиканского правительства дошло немногим более половины денег. Впрочем, деньги эти не были потрачены целесообразно. Мексиканскому послу в Лондоне позволили употребить поступления по первому займу на покупку второсортных военных материалов, оставшихся после битвы при Ватерлоо, и не потребовали отчета в расходах. Займы эти много десятилетий тяжелым бременем лежали на мексиканской казне и послужили поводом к европейской интервенции, имевшей целью уничтожение Мексиканской республики. Пока же Великобритания прибирала к рукам значительную часть мексиканской торговли, как оптовой, так и розничной, а британский капитал вливался в мексиканскую горную промышленность. Несколько лет акции мексиканских горных предприятий распродавались в Лондоне очень легко.

Своим успешным экономическим проникновением в Мексику Англия была в значительной степени обязана британскому поверенному в делах Уорду. Он умело выполнял инструкции имперского коммивояжера из английского министерства иностранных дел. Уорд приобрел влияние на Гвадалупе Виктория, начав ухаживать за его любовницей, графиней Регла, и стал крупной силой в мексиканской внутренней политике. Он не только очаровывал мексиканских чиновников, но и тщательно обследовал экономические ресурсы Мексики, для чего посетил почти все уголки республики.

Великобритания опередила в Мексике своих соперников, как обычно происходило в те дни, когда ее империя еще расширялась, а ланкаширские хлопчатобумажные ткани господствовали на всех семи морях. Но другие страны не хотели отставать. Германский капитал тоже

проник в Мексику, французы получили значительную долю в мексиканской торговле, а суда Соединенных Штатов во все большем количестве появлялись в мексиканских портах. Однако в драке за торговые привилегии американцы оказались в невыгодном положении. Мексиканская республика очень подозрительно относилась к своему северному соседу с его стремлениями к экспансии, и эти подозрения поощрялись англичанами. К тому же первый американский посланник в Мексике, Джоэль Пойнсетт, не рассеял их. В продолжение 20-х годов XIX в. в Латинской Америке наблюдалось постоянное соперничество между англо-саксонскими странами, и победа почти всегда доставалась Англии. Период американских капиталовложений в Мексике начался только в 80-х годах XIX в.

Так правительство постепенно лишало Мексику экономической независимости; между тем политические партии принимали более ясные очертания и более определенную организацию. На первый план выступали либералы, понимавшие всю серьезность финансовой проблемы и необходимость решительных действий. Их теоретиком был экономист Хосе Луис Мора. С Морой был тесно связан Валентин Гомес Фариас, врач из Сакатекаса, который четверть века считался лидером либеральной партии. Менее честным, но гораздо более способным был метис Лоренсо де Савала, уроженец Мериды, губернатор штата Мехико при президенте Гвадалупе Виктория, мексиканский якобинец, отличавшийся редким революционным пылом и пониманием политической действительности. Эта группа людей являлась руководством пурос, отличавшихся от более умеренных креолов — модерадос. Тем временем консерваторы сплачивались на защиту привилегий креолов и духовенства. Самым выдающимся и уважаемым из них был Лукас Аламан, горный инженер и автор классической истории Мексики, один из самых ученых людей страны. Невысокого роста, с пухлыми, чисто выбритыми щеками, в очках, со сдержанными и скромными манерами, Аламан был странным компаньоном для длинноусых генералов в блестящих мундирах — наиболее видных поборников мексиканского консерватизма. Но в действительности Аламан был тонким политиком с очень сильной

волей. Сторонник иностранной монархии, готовый, как меньшее зло, принять военную диктатуру, он умер министром при самой продажной тирании, какую знала Мексика.

Бумажные преграды конституции были впервые преодолены в 1827 г. Консерваторы подняли восстание, во главе которого встал вице-президент Николас Браво. Движение было подавлено Висенте Герреро, Браво был изгнан. Более серьезный кризис возник в 1828 г. в результате президентских выборов. Консерваторы поддерживали кандидатуру лидера модерадос Гомеса Педрасы, оратора и ученого, который больше годился для руководства палатой общин, чем для поста главы мексиканского правительства. Пурос выдвинули кандидатуру Висенте Герреро. Герреро с его военной славой и демократическими манерами был более популярным кандидатом, но Педраса был военным министром, а это значило, что он сможет использовать армию, чтобы оказать нажим на законодательные собрания штатов. Педраса был объявлен президентом, а Анастасио Бустаманте, начавший свою политическую карьеру, как преданный поклонник Итурбиде, — вице-президентом.

Либералы, хотя и негодовали по поводу результатов выборов, были все же готовы примириться с ними. Но в Мексике был человек, который ждал именно такого случая. Санта-Ана считал, что его заслуги при свержении Итурбиде не получили должного признания. Он любил принимать позу освободителя Мексики и основателя Мексиканской республики, но, увы, правительство республики не проявило по отношению к нему благодарности. Несколько лет он колебался между либерализмом и консерватизмом, выжидая, что возьмет верх, но в конце концов связал себя с делом Герреро. В сентябре 1828 г. он восстал против избрания Педрасы. «Как мог я хладнокровно видеть превращение республики в огромную инквизицию? — восклицал он в одной прокламации.— Санта-Ана погибнет, но не останется равнодушен к такому бедствию». Правительственные войска отогнали Санта-Ану на юг, в Оахаку, где он спасся от плена, забаррикадировавшись в монастыре. Восстание не имело бы большого значения, если бы вновь избранный президент, принявший контроль над правительством Гвадалупе Виктория, не использовал

его как повод, чтобы нанести удар «пурос». Многие члены этой партии были арестованы, а Савала, избранный согласно конституции губернатором штата Мехико, был отстранен от должности отрядом солдат и был вынужден скрыться. За арестами последовали восстания либералов по всей стране. В конце ноября войска, расквартированные в тюрьме Акордада в Мехико, вдохновляемые и руководимые Савалой, восстали против Педрасы. В городе четыре дня шли бои, после чего Гомес Педраса вышел из правительства и покинул Мексику. Тем временем леперос воспользовались беспорядком. С проклятиями по адресу купцов гачупинов, поддерживавших Педрасу, они разграбили и сожгли главный торговый центр Мехико, Парианский рынок. Убытки были оценены в 2 млн. песо, причем пострадали, главным образом, иностранцы. Утром и днем 4 декабря город находился в руках толпы, а богатые креолы и гачупины заперлись в своих домах. К вечеру восставшие рассеялись. Площадь и главные улицы делового квартала, усеянные следами погрома, были пусты. И в гробовой тишине, нарушаемой только боем часов, Савала и лидеры либералов пошли ко дворцу, где в полном одиночестве, покинутый даже слугами, правил судьбами Мексики Гвадалупе Виктория. В других местах руководители армии еще сражались за Педрасу, но к концу января кризис миновал. Конгресс объявил Висенте Герреро президентом республики. По желанию Герреро Бустаманте остался вице-президентом.

Борьбу партий на время прервало испанское вторжение. Испанцы покинули Сан-Хуан-де-Улоа в 1825 г., после того как в течение двух лет постоянно бомбардировали Вера Крус. Но король Фердинанд продолжал считать Мексику мятежной колонией, а весть о гражданской войне внушила ему уверенность в том, что испанская армия, посланная для восстановления порядка, будет принята в Мексике с восторгом. Во время пути с Кубы генерал, командовавший испанской армией, поссорился с адмиралом флота, так что после высадки армии на берегу Тамаулипаса адмирал оставил ее на произвол судьбы и вернулся с флотом на Кубу. Испанцы захватили крепость Тампико, где их сейчас же поразила желтая лихорадка. Не имея пути к отступлению, они могли только сдаться мексикан-

цам. Командовал мексиканцами Санта-Ана, поспешивший в Тампико при первой вести о вторжении, не ожидая полномочий от Герреро. Когда Мексика узнала, что испанцы капитулировали, честь победы была приписана Санта-Ане.

Но либералы торжествовали недолго. Их снова погубило отсутствие руководства. Герреро, человек необразованный, говоривший по-испански неправильно, ненавидел богатое креольское общество Мехико, и в то же время боялся его. Савала, который сделался министром финансов, возмущался робостью и колебаниями Герреро и через несколько месяцев вышел из правительства. Тем временем консерваторы, негодовавшие по поводу того, что ими управляет метис, сын крестьянина, организовывали против него заговоры, а те, кто поддерживал Герреро, надеясь перейти на иждивение государственной казны, обратились против него. В начале 1830 г. армия восстала, и мятеж снова возглавил вице-президент, на сей раз Анастасио Бустаманте. Его войска, пробравшиеся в Мехико по дороге из Гвадалупы, в туманную ночь без труда овладели городом. Герреро бежал на юг, в горы, в тот край, где он четыре года был единственной надеждой борцов за мексиканскую независимость. Вместе с Хуаном Альваресом он поднял старых товарищей по оружию, и целый год они сопротивлялись новому правительству. Затем Герреро заманили на итальянский торговый корабль в Акапулько, и капитан продал его новому правительству за 50 тыс. песо. Поскольку объявить его избрание недействительным значило в то же время объявить недействительным избрание его преемника Бустаманте, Герреро объявили слабоумным, а впоследствии осудили за измену и казнили. Несколько лет спустя имя Висенте Герреро было добавлено к записанным золотыми буквами на стенах Зала заседаний в Мехико именам тринадцати героев независимости, а те территории, где он когда-то сражался с войсками вице-короля, получили название штата Герреро.

Два года в Мексике господствовала реакционная диктатура. Бустаманте был орудием в руках других. Руководящее влияние в правительстве имел Лукас Аламан. Когда собрался конгресс, здание, где он заседал, было окружено солдатами со штыками и заряженными пушками, а галлереи

зала заседаний были переполнены шумливыми консерваторами. В одиннадцати штатах либеральные губернаторы и законодательные собрания были разогнаны войсками. Газеты закрывали, а руководителей пурос сажали в тюрьмы, расстреливали или изгоняли.

Правительство добилось некоторых успехов. Оно пресекло разбой и контрабанду, и казначейству удалось накопить денежный резерв. Но ропот в либеральных штатах становился все громче, и снова в качестве его выразителя на сцену выступил Санта-Ана. В начале 1832 г. в предвидении приближающихся президентских выборов он овладел Вера Крус и присвоил себе таможенные пошлины, собиравшиеся в этом порту. В посланных против него войсках начала свирепствовать желтая лихорадка, болезнь, от которой были избавлены отряды Санта-Аны, состоявшие из туземцев. Весть о восстании подняла северные провинции, и местные власти, возмущенные подавлением их местных свобод, стали сбрасывать с себя иго центрального правительства. В конце года Бустаманте покинул Мексику. Победоносные либералы отдали дань уважения законности, призвав Гомеса Педрасу к власти на три месяца, оставшиеся еще до конца срока, на который он был первоначально избран. На выборах его преемника президентом был провозглашен Санта-Ана, а вице-президентом — Гомес Фариас.

В январе герой Тампико с триумфом въехал в Мехико, приветствуемый молодыми дамами, державшими в руках картины и символические знаки его победы. Но когда настал день его вступления в должность президента, он сказался больным и остался в своей асиенде. Фариасу, как исполняющему обязанности президента, была предоставлена полная свобода проводить либеральную и антиклерикальную программу. Летом и осенью 1833 г. новый конгресс по инициативе Фариаса провел реформы. Уплата десятины перестала быть обязательной, монахи и монахини получили право отказываться от своих обетов, назначения на церковные должности должны были производиться государством. Клерикальный Мехиканский университет был закрыт. Для распространения светского образования была создана так называемая дирекция общественного образования (Dirección de Istrucción Pùblica).

Индейские миссии на севере были уничтожены, а их фонды конфискованы. Более того, численность армии была сокращена, а ее офицеры лишены своих фуэрос.

Возмущение духовенства и богатых креолов не имело границ, а офицеры стали поднимать мятежи под лозунгом «Religión y fueros» (вера и привилегии). Силы природы вступали в союз с силами церкви и помогли священникам возбудить суеверные страхи. В Мексике появилась холера, опустошившая за год до того Париж. Несколько месяцев город был увешан желто-черными флагами, означавшими наличие эпидемии, и на улицах слышался только грохот погребальных дрог. Тем временем Санта-Ана вел двойную игру. На короткие промежутки времени он брал власть в свои руки, не осуждая Фариаса открыто, но в то же время проявляя готовность слушать своих противников — клерикалов. Наконец, в апреле 1834 г. он решил, что его час пробил. Прославляемый в качестве спасителя Мексики духовенством, которое объявило его переворот «самой святой революцией, какую видела наша республика», он отстранил Фариаса от должности, принял диктаторские полномочия, отменил антиклерикальные законы, распустил конгресс, запер двери зала заседаний и положил ключ к себе в карман. Когда в Сакатекасе восстали либералы, он подавил их с беспощадной жестокостью. Фариас, Мора и Савала были изгнаны. Двое последних так и не вернулись на родину. Лишь четверть века спустя либералы оправились от этого удара, нанесенного им человеком, которого они сами сделали президентом.

Санта-Ана, достигший таким образом в возрасте сорока лет верховной власти, был уроженцем Тьерра Кальенте. Дорога из Вера Крус во внутренние области на протяжении многих миль проходила через тропические джунгли, заросшие плетями ярко окрашенных вьюнков и мимозой, где жили стаи попугаев, макао и многоголосых пересмешников. Путешественники проходили мимо стад черных быков и бамбуковых хижин, в которых жило полунегритянское население, питавшееся главным образом бананами. Весь этот край, так напоминавший Африку, был частью Манга-де-Клаво, асиенды Санта-Аны, политические похождения которого отличались чисто тропической безудержностью. Посетителей асиенды принимал человек сред-

него роста, с черными волосами и глазами, с бледными меланхолическими чертами лица, с видом благородного смирения и столь любезный и тактичный в обращении, что даже злейшие враги иногда поддавались его чарам. Но хотя Санта-Ана выглядел, как философ, и говорил, как разочарованный патриот, героем его, которому он старательно подражал, был Наполеон. Он называл себя Наполеоном Запада и держал при себе для авторитетного руководства ветерана наполеоновских кампаний. Но не наполеоновская воля к власти, а более типичные для Испанской Америки черты сделали Санта-Ану на тридцать лет проклятием Мексики. Со своим талантом к составлению планов и к организации военных мятежей, со своей страстью к пышным зрелищам и позерству, со своей любовью к красивой внешности и своим непониманием реальной действительности, со своим легкомыслием и нечестностью, со своими чрезмерными претензиями и поразительным невежеством, он был олицетворением всех тех пороков, которым более всего были подвержены мексиканские политики. Выразитель алчности генералов и ахиотистас, изменявший всему, за что он брался, Санта-Ана до конца своей жизни проявлял своеобразную мальчишескую несдержанность. Придя к власти, он украшал себя титулами и орденами, совершал бесстыдные набеги на казну, увлекался любовными похождениями, служившими предметом вульгарных сплетен, путешествовал повсюду, даже в походах, в сопровождении клеток с боевыми петухами и предавался унынию при каждой неудаче. Поэтому, несмотря на то, что он четыре раза достигал диктаторской власти и четыре раза был свергнут, он умер покинутый и одинокий, в Мексике, забывшей о его существовании.

Чтобы проявить свои качества, Санта-Ане достаточно было первого президентского срока. Выступая в качестве беспристрастного патриота, не либерала — не консерватора, он собрал вокруг себя орду честолюбивых генералов, которых повышал в должности, и алчных ахиотистас, которым продавал контракты на поставки армии и у которых министерство финансов занимало деньги из 4% в месяц. Вся власть постепенно сосредоточивалась в руках диктатора, так как штаты лишались своих губернаторов и законодательных собраний и подвергались военному кон-

тролю. Пока же имя Санта-Аны было внесено в список героев независимости, объявленных «benemérito» (заслуженными), а название «Тампико» было изменено на «Санта-Ана-де-лас-Тамаулипас».

В сентябре было разрешено собраться новому конгрессу. Все усилия Санта-Аны во время выборов, подобно многим другим его действиям, оказались недостаточными, и ему пришлось иметь дело с консервативным большинством, сознававшим, что ему нужен не мексиканский Наполеон, а самое обыкновенное реакционное правительство. Повторив прежнюю тактику, Санта-Ана передал власть новому вице-президенту — консерватору Баррагану — и удалился в Манга-де-Клаво, ожидая подходящего случая, когда консерваторы достаточно дискредитируют себя и он, подобно шакалу из его родного штата Вера Крус, сможет опять с триумфом обрушиться на столицу. Однако ему пришлось прождать семь лет. За это время лавры Тампико были потеряны у реки Сан-Хасинто, в Техасе.

4. Отделение Техаса

До 1823 г. в Техасе жило не более 3 тыс. белых людей. Его холмистые прерии и богатые лесом речные долины, занимавшие территорию, равную площади всей Франции и обладавшие не менее плодородной почвой, чем любая другая область Америки, были предоставлены диким индейцам-команчам, жившим в горах внутренних районов, и стадам буйволов и мустангов.

После того как Мексика была провозглашена республикой, уроженец Коннектикута Стивен Остин посетил Мехико и получил там разрешение занять в Техасе участок земли и населить его колонистами. Такие же разрешения были в дальнейшем выданы пятнадцати другим предпринимателям-эмпресариос. Колонисты должны были платить за свою землю по номинальной цене, но принимали на себя все обязанности мексиканских граждан. Такие колонии, по мнению мексиканских федералистов, должны были служить преградой, защищающей пограничные области от аннексии со стороны Соединенных Штатов. Дешевая земля привлекала колонистов. Не менее соблазнительной была возможность бежать от кредиторов.

За десять лет Техас приобрел белое население в 20—30 тыс. чел. и, кроме того, множество рабов-негров, ввезенных для работы на хлопковых полях.

Вскоре между двумя народами возникли трения. Американцы оказались на территории мексиканского штата Коагуилы. Они были лишены права судиться в суде присяжных по английскому обычному праву, а внешней торговле их мешало то обстоятельство, что для торговли было открыто очень небольшое количество портов. Эмпресариос были грубыми и агрессивными жителями пограничных районов. Когда в 1826 г. один из эмпресариос был изгнан в результате спора по поводу прав на землю, его спутники возмутились. Тридцать человек промаршировали через город Нагодочес с красно-белым флагом и провозгласили независимую республику Фредонию. Когда появились мексиканские войска, демонстранты без боя убежали за границу. Но мексиканская политика в результате этого выступления изменилась.

Когда мексиканские власти изучили положение, они раскаялись в слепоте, с которой пустили в страну англосаксов. Вместо того чтобы служить преградой для американской экспансии, техасские колонии стали как бы ее передовым отрядом. В течение последних тридцати лет пограничные провинции старой Испанской империи, как зрелые плоды, падали в руки Соединенных Штатов. Приобретение огромной Луизианы, за которым в 1819 г. последовало приобретение Флориды, только разожгло аппетиты аграрных империалистов США. Джоэль Пойнсетт уже пытался купить Техас, и было известно, что многие американцы считают эту область своей по праву. Если англо-саксы поглотят Техас, то за ним последуют другие провинции, и Мексика будет съедена по кускам. Эти опасения старательно подогревал Уорд, усматривавший в американской экспансии угрозу интересам Великобритании на Караибском море, и в 1828 г. по совету Уорда в Техас был послан для инспекции бывший вождь повстанцев Мьер-и-Теран. Этот последний рекомендовал немедленно остановить рост американского влияния.

В 1829 г. Висенте Герреро издал декрет об отмене рабства. В Мексике за пределами Техаса рабства почти не существовало, и главная цель Герреро заключалась в том,

чтобы приостановить американскую иммиграцию. Однако Мьер-и-Теран сообщил, что декрет осуществить невозможно. На следующий год Лукас Аламан добился принятия более решительных мер. 6 апреля 1830 г. колонистам из Соединенных Штатов был запрещен въезд в страну, и были введены таможенные пошлины на границе с Луизианой. Мьер-и-Терану дали войска для проведения закона в жизнь. Пошлины были для колонистов тяжелым бременем, а суровые меры, к которым прибегали мексиканские чиновники в борьбе с контрабандой, вызвали ряд мятежей. В 1832 г. американцы были на грани восстания.

Когда Санта-Ана возмутился против Бустаманте, верный блюститель закона Остин встревожился; ему представилось, что деятельность техасцев может быть истолкована как протест либералов против централизма. Техас посетил один либеральный генерал, который, обнаружив, что его жители — преданные приверженцы Санта-Аны, собрал войско и пошел с ним обратно в Мехико, чтобы принять участие в революции. Тогда техасцы созвали съезд, на котором потребовали отмены закона 1830 г. и отделения от Коагуилы, а Остин отправился в Мехико, чтобы сообщить решения съезда новому правительству. Ему не удалось убедить Гомеса Фариаса позволить техасцам организовать самостоятельный штат. А когда в припадке отчаяния он написал своим друзьям в Техас письмо, советуя организовать законодательное собрание штата вопреки воле правительства, его посадили в тюрьму и выпустили только через полтора года. Между тем закон 1830 г. в жизнь не проводился, и поток американских иммигрантов, переселявшихся в Мексику, не прекращался.

Когда Санта-Ана принял диктаторские полномочия, он послал в Техас армию под командованием генерала Коса с инструкцией обязательно провести закон в жизнь и собирать пошлины. Эту весть принес в Техас Лоренсо де Савала, бежавший от гнева Санта-Аны, и техасцы, все еще провозглашавшие себя мексиканскими федералистами, решили защищаться. В декабре 1835 г. армия Коса была осаждена в Сан-Антонио, и после пяти дней уличных боев, во время которых мексиканцы стреляли с крыш домов, а техасцы пробивали глинобитные стены таранами, Коса прогнали на другую сторону Рио-Гранде. Тем временем

Санта-Ана шел по пустыням Коагуилы на север, рассчитывая подавить восстание и затем с торжеством вернуться в столицу, лишить Баррагана власти и самому стать президентом. Его индейские рекруты, плохо снаряженные плутами-подрядчиками, в чьих прибылях участвовал Санта-Ана, то палимые жгучими лучами солнца, то замерзавшие в январские ночи, десятками дезертировали или умирали, но Санта-Ана неуклонно двигался дальше.

Он нашел техасцев не готовыми к сопротивлению. В пестрой толпе фермеров и честолюбивых авантюристов, явившихся из-за пограничной линии, не было согласия относительно общих действий. Некоторые продвинулись вперед, намереваясь вторгнуться в Тамаулипас, другие расходились по домам. Одно время главнокомандующий сменялся почти ежедневно. Остин был послан в Вашингтон, чтобы просить помощи у президента Эндрью Джексона. В феврале, когда Санта-Ана с трехтысячной армией достиг Сан-Антонио, он нашел там только 150 техасцев под командой Вильяма Беррета Тревиса, засевших в старом здании миссии Аламо. Тревис отказался сдаться, и после двухнедельной осады мексиканские барабаны пробили «дегуэльо», звуки которого со времен войн испанцев с маврами означали «никакой пощады». Аламо был взят штурмом, а все его защитники вырезаны.

За несколько дней до того съезд, происходивший в Вашингтоне-на-Брасос, в 200 милях к востоку от Сан-Антонио, выработал декларацию независимости Техаса, назначил временным президентом новой республики Дэвида Бернета, а вице-президентом — Лоренсо де Савала; военным руководителем стал Сэм Хустон. Друг и ученик Эндрью Джексона, он внезапно оборвал свою политическую карьеру, разведясь с женою, и утешился, став вождем индейцев чероки, давших ему прозвище «большой пьяница». Хустон прибыл в Техас с намерением вознаградить себя за загубленную политическую карьеру, возглавив движение за отделение Техаса. В промежутки протрезвления между периодами запоя он проявлял сообразительность и уменье командовать, в которых сильно нуждались техасцы.

Хустон отдал приказ об отступлении, и в следующем месяце, под проливными весенними дождями, все население

Техаса в жалком состоянии бежало на восток — в том числе армия в 700—800 чел. За ними четырьмя эскадронами шли мексиканцы, уверенные, что всякое сопротивление прекратилось. Услышав, что временное правительство находится в Хэррисберге, близ устья реки Сан-Хасинто, Санта-Ана с авангардом своей армии быстро двинулся вперед. Но правительство отплыло в Гальвестон, и Санта-Ана повернул на север в поисках брода. В Линчберг-Ферри его ожидал Хустон, укрепившийся на опушке дубовой рощи. Целые сутки обе армии стояли друг перед другом, разделенные полосой прерии; наконец, 21 апреля после полудня Хустон отдал приказ об атаке. Санта-Ана, построив брустверы, пренебрег самыми элементарными предосторожностями. Солдаты его варили обед, а их командир наслаждался сьестой. Техасцы с криком «Вспомните Аламо!» штурмом взяли брустверы и убили 600 мексиканцев, а остальные были взяты в плен после измены помощника Санта-Аны полковника Альмонте. Сам Санта-Ана бежал с поля сражения. На следующий день его нашли в высокой траве и взяли в плен.

Битва у Сан-Хасинто закончила войну, но не разрешила вопроса о статусе Техаса. Чтобы выйти на свободу, Санта-Ана был готов обещать все, что угодно; но мексиканское правительство, не пытавшееся отвоевать Техас, но отказавшееся признать его независимость, дезавуировало Санта-Ану. Техасцев постигло разочарование.

В 1838 г. Техасской республике предстояло избрать нового президента. Эта честь выпала на долю Мирабо Бонапарта Ламара, чьи притязания, если не способности, вполне соответствовали его имени. Самым выдающимся результатом попыток Мирабо Бонапарта Ламара превратить Техас в великую державу было падение в цене техасского доллара до трех центов. Силясь улучшить финансовое положение своего правительства, Ламар послал в Санта-Фе отряд для набегов на проходившие между Чигуагуа и Сен-Луисом караваны с товарами. Посланные им солдаты достигли Санта-Фе полумертвыми от голода, сдались мексиканским властям и были в цепях отосланы в Мехико. Мексиканцы отплатили техасцам набегом на Сан-Антонио. Тогда техасская армия вторглась в Тамаулипас, но была вынуждена капитулировать, бежала, скрылась в горах и, побродив там несколько

недель без пищи, была снова взята в плен. Чтобы предотвратить набеги на будущее, каждого десятого человека расстреляли, а остальных посадили в тюрьму. После этого примирение Мексики с потерей Техаса стало невозможным.

5. Централистская республика

Когда Санта-Ана вернулся в Мексику, оказалось, что его готовность променять Техас на свою личную свободу уже всем известна. Не имея возможности вернуть себе пост президента, он удалился в Манга-де-Клаво. Теперь консерваторы прочно завладели государственной властью. В декабре 1836 г. они издали новую конституцию, уничтожавшую вольности штатов и вводившую имущественный ценз для участия в голосовании. После смерти Баррагана консерваторы не смогли найти более подходящего президента, чем Анастасио Бустаманте. Он был привезен обратно на родину из Англии, где жил в изгнании, и в апреле 1837 г. вернулся в президентский дворец.

Вскоре после возвращения Бустаманте Санта-Ана вновь появился на сцене. Несколько иностранных государств имели к Мексике претензии за убытки, понесенные их гражданами при разгроме Парианского рынка в 1828 г. и во время последующих волнений. Даже если бы мексиканское правительство признало свою ответственность, оно не имело возможности уплатить требуемую сумму. В 1838 г. у Вера Крус появился французский флот, потребовавший оплаты претензий на сумму в 600 тыс. песо. Французы бомбардировали крепость Сан-Хуан-де-Улоа, которая считалась неприступной, как и двести лет тому назад. К несчастью, за это время артиллерия стала более мощной, и крепость капитулировала. Мексиканское правительство немедленно объявило Франции войну. Санта-Ана был вызван в Вера Крус для консультации и принял на себя командование войсками. Однажды рано утром французы совершили набег на город и чуть не взяли в плен Санта-Ану. В тот же день, когда французы возвращались в Сан-Хуан, Санта-Ана вновь появился во главе своих войск, и пушечным ядром, пущенным с французского корабля, ему оторвало ногу. Это происшествие оказалось для Санта-Аны большой удачей. В донесениях правительству он заявил, что отбил

французов, что его жизнь в опасности, но он умоет счастливым, зная, что отдал свою кровь за родину. Получив гарантию уплаты своих 600 тыс. песо, французы вернулись во Францию, а Санта-Ана вновь стал популярным героем.

Тем не менее, Бустаманте удалось продержаться у власти целых четыре года, главным образом потому, что из-за непреодолимых трудностей, которые представляло управление Мексикой в это время, ни один другой главарь консерваторов не соглашался стать президентом. Финансовый кризис стал хроническим, ежегодный дефицит редко бывал меньше 12 млн. песо. Дикие индейские племена из гор Соноры и Чигуагуа начали совершать набеги на креольские поселения. Юкатан, находившийся под властью либералов, был фактически независим, а главари либералов в северных штатах вели разговоры об отделении. Гомес Фариас, живший в изгнании в Новом Орлеане, следил за событиями и в 1840 г. вернулся на родину, чтобы возглавить восстание либералов в Мехико. Одиннадцать дней в городе шли уличные бои, и хотя воюющие стороны не причинили друг другу большого вреда, шальными пушечными ядрами было убито немало мирных жителей. Наконец, вести о предстоящем прибытии Санта-Аны, собирающегося взять на себя роль посредника, напугали обе партии и заставили их заключить между собой соглашение. Вождям либералов были даны охранные грамоты, и они снова покинули Мехико.

Казалось, что вся страна распадается и анархия неизбежно приведет к постепенной аннексии Мексики Соединенными Штатами. Многие высказывали мнение, что Мексике не следовало восставать против Испании. Но в ответ на конкретные предложения пригласить монарха из Европы последовал взрыв негодования. Один член конгресса от Юкатана, Гутьеррес де Эстрада, заявивший, что иноземный король возродит страну, был вынужден скрыться.

Наконец, генералы решили, что пора заменить Бустаманте кем-нибудь, кто лучше сумеет извлекать налоги из населения. В 1841 г. произошла самая циничная и беспринципная из всех мексиканских «революций». Комендант Гвадалахары Паредес поднял знамя мятежа. К нему примкнули Санта-Ана и Валенсия, который за несколько месяцев до того сравнивал подавление либералов Бустаманте с

сотворением мира богом. Эти три генерала со своими последователями собрались для совещания в Такубайе, а затем в течение недели бомбардировали Мехико. Бустаманте, вынужденный прибегнуть к последнему средству, обратился в либерала и выдвинул лозунг восстановления конституции 1824 г. Когда и эта неожиданная перемена фронта не принесла ему поддержки, он удалился в изгнание. Санта-Ана с триумфом въехал в город на четверке белых коней и принял диктаторскую власть. На следующий год был избран новый конгресс, большинство в котором принадлежало модерадос. Тогда Санта-Ана удалился в Манга-де-Клаво, предоставив неблагодарную задачу распустить конгресс бывшему помощнику Морелоса Николасу Браво. Браво назначил хунту нотаблей, которая в 1843 г. выработала новую конституцию. По этой конституции президент фактически являлся диктатором. Президентом был избран Санта-Ана.

В качестве диктатора Санта-Ана имел широкие возможности выступать в роли Наполеона и выявлять различные стороны своего весьма негармоничного характера. Он проявлял большую энергию в сборе денег. Посредством принудительных займов у церкви, увеличения на 20% ввозных пошлин и продажи англичанам горных концессий он добился того, что стал получать вдвое больший доход, чем его предшественник. Затем новые средства были распределены так, чтобы они принесли наибольшую пользу. В армейские платежные ведомости были внесены тысячи новых офицеров, а подрядчикам, выполнявшим правительственные заказы, стало легко наживать состояния. На площади в Мехико была воздвигнута статуя Санта-Аны, одной рукой указывавшая на Техас, который Санта-Ана попрежнему обещал отвоевать; однако было замечено, что эта рука протягивалась также и в сторону Монетного двора. Был построен новый театр, названный Большой театр Санта-Аны (El gran Teatro de Santa-Ana); по своим размерам театр этот был провозглашен вторым в мире. Сам Санта-Ана, подражая Наполеону, одевался просто, как будто не желая выставлять себя напоказ, и старался усугубить эффект тем, что ввел для своей свиты пурпурные мундиры. Во время парадных обедов за его креслом стояло шесть полковников, а когда он сидел в своей ложе в театре, его окружал блестящий круг генералов.

Лица из его непосредственного окружения находили у него те же любезные манеры, что и прежде, то же меланхолическое выражение лица, те же клятвы в верности величию Мексики и ту же способность к случайным великодушным поступкам.

Тем временем возможности усиления налогового гнета в стране истощались, и офицеры начали выражать недовольство тем, что им не платят в срок жалованья. В 1844 г. восстал Паредес, а когда Санта-Ана выступил против него, народное восстание в Мехико вернуло к власти Гомеса Педрасу и модерадос, президентом же сделался генерал Хосе Хоакин Эррера. Санта-Ана бежал в горы провинции Вера Крус. В конце концов, ему разрешили уехать в Гавану с обязательством не возвращаться десять лет.

Эррера оставался у власти год. В конце концов его явная готовность вести с президентом США Полком переговоры о статусе Техаса, аннектированного Соединенными Штатами в начале 1845 г., дала консерваторам предлог свергнуть его. В январе 1846 г. Паредес пошел на Мехико, а Эррера и все его сторонники бежали из города в одной карете. Паредес правил энергично, но, захватив власть как выразитель мексиканской национальной гордости, он оказался перед непосильной задачей войны с Соединенными Штатами.

6. Война с Соединенными Штатами

Уже четверть века между Соединенными Штатами и Мексикой существовал антагонизм. Американское правительство презрительно относилось к республике, которая не могла установить порядка в стране, и заявляло, что Соединенным Штатам суждено распространить свое благодетельное господство на весь материк. Мексиканцы же боялись тенденции англо-саксов к экспансии.

Жившие в Мексике американские граждане понесли убытки вследствие беспорядков, связанных с переворотами, и военных конфискаций. Не добившись возмещения через мексиканские суды, они обратились к своему правительству. Когда мирные протесты не дали результата, Соединенные Штаты пригрозили войной; тогда Мексика

согласилась передать американские требования на арбитраж. Три четверти этих претензий оказались незаконными, и в 1841 г. международный суд отверг их, хотя присудил Мексику к оплате остальных — на сумму около 2 млн. долларов. Мексика заплатила три взноса в счет этого долга, а затем прекратила платежи.

Более серьезной была техасская проблема. Мексиканцы считали техасский мятеж частью составленного правительством Соединенных Штатов плана экспансии и ожидали, что за потерей Техаса последует потеря других провинций.

Мексиканские правительства, сознавая, что необходимо отстоять как свою честь, так и национальную независимость, неоднократно заявляли, что аннексия будет означать войну, и когда Техас был аннектирован, Альмонте, являвшийся теперь мексиканским послом в Вашингтоне, потребовал свои паспорта. Осведомленные лица надеялись на поддержку из Новой Англии и на помощь Великобритании. Однако Эррера, кажется, был готов принять неизбежное при условии, что оскорбленная национальная гордость Мексики получит надлежащее успокоение. Но Джемс К. Полк, ставший американским президентом в марте 1845 г., не был склонен к примирению. Более того, как верно предвидели мексиканцы Соединенные Штаты не удовлетворились Техасом. Они желали также Калифорнии. Этот безлюдный и заманчивый край как бы сам напрашивался на аннексию. В XVIII в. волна испанского наступления, достигшего тогда своего кульминационного пункта, захлестнула Калифорнию; затем начался отлив, и в Калифорнии осталось всего лишь несколько семейств креолов-землевладельцев, живших в праздности и роскоши на обширных асиендах, окруженных огромными табунами лошадей и стадами рогатого скота. Мексиканское правительство, находившееся за две с лишним тысячи миль к югу, фактически не имело власти над этой территорией, и Полк был встревожен слухами, что ее собирается купить Англия. Он намеревался предложить Мексике отказаться от требования оплаты неудовлетворенных претензий в обмен на установление приемлемой границы между Техасом и Мексикой и хотел попытаться также купить Калифорнию. Такая сделка была бы, как он уверял, выгодна для

Мексики, так как дала бы ей возможность уплатить долги.

Эррера сообщил Полку, что примет его уполномоченного для обсуждения техасского вопроса. Полк немедленно назначил посланником в Мексику Джона Слайдела. Различие между уполномоченным и посланником не имело для Полка никакого значения, но для Мексики оно сводилось к различию между признанием обид, нанесенных Мексике, и возобновлением обычных дипломатических отношений. Эррера жаждал переговоров, но знал, что если он не отстоит национальную честь Мексики, то произойдет революция, и когда Слайдел прибыл в Мехико, его почти со слезами умоляли не настаивать на официальном признании в качестве посланника. Вскоре после того власть захватил Паредес, и Слайделу, который снова потребовал признания, вручили его паспорта. Теперь Полк готовился к войне, находя, что неоплаченные претензии и высылка Слайдела являются достаточным поводом для этого. В Техасе уже имелись американские войска: им было приказано занять нейтральную зону между Нуэсес и Рио-Гранде, на которую Техас претендовал, но которую никогда не занимал. Войском в этом районе командовал Зэкери Тейлор. Он пересек 200 миль песчаной равнины южнее Нуэсеса и обосновался на Рио-Гранде. Паредес счел продвижение Тейлора вторжением на мексиканскую территорию и отдал приказ о сопротивлении. 25 апреля 1846 г. мексиканская конница напала на нескольких американских драгунов и вынудила их к сдаче. Когда весть об этом достигла Вашингтона, Полк направил в конгресс послание с объявлением войны. Американская кровь, разъяснял Полк, пролита на американской территории — этим актом Мексика вызвала войну[1].

Многие жители Новой Англии были против войны, храня верность теории, по которой Техас был намеренно украден рабовладельцами. Рабовладельцы же хотели «защищать Техас от вторжения», но не одобряли быстроту, с которой Полк объявил войну, так как понимали, что

[1] Ничем не прикрытую агрессию США по отношению к Мексике Паркс пытается смягчить, изображая обе стороны конфликта, как равноправные и ведущие спор из-за какого-то маловажного повода. Между тем, речь идет о национальной территории Мексики. Война США против Мексики была войной несправедливой, захватнической. Подробнее см. предисловие. (*Прим. ред.*)

Калифорния никогда не станет рабовладельческой территорией. Но долина Миссисипии была охвачена военной лихорадкой. Владения бывшей Испанской империи всегда являлись магнитом, которым тепло и краски юга во все времена притягивали к себе народы севера. Юноши из долины Миссисипи хотели, как они заявляли, «пировать во дворцах Монтесумы», и в этой банальной фразе выражались те экзотические фантазии, осуществления которых ожидали в таинственной стране — Мексике. Перед лицом такого возбуждения и мощи американской артиллерии Мексика с ее рекрутскими армиями и устарелым оружием была с самого начала обречена на поражение.

В мае 1846 г. американцы нанесли поражение генералу Ариста, войска которого не могли долго удержаться на своих позициях под смертоносным обстрелом американских пушек, перешли Рио-Гранде и захватили Матаморос. Проведя два месяца в Матаморосе, где несколько тысяч его солдат умерли от дизентерии и от эпидемии кори, Тейлор решил пойти на юг. Он штурмом взял Монтерей, который защищал генерал Ампудия, и, наконец, обосновался в Сальтильо. Тем временем американский флот при помощи живших там американцев захватил Калифорнию.

В это время Мексика пережила еще одну революцию. Паредес обнаружил полную неспособность вести войну. В августе Хуан Альварес поднял восстание. К власти вернулись Гомес Фариас и пурос, и была восстановлена конституция 1824 г. Фарианс не намеревался позволить Полку выиграть войну из-за ошибок мексиканского правительства и решился на рискованный опыт. Санта-Ана был самым способным из мексиканских генералов. Его следовало вернуть из изгнания, а пока он и его армия будут побеждать американцев, пурос будут финансировать войну, конфискуя церковные имущества. Санта-Ана проявил обычную готовность обещать все что угодно, и союз, разорванный лет за десять до того его изменой, был восстановлен. Однако для того, чтобы снова стать президентом, Санта-Ане пришлось изыскать способ вернуться в Мексику. Между Гаваной, где он коротал время в изгнании, развлекаясь петушиными боями, и мексиканским берегом находился американский флот. Эта задача была легко разрешена путем переговоров с Полком. Санта-Ана отправил в Вашингтон агента и

пообещал, что, если ему позволят вернуться в Мексику, он заключит мир на выгодных для США условиях. При этом Санта-Ана объяснил, что Мексику необходимо устрашить вторжением, и наметил для американского военного министерства план операций. Полк попал в ловушку и распорядился, чтобы Санта-Ане дали проскользнуть через кольцо блокады. В августе «Наполеон Запада» высадился в Вера Крус, где его приняли холодно и упрекали за старые грехи. В сентябре он въехал в Мехико. Фариас немедленно отправил его в Сан-Луис-Потоси, где ему надлежало собрать армию. В то же время был созван либеральный конгресс, назначивший Санта-Ану исполняющим обязанности президента, а Фариаса — вице-президентом.

Тем временем американское правительство решило изменить свой план. Неспособность Тейлора встревожила Полка, и президент послал в Мексику Уинфилда Скотта. Этот последний должен был высадиться в Вера Крус с половиной армии Тейлора, а Тейлору было приказано отступить, оставив передовую позицию в Сальтильо. Тейлор уступил, но, оставаясь близ Сальтильо, продолжал провоцировать сражения.

К январю Санта-Ана собрал 25-тысячную армию, которую финансировал путем массовых конфискаций. В карете, запряженной восемью мулами, в сопровождении боевых петухов, он отправился разбивать Тейлора, войска которого стояли лагерем на открытой местности в восемнадцати милях к северу от Сальтильо, и едва не захватил его врасплох. Высланные Тейлером для разведки отряды были перехвачены мексиканцами. 21 февраля в американский лагерь явился одинокий всадник с вестью о том, что Санта-Ана совсем близко. Тейлор поспешно сжег запасы и отступил миль на десять к Ангостуре, близ асиенды Буэна Виста, где дорога шла по широкому перевалу между неприступными горами. Санта-Ана прибыл на следующий день, а утром 23 февраля он построил свою армию в боевой порядок, выставив напоказ американцам блестящие мундиры мексиканской конницы. Священники ходили взад и вперед, служа мессу. Когда церемония была закончена, Санта-Ана бросил своих солдат на участок между американской армией и горами на восточной стороне перевала. Этот участок Тейлор, неправильно оценив характер мест-

ности, оставил незащищенным. Но если Санта-Ана лучше командовал, то у американцев были лучшие пушки, и мексиканцев стал косить смертоносный артиллерийский огонь. К ночи брешь была заполнена, и обе армии стояли друг против друга на исходных позициях. Американцы, которых было втрое меньше, чем мексиканцев, с трепетом ждали возобновления атаки на следующий день. Однако Санта-Ана решил иначе. Его индейские рекруты, не привыкшие иметь дело с солдатами, которые так упорно отстаивали свои позиции, и с пушками, которые стреляли с такой смертельной точностью, не были настроены возобновлять бойню. Санта-Ана уже захватил два американских знамени — этого было достаточно, чтобы инсценировать победу. Ночью, при свете луны, Санта-Ана собрал свою армию и потихоньку ушел по направлению к Сан-Луис-Потоси, оставив горящие костры, чтобы скрыть свое отступление. Подобно наполеоновской армии в 1812 г., мексиканцы в зимнюю стужу, без руководства пробирались к Сан-Луис-Потоси, массами погибая от голода.

Пока Санта-Ана захватывал в Коагуиле американские знамена, Фариас и его сторонники — пурос встретили в столице немало трудностей. Духовенство молилось за победу Мексики и устраивало религиозные процессии, но оно и слышать не хотело о том, чтобы пожертвовать на войну часть своих денег. В конце концов конгресс разрешил конфисковать 5 млн. песо из церковных имуществ. Этот проект вызвал, как обычно, бурю сопротивления, и часть духовенства стала более доброжелательно относиться к американцам, которые, может быть, завоюют Мексику, но оставят в неприкосновенности церковные поместья. Из сундуков церкви было силой извлечено около 1,5 млн. песо, после чего гражданская война положила конец конфискациям. Милиция Мехико, собравшаяся для защиты родины от американцев, решила вместо того защитить церковь от пурос. Несколько креольских полков, украшенных священными медалями и эполетами, солдаты которых благодаря своей любви к танцам и празднествам были известны среди метисов под названием полькос, восстали против Фариаса. Когда Санта-Ана приблизился к городу, лидеры всех партий поспешили встретить его поздравлениями по случаю победы и заручиться его поддержкой. Он решил

повторить предательство 1834 г. Фариас был снова изгнан, и один из модерадос, Анайя, объявлен исполняющим обязанности президента. Получив от церкви еще 2 млн. песо за обещание неприкосновенности в будущем, Санта-Ана обратился на восток, навстречу Уинфилду Скотту.

Уинфилд Скотт 7 марта высадился со своей армией в песчаных холмах к югу от Вера Крус. После разрушительной бомбардировки город капитулировал. Американцы поспешили во внутренние области, чтобы избежать желтой лихорадки. В середине апреля они встретились с Санта-Аной, который ждал их у Серро Гордо на сильно укрепленной позиции, в месте, где дорога вьется вверх, в горы. Саперы Скотта нашли способ обойти мексиканцев с северного фланга, и отряд американцев протащил свои пушки по глубоким ущельям, через густые леса, которые Санта-Ана объявил непроходимыми даже для кролика. Атакованная с фронта и с левого фланга мексиканская армия была разрезана на куски, а те, кто остался в живых, бежали, скатываясь в беспорядке по дорогам обратно к Мехико. Скотт мог теперь спокойно итти на Пуэблу, клерикальный город, который отказался от того, чтобы Санта-Ана защищал его. Санта-Ана подготовился ко второй встрече со Скоттом только когда тот дошел до долины Мехико.

Смятение в Мехико не поддается описанию. Модерадос и пурос, клерикалы и монархисты — все ожесточенно обвиняли друг друга, и всех их объединяло недоверие к Санта-Ане. Носились слухи о его переговорах с Полком, и задавались вопросы о том, как он проскользнул через американскую блокаду. До города добрели беглецы из армии, покинутой им в Коагуиле, и рассказали, что Ангостура отнюдь не была победой, как ее изображал Санта-Ана. Все же, несмотря на слухи, что он продал родину янки, Санта-Ану признавали единственным человеком, способным преодолеть кризис. Его военные соперники — стареющие ветераны войны за независимость, вроде Бустаманте и Николаса Браво, интриган Альмонте, предатель Валенсия, Ариста, опальный со времени своего поражения у Матамороса, и Ломбардини, не имевший никаких данных для командования, кроме длинных усов, — были также недостойны доверия. Кроме того, они не обладали энергией и опытом Санта-Аны. Впервые интересы Санта-Аны совпали с

интересами Мексики. Он вновь стал президентом, а враждующие группировки договорились, наконец, о какой-то видимости сотрудничества под его руководством.

Санта-Ана, потеряв одну армию в Коагуиле и другую в Серро Гордо, собрал теперь третью и энергично занялся подготовкой города к обороне. Более того, ему удалось обманом заставить американцев взять на себя часть расходов по этой подготовке. Полк верил еще, что Санта-Ана искренне намерен заключить мир, как только Мексика будет достаточно устрашена, и послал с экспедицией Скотта чиновника государственного департамента, Николаса Триста, с инструкциями начать переговоры о договоре, как только Санта-Ана даст знать, что запугивание можно прекратить. Поэтому, когда Санта-Ана отправил американцам послание, в котором объяснял, что стремится к миру, но срочно нуждается в 10 тыс. долларов, ему были препровождены деньги из Пуэблы.

В августе Скотт оставил Пуэблу, поднялся на перевал под снежной вершиной Попокатепетля, откуда перед ним открылся вид на простирающуюся внизу долину Мехико с ее озерами, кукурузными полями и асиендами, и спустился в деревню Чалько. Днем 9 августа колокола Мехиканского собора известили население о приближении американцев. Мексиканская армия ждала их на перешейке между двумя озерами, к востоку от города. Скотт повернул на юг по утопающей в грязи дороге между озерами и склонами гор и, наконец, подошел к проезжей дороге из Мехико в Акапулько. Здесь его ждал Санта-Ана. В течение следующих трех недель мексиканцы сражались с мужеством и упорством, поразившими захватчиков. Впервые война стала затмевать партийные раздоры. Мексиканская армия состояла уже не из индейских рекрутов, а из креольских и метисских добровольцев, готовых умереть, защищая свою столицу. А Санта-Ана, неутомимый в усилиях организовать войска, беззаботно стоявший под пулями на передовых позициях сражений, казалось, превратился из «Наполеона Запада» в нечто более почетное — в национального вождя. Однако бороться против пушек американцев и их генералов было невозможно. У Контрераса американцы нанесли поражение Валенсии, который не повиновался приказу Санта-Аны об отступлении, и штурмом отбили у генерала

Анайи Чурубуско, причем взяли в плен полк ирландцев-католиков, которые перешли во время войны на сторону мексиканцев, и расстреляли их как дезертиров. Было заключено перемирие, в течение которого Санта-Ана, продолжая уверять американцев, что он стремится к миру, поспешно укреплял свою оборону. Тем временем Валенсия, отступив в Толуку, устроил пронунсиаменто, потребовав расстрела Санта-Аны и продолжения войны до последнего патрона. Когда Санта-Ана отверг условия США, американцы, сражаясь за каждый дюйм дороги и неся тяжелые потери, атаковали Молино дель Рей, поднялись на высоты Чапультепека и вечером 13 сентября проникли в городские ворота столицы. Санта-Ана отступил в Гвадалупе, а городское аюнтамиенто вывесило белый флаг. Леперос воспользовались случаем и разграбили Национальный дворец. На рассвете 14 сентября колонна покрытых грязью и кровью янки во главе с двумя пешими генералами вступила на площадь, а затем приветствуемый армией примчался Уинфилд Скотт со своим штабом. Мексиканцы теснились на тротуарах и на крышах домов, наблюдая за захватчиками. Но когда американцы стали расходиться по квартирам, снайперы открыли по ним огонь из укрытий, а с крыш домов на них сбрасывали вывороченные из мостовой камни. В течение всего дня шли жестокие уличные бои, но на следующее утро аюнтамиенто удалось положить конец бойне, и оно приказало прекратить выступления против американцев.

Санта-Ана, поддерживаемый пурос, стремился продолжать войну. Он намеревался собрать свежие войска и отрезать Скотта от его базы в Вера Крус. Перейдя к партизанской войне, Мексика могла в течение неограниченного времени не признавать себя побежденной. Зимой эскадроны полупатриотов, полубандитов совершали жестокие набеги на американские отряды и вызывали американцев на кровопролитные акты мести. Но после того как нападение Санта-Аны на американский гарнизон в Пуэбле окончилось неудачей, модерадос обеспечили себе большинство в конгрессе и решили заключить мир.

Богатые креолы понимали, что партизанская война будет для них еще более разорительной, чем для американцев. Казалось, что в стране начинается полная анархия. Поло-

вина северных штатов готова был провозгласить независимость. Племена майя на Юкатане, которых алчность креолов на пеньковых плантациях довела до восстания, поднялись против белых, вооружившись винтовками, полученными от английских купцов в Белисе, и захватили весь полуостров, кроме Мериды и Кампече. Президентом стал главный судья верховного суда Пенья-и-Пенья. Он организовал в Керетаро правительство и начал переговоры с американцами. Санта-Ана, свергнутый с поста президента, бежал в горы. После банкета, на котором его чествовали американские офицеры, он удалился в изгнание на Ямайку.

Трист и Скотт, в соответствии с инструкциями, приступили к мирным переговорам. Мексика должна была уступить США Техас, Калифорнию и огромную незаселенную территорию между ними — больше половины всей площади республики — в обмен на 15 млн. долларов плюс аннулирование неоплаченных претензий. Под угрозой возобновления военных действий Пенья-и-Пенья и большинство мексиканского конгресса приняли эти условия, и договор был направлен в Вашингтон. В США становилось популярным требование аннексии Америкой всей республики, но, раз договор был заключен, Полк решил принять его. 10 марта 1848 г. договор, заключенный в Гвадалупе-Идальго, был ратифицирован американским сенатом, а к концу июля последний американский солдат покинул Мексику.

7. Революция Аютлы

Договор Гвадалупе-Идальго вызвал в Мексике крайнее возмущение. Война оставила страну истощенной и разочарованной, и в течение пяти лет не произошло ни одной «революции». Модерадос остались у власти и в июне 1848 г. восстановили Эрреру на посту президента. В 1850 г., впервые со времени установления независимости, власть была передана мирным путем, и преемником Эрреры был избран Мариано Ариста, чье поражение у Матамороса было забыто благодаря поражениям Санта-Аны. Правительства Эрреры и Аристы сократили ассигнования на армию с 10 до 3 млн. песо, договорились с английскими кредиторами о том, чтобы заложить им три четверти таможенных пошлин, и намеревались употребить уплаченные

Соединенными Штатами деньги на консолидацию внутреннего долга. Но одной экономии было недостаточно. Внутренний долг, размеры которого до тех пор были совершенно неизвестны, оказался слишком велик для ресурсов казначейства. Начальники различных таможен начали, вопреки центральному правительству, соперничать друг с другом в понижении пошлин, которые им полагалось собирать. Генералы продолжали поднимать против правительства мятежи, а все торговые пути кишели бандитами. На мексиканские территории совершали набеги индейские племена из Техаса и Аризоны и едва ли менее свирепые англо-саксонские флибустьеры. Индейцы из Сьерра Горды опустошали северо-восточные области. На Юкатане все еще бушевала жестокая расовая война, сократившая население полуострова наполовину. В то же время американские политики и журналисты, опьяненные теориями о провиденциальной роли Соединенных Штатов, все более настойчиво задавали вопрос, почему их страна не выполняет свой долг и не несет блага англо-саксонской цивилизации до самых границ Гватемалы.

Однако под поверхностью зрели другие силы. На сцену выступило новое поколение, выросшее после установления независимости и обучавшееся в светских учебных заведениях, организованных согласно федералистической конституции 1824 г. Опору либеральной партии попрежнему составляли метисы, жаждавшие политической власти и церковных имуществ, а сильнейшими поборниками ее попрежнему являлись провинциальные касики, стремившие стать независимыми от центрального правительства. Новые вожди либералов были более умелыми политиками и решительно отказывались мириться с поражениями. Ярые патриоты, они знали, что только подчинение церкви и армии гражданским властям может положить конец анархии и оградить Мексику от постепенной аннексии ее Соединенными Штатами.

После восстановления федерализма в 1846 г. в провинциях Мичоакане и Оахаке были созданы либеральные правительства. Губернатором Мичоакана был Мельчор Окампо, ученый и исследователь, ученик Руссо и Прудона, сочетавший пантеистическую любовь французских романтиков к природе с их жаждой общественной справедливости. С

помощью Сантоса Дегольядо, профессора права в Морелии, он упорно добивался ограничения власти церкви и занимался усовершенствованием земледелия на научной основе. В Оахаке губернатором был чистокровный индеец — сапотек Бенито Хуарес, родившийся в индейской горной деревне и до 12 лет не умевший даже говорить по-испански. Хуарес приехал в город Оахаку слугой, получил образование благодаря одному филантропу креолу, окончил институт и открыл юридическую контору. Молчаливый и сдержанный, не отличавшийся блестящим умом и ученостью Окампо, Хуарес пользовался хорошей репутацией благодаря своей административной честности и деловитости, а также демократической простоте своих манер. Когда Хуарес сделался губернатором, администрация Оахаки была продажна, а казна пуста; уходя с должности губернатора, он оставил в казначействе штата 50 тыс. песо. Будучи губернатором, он охотно принимал делегации индейских крестьян.

В Мехико перед молодыми интеллигентами открывались новые просторы для мысли и чувства. Студенты коллежа Сан-Хуан Летран основали академию для поощрения туземной мексиканской литературы и почетным президентом ее избрали старого борца за независимость Кинтана Роо. Академия познакомила Мексику с французскими романтиками 30-х годов. Члены ее читали друг другу свои поэмы и критиковали их. Они впервые познали, какое наслаждение доставляет высмеивание традиционных убеждений. Многие из них были революционерами, стремившимися своей деятельностью в качестве ораторов и журналистов способствовать делу либерализма. Таковы были мексиканский национальный поэт Гильермо Прието, который впоследствии писал баллады во славу героев, сражавшихся за независимость, и сам сражался за Реформу, и блестящий, эксцентричный Игнасио Рамирес, ненавидевший католицизм и гордившийся своими ацтекскими предками, мексиканский Вольтер, чьи богохульные эпиграммы казались духовенству и креолам почти сатанинскими.

Эти люди и их товарищи образовали группу, занимающую в истории Мексики исключительное место по честности и дарованиям ее членов. Но прежде, чем они смогли добиться власти, консерваторы сделали еще одну, последнюю, попытку создать устойчивое авторитарное правительство.

Встревоженные растущей угрозой либерализма, духовенство и генералы, креолы-землевладельцы и ахиотистас сплотились и под руководством престарелого Лукаса Аламана, а также его друга и ученика Аро-и-Тамариса стали подумывать о новой военной диктатуре. Участились разговоры о необходимости призвать короля из Европы, и дипломаты начали обсуждать кандидатуры с испанским двором в Мадриде. Но прежде всего консерваторам нужно было захватить власть в Мексике. Между тем только один мексиканец обладал энергией и престижем, необходимыми для диктатора. Санта-Ана, который всегда, как только он сходил с политической сцены, приобретал ореол национального героя, все еще был вождем, без которого не могла обойтись ни одна политическая комбинация. Несмотря на его тридцатилетнюю карьеру шантажа и коррупции, Аламан верил, что Санта-Ану можно обуздать серьезной политической программой.

Ариста был свергнут в январе 1853 г. К власти пришли консерваторы. Санта-Ана вновь был избран диктатором на один год. Он жил в то время в Венесуэле, где купил себе асиенду. Впрочем, он был готов снова «пожертвовать» собой для блага родины. 1 апреля он высадился в Вера Крус, где его приветствовала знакомая толпа генералов, охотников за должностями и ахиотистас. Побывав несколько раз на банкетах и на бое быков, он проследовал в столицу, где 20 апреля был формально провозглашен президентом.

Клерикалы и ахиотистас, соперничая друг с другом, старались приобрести влияние на диктатора. Свита Санта-Аны кишела шпионами Лукаса Аламана. Но в Вера Крус Санта-Ану встретил Эскандон, самый богатый из ахиотистас, и, не успев доехать до столицы, диктатор уже принял от него заем на обычных непомерно тяжелых условиях. Однако он не совсем разочаровал своих консервативных сторонников. Аламан, возглавивший его кабинет, сделал ему целый ряд предостережений и представил разработанную программу. Санта-Ана пренебрег предостережениями, но согласился принять те части программы, которые были совместимы с его престижем. Новое министерство «фоменто» («поощрения»—министерство народного просвещения, земледелия, торговли и промышленности) намечало экономи-

ческие усовершенствования — строительство дорог и телеграфа и колонизацию незанятых земель. Армия была увеличена до 90 тыс. чел., и для ее обучения были ввезены испанские и прусские офицеры. Правительство было централизовано, либеральные губернаторы были устранены военной силой, а газеты, отказавшиеся восхвалять духовенство и диктатора, прекратили свое существование. В Новом Орлеане возникла быстрорастущая колония изгнанников. Подобными методами консерваторы рассчитывали раз навсегда искоренить либеральную заразу и установить в Мексике самодержавное правительство по старому испанскому образцу.

Со смертью Аламана в июне 1853 г. консерваторы утратили своего самого способного государственного деятеля. Лишившись единственного человека, который оказывал на него сдерживающее влияние, Санта-Ана вскоре забыл свои серьезные намерения и снова превратился в демагога, заботящегося только о добыче и аплодисментах. Ахиотистас и охотники за концессиями помогали ему грабить казну, а подарки и лесть богатых землевладельцев, благодарных за защиту от либералов, вскружили бы голову и гораздо более трезвому диктатору. В ноябре был восстановлен созданный когда-то Итурбиде орден Гвадалупе, и Санта-Ана проводил целые часы, серьезно обдумывая, какого рода форма больше всего подойдет для членов этого ордена. Форма была введена также для государственных чиновников, которым попрежнему не выплачивали в срок жалованья, но которые тем не менее были вынуждены покупать себе мундиры на собственный счет. Министры — члены кабинета должны были ездить в желтых каретах, с лакеями в зеленых ливреях. А самого Санта-Ану сопровождали в поездках уланы правительственной гвардии в красных мундирах с золотыми эполетами и серебряными пуговицами и в остроконечных шлемах с гребнями. В декабре было внесено ставшее неизбежным предложение сделать диктатуру постоянной. Санта-Ана не собирался быть временным заместителем до прибытия принца из Габсбургского или Бурбонского дома. Он размышлял над различными титулами, которые предлагали ему льстецы. Вспомнив судьбу Итурбиде, он отверг титул императора и решил в конце концов называться «Его Верховное Высочество». Между тем, бюджет, несмотря на

уменье Санта-Аны собирать налоги, был попрежнему несбалансирован, а духовенство, несмотря на расточаемые им щедрые похвалы по адресу диктатора, не желало дать ему заем.

Конец диктатуры был подобен концу многих других мексиканских правительств. Генералы и чиновники начали выступать против нее, как только истощились ресурсы казны. Новым был лишь характер революционного движения. Крепостью его был штат Герреро, где жила еще память о Морелосе, а главарем — старый спутник Морелоса Хуан Альварес, являвшийся руководителем всех либеральных восстаний в течение сорока лет. С Альваресом был связан Игнасио Комонфорт, креол, которого Санта-Ана незадолго до того уволил с должности сборщика таможенных пошлин в порту Акапулько. В марте 1854 г. они опубликовали «план Аютлы», призывавший установить временную диктатуру начальника революционных войск, а затем созвать съезд, который разработает новую конституцию. Санта-Ана отправился на юг, чтобы подавить восстание, но партизаны Альвареса не принимали боя и отступали в горы, ожидая, чтобы климат сделал свое дело. А когда Санта-Ана дошел до Акапулько, ему не удалось ни подкупом, ни атаками заставить Комонфорта сдаться. Его верховному высочеству пришлось удовольствоваться сжиганием индейских деревень и расстрелом либералов, которых удавалось поймать. Объявив, что восстание подавлено, Санта-Ана вернулся в Мехико, где его почитатели устроили празднество в честь победы и воздвигли триумфальную арку, на которой высилась статуя диктатора с мексиканским флагом в руке. Но Санта-Ана был достаточно опытен в мексиканской политике, чтобы почувствовать близость конца. Готовясь к новому изгнанию, он стал переводить деньги в заграничные банки.

Помощь пришла из неожиданного источника. Правительство Соединенных Штатов, провозглашавшее себя другом мексиканских либералов, готово было за территориальные уступки поддержать тиранию. По так называемому Гадсденскому договору Санта-Ана продал Соединенным Штатам долину Месийя, составляющую теперь часть Южной Аризоны. В казну Санта-Аны влилось 10 млн. долларов, и верность армии была обеспечена еще на один год. Дополнительные средства были добыты путем продажи

юкатанских индейцев на кубинские плантации по 25 песо за голову. В декабре Санта-Ана в подражание Наполеону устроил плебисцит, но превзошел своего героя тем, что не создал даже видимости тайного голосования. Каждому гражданину было предложено указать, считает ли он нужным продлить диктатуру, и соответственно подписаться под словами «да» или «нет».

Однако восстание медленно накапливало силы. Комонфорт побывал в Соединенных Штатах и вернулся в Акапулько с партией оружия. К нему начали присоединяться изгнанники из Нового Орлеана. Сантос Дегольядо организовывал партизанские отряды в Халиско. Влиятельные касики, как Мануэль Добладо в Гуанахуато и Сант-Яго Видаурри в Нуэво-Леоне, изгнали чиновников Санта-Аны и примкнули к повстанцам. К весне 1855 г. за план Аютлы высказалась бо́льшая часть Северной Мексики, и движение начало распространяться по восточному побережью. Сражений было мало. Санта-Ана дважды выступал на подавление мятежа и дважды поспешно возвращался, так как не мог пойти на риск поражения. Он надеялся продать еще часть мексиканской территории Соединенным Штатам, но переговоры шли медленно, а когда в провинции Вера Крус начались выступления против его власти, он решил бежать, пока это еще было возможно. В августе он тайком выбрался из Мехико и, доехав до Пероте, опубликовал свое отречение. Население города немедленно высказалось за план Аютлы. Оно демонстрировало в Аламеде, выкрикивая приветствия Альваресу и Комонфорту, разграбило дома богатых приверженцев Санта-Аны и устроило костер из его карет. 17 августа бывший диктатор сел в Вера Крус на пароход «Итурбиде» и вернулся на свою асиенду в Венесуэлу.

Несколько недель страна была в смятении. Консерваторы назначили нового президента и надеялись избежать более решительных реформ, сделав Санта-Ану козлом отпущения. Касики северных провинций не хотели подчиниться руководству южан, но Игнасио Комонфорт настаивал на том, чтобы всеми был принят план Аютлы. Видаурри и Добладо признали в конце концов Хуана Альвареса вождем революции. В Куэрнаваке собралась хунта под председательством Гомеса Фариаса, который был избран

президентом республики. Альварес организовал правительство в Куэрнаваке, а затем двинулся на столицу. 14 ноября в сопровождении личной охраны из индейских воинов — горцев из южных провинций — он въехал в Мехико. Через несколько дней его министр юстиции Бенито Хуарес повел наступление на силы реакции, декретировав отмену фуэрос духовенства и офицерства. Снова вставала задача, осуществление которой было прервано, когда Идальго, после Монте де лас Крусес, отступал от столицы, и вторично — когда Агустин де Итурбиде нанес Морелосу поражение у Вальядолида. И либералы и консерваторы понимали, что начинается новая эпоха. Санта-Ана с его мишурным великолепием, напыщенными речами, ловкими политическими комбинациями и бесстыдными перебежками из одного политического лагеря в другой не будет больше ослеплять и изумлять мексиканский народ. Отныне Мексикой будут управлять более суровые и серьезные люди [1].

---

[1] Санта-Ана имел несчастье прожить еще двадцать лет. Во время французской интервенции он предложил свои услуги Максимилиану. высадился в Вера Крус и был немедленно выслан французами. Два года спустя он выступил против Хуареса, надеясь на поддержку правительства Соединенных Штатов. Но авантюристы, уверявшие, что могут оказать влияние на американский государственный департамент, выманили у него бо́льшую часть средств, а когда он снова высадился в Мексике, Хуарес арестовал и выслал его. Получив, наконец, в 1872 г. разрешение вернуться на родину, он умер в Мехико в 1876 г.

РЕФОРМА

1. Правительство Комонфорта

После падения Санта-Аны в Мексике более десяти лет продолжалась социальная революция, известная в мексиканской истории под названием Реформы. Подобно французской революции, Реформа ставила своей первой целью уничтожение феодализма. Вдохновлявшая ее идеология исходила от философов французского либерализма, а ее движущей силой были метисы. Сторонники Реформы намеревались создать конституционное правительство, уничтожить независимую власть духовенства и генералов и ускорить экономический прогресс, используя конфискованное имущество церкви. Некоторые, как, например, экономист Мигель Лердо де Техада, стремились создать современное капиталистическое государство, а более радикальные, особенно Мельчор Окампо, — нацию мелких собственников. Но Реформа ни в одной области не имела полного успеха. Феодализм был уничтожен лишь частично. Правительства оставались попрежнему диктаторскими. Собственность не была перераспределена коренным образом, пеонаж индейцев сохранился. Таким образом Реформа оказалась мексиканской буржуазной революцией, которая привела к власти новый класс, но не смягчила угнетение масс. Однако, хотя надежды наиболее благородных деятелей не сбылись, Реформа ознаменовала решающий поворотный пункт в истории Мексики. Она поставила у власти метисов, которые стали управлять так энергично и успешно, как ни одно прежнее креольское правительство. Она сделала возможным мощное развитие экономики, которое, несмотря на сопровождавшие его несправедливости, могло послужить необходимой предварительной ступенью к социальному преобразованию. После Реформы Мексике уже перестала грозить опасность распада или поглощения ее Соединенными Штатами. Она начала превращаться в нацию.

Подобно многим другим революциям, Реформа началась с попытки добиться умеренных перемен и лишь постепенно, в результате непримиримой враждебности реакции, приняла более радикальный характер. На первых стадиях ее руководителем был Игнасио Комонфорт. Он главным образом и добился свержения Санта-Аны. Все считали его тем сильным человеком, который выведет Мексику из кризиса. Его тяжелая коренастая фигура, честность и нелюбовь к распрям внушали доверие, и все модерадос стали требовать, чтобы президентом стал именно он. Хуана Альвареса модерадос не только презирали за необразованность и индейско-негритянское происхождение, но и боялись, ибо он воплощал в их глазах ненависть угнетенных рас к угнетателям. Когда он ввел своих индейских воинов в Мехико, имущие классы перепугались, ожидая восстаний пеонов, резни креолов и разрушения того, что они называли цивилизованным обществом. В декабре 1855 г. представителя радикальной интеллигенции Мельчора Окампо заставили уйти из кабинета, и через несколько дней Альварес передал пост президента Комонфорту. Альварес сознавал, что он непригоден для задач государственного руководства. Сферой его деятельности было руководство партизанами. И когда Мануэль Добладо. пригрозил восстанием в пользу Комонфорта, Альварес предпочел вернуться без борьбы в горы провинции Герреро.

Комонфорт знал, что необходимо ограничить власть духовенства, но считал также, что мексиканский народ находится под влиянием церкви и нуждается в ее услугах. Модерадо по убеждению, получивший политическое воспитание у Гомеса Педрасы, Комонфорт ненавидел гражданскую войну. Он мечтал о миролюбивой и гармоничной Мексике и поставил перед собой невыполнимую задачу добиться согласия реакционеров на проведение реформ.

Результатом этой несбыточной надежды на примирение явился злосчастный закон Лердо, подготовленный Мигелем Лердо де Техада, министром финансов в кабинете Комонфорта, и изданный в июне 1856 г. Целью закона было увеличить доходы правительства и ускорить экономический прогресс. Поместья, принадлежавшие церкви, подлежали продаже; покупать их могли нынешние их арендаторы или

любые лица «денонсировавшие» их, т. е. подававшие на них заявки. Церкви запрещалось иметь землю, но за свои поместья она должна была получить деньги, причем с каждой сделки по продаже земли взимался большой налог в пользу правительства. Все руководители Реформы верили в незыблемость частной собственности, но радикалы надеялись на широкое распределение собственности, а закон Лердо поощрял ее концентрацию. Раздел церковных асиенд разрешен не был. Только богачи могли уплатить за землю покупную цену плюс налог. Духовенство убедило многих богатых мексиканцев не пользоваться выгодами антиклерикального закона, так что от закона Лердо выиграли главным образом иностранцы. Группа «новых креолов» англо-саксонского, французского и германского происхождения стала скупать церковные земли и вскоре заняла влиятельное положение в мексиканском обществе. Передача церковных асиенд иностранным капиталистам была сама по себе отрицательным явлением, но это было не единственным следствием закона Лердо. В ложной надежде убедить духовенство, что закон не имеет антиклерикального характера, авторы не ограничили его действие церковью. Иметь поместья было запрещено всем корпорациям всякого рода. Вся земля должна была стать собственностью отдельных лиц. Таким образом, закон Лердо декретировал продажу эхидос (общинных земель) при испанских городах и — что принесло еще большее бедствие — общинных земель, принадлежавших индейским деревням. А когда жаждавшие земли метисы нашли, что стоимость церковных асиенд превышает их финансовые возможности, они набросились на общинные земли и стали «денонсировать» их перед властями и скупать за ничтожные суммы. Непосредственным результатом этого был ряд восстаний индейцев в центральных провинциях, и правительство оказалось перед угрозой объединения индейцев с реакционерами. Осенью Лердо выпустил циркуляр, в котором разъяснял, что общинные земли надо не распродавать «денонсирующим», а делить между индейцами. Но эта попытка превратить индейцев в крестьян-собственников не сопровождалась никакими мерами для защиты их от алчности метисов. Когда циркуляр был проведен в жизнь, оказалось, что новых индейцев-собственников легко заставить продать

свою землю на льготных условиях, напоив их водкой агуардиенте.

Лердо и Комонфорту не удалось примириться и с реакционерами. Епископы и генералы не намеревались итти ни на малейшие уступки и предпочитали подвергнуть всю Мексику бедствиям гражданской войны, лишь бы не принимать «закон Хуареса» и «закон Лердо». В начале 1856 г. реакционеры подняли восстание в Пуэбле. Руководил им Аро-и-Тамарис, друг и ученик Лукаса Аламана, креольский аристократ. Предполагалось объявить императором Мексики либо Аро, либо сына Агустина Итурбиде. В марте Комонфорт взял Пуэблу, изгнал ее епископа Лабастиду и конфисковал церковные имущества на покрытие военных издержек. Весной и летом стояло затишье, но все знали, что клерикалы что-то замышляют. Вся страна, затаив дыхание, ждала бури. Тайная центральная консервативная директория (Directoria Conservadora Central), руководство которой находилось в Мехико, энергично готовила восстание, а ее организационный гений Франсиско Хавьер Миранда, священник из епархии Пуэблы, переодетым путешествовал по всей стране и совещался с генералами и главарями партизанских отрядов. Некоторые священники, принадлежавшие к белому духовенству, приняли закон Лердо и даже купили себе церковные поместья, но монахи отказывались покидать свои асиенды. В больших францисканских и доминиканских монастырях реакционные лидеры замышляли заговоры и устраивали потайные склады оружия. В сентябре Комонфорт приказал разрушить монастырь святого Франциска, основанный при Кортесе и расположенный в самом сердце Мехико. Вначале 400 рабочих боялись, что их поразит за святотатство божий гнев, но антиклерикальные речи и песни, а также пример одного члена городского совета, который сам схватил лом и начал разрушать стену монастыря, побудили их приступить к работе. Монахи вышли из монастыря между двумя рядами солдат, а через монастырские здания были проложены улицы. На следующий месяц в Пуэбле опять началось восстание, возглавленное Мирандой и 25-летним Мигелем Мирамоном. Томас Мехиа, индейский вождь из гор Сьерра Горды, захватил Керетаро и призвал индейцев примкнуть к духовенству в борьбе против закона

Лердо. Мятеж охватил Сан-Луис-Потоси, Мичоакан, Тласкалу и сельские местности провинции Вера Крус. Но Комонфорт энергично подавил это восстание, и к марту 1857 г. волнения прекратились. Несмотря на то, что непреклонность клерикалов была очевидна, Комонфорт надеялся еще на примирение с ними. Он простил и освободил взятых в плен реакционеров, что дало им возможность продолжать свою заговорщическую деятельность; кроме этого он направил посла в Рим в тщетной надежде заручиться санкцией папы на проведение реформ.

Тем временем собралось учредительное собрание. Поскольку в административном аппарате господствовали модерадос, собрание неизбежно представляло именно их. Подобно своему предшественнику в 1823 г., оно было главным образом собранием креольских и метисских интеллигентов, на две трети адвокатов, исполненных веры в либеральную демократию и права человека. Спасение от политических недугов Мексики они видели в новых бумажных гарантиях конституционного правления. Но на съезде раздавались и более трезвые речи. «Вследствие нелепой до абсурда экономической системы наш народ не может быть ни свободным, ни республиканским, ни, тем более, процветающим, — заявил радикал Арриага, — хотя бы сто конституций и тысячи законов провозглашали отвлеченные права, прекрасные, но неосуществимые теории». Однако модерадос не желали радикального перераспределения имуществ. Они хотели только гарантий против клерикальной и военной диктатуры и с этой целью изложили в 29 статьях длинный перечень прав личности, которые не должно нарушать ни одно правительство.

Структура правительства устанавливалась примерно такая же, как в 1824 г. Деление на штаты также осталось прежнее. Однако федерализм новой конституции поразительным образом сочетался с чертами, заимствованными из централистических традиций французского якобинства. Федеральный конгресс состоял из одной палаты [1] и имел право отстранять губернаторов штатов в судебном порядке, а выборы в штатах в спорных случаях подлежали утверждению федерального верховного суда. Таким образом, в

[1] К которой в 1874 г. был добавлен сенат.

правительственном аппарате преобладало влияние центральных властей, и хотя полномочия президента по видимости были строго ограничены, в действительности он мог получить всю верховную власть. Голосование было косвенное, и выборщики, представлявшие избирательные округа и выбиравшие членов конгресса, членов верховного суда и президента, на практике обычно являлись государственными чиновниками, а президент имел конституционное право смещать чиновников по своему желанию. При такой конституции Порфирио Диас мог, почти не нарушая закона, подтасовывать избрание угодных ему конгрессов, превращать губернаторов штатов в своих марионеток и сам семь раз переизбираться на пост президента. Собрание все же было уверено, что составило конституцию, при которой диктатура станет совершенно невозможной. Особенно большое внимание привлекли антиклерикальные статьи конституции. В них были записаны отмена фуэрос и запрещение корпоративной собственности на землю. Монахам разрешалось отрекаться от своих обетов, что было сформулировано в оптимистической статье, объявлявшей незаконным также и пеонаж. Вопрос о религиозной свободе вызвал долгие прения, в продолжение которых столичные жители толпились на балконах зала заседаний и шикали или аплодировали ораторам, причем клерикалы держали в руках зелено-белые знамена со словами: «Да здравствует религия — смерть терпимости!», а радикалы — желтые знамена с лозунгом: «Долой богачей, борющихся против свободы совести!». Депутаты робели. Большинство их, несмотря на весь свой антиклерикализм, были католиками. Единственным общепризнанным вольнодумцем на съезде был Игнасио Рамирес. Многие депутаты, боясь осуждения клерикалов или реакционного переворота, не являлись на заседания, и было трудно составлять кворум. В конце концов осторожность взяла верх. Хотя католицизм явно принят не был, в конституции не содержалось и открытого провозглашения религиозной свободы.

Конституция была окончательно принята в феврале 1857 г. Клерикалы объявили ей беспощадную войну. Духовенство отлучало от церкви всех, кто приносил присягу конституции. Ни один человек, принимавший конституцию или приобретавший имущества церкви, не имел права на

исповедь, на похороны по христианскому обряду или на другие услуги церкви. Тем не менее в течение весны 1857 г. производилась присяга конституции, и чиновники оказались между двух огней. Многие, боясь отлучения, жертвовали своими должностями и окладами. Другие приносили присягу, но в страхе и трепете перед сверхъестественными силами церкви. На пасхе Комонфорта и членов его правительства не допустили в собор.

Тем временем в соответствии с новой конституцией производились выборы президента первого конгресса и членов верховного суда, председатель которого являлся также вице-президентом республики. Президентом был избран Комонфорт, а председателем верховного суда — Бенито Хуарес.

Комонфорт предоставил Учредительному собранию действовать по собственному усмотрению и не вмешивался в его решения; но результат работы собрания совершенно не удовлетворил его. Комонфорта испугал длинный перечень гарантий гражданской свободы и ограничения власти президента. Чтобы вывести Мексику из кризиса, исполнительная власть нуждалась, по мнению Комонфорта, в диктаторских полномочиях. Кроме того, Комонфорт продолжал надеяться на компромисс и совершенно не мог примириться с перспективой беспощадной войны между церковью и государством. Мексиканский народ, считал он, испытывает потребность в церкви. Пусть же у него не будет причин обвинять президента в закрытии церквей. Наступлением на конституцию руководил архиепископ Мехико, но Комонфорт не решался его изгнать. Реакционеры почуяли, что президент колеблется, и попытались привлечь его на свою сторону. Но если Комонфорт не хотел бороться с духовенством, он также не хотел разногласий и со своими друзьями и сторонниками — либералами. Он намеревался править Мексикой как президент, стоящий над партиями. В результате этого он скоро оказался человеком без партии.

Осенью, когда собрался новый конгресс, Комонфорт предложил приостановить действие гарантий гражданской свободы и пересмотреть конституцию. Конгресс, подозревая, что Комонфорт может оказаться изменником, отказался сделать это. Тем временем клерикалы замышляли

использовать стремление Комонфорта к усилению исполнительной власти как предлог для переворота. В декабре Феликс Сулоага, генерал, командовавший гарнизоном Такубайи, в прошлом кассир игорного дома, поднял мятеж, требуя диктатуры Комонфорта и нового учредительного собрания. Пока Комонфорт колебался, Сулоага овладел Мехико, распустил конгресс и арестовал Хуареса. Через два дня Комонфорт принял план Сулоаги. Не желая нарушать конституцию, пока она была в силе, он утверждал, что теперь она перестала существовать вследствие захвата власти Сулоагой. Он надеялся предотвратить гражданскую войну, но вскоре потерпел разочарование. Архиепископ и духовенство высказались за Такубайский план. Однако они не думали о новой конституции, а стремились к отмене законов Хуареса и Лердо. Тем временем либералы в провинциях сплачивались на защиту конституции. В Мичоакане и Халиско Сантос Дегольядо стал формировать либеральную армию. В Керетаро собралось 70 депутатов конгресса, которые заявили, что Комонфорт, нарушивший присягу конституции, утратил тем самым право на пост президента, и провозгласили президентом республики Бенито Хуареса.

Наконец-то Комонфорт понял, что нужно бороться. Позволив реакционерам захватить власть, он предпринял запоздалую попытку искупить свою слабость. Он освободил Хуареса и собрал пятитысячное войско, чтобы лишить Сулоагу власти в столице. Но в результате дезертирства от пяти тысяч солдат скоро осталось пятьсот, и 21 января 1858 г. Комонфорт покинул Мексику и отправился в изгнание в Соединенные Штаты. В столице президентом был объявлен Сулоага, законы о реформах были отменены, а клерикальные генералы сколачивали армии и шли на север, чтобы истребить либералов. Хуарес бежал в Керетаро, где его приветствовали как президента, и образовал там кабинет. Но оборонять Керетаро было невозможно. Преследуемый по пятам реакционной армией, Хуарес бежал в Гвадалахару. Там против него восстали войска, и он едва не был убит. Из Гвадалахары Хуарес отправился в уединенный порт Мансанильо, затем отплыл со своим правительством в Панаму, а оттуда через Гавану и Новый Орлеан в Вера Крус. Этот город был еще верен консти-

туции. Тот, кто владел им, мог постепенно задушить своих противников, лишив их таможенных доходов и поставок оружия, а желтая лихорадка «горячей земли» делала Вера Крус почти неприступным для войск, набранных на плоскогорье. Хуарес провел в Вера Крус около трех лет, пока власть в Мехико принадлежала клерикалам. В стране в это время происходила самая жестокая из ее гражданских войн.

2. Трехлетняя война

Война за Реформу была войной провинции против Мехико, войной деревни против города. В борьбе с духовенством, генералами и богатыми креолами объединились индейцы Оахаки и Герреро и метисские ранчерос северных территорий. Подобно войне за независимость, это была партизанская война, которую вели бесчисленные местные отряды, руководимые иногда подлинными патриотами, а иногда разбойничьими атаманами, безнаказанно убивавшими и грабившими всех, кого они встречали на своем пути. Герильерос не всегда были либералами. В некоторых провинциях духовенство поднимало индейцев на борьбу за церковь. Поскольку крупные касики, претендовавшие на управление провинциями — люди вроде Видаурри в Нуэво-Леоне и Добладо в Гуанахуато, — шли с либералами, менее влиятельные касики иногда становились на сторону консерваторов. Томас Мехиа, индейский касик Сьерра Горды, и Лосада, правитель почти независимых индейских племен, живших в горах Найярит, предпочитали господство креолов в Мехико господству местных главарей метисов.

У консерваторов генералы были искуснее, а войска более дисциплинированы, чем у либералов, и в открытом бою консерваторы обычно брали верх. Они могли полагаться на помощь духовенства, которое отказалось признать закон Лердо, чтобы потратить сокровища, накопленные за три столетия господства церкви, на финансирование гражданской войны. Но у либералов были руководители, не мирившиеся с поражениями. При всех кровопролитиях и грабежах, расстрелах пленников, ограблении церквей и корыстных интригах, искажавших дело либералов, в их среде пробудились новые стремления. Эти стремления были свой-

ственны местным руководителям вроде Порфирио Диаса, возглавлявшего партизанский отряд на далеком юге, в долине Теуантепека. В еще большей степени ими был проникнут Сантос Дегольядо, профессор права, которого Хуарес назначил командующим армиями, «герой поражений», который не выиграл ни одной битвы, но своим упорством в собирании войск и пониманием стратегии войны обеспечил конечную победу либералов.

В этом кризисе Бенито Хуарес, после того как сошел со сцены Комонфорт, стал символом конституционного правительства. В кабинете министров при нем заседали Мельчор Окампо и Гильермо Прието, к которым впоследствии присоединились Игнасио Рамирес, Мигель Лердо де Техада и его брат Себастьян. Хуарес, невысокий темнокожий индеец из гор Оахаки, пользовался их советами, не полагаясь на свои способности. Он говорил редко и нерешительно. Однако Хуарес в высшей степени обладал тем, в чем больше всего нуждалась Мексика — непреклонной честностью и неукротимой волей, которая никогда не мирилась ни с компромиссами, ни с поражениями.

В идеологию либерализма он внес индейскую простоту и упорство и то несгибаемое мужество, с которыми за три века до него Куаутемок сопротивлялся Кортесу. Он никогда не умел зажигать толпу или господствовать над кабинетом, но он мог, взволнованный глубокими проблемами, придавать своим прокламациям могучее красноречие, обладавшее тем свойством постоянного воздействия, которое отличает великие литературные произведения.

Дело, которое может вдохновить таких людей, какими были Хуарес, Окампо и Сантос Дегольядо, нельзя победить, хотя его торжество может быть очень далеким. Но и у консерваторов были свои вожди. Среди жадных и мятежных епископов и генералов, землевладельцев и ахиотистас, которые в течение нескольких десятилетий угнетали Мексику, вели ее к поражению во внешней войне и почти к потере национальной независимости, были люди, для которых лозунг «Religión y fueros» олицетворял не только личное богатство и привилегии, но также идеал крестовых походов. Старые рыцарские добродетели феодализма воплощал самый молодой и способный

из консервативных генералов Мигель Мирамон. То же индейское упорство и самоотречение, которое Хуарес внес в дело либерализма, обнаруживал в борьбе за церковь Томас Мехиа. Но если Мирамон и Мехиа были самыми благородными из клерикалов, они не являлись любимыми генералами церкви. Паладином, которого восторженно чествовали духовенство и благочестивые креольские дамы, их Иисусом Навином, их Иудой Маккавеем был Леонардо Маркес — человек другого сорта. Мало генералов, даже в Мексике, так ревностно расстреливали пленников и убивали политических противников, как Маркес.

Весь 1858 г. консерваторы одерживали победы. Мирамон и Маркес заняли Сан-Луис-Потоси и отогнали Видаурри обратно в его княжество Нуэво-Леон. Они повернули на запад против Дегольядо, и Маркес без труда взял Гвадалахару, а Мирамон покорил тихоокеанское побережье. Вожди либералов бежали в горы. Однако в этой войне, когда повсюду сражались партизанские отряды, консерваторы не имели возможности прочно овладеть территорией. Они владели городами, но деревни обычно шли за либералами. Либеральные герильерос действовали даже в горах, господствующих над долиной Мехико. В октябре Бланко совершил из Мичоакана набег на столицу и был отбит только у Тлальпамских ворот.

В конце концов произошел новый государственный переворот. Во время революции Аютлы Сулоага сражался в рядах либералов. Он получил пост президента благодаря измене, но не пользовался доверием духовенства. В декабре столичные войска обратились против него, и президентом был объявлен Мирамон. Сулоага, не отказавшийся от претензий на пост президента, бежал из столицы и скрылся в горах Пуэблы. Мирамон намеревался взять Вера Крус и в феврале 1859 г. отправился из Мехико к побережью. Он нашел Вера Крус неприступным для атаки, а когда его солдаты стали умирать от желтой лихорадки, он снял осаду и бесславно вернулся на плоскогорье. Тем временем Дегольядо совершил набег на Мехико. С большой армией и внушительным обозом боеприпасов он пошел на столицу из Мичоакана, причем Маркес из Гвадалахары преследовал его по пятам. Дегольядо ожидал восстания

либералов в столице. Вместо того чтобы штурмовать Мехико, он ждал в Такубайе и Чапультепеке, где 11 апреля был атакован Маркесом. Последний одержал победу, и остатки разбитой армии либералов в смятении бежали в горы. Мирамон, вернувшийся в Мехико во время сражения, отдал приказ расстрелять пленных офицеров. Маркес расстрелял не только пленников, но также многих студентов-медиков, не принимавших участия в бою, но вышедших на место сражения после боя, чтобы оказать помощь раненым либералам. Этим поступком он заслужил прозвище «такубайского тигра». После бойни духовенство отпраздновало победу пением «Te Deum», а Мирамон и Маркес проехали по улицам города в открытой карете, приветствуемые духовенством. На Маркесе красовался поднесенный ему городскими дамами шарф с надписью «Добродетели и доблести». Затем Маркес вернулся в Гвадалахару, где креольские дамы приняли его под триумфальной аркой и увенчали золотой короной. Там он расстрелял ряд сторонников либералов и захватил их имущество.

В июле Хуарес издал новые, гораздо более суровые декреты против духовенства. Священники добровольно отдавали свои сокровища консерваторам, вынося из церквей все, кроме священных сосудов, и либеральные генералы поняли, что только захватив эти сокровища в подвластных им районах, они смогут заплатить своим войскам и лишить оппозицию ее финансовых ресурсов. Видаурри послал радикального депутата конгресса Ромеро Рубио в Вера Крус, а Дегольядо сам посетил город, чтобы убедить Хуареса принять соответствующие меры. Хуарес видел в войне прежде всего борьбу за конституцию 1857 г. Как и Линкольн в американской гражданской войне, он считал, что на карту поставлена демократическая форма правления. И подобно тому, как Линкольн уничтожил рабство, чтобы спасти союз, Хуарес согласился лишить духовенство его имуществ, чтобы спасти конституцию. По закону Лердо (июль 1859 г.) все церковное имущество, за исключением церковных зданий, подлежало безвозмездной конфискации. Мужские монастыри закрывались немедленно, а женские — после смерти монахинь, находившихся там к моменту издания закона. Кладбища объявлялись националь-

ной собственностью, брак превращался в гражданский договор, чем отменялась обязанность платить священникам за похороны и свадьбы. По совету Окампо законы были составлены так, чтобы поощрять мелких собственников. Церковные поместья подлежали разделу на мелкие участки и продаже в кредит на льготных условиях. Но создать на развалинах церкви нацию крестьян-собственников было поздно. Многие церковные поместья были уже приобретены богачами по закону Лердо. Оставшееся было большей частью захвачено в ходе войны и продано провинциальными касиками по сходной цене. Там, где проходили либеральные армии, церкви оставались опустошенными и разграбленными. Военачальники, доведенные в пылу борьбы до крайности, расстреливали священников и монахов, отказывавшихся служить в либеральных армиях. Они хватали священные реликвии и иконы из церквей и бросали их в костры. Это была спасительная жестокость, очищавшая страну от миазмов, накопившихся в ней за три века власти церкви. Она ослабляла влияние религиозных суеверий и показывала мексиканскому народу, что можно наложить руку на духовенство, не навлекая на себя небесного гнева. А поскольку эти меры снабжали либералов доходами и привлекали на их сторону всех, кто хотел получить долю в добыче, они обеспечили их победу. Но они не разрешили основных экономических проблем. Земли духовенства, серебро, золото и драгоценные камни, которыми благочестие испанцев — помещиков и владельцев рудников — наполнило соборы и помещения капитулов, стали собственностью радикальных военных и политиков. Но ни один из руководителей либеральной партии не нажился на конфискациях. Несмотря на все свои возможности, Хуарес и его товарищи были после окончания конфликта так же бедны, как и в начале его. Все же в военной сумятице хуаристы не могли внушить всем своим сторонникам ту же строгость. В результате ограбления духовенства создалась не нация мелких собственников, а новый правящий класс, которому предстояло господствовать над Мексикой в течение следующего полувека.

Между тем стране угрожала иностранная интервенция. Английские владельцы рудников и держатели мексиканских займов имели в Мексике крупные экономические

интересы. В Мексике жили купцы из Англии, Франции, Испании и Соединенных Штатов. Партизанские отряды нанесли им имущественный ущерб; иногда и сами купцы оказывались жертвами насилия. Европейские державы признали Мирамона президентом Мексики, и испанское правительство активно помогало ему. Клерикалы, особенно Миранда, снова замышляли сокрушить либерализм, призвав из Европы короля с европейскими войсками, и их представители продолжали вести переговоры при испанском дворе. Либеральные герильерос мстили, выдвигая старый лозунг «смерть гачупинам», и осуществляли его, расстреливая испанских граждан. Соединенные Штаты предпочитали поддерживать Хуареса, но в правительстве обсуждался вопрос о том, не следует ли предупредить европейскую интервенцию, введя в Мексику свои войска. Угроза американского вмешательства исторгла у либералов договор Маклейн — Окампо от декабря 1859 г. Соединенные Штаты, стремившиеся соединить торговым путем атлантическое побережье с Калифорнией, получили постоянное право транзита через перешеек Теуантепек и разрешение ввести в Мексику войска «для защиты собственности и наведения порядка». Они должны были заплатить либеральному правительству два миллиона долларов и еще двумя миллионами компенсировать американских граждан, имевших претензии к мексиканскому правительству. Этот договор, энергично и справедливо осуждавшийся в Мексике как принесение в жертву национального суверенитета, был отвергнут сенатом Соединенных Штатов. Быстро надвигалась гражданская война в США, последствия которой для Мексики уступают по важности лишь тем последствиям, которые она имела для Соединенных Штатов. Договор Маклейн — Окампо, по мнению северных штатов, был выгоден южанам.

Консерваторы продолжали одерживать победы. В ноябре Дегольядо был опять разбит в сражении у Селайи. В течение следующей зимы Мирамон вторично пытался захватить Вера Крус. Испанские корабли, прибывшие с Кубы, выбросили мексиканский флаг и стали блокировать город с моря, но американский военный корабль захватил их под предлогом, будто они принадлежат пиратам, и помог либералам. Хуарес получал из Соединенных

Штатов оружие, и Мирамон опять нашел Вера Крус неприступным. После недели осады он вернулся на плоскогорье, а в мае вновь атаковал либералов провинции Халиско. Но в военных действиях уже начинался перелом в пользу либералов. Консерваторы были лишены таможенных сборов, ресурсы церкви почти истощились. Армии консерваторов таяли. Либералы завоевывали численное превосходство. Их солдаты на горьком опыте учились дисциплине, а ранчерос и погонщики мулов, адвокаты и интеллигенты, сделавшиеся генералами, учились водить армии. Либералы находили новых руководителей. В Халиско командовали два молодых человека, Игнасио Сарагоса и Леандро Валье, не уступавшие по благородству Дегольядо. Сакатекас и Дуранго оказались под властью Гонсалеса Ортеги, честолюбивого, жадного и бессовестного авантюриста, прирожденного демагога, наслаждавшегося поклонением толпы, но оказавшегося также способным генералом. В августе 1860 г. Мирамон впервые потерпел поражение. Ортега, Сарагоса и Добладо, располагавшие втрое бóльшим количеством войск, разгромили его у Силао. Они захватили две тысячи пленных и освободили их, тем самым установив новый прецедент, свидетельствовавший об их растущей уверенности в своих силах. Мирамон был отброшен назад, в долину Мехико. В том же месяце партизаны гор юга, руководимые Маркосом Пересом, взяли город Оахаку, а затем повернули на север, чтобы соединиться с главными силами армии либералов.

Недостаток денег вынуждал обе партии к отчаянным мерам. В Сан-Луис-Потоси Мануэль Добладо конфисковал поезд с серебром на сумму свыше миллиона песо, составлявший собственность англичан — владельцев рудников. Дегольядо, вынужденный санкционировать этот захват, пообещал англичанам вернуть деньги. Мирамон сознавал свое отчаянное положение и потому действовал более решительно. Из здания английского посольства в Мехико он взял 700 тыс. песо, ассигнованных на выплату англичанам по займам, и заключил сделку со швейцарским банкиром и владельцем рудников Жеккером. Получив от него 750 тыс. песо наличными, Мирамон дал ему обязательства правительства на номинальную сумму в 15 млн. Через год Мексике пришлось снова услышать об этих

обязательствах; Жеккер имел в Европе влиятельных друзей.

Теперь, когда либералы были накануне победы, Дегольядо пришел в отчаяние. Встревоженный захватом английского имущества, боясь интервенции, он предложил принять иностранное посредничество. В ответ Хуарес отстранил его от командования и назначил на его место Ортегу, на долю которого и выпала честь окончить войну. В октябре Ортега взял Гвадалахару, а в ноябре разбил Маркеса у Кальдерона и пошел на долину Мехико. Столицу постепенно окружали стекавшиеся отовсюду партизанские отряды. Мирамон пробился через них и 22 декабря в Сан-Мигель Кальпулальпане встретился с Ортегой. Последняя армия консерваторов была разбита наголову, и либералы одержали победу. Мирамон бежал в столицу. Пока он размышлял, удастся ли ему выдержать осаду, Ортега заявил, что примет только безоговорочную капитуляцию, и Мирамон решил бежать. Он и главные его помощники собрались в цитадели, поделили между собой 140 тыс. песо, оставшиеся из денег английских держателей займов, и по одиночке выехали из города по Толукской дороге. Мирамон отправился в Халапу и скрывался там, пока не был подобран французским военным кораблем и увезен в Европу. 1 января Гонсалес Ортега во главе 25-тысячного войска въехал в столицу. Город оказал ему восторженный прием. Дегольядо наблюдал триумфальное шествие из окна гостиницы Итурбиде на Платерос, и Ортега демонстративно остановился, чтобы обнять своего предшественника и увенчать его лавровым венком. 11 января, когда из Вера Крус прибыл Хуарес, торжеств не было. В отличие от других президентов, въезжавших на площадь в пурпурных с золотом мундирах и в сопровождении войск, Хуарес приехал в карете, в темном костюме, молчаливый и спокойный. Впервые правителем Мексики сделался штатский.

3. Французская интервенция

Либералы надеялись использовать захваченное у церкви имущество на финансирование строительства школ и железных дорог. Вместо того оно было растрачено в

гражданской войне. Хуарес унаследовал страну в состоянии полной разрухи и пустую казну. Соглашение, по которому три четверти таможенных пошлин было заложено английским займодержателям, оставалось в силе, а других источников дохода не было. Между тем чиновники и солдаты победоносной армии громко требовали жалованья. Война еще не была окончена, ибо Мехиа держался в горах Керетаро, а Маркес с отрядом герильерос действовал в центральных провинциях.

В такой обстановке удержаться у власти могло только правительство диктатуры. Но Хуарес вел войну в защиту конституции и намеревался управлять по законам. Изгнав испанского посла и епископов, он объявил амнистию всем, кроме нескольких консервативных генералов. Духовенству было позволено критиковать правительство, и клерикальная газета «Эль пахаро верде» выходила без цензуры, пока, вопреки попыткам Хуареса сохранить свободу слова, ее редакция не была разгромлена толпой радикалов. В марте состоялись выборы президента. Лердо, выставивший свою кандидатуру, умер в феврале. Хуарес был переизбран президентом, а Гонсалес Ортега стал главным судьей верховного суда. Новый конгресс собрался в мае. Он получил бо́льшую свободу от исполнительной власти, чем любой другой мексиканский конгресс до или после него. Это было собрание радикальных ораторов. Среди них были Сарко, Рамирес, Себастьян Лердо де Техада и самый красноречивый из всех — молодой Игнасио Альтимирано, чистокровный индеец, в дальнейшем ставший величайшим из мексиканских писателей. Но кроме обструкции, конгресс не совершил ничего. Он критиковал все, что делал Хуарес, а когда Хуарес не делал ничего, осуждал его за бездействие. Осенью была подписана 51 депутатом конгресса петиция, требовавшая, чтобы Хуарес отказался от своего поста в пользу Ортеги. Против этого требования выступили всего 52 депутата.

Пока конгресс говорил, Маркес продолжал убивать. Мельчор Окампо, не одобряя амнистии, вышел из правительства и удалился на свою ферму в Мичоакане. В июне Маркес и его партизаны совершили набег на Мичоакан, и Окампо был расстрелян. Сантос Дегольядо попросил разрешения отомстить за гибель Окампо. Но он также

был взят в плен и расстрелян. Через несколько дней та же участь постигла Леандро Валье. В течение одного месяца три благороднейших представителя Мексики погибли от руки одного и того же человека. Лишь когда Маркес появился в предместье Мехико Сан Косме, были приняты действенные меры, чтобы остановить его. Игнасио Мехиа и Порфирио Диас отогнали Маркеса назад в горы.

Министры финансов сменяли друг друга с ошеломляющей быстротой — каждый из них в отчаянии подавал в отставку, как только начинал понимать, сколь велики трудности финансовой проблемы. Хуаресу пришлось не только изыскивать средства, чтобы платить жалованье армии и чиновникам, но также удовлетворять претензии иностранных держав. Испания негодовала по поводу изгнания ее посла и убийства партизанами испанских граждан. Англичане требовали возмещения за захват Добладо поезда с серебром, за ограбление Мирамоном английского посольства и за убытки, понесенные купцами и горными компаниями; ответственность за все это возлагалась теперь на правительство Хуареса. Французы предъявили к возмещению такой же список претензий. Хуарес соглашался понести ответственность только за тот ущерб, подлинность которого можно было доказать; но немедленная уплата даже таможенных пошлин английским займодержателям была невозможна. В июле Хуарес встал на единственно возможный путь: он объявил двухлетний мораторий по иностранным долгам. В это время в Соединенных Штатах произошло первое сражение между Севером и Югом.

Европейские державы считали, что мексиканцев надо проучить. Они подписали соглашение о совместной оккупации Вера Крус. Под угрозой интервенции Хуарес возобновил переговоры с английским послом сэром Чарлзом Уайком. По соглашению Уайк — Самакона английским чиновникам предоставлялось право контролировать сбор пошлин, чтобы они могли убедиться, что Мексика не обманывает своих кредиторов. Соглашение было представлено конгрессу и после речи Себастьяна Лердо де Техады отвергнуто. Мексике, опустошенной и истощенной тремя годами гражданской войны, предстояло теперь быть ввергнутой в борьбу за национальную независимость.

В декабре в Вера Крус прибыл во главе испанской армии генерал Прим, а в январе 1862 г. к нему присоединились английские и французские части. Однако после совещания союзные военачальники обнаружили, что не могут договориться относительно того, чего они хотят от Хуареса. Французский посол Дюбуа де Салиньи выставил требования, удовлетворение которых не оставило бы ничего для англичан и испанцев — 12 млн. песо наличными в возмещение потерь, понесенных будто бы французскими гражданами, и полное признание жеккеровских облигаций. Генерал Прим и сэр Чарлз Уайк стали спорить с Салиньи. Но так как им нужно было как-то объяснить свое присутствие на мексиканской территории, они тем временем выпустили прокламацию, в которой ничего не говорилось о долгах. Они прибыли, говорилось там, чтобы предложить мексиканцам «руку помощи». «Мы хотим, — говорили они мексиканцам, — быть свидетелями великого зрелища вашего возрождения».

Быть свидетелями великого зрелища возрождения Мексики значило для англичан и испанцев выкачивать из Мексики долги. Но для французов эта фраза имела более глубокое значение, о котором их союзники не были осведомлены. Императором французов был в то время Наполеон III. Он знал, что может удержаться на троне только если ослепит своих подданных честолюбивой внешней политикой. Его двор вскоре стал местом свиданий изгнанных мексиканских клерикалов. Императрица Евгения познакомилась с молодым мексиканским дипломатом, обладавшим даром очаровывать дам, Хосе Мануэлем Идальго. Этот последний имел в Мексике поместья, конфискованные либералами, и, чтобы получить их обратно, стремился к восстановлению власти консерваторов. При посредничестве императрицы Идальго встретился с Наполеоном и представил ему других мексиканских эмигрантов. В Париж приехал Гутьеррес де Эстрада, изгнанный двадцать лет тому назад за защиту монархии и проводивший годы изгнания в великолепном римском дворце за сочинением длинных писем о достоинствах королевской крови, которые он посылал всем, кто не отказывался их читать. В Париж прибыли также лидеры клерикалов, Франсиско Хавьер Миранда, епископ Пуэблы Лабастида и помощ-

ник Санта-Аны по Техасской войне генерал Альмонте, который во время последней диктатуры Санта-Аны был назначен послом в Испанию, а теперь, не сумев за долгую карьеру, богатую мятежами и интригами, добиться поста президента, надеялся получить его с помощью иностранцев. Наполеон выслушивал это странное сборище фанатиков и авантюристов, и в мозгу его зрел грандиозный план. Он реабилитирует принцип монархии и нанесет удар либерализму, защитив латинскую цивилизацию от наступающих англо-саксов. Мексика должна быть возрождена католическим принцем, поддерживаемым французскими штыками, который создаст великую латинскую империю от Техаса до Панамы. Гражданская война в Соединенных Штатах предоставляла благоприятную возможность для осуществления этого плана.

Мексиканцы нашли влиятельного союзника в лице сводного брата Наполеона, герцога де Морни, игрока, биржевого спекулянта и законодателя мод. Морни вступил в товарищество с Жеккером, который обещал ему за политическую поддержку 30% своих облигаций. Посол Наполеона в Мексике Дюбуа де Салиньи был орудием Морни. Сообщения, посылавшиеся ему Салиньи, и уверения мексиканцев, живших в Париже, привели Наполеона к убеждению, что мексиканский народ примет французскую армию с распростертыми объятиями. Ему охарактеризовали либералов, как банду воров и убийц, преследующих и грабящих католическую нацию. Чтобы достигнуть благосостояния, Мексике нужно-де только честное правительство. Ежегодный доход ее, как сообщили Наполеону, составляет 50 млн. песо, а нормальные расходы — только 20 млн. Почему же в таком случае Мексика не может заплатить своим кредиторам? Объяснить это можно только тем, что остаток в 30 млн. украден Хуаресом. Французская армия будет принята с единодушным восторгом и без труда установит монархические учреждения. После тщательного рассмотрения кандидатур всех безработных принцев Европы было решено предложить мексиканскую корону эрцгерцогу Максимилиану, младшему брату австрийского императора и члену Габсбургского дома.

Поэтому, когда после оккупации союзниками Вера Крус Салиньи потребовал 12 млн. песо наличными, он не

рассчитывал на то, что деньги эти будут выплачены. Это требование было просто предлогом, чтобы вовлечь Хуареса в войну против союзных держав. Англичане и испанцы поняли, что Наполеон старается обманом заставить их участвовать в нарушении суверенитета Мексики. В феврале Мануэль Добладо, министр иностранных дел в правительстве Хуареса, беседовал с генералом Примом. Добладо поблагодарил его за протянутую руку помощи и вежливо разъяснил, что правительство Хуареса в иностранной помощи не нуждается. Что еще может Мексика сделать для своих гостей? Прим признал, что они явились в Мексику, чтобы получить свои долги, и под нажимом со стороны Добладо официально заявил, что не имеет никакого намерения воевать с Мексикой или с ее правительством. Англичане согласились присоединиться к этому заявлению, но Салиньи продолжал настаивать на своих требованиях. Тем временем в Вера Крус прибыла новая французская армия под командованием генерала Лорансе и с ней — генерал Альмонте, объявивший себя временным президентом. В апреле англичане и испанцы решили покинуть Мексику. Французы готовились к походу на Мехико и выражали удивление, почему не начинается обещанное эмигрантами национальное восстание против тирании Хуареса. Когда Маркес с отрядом грязных и полуголых герильерос явился во французский лагерь, Альмонте заявил, что это — начало бури. Французы, видя, как недисциплинированы и плохо вооружены войска Маркеса, пришли к выводу, что 6 тыс. европейских солдат могут овладеть всей страной. Они пошли на Пуэблу, где, как заверил их Салиньи, священники должны были встретить их облаками фимиама, а девушки вешать им на шею венки из цветов.

В Пуэбле стояла мексиканская армия под командованием Игнасио Сарагосы,— армия бывших партизан, руководимая генералами-самоучками и вооруженная ружьями, которые англичане захватили у Наполеона I при Ватерлоо, а Мексика закупила у них в правление Гвадалупе Виктория. Но Лорансе не принял мер предосторожности. Дойдя до Пуэблы, он решил бросить своих солдат на центр мексиканских укреплений, через ров и кирпичную стену по крутым склонам Серро де Гвадалупе. Ему выпало на долю обогатить мексиканский календарь еще

одним национальным праздником. 5 мая 1862 г. французская армия, потеряв более тысячи человек, была отброшена назад, к Орисабе и побережью.

Наполеон стал понимать, что если он обманул англичан и испанцев, то сам был обманут мексиканскими эмигрантами; но он слишком глубоко увяз, чтобы уйти. В Мексику было послано еще 30 тыс. солдат под командованием генерала Форе. Последний лишил Альмонте звания президента и усеял страну прокламациями. Французы, писал он, пришли помочь мексиканцам, их единственная цель — содействовать возрождению Мексики. Семь месяцев Форе оставался на побережье, а Хуарес лихорадочно готовился к обороне. Лишенный таможенных доходов, он ввел подоходные налоги и принудительные займы и призвал весь мексиканский народ взяться за оружие. Но результаты принесли разочарование. Страна была истощена и апатична. Основные силы мексиканской армии, 30 тыс. чел., находились в Пуэбле под командованием Гонсалеса Ортеги. Игнасио Комонфорт, вернувшийся из изгнания для борьбы за национальную независимость, вел маневренную войну. В начале 1863 г. Форе ушел с побережья, и 16 марта осадил Пуэблу. Ортега сделал город неприступным для атаки, но, несмотря на все усилия правительства, снабдить его продовольствием для долгой осады было невозможно; попытки Комонфорта помочь городу оказались безуспешными. Не прошло и двух месяцев, как мексиканцы начали умирать с голоду. К 16 мая все животные в городе были съедены, а боеприпасы использованы. Ортега сдался, и французы вступили в Пуэблу, где городское духовенство приветствовало их, как освободителей. Мексиканская армия была послана в Вера Крус для отправки во Францию, но нескольким офицерам, в том числе Ортеге и Порфирио Диасу, удалось бежать.

Хуарес объявил, что будет защищать Мехико; но эта задача была просто невыполнима. У него было только 14 тыс. солдат и ни одного генерала, на которого можно было бы положиться. 31 мая Хуарес, его правительство и остатки мексиканской армии покинули столицу и отправились в Сан-Луис-Потоси. Через неделю прибыли французы, а 10 июня Форе официально вступил в столицу. Священники торжественно приветствовали французские

войска, престарелые и позабытые консерваторы, заседавшие в кабинетах Бустаманте, Паредеса и Санта-Аны, вышли из своих потайных мест, чтобы также приветствовать захватчиков, а леперос, которых французские офицеры напоили вином, бросали венки и букеты, купленные на французские деньги. Форе заверил Наполеона, что ему устроили восторженную встречу. День-два спустя восторг духовенства остыл, ибо Форе выпустил прокламацию, гарантировавшую собственность владельцев церковных имуществ, из которых многие оказались французскими гражданами. Духовенству стало ясно, что ему не вернуть своих сокровищ и асиенд. Теперь мексиканские клерикалы в свою очередь обнаружили, что они обмануты. Оказалось, что Наполеон послал свою армию через Атлантический океан не только для борьбы за святое дело веры. Приглашая французов в Мексику, Лабастида, Миранда и Гутьеррес де Эстрада не спросили их, что они сделают, когда прибудут туда. Теперь Форе был хозяином города. Когда священники пригрозили закрыть церкви, он заявил, что откроет церковные двери пушками. Все, что осталось от консервативной партии, было созвано на собрание нотаблей, которое немедленно предложило корону Максимилиану.

В октябре делегация эмигрантов во главе с Гутьерресом де Эстрадой посетила эрцгерцога Максимилиана в его замке Мирамаре и предложила ему стать императором Мексики. Но Максимилиан настаивал, чтобы за это предложение проголосовал народ. Тогда Базен, заменивший Форе на посту французского главнокомандующего, получил инструкции добиться благоприятного плебисцита. Французские армии, оккупировавшие центральные провинции, двинулись на север. Хуарес, вновь ставший символом конституционного правительства, бежал из Сан-Луис-Потоси в Сальтильо, а из Сальтильо в Монтерей. Здесь он вторгся во владения Сант-Яго Видаурри, а Видаурри счел более выгодным для себя высказаться за Максимилиана, чем отдать Хуаресу доходы от таможен Пиедрас Неграс. Атакованный Добладо и Ортегой, которые сами недавно пытались заставить Хуареса уйти в отставку, он был оттеснен через границу, в Техас, откуда затем отправился в Мехико. Тем временем французы упорно продвигались вперед. К марту 1864 г. власть Хуареса распространялась

только на дальний север. Комонфорт был убит в бою, а другие либеральные генералы стали спасаться бегством в Соединенные Штаты. На юге Хуан Альварес был еще хозяином провинции Герреро, а Порфирио Диас оставался губернатором Оахаки. Но большинство городов принадлежало французам. И повсюду они приговаривали либералов к военному суду или терроризировали их иными средствами и организовывали плебисциты за Максимилиана. Последнему сообщили, что он подавляющим большинством голосов избран императором Мексики. В апреле он принял корону и назначил Альмонте заместителем до своего приезда в Мексику.

4. Максимилиан

В сеть, сплетенную изгнанными клерикалами и их покровителем императором, попался теперь человек, которому было суждено искупить преступления, совершенные его хозяевами. Клерикалы жаждали возвращения своих конфискованных поместий, а Наполеон хотел, чтобы ему оплатили издержки интервенции.

Максимилиан совершенно не обладал качествами, необходимыми для создания диктатуры или основания династии. Мягкий и нерешительный, слабый, когда нужно было проявить силу, и упрямый, когда следовало поддаться убеждению, он обладал всей беспомощностью тех, кто родился во дворце и чьей жизнью всегда руководили умелые бюрократы. Господствующей чертой его характера была гордость предками — Габсбургами — и стремление не опозорить их, и те, кто умел играть на этой струне, могли повести его по любому выгодному для них пути.

Теперь сентиментального венского принца сделали императором пылких мексиканцев. Он должен был сокрушить политическую партию, которая недавно одержала решающую победу в гражданской войне, заплатить Наполеону — из пустой казны — за издержки французского вторжения и принести мир и порядок народу, не имеющему даже зачатков административного аппарата.

Но Максимилиан был слишком поглощен заботой о славе Габсбургов, чтобы заранее ознакомиться с той ролью, которая выпала ему на долю. Когда в последнюю минуту

он заколебался, Наполеону стоило лишь намекнуть, что Максимилиан изменяет ему, и пригрозить отдать добычу другому — и Максимилиан немедленно согласился поехать в Мексику и позволил Наполеону диктовать свои условия. По Мирамарскому соглашению Наполеон обещал, что французские войска останутся в Мексике до конца 1867 г., а Максимилиан обязался выплатить до последней копейки всю ту сумму, которую французы уже потратили на интервенцию, т. е. 270 млн. франков, или 1000 франков в год на каждого французского солдата, остававшегося в стране после прибытия Максимилиана, а также долги, причитавшиеся Англии, Франции и Испании в 1861 г., и жеккеровские обязательства. На непосредственные расходы — поскольку было признано, что мексиканское правительство, возможно, придется несколько перестроить, прежде чем оно сможет начать посылать серебро во Францию, — французские банкиры взялись распродать выпуск ценных бумаг мексиканского правительства на номинальную сумму в 114 млн. песо. Но свыше трети этой суммы было удержано банкирами, как учетная ставка, и еще четверть осталось в Европе, как проценты по мексиканскому долгу. Таким образом, Максимилиан начал свою деятельность в роли императора Мексики с того, что утроил ее внешний долг.

Ни Наполеон, ни Максимилиан не хотели понять всей чудовищности подобных условий. Возбужденные воспоминаниями о богатствах, завоеванных Кортесом для Габсбургов — предков Максимилиана, оба они охотно поддались обману мексиканских эмигрантов. Мексика была в их глазах каким-то Эльдорадо. «Я даю вам,— сказал Наполеон своей жертве,— трон на груде золота». Максимилиан посетил папу и получил его благословение, но не пришел с ним к соглашению по вопросу о церковных имуществах. Потом, дав Идальго подходящее к его наклонностям назначение мексиканским послом в Париж и попрощавшись с Гутьерресом де Эстрадой, намеревавшимся наблюдать за судьбами мексиканской монархии с удобной позиции в своем римском дворце, Максимилиан отплыл в Новый свет.

Он верил, что едет по просьбе мексиканского народа. Он никогда не спрашивал, как проводился плебисцит. Он

даже написал Хуаресу, приглашая его сотрудничать. Ему хотелось бы, писал он, обсудить политическое положение с «тем, кто до сих пор является законным руководителем страны и чьи патриотические чувства эрцгерцог не перестает ценить». Главным его занятием по дороге было составление руководства по придворному этикету на 600 страницах.

Разочарования Максимилиана и его жены Карлотты начались в тот день, когда они достигли Вера Крус. Никто не встретил их, и императорская чета печально пообедала на пароходе. Вечером приехал Альмонте, перепутавший время их прибытия, и по пустым, безлюдным улицам императора повезли на вокзал. Вера Крус был городом либеральным, а либералы, как теперь начал обнаруживать Максимилиан, не принадлежали к числу тех «миллионов избирателей», которые, по данным французских чиновников, пригласили его в Мексику. Энергичный отказ от сотрудничества, полученный через день или два от Хуареса, вероятно, увеличил его смятение. «Можно, сударь, — писал президент Мексики из своей штаб-квартиры в Монтерее, — посягать на права других, захватывать их добро, покушаться на жизнь тех, кто защищает свою национальность, делать преступления из их добродетелей и добродетель из собственных пороков, но существует грозный суд истории, который произнесет приговор над всеми этими беззакониями». Примерно в то же время в горах Герреро была выпущена прокламация, быть может, так и не дошедшая до Максимилиана. «Я еще жив, жители побережья,— заявил Хуан Альварес,— я, который всегда вел вас на борьбу с тиранами».

Путешествие в глубь страны едва ли утешило императора. Бóльшую часть пути пришлось проделать по запущенным дорогам, в каретах, запряженных мулами, потому что железная дорога была проложена лишь на одном участке длиной в несколько миль. Сломанное колесо, перевернутая карета были нормальными явлениями. Когда Максимилиан и Карлотта добрались до Гвадалупе и склонили колена перед изображением святой девы, духовенство и богатые креолы вышли из столицы, чтобы их приветствовать. Их проводили во дворец, где еще не были готовы апартаменты. Потом их перевели в старый испанский

замок Чапультепек, где они жили, окруженные кипарисовыми садами ацтека Монтесумы.

Консерваторы вскоре обнаружили, что ошиблись в выборе. Этот габсбургский принц был также — мексиканским клерикалам с их романтическими представлениями о королевской крови это казалось непостижимым парадоксом,— чем-то вроде либерала. Максимилиан намеревался сделать опорой своего престола модерадос и убедил некоторых из них, во главе с бывшим приверженцем Гомеса Фариаса Хосе Фернандесом Рамиресом, войти в его правительство. Он отказался вернуть духовенству конфискованные поместья и намеревался даже объявить свободу совести. В ноябре в Мексику прибыл папский нунций с приказом требовать полной отмены законов Реформы. Максимилиан и Карлотта, по очереди и одинаково безуспешно, спорили с ним. В конце концов он был отпущен, а в Рим послана делегация. Делегаты прожили в Риме целый год, не заключив никакого соглашения с папой и не проявив к этому ни малейшего стремления. Тем временем, так как опыт ничему не научил клерикалов, возникла угроза пронунсиаменто против Максимилиана. Он послал Мирамона и Маркеса с поручениями в Европу, но духовенство резко осуждало его. Оппозицию возглавлял Лабастида, для которого Максимилиан добился места архиепископа Мехико, а Гутьеррес де Эстрада, в промежутках между сочинением писем на сотнях страниц с советами Максимилиану, поощрял духовенство в его оппозиции.

Если клерикалы предали Максимилиана, то предал его и Наполеон. Максимилиан не имел власти над французской армией. Базен получал приказы из Франции, и тратил деньги без счета, так как по его счетам предстояло платить мексиканскому казначейству. Своим высокомерием и открытым презрением к мексиканцам он усугублял затруднения Максимилиана. Становилось ясно, что мексиканская казна никогда не сможет заплатить по навязанным ей фантастическим обязательствам. Наполеон бранил Максимилиана за расточительность и неумение вести дела, чиновников — за нечестность, вообще считал виноватыми всех, кроме самого себя. Для управления мексиканскими таможнями и экономии сумм для уплаты процентов по французскому долгу в Мексику были посланы фран-

цузские чиновники, а министерство финансов контролировали французские банкиры. Вскоре Максимилиан оказался фактически бессильным.

Жалобы Наполеона имели основания. Стало очевидно, что Максимилиан не создаст порядка из мексиканского хаоса. Вначале, пока еще шли поступления по французскому займу, он беспечно тратил деньги, расходуя огромные суммы на перестройку и меблировку Чапультепека и на роскошные подарки Альмонте, Идальго и Гутьерресу де Эстрада. За первые полгода Максимилиан дал 70 завтраков, 20 банкетов, 16 балов и 12 приемов, а его расход на вино превысил в первый год 100 тыс. песо. Он нанял придворного живописца, который написал с него семь портретов. Он собирался финансировать создание театра и академии наук. Он начал украшать Мехико и намеревался соединить Чапультепек с городом широким бульваром. Задача правительства в его представлении заключалась в издании законов. Он наслаждался проектами реформ и проводил время, сочиняя законы и рассылая их министрам для юридической обработки. Свод законов империи разросся до семи томов. Среди них имелись законы, устанавливавшие систему школ по образцу немецких гимназий. Были выработаны законы об отмене пеонажа, которые, разумеется, не снискали Максимилиану любовь его консервативных сторонников. Он сочинил тщательно разработанный кодекс правил для флота, который надеялся построить когда-нибудь в будущем, и мечтал захватить республики Центральной Америки и расширить свою империю до Панамы.

Максимилиан и Карлотта решительно не желали поддаваться разочарованию. Все, говорили они, — за исключением дорог, — гораздо лучше, чем они ожидали. Однако нищета и беспорядок пугали их. В стране все еще не было мира. Партизаны — сторонники Хуареса — совершали набеги на долину Мехико и вели бои на окраинах столицы. Когда однажды в 4 часа утра индейцы треском хлопушек чествовали святую деву, Максимилиан и Карлотта в Чапультепеке в испуге проснулись, думая, что замок обстреливают хуаристы. Борьба клик среди креольских генералов и риторика креольских адвокатов внушали им отвращение. С туземным населением, решили они, многого не достиг-

нешь. Мексику может возродить только европейская иммиграция. Все же они пытались отождествлять себя со своей приемной родиной. Они говорили «мы, мексиканцы», одевались в мексиканское платье и требовали, чтобы им готовили мексиканскую пищу. Максимилиан провозгласил себя даже представителем независимости Мексики. 16 сентября он посетил Долорес и произнес хвалебную речь в память Идальго. Его письма к матери и братьям полны чрезмерных похвал новой родине. Максимилиан старался убедить родных в том, что, эмигрировав в Мексику, он поступил мудро и стал великим королем. Он говорил им о будущем, которое ожидает Америку, превозносил ее свободу по сравнению с консерватизмом, снобизмом и гниением «старой Европы». Мексика, заявлял Максимилиан, опередила Европу на несколько поколений.

Пока у Максимилиана были деньги, он мог обеспечить себе поддержку охотников за чинами. Более 100 тыс. мексиканцев ходатайствовали о местах в аппарате империи. Из них многие являлись, в теории, приверженцами Хуареса. Им нужно было жить, а государственные должности были в Мексике почти единственным средством существования для среднего класса. После падения империи Хуарес намеревался опубликовать имена тех, кто просил должностей у Максимилиана. «Если вы опубликуете этот список,— ответил ему Лердо,— то либеральная партия перестанет существовать».

Тем временем Базен продолжал наступать. В сентябре он захватил провинции Нуэво-Леон и Коагуилу, оккупировав за несколько недель территорию, равную по площади всей Франции. День независимости Хуарес отпраздновал гонимым беглецом в горах Дуранго. Он бежал в Чигуагуа, а оттуда через пустыню в Пасо дель Норте[1], на границе Соединенных Штатов. Доблацо и Ортега нашли убежище в Нью-Йорке. Если не считать Лердо, ставшего министром иностранных дел, Хуарес остался почти в полном одиночестве. В феврале Базен повернул на юг и отбил город Оахаку у Порфирио Диаса, капитулировавшего со всей армией. Только на дальнем севере признавали власть Хуареса. В горах Герреро и Мичоакана, особенно

[1] Теперь Сиудад-Хуарес (город Хуареса).

в старой крепости Игнасио Район, долине Ситикуаро, действовали партизанские отряды. Остальные области не приняли Максимилиана открыто. 30 тыс. французских солдат не всегда могли защищать от гнева хуаристов тех, кто пошел на соглашение с империей. Но открытое сопротивление к весне 1865 г. почти прекратилось.

Однако именно этой весной произошел поворот. Ибо в апреле 1865 г. главнокомандующий южан генерал Ли сдался в Аппоматтоксе Гранту, и американская гражданская война закончилась победой Севера. Еще один расчет Наполеона потерпел крах. Американское правительство решило изгнать французов из Мексики. При содействии Матиаса Ромеро, посла Хуареса в Вашингтоне, оно начало сосредоточивать войска вдоль Рио-Гранде. Одновременно оставлялись склады боеприпасов в удобных местах, где ими могли завладеть хуаристы. Армии Хуареса начали расти. Американский государственный секретарь Сюард требовал у Наполеона эвакуации французских войск. Сюард был в свое время одним из самых видных сторонников захвата Мексики, но теперь он стремился к «дружбе» с ней. Удалив французов и завоевав доверие мексиканцев, Сюард рассчитывал проложить путь для экономического проникновения США в Мексику. Он понимал, что этого требуют американские интересы.

Наполеон оказался в ловушке. Его подданные во Франции энергично возражали против мексиканской авантюры. Он не мог пойти на войну с Соединенными Штатами. В Европе возникла новая угроза для Франции и для династии, ибо Пруссией управлял теперь реалистически мыслящий Бисмарк. Французская армия скоро потребуется на родине. Ни Мексика, ни Максимилиан ожиданий не оправдали, и оставалось только ликвидировать всю затею. Наполеон обещал Сюарду, что французские войска уйдут из Мексики. Базену были посланы инструкции сделать последнее энергичное усилие, чтобы разбить Хуареса, после чего готовиться к возвращению во Францию. Максимилиан, надеялся Наполеон, покинет Мексику вместе с французами.

В надежде на скорое окончание войны Базен заставил Максимилиана принять крайние меры. В октябре 1865 г. было издано постановление о расстреле всех пойманных с

оружием в руках противников империи. Максимилиана убедили санкционировать декрет, после того как было получено ложное сообщение, что Хуарес покинул свой пост и отправился в изгнание. Жертвой этого кровавого декрета вскоре оказался Артеага, главнокомандующий армией патриотов центра и один из наиболее уважаемых генералов Хуареса. Против Максимилиана поднялась буря всеобщего негодования. Но французы продолжали одерживать победы, и затруднения Хуареса были усугублены новым осложнением. Срок его президентства истекал осенью 1865 г. По конституции, в случае если не происходило выборов, президентом становился председатель верховного суда. Авторы конституции не предвидели иноземного вторжения, которое сделало выборы невозможными. Гонсалес Ортега написал Хуаресу, требуя поста президента. Но Ортега отказался от борьбы с интервентами и последнее время жил в Нью-Йорке. Кроме того, не было уверенности, что он не встанет на путь компромисса с империей. На письмо Ортеги Хуарес ответил коротко: «Нет еще, мой друг». Вскоре Ортега был объявлен преступником за оставление поста. Когда он выехал на мексиканскую границу, американское правительство его арестовало.

В марте 1866 г. Базен начал отступление. Его войска оставили Монтерей, Сальтильо и Тампико. По мере отступления французов формировались армии Хуареса для освобождения страны. На северо-востоке ими командовал Эскобедо, на северо-западе — Корона и Рива Паласио, в Мичоакане — Регулес. Тем временем Порфирио Диас, находившийся после капитуляции в заключении в Пуэбле, бежал в Герреро к Альваресу, а оттуда в горы Оахаки, где стал организовывать партизан. Постепенно было создано кольцо неуклонно растущих отрядов, которые стали двигаться на столицу.

Максимилиан, не веривший, что Наполеон действительно изменил свои намерения, послал в Париж своих эмиссаров и среди них Альмонте; он отозвал Идальго, которого заподозрил в пренебрежении своими обязанностями, ибо тот, получив обратно конфискованные поместья, всецело отдался развлечениям парижского общества. Идальго приехал в Мексику в страхе, что его схватят хуаристы. Он никогда не выезжал из столицы, не вооружившись до

зубов, и в конце концов ускользнул в Вера Крус, где сел на первый же пароход, отходивший в Европу. К июлю 1866 г., когда французы заявили, что они эвакуируются в течение полутора лет, перед Максимилианом встал вопрос об отречении. Правда, в его империи формировалась мексиканская армия, пополнявшаяся австрийскими и бельгийскими добровольцами, но деньги на финансирование этой армии дал только Базен — и то вопреки желанию Наполеона. Максимилиан колебался, но Карлотта отказывалась признаться в неудаче. Отречение, заявила она, было бы трусостью. Она вызвалась ехать в Париж для переговоров с Наполеоном.

Она добралась до Парижа в августе. Императрица Евгения старалась не допустить ее к Наполеону. Она уверяла, что Наполеон болен и не может никого принять, но Карлотта заявила, что, если будет нужно, она ворвется во дворец силой. Карлотта видела Наполеона три раза, и каждый раз он не мог ничего обещать. Тогда она выехала в Рим просить помощи у папы. Но в Риме у нее начали проявляться все более заметные признаки душевного расстройства, и пришлось вызвать ее брата, который увез ее в Бельгию.

Империя Максимилиана теперь состояла лишь из Мехико, Пуэблы, Керетаро и Вера Крус. Наполеон убеждал Максимилиана отречься от престола, предвидя, что если Максимилиан останется в Мексике после ухода французов и с ним произойдет несчастье, то вина падет на Францию. Наполеон надеялся, что можно еще спасти что-нибудь из обломков крушения. Базен получил инструкции вступить в переговоры с Гонсалесом Ортегой или Порфирио Диасом и, если возможно, передать власть не Хуаресу, а одному из них — в обмен на признание французского долга. В октябре Максимилиан написал декларацию об отречении и стал пересылать свой багаж в Вера Крус. Сам он отправился в Орисабу, где прожил шесть недель, изучая ботанику и энтомологию, не в состоянии решить, что делать дальше. Приверженцы Хуареса с презрением спрашивали, какой император потратит шесть недель на погоню за бабочками!

Максимилиану покидать Мексику не хотелось; к тому же консерваторы еще намеревались его использовать. Они

надеялись избежать победы Хуареса или, по крайней мере, достигнуть с ним компромисса. Они заявили Максимилиану, что он потерпел неудачу из-за доверия к модерадос и французам, но что туземная монархия может еще иметь успех. Маркес и Мирамон вернулись в Мексику, готовые снова сражаться за дело «веры и привилегий», а Гутьеррес де Эстрада продолжал посылать из Рима письма, в которых убеждал Максимилиана, что отречение было бы позором. Но главным агентом консерваторов был немецкий иезуит Фишер. Этот интриган умел влиять на Максимилиана. Фишер организовывал восторженные демонстрации, пытаясь доказать, что мексиканский народ желает иметь Максимилиана своим императором, и постоянно говорил, что отречение запятнает честь Габсбургов. В конце ноября Максимилиан окончательно принял решение остаться. Он намеревался организовать избрание конгресса, который определит форму правления в Мексике, и выразил готовность принять его приговор; пока же был образован консервативный кабинет, Максимилиан продолжал надеяться на победу.

Базен предпринял последнюю попытку убедить Максимилиана отречься. Когда же тот отказался, Базен решил немедленно уехать; при этом, чтобы воздействовать на Максимилиана, он уничтожил пушки и боеприпасы, которых не мог взять с собой. В феврале 1867 г. Базен покинул Мехико, а в марте отплыл из Вера Крус. При Максимилиане осталось 15—20 тыс. мексиканских солдат и кучка европейских добровольцев. Мирамон и Мехиа обосновались в Керетаро, а другая императорская армия находилась в Пуэбле. Керетаро окружали подходившие с разных сторон Эскобедо, Рива Паласио и Корона, а на Пуэблу шел Диас. Столичные консерваторы, стремясь избежать новых разговоров об отречении, убедили Максимилиана поехать в Керетаро и принять верховное командование. 13 февраля Максимилиан, сопровождаемый Маркесом и Сант-Яго Видаурри, выехал из Мехико.

Эскобедо был близ Керетаро, а отряды Короны и Рива Паласио медленно подходили к городу. Единственной надеждой сторонников империи была внезапная атака на Эскобедо, которая облегчалась тем, что Керетаро, построенный в окруженной низкими холмами долине, был неприспособлен для обороны. Мирамон был за атаку, но Маркес,

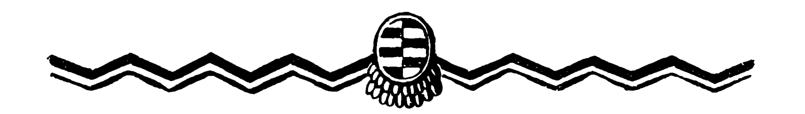
которому Максимилиан больше доверял, настаивал на выжидании. Пусть отряды Хуареса сконцентрируют силы, тогда их всех можно будет сокрушить одним ударом. Таким образом, 8—9 тыс. сторонников империи ждали, пока 40 тыс. патриотов не сошлись у города и не окружили его. После 6 марта подвоз продовольствия был отрезан, а гонцы, посланные Максимилианом, попали в плен и были повешены. Тогда было решено, что Маркес и Видаурри пробьются через неприятельские войска с 1200 солдат и отправятся в Мехико за подкреплениями. Маркесу были даны диктаторские полномочия и право уволить консервативных министров, которые, как заявил Максимилиан, были просто толпой «трусливых старых баб». Маркес должен был вернуться с солдатами, деньгами, отцом Фишером и привезти Максимилиану книги, фортепианные ноты и запас бургундского. Когда Маркес дошел до Мехико, он повернул на восток, чтобы помочь осажденной Пуэбле; но 4 апреля Диас, услышав о приближении Маркеса, взял Пуэблу штурмом. Через неделю Маркес, медленно отступавший, был настигнут и разгромлен. С несколькими всадниками он покинул остатки своего отряда и бежал в Мехико, который вскоре был осажден Диасом.

В Керетаро иссякало продовольствие. Эскобедо предложил Максимилиану охранную грамоту, но тот отказался покинуть своих сподвижников, предпочитая погибнуть в бою, чтобы не опозорить род Габсбургов; но ни одна шальная пуля его не задела. Неразлучными товарищами Максимилиана были теперь немецкий авантюрист принц Сальм-Сальм и мексиканский офицер Мигель Лопес. Было решено, что в полночь на 14 мая армия пробьется из окружения и уйдет к индейцам Мехии в горы Сьерра Горды. За час до этого срока Лопес уговорил Максимилиана дать приказ о задержке выступления. Лопес жаждал спасти собственную шкуру. Он предложил Эскобедо отдать город за взятку и устное обещание, что Максимилиану дадут возможность бежать. В три часа утра Лопес впустил хуаристов в окопы, которыми командовал, и Хуарес без борьбы овладел городом. На заре колокола в городе звонили в знак победы либералов, а хуаристы распевали свою песенку «Мама Карлотта», пародию на любимую песенку императрицы «Ла палома».

Хуарес решил, что Максимилиан должен подвергнуться той участи, на которую он обрек других октябрьским декретом 1865 г. Семь офицеров судили Максимилиана военным судом и приговорили к смерти. Половина королей Европы просила о помиловании Максимилиана, но Хуарес был непоколебим. Иностранные интервенты должны были получить урок на будущее. 19 июня Максимилиан, Мирамон и Мехиа были расстреляны на Холме Колоколов. Через несколько дней Мехико сдался Порфирио Диасу, Видаурри был расстрелян как изменник, а Леонардо Маркес, после нескольких побегов, пробрался в Гавану, где стал ростовщиком. Бенито Хуарес, в темном сюртуке и черной карете, во второй раз с триумфом въехал в Мехико.

Весть о казни Максимилиана дошла до Парижа во время всемирной выставки, когда императрица Евгения собиралась награждать призеров медалями. Наполеону и Евгении удалось задержать сообщение до следующего утра и довести церемонию до конца. Через три года наполеоновская империя потерпела бесславное поражение от пруссаков под Седаном, а Базен с армией в 173 тыс. чел. сдал Мец почти без единого выстрела.

ГОСПОДСТВО ДИАСА

1. Хуарес и Лердо

Из людей, свергнувших Санта-Ану и добившихся победы либералов в трехлетней войне, мало кто остался с Хуаресом. Окампо, Дегольядо и Комонфорт были убиты, Альварес, Добладо и Мигель Лердо де Техада умерли своей смертью, Прието, ставший на сторону Гонсалеса Ортеги, впал в немилость. Рамирес вскоре порвал с Хуаресом, объявив его диктатором. Ближайшим товарищем Хуареса, которому президент доверял больше, чем кому-либо иному из своего окружения, сделался Себастьян Лердо де Техада. Но и сам Хуарес действовал более решительно, чем в 1861 г. Он попрежнему верил в демократию, но в то же время стремился усилить исполнительную власть и дать Мексике сильное правительство. Он смотрел на эту задачу без иллюзий, зная, что выполнение ее будет медленным и трудным. Когда общество, подобно нашему, заявлял он, имело несчастье пройти через годы сильных потрясений, оно насквозь проникнуто пороками, глубокие корни которых нельзя уничтожить сразу за один день.

Хуарес не достиг своей конечной цели. Он отказался от попытки превратить индейцев в крестьян-собственников. Пока он оставался президентом, эхидос индейских крестьян, несмотря на закон Лердо и конституцию 1857 г., оставались в безопасности.

Хуарес был переизбран президентом в 1867 г. В течение его пребывания у власти ему мешала раскольническая оппозиция в конгрессе. Не желая нарушать свободу конгресса, он все же был вынужден вмешиваться в выборы. За это противники называли его диктатором. Но вопрос заключался не в том, будет ли голосование свободным, а в том, будет ли его контролировать федеральное правительство или местные касики и правительства штатов. Пока в

центральном правительстве господствовали реакционеры, местные касики представляли элемент демократии. Теперь, когда Мексикой правили либералы, касикизм был анахронизмом, грозившим стране распадом и гражданской войной. Отныне президент становился национальным касиком. Мексика жила в мире, когда президент господствовал над местными главарями.

Хуарес поручил казначейство Матиасу Ромеро, бывшему послу в Вашингтоне. Сбалансировать бюджет было, однако, невозможно. Интервенция дала повод для неуплаты иностранного долга; внутренний долг, накоплявшийся со времени «Грито де Долорес», дошел до 300 млн. песо.

Постепенно начали развиваться промышленность и торговля, хотя контроль над ними попрежнему большей частью принадлежал иностранцам. Наряду с другими пережитками средневековья законы Реформы смели гильдейскую систему, душившую промышленное развитие устарелой регламентацией. Церковные капиталы находились в обращении, как и оставленные французскими захватчиками 300 млн. франков. Хуарес строил железные дороги. Английские инженеры довели до конца железнодорожную линию Вера Крус — Мехико, строительство которой было задумано еще в 1837 г. Эта дорога, поднимающаяся на 9 тыс. футов с прибрежной равнины на высокий горный кряж, охраняющий плоскогорье, пересекающая ущелья и огибающая пропасти,— одно из наиболее сложных и эффектных достижений мирового железнодорожного строительства,— была открыта для движения в 1873 г. Наибольшее внимание Хуарес уделял делу просвещения индейцев, в чем, быть может, и заключалась главная причина его антиклерикализма. После падения империи Хуарес занялся составлением проекта системы светского образования, в надежде, что оно когда-нибудь станет всеобщим. Детали проекта было поручено разработать комитету под руководством Габино Барреды, ученого, побывавшего в Париже и познакомившегося там с Огюстом Контом. Иезуитский коллеж Сан-Ильдефонсо был преобразован в Национальную подготовительную школу, предназначенную для подготовки учителей, а городским советам и владельцам асиенд приказали строить начальные школы. Успехи все же были медленными. К 1874 г. в Мексике насчитывалось только

около 8 тыс. школ, где обучалось до 350 тыс. учеников, тогда как в стране имелось почти 2 млн. детей школьного возраста. Благодаря Барреде позитивизм Конта стал официальной доктриной, лежащей в основе школьной системы. Хуарес ничего не знал о духовном развитии Европы. Он полагался на Барреду, а тот заверял его, что система Огюста Конта представляет лучшее, что может дать Европа. Так сухая позитивистская вера была навязана юному поколению Мексики. Учение Конта о иерархии и авторитете имело пагубные последствия. В среде интеллигенции, которой следовало бороться за свободу, оно послужило оправданием диктатуры Порфирио Диаса. Однако большое значение, которое позитивисты придавали точным наукам, научило, быть может, мексиканцев меньше полагаться на красноречие и больше уважать факты.

Тем временем начала расцветать национальная литература, освобожденная от борьбы политических партий. Игнасио Альтимирано, некогда один из непреклонных борцов за либерализм и депутат конгресса, стал главой мексиканских писателей, которых он собирал вокруг себя. Рива Паласио, внук Висенте Герреро, командовавший отрядами в войне с французами, стал лучшим из исторических романистов Мексики, а Ороско-и-Берра, величайший из ее историков, начал писать свое классическое исследование истории Мексики до Кортеса.

Но Мексике еще не было суждено достигнуть мира. Либералы окончили войну с армией в 90 тыс. чел. Хуарес распустил две трети солдат по домам без пенсий и без единого слова благодарности. Во время правления Хуареса бывшие солдаты несколько раз поднимали мятежи, которые были беспощадно подавлены генералом Состенесом Роча.

Недовольство бывших солдат разделяли фанатики-якобинцы, считавшие Хуареса изменником делу свободы, провинциальные касики, которым не нравилось централизованное правительство, и остатки разгромленных клерикалов. Руководителем этих разнородных и разноголосых мятежных элементов стал Порфирио Диас. Диас сражался за дело либералов в надежде, что его заслуги будут вознаграждены. В отличие от Окампо или Дегольядо, он не был способен на преданность. В июле 1867 г., когда Хуарес вступал в Мехико, Диас, потратив большие суммы на цветы

и знамена для украшения города, выехал навстречу ему в Тлалнепантлу. Хуарес встретил его холодным поклоном и поехал в город один. Только Лердо, ехавший в следующей карете, предложил Диасу место рядом с собой. Хуарес не дал Диасу ничего, кроме генеральского чина, и Диас, отказавшись вести войска на усмирение своих бывших солдат, вышел в отставку и вернулся в Оахаку. Осенью он выставил свою кандидатуру в президенты против Хуареса. Потерпев поражение, он посвятил ближайшие четыре года выращиванию сахарного тростника, так как рассчитывал, что, обнаружив отсутствие честолюбия, он повысит свой престиж. Тем временем его друзья энергично организовывали партию его сторонников — «порфиристас».

В 1871 г. должны были состояться очередные выборы президента. Хуарес добивался переизбрания на четвертый срок, и крики о диктатуре усилились. Хуарес, говорили в Мексике, так долго был символом конституции, что стал считать ее своей собственностью. Против него выдвинули свои кандидатуры Диас и Лердо. Последний в течение восьми лет был неразлучным спутником президента, и либеральная партия раскололась на группы хуаристов, порфиристов и лердистов. Лердо создал группу своих приверженцев среди чиновничества и губернаторов штатов, а представителем его в конгрессе стал Ромеро Рубио, который когда-то был самым крайним из радикалов, а теперь разбогател на скупке церковных имуществ. На выборах не получил большинства ни один из трех кандидатов. В Мичоакане запугивание избирателей вызвало восстание, но виновные чиновники были лердистами, а восставшие граждане хотели голосовать за Хуареса. Выбор был предоставлен конгрессу, который избрал Хуареса президентом, а Лердо стал председателем верховного суда.

Избрание Хуареса послужило сигналом к мятежу. Порфиристы попытались произвести государственный переворот в Мехико. Брат Порфирио Феликс, губернатор Оахаки, организовал восстание на юге, а касики областей, расположенных вдоль горной цепи от Соноры до Теуантепека, высказались за Диаса; но Состенес Роча быстро навел порядок: расстреляв в столице 200 повстанцев, он покорил Оахаку, где был убит Феликс Диас, и прогнал касиков

обратно в горы. Порфирио Диас потерял все. Переодевшись священником, он бежал на север к Лосаде, вождю полунезависимых племен в горах Найярит. К весне 1872 г. мятеж Диаса был подавлен, и вся область подчинилась Хуаресу. Казалось бы, Мексике предстояло насладиться периодом мира и реформ. Но вечером 18 июля Хуарес умер от разрыва сердца.

Президентом стал Лердо, который осенью был единогласно избран на полный четырехлетний президентский срок. Сторонники Хуареса перешли на его сторону. Либералы, порвавшие с Хуаресом, поддерживали Лердо, а консерваторы были довольны, что президентом стал креол. Лердо объявил амнистию порфиристам, и Диас, тщетно пытавшийся поднять новый мятеж, вернулся на свои сахарные плантации.

Однако Лердо скоро лишился почти всей своей популярности. Ни один президент Мексики не проявил столь глубокого непонимания методов управления страной. Человек широко образованный, одаренный быстрым и тонким умом, превосходной памятью и выдающимся ораторским талантом, Лердо в то же время был ленив, высокомерен и самонадеян.

В 1876 г. Лердо объявил, что намерен добиваться переизбрания на второй срок. Тогда Диас решил больше не ждать, тем более что благодаря контролю над администрацией Лердо мог без труда получить законное большинство голосов. В январе порфиристы провозгласили так называемый Тустепекский план с лозунгами «действительное избирательное право» и «никакого переизбрания». Во многих штатах выступили отставные солдаты — участники войны за Реформу, — недовольные либералы и воспрянувшие духом охотники за чинами. Диас собрал деньги и людей в Соединенных Штатах, причем американское правительство не чинило ему препятствий. Лердо восстановил против себя американских дельцов, не разрешив владельцам американских железных дорог продолжать свои линии по территории Мексики. Между силой и слабостью, заявил он, должна лежать пустыня. Отныне позиция Соединенных Штатов стала решающим фактором всех мексиканских революций. Со времени Тустепекского плана ни одно восстание в Мексике не терпело неудачи, если имело возможность

использовать в качестве операционной базы территорию Соединенных Штатов, и ни одно не одерживало победы, если ему не сочувствовало правительство США.

Армия Лердо была, повидимому, способна сокрушить порфиристов. Когда Диас захватил Матаморос, Эскобедо отогнал его в Техас. Переодевшись доктором-кубинцем, Диас сел на пароход, отправлявшийся в Вера Крус, а там сумел прокрасться на берег и добраться до Оахаки. Потерпев поражение, он финансировал свою армию посредством конфискаций. Внезапно одно неожиданное событие изменило все положение. В то время когда ряд штатов находился еще в состоянии мятежа, Лердо провел выборы и объявил себя переизбранным. Председатель верховного суда Иглесиас признал выборы недействительными и сам стал претендовать на пост президента. Ряд лердистов поддержал Иглесиаса. В октябре Диас и Мануэль Гонсалес нанесли поражение лердистскому генералу Альяторре в сражении у Текоака, и дорога на столицу была открыта. 21 ноября Лердо отказался от борьбы. Он выехал из Мехико в Акапулько, а оттуда в Соединенные Штаты. В тот же день Диас торжественно вступил в город и, отстранив Иглесиаса, объявил себя временным президентом. В декабре Иглесиас, разбитый у Керетаро, последовал за Лердо в изгнание.

2. Создание диктатуры

Авторы Тустепекского плана утверждали, что целью его была защита конституционного правления. Этот план поддерживали такие интеллигенты, как Игнасио Рамирес и Рива Паласио, в глазах которых Диас был воплощением мексиканской демократии. Однако этот план дал Мексике такого могущественного владыку, какого она еще никогда не знала. Порфирио Диас правил страной в течение последующих 34 лет — если не считать перерыва в четыре года — и заменил конституцию личной диктатурой.

Реформа имела две цели: установить демократическую форму правления и дать толчок экономическому развитию Мексики. При Хуаресе сочетались обе эти цели. Во времена Диаса первая была принесена в жертву второй. По мнению защитников режима Диаса, демократия была в

Мексике невозможна, ибо на практике она означала бы анархию и господство провинциальных касиков. Диас повел борьбу со всеми оппозиционными элементами, превратившись в национального касика и связав воедино разнородные элементы мексиканского населения принципом верности президенту. Только диктатор, говорили апологеты Диаса, может установить мир, а без мира нельзя развивать богатства Мексики. Без экономического же развития невозможны просвещение, социальные реформы и защита национального суверенитета от посягательств со стороны Соединенных Штатов.

Диас легко убедил себя, что Мексике нужен владыка. Даже Хуаресу случалось вмешиваться в выборы. Но Диас не обладал таким кругозором, как руководители Реформы. Индеец-мистек с небольшой примесью испанской крови, полуграмотный — до конца жизни он не умел правильно писать по-испански,— с грубыми манерами, он дал волю обуревавшей его жажде власти.

Руководящий принцип диктатуры Диаса выражался фразой «pan ó palo» (хлеб или дубинка). Всем опасным элементам, даже своим заведомым личным врагам, Диас предлагал власть, престиж и возможность обогащения. Как он цинично заметил, собака с костью в зубах не кусает и не крадет. Если противники отказывались от предложения, он беспощадно уничтожал их. Диас поощрял соперничество и раздоры между различными группами, которые он приблизил к правительству, чтобы они не могли объединиться для дворцового заговора или государственного переворота; в то же время он сохранял популярность среди мексиканского народа, предоставляя своим подчиненным нести ответственность за тиранию и несправедливости. Подобная программа неизбежно означала прекращение социальных реформ.

Диасовская «политика примирения» имела целью не постоянное благополучие мексиканской нации, а контроль над тем, чтобы отдельные группировки не становились опасными для диктатуры. Различные группы, затевавшие в течение последнего полувека планы и пронунсиаментос — землевладельцы, духовенство, генералы, касики, иностранные капиталисты, жаждавшая чинов буржуазия, интеллигенция и даже разбойничьи атаманы, — все были превра-

щены в преданных приверженцев дона Порфирио. При распределении милостей ни с чем остались только крестьянские и пролетарские массы, которые, не имея руководства, не обладали и средствами для защиты своих интересов. Смысл диктатуры заключался в том, что волчьим стаям было предложено, вместо того чтобы драться друг с другом, как они поступали с момента установления независимости, сообща напасть на овчарни. Мир, достигнутый такими средствами, едва ли мог быть постоянным. А когда одряхлевший диктатор был свергнут, накопившийся гнев масс прорвался, приняв форму социальной революции. Диас открыл формулу для прекращения гражданской войны, и впервые со времени установления республики Мексика смогла заняться своим экономическим развитием. Самые гибельные ошибки Диас совершил не столько в своей политической программе, сколько в способах стимулирования этого развития. Желая привлечь капиталы из-за границы, он роздал национальные ресурсы Мексики иностранным предпринимателям. Намереваясь превратить Мексику в капиталистическую страну, он допустил, чтобы у индейцев были отняты те земли, которыми они еще владели. Индустриализация вводилась в совершенно неподготовленной стране беспощадно и необдуманно, без всякого плана, без каких бы то ни было попыток смягчить приносимое ею зло. Национальный доход и доходы правительства увеличились в огромной степени, но преемникам Диаса пришлось взять на себя сложную и трудную задачу уничтожить многое из того, что сделал Диас. Им пришлось восстановить национальную собственность на те богатства, которые Диас раздарил иностранцам, и, освободив индейцев от пеонажа, снова превратить их в самостоятельных крестьян.

Диас умел быть терпеливым и во время своего первого президентского срока заботился о том, чтобы не оттолкнуть своих сторонников внезапной узурпацией власти. Без разбора осыпая милостями хуаристов, лердистов и порфиристов, он вновь объединил под своим руководством различные группировки расшатанной либеральной партии. Ему удалось нейтрализовать армейских генералов и провинциальных касиков, натравливая их друг на друга. Честолюбивые генералы назначались в такие области, где у

них возникали конфликты с губернаторами штатов, а недовольные губернаторы оказывались под надзором генералов, которым Диас мог доверять. Когда в 1879 г. в Вера Крус был открыт лердистский заговор, Диас телеграфировал губернатору Мьер-и-Терану, требуя, чтобы заговорщики были немедленно казнены. Мьер-и-Теран тотчас же расстрелял 9 человек, не имевших никакой связи с заговором.

К концу срока президентства Диас имел возможность назначить себе преемника. Он разжег соперничество между своими наиболее видными помощниками, поощряя в каждом из них надежду на пост президента, а затем бросил добычу Мануэлю Гонсалесу, военному, дравшемуся бок о бок с ним против французов во время тустепекской революции. Гонсалес был его другом, и Диас мог полагаться на то, что в 1884 г. Гонсалес вернет ему пост президента. Быть может, он догадывался, что даже если сам Гонсалес не устоит перед искушением во второй раз выставить свою кандидатуру, то вряд ли мексиканский народ, прожив под его управлением четыре года, отнесется к этому одобрительно.

Правление Гонсалеса было самым скандально-продажным правлением в Мексике со времен Санта-Аны. Гонсалес был простоватым наемником, конкистадором, для которого нравственность начиналась и кончалась щедростью по отношению к друзьям и храбростью по отношению к врагам. Завоевав пост президента, он намеревался насладиться плодами победы, забирая себе и раздавая своим сообщникам асиенды, взятки и правительственные заказы. Тем временем его министр фоменто Карлос Пачеко, ранчеро из Чигуагуа, принялся необдуманно и поспешно стимулировать экономическое развитие. Американцам, строившим железные дороги, щедро раздавались концессии, причем никто не заботился о том, чтобы дороги, которые они намеревались строить, приносили пользу мексиканцам, в то время как правительство обязалось платить от 6 до 9 тыс. песо за каждый километр построенного пути. Компаниям по торговле недвижимостью было разрешено обмерять общественные земли и оставлять треть обмеренной площади себе в частную собственность, остальное же на льготных условиях продавалось генералам, политическим деятелям и американ-

ским капиталистам. Это привело не только к отчуждению большей части земель, представлявших подлинную собственность правительства — 125 млн. акров, т. е. четверти всей площади республики, — но также и к постепенной экспроприации многих из тех индейских деревень, которые, несмотря на испанское завоевание, посягательства помещиков и закон Лердо, сохранили еще экономическую независимость. Некоторые из них, обрабатывавшие свою землю с незапамятных времен, еще до прихода испанцев, не имели документов на владение ею, а другие были неприкрыто ограблены компаниями по торговле недвижимостью. По новому горному кодексу от 1884 г. уголь и нефть принадлежали владельцам земли, так что, раздавая свои общественные земли, правительство раздавало и ценные залежи в их недрах. Этот кодекс изменял старые испанские законы, согласно которым все ископаемые являлись собственностью государства. Американский капитал устремился в Мексику, и доходы правительства увеличились, но расходы, разбухшие вследствие субсидий железным дорогам и взяточничества бюрократов и генералов, росли еще быстрее. Над казной нависла тень ахиотистас. Гонсалес отдавал им в залог государственное имущество и занимал деньги по высоким процентным ставкам у Мексиканского банка, контролируемого французскими финансистами. Он намеревался создать Мексике кредит за границей, признав английский долг в 91 млн. песо, который со времени интервенции страна отказывалась признавать. К концу президентского срока Гонсалеса правительство было на грани полного финансового краха, а в Мехико постоянно возникали и жестоко подавлялись мятежи. В 1884 г. президентом Мексики снова был избран Диас. Конгресс предпринял расследование финансовой деятельности правительства Гонсалеса. Диас терпел расследование достаточно долго, чтобы окончательно подорвать репутацию Гонсалеса, а потом замял дело, дав Гонсалесу доказательство дружеской преданности.

Вторично завладев властью, Диас намеревался на этот раз удержать ее в своих руках. Пришла пора забыть Тустепекский план с его обещаниями демократического избирательного права и лозунгами против переизбрания президента. Диас и его министр финансов Мануэль Дублан взялись за работу, чтобы предотвратить финансовый

кризис. Они снижали жалованье служащим, аннулировали закладные на государственное имущество и консолидировали внутренний долг. Несмотря на всеобщее негодование, они подтвердили соглашение Гонсалеса с Англией, убедив английских займодержателей лишь понизить процентную ставку. В то же время они продолжали продавать общественные земли, субсидировать железные дороги и подкупать политических противников раздачей должностей, монополий и правительственных заказов. Это была долгая и опасная игра на повышение национального дохода, и успех ее был обеспечен только 10 лет спустя. Но эта политика соответствовала целям Диаса, поскольку служила оправданием диктатуры. Проводя предложения через запуганный конгресс, закрывая газеты, выступавшие против признания английского долга, Диас заявлял, что спасает Мексику от гибели.

Во время второго правления Диаса в кабинете выдвинулся новый его сторонник и обозначились новые тенденции в «политике примирения». Ромеро Рубио, бывший политический уполномоченный Лердо, эмигрировал в 1876 г., но вернулся в Мексику и примкнул к Диасу, предоставив в его распоряжение свой выдающийся талант политического интригана. Лердо, объяснил он, сошел с ума, и он боится, что эта болезнь окажется заразительной. Диас женился на дочери Ромеро Рубио, Кармен, или Кармелите. Ромеро Рубио стал при Диасе министром внутренних дел. Он заправлял конгрессом и контролировал полицию, а владение незаконными игорными домами в столице давало ему возможность содержать корпус брави, при помощи которого можно было запугивать политических противников, недосягаемых для судебной процедуры.

Рубио, подобно многим своим товарищам, был либералом, пока желал поживиться церковным имуществом. Но богатство и власть вознесли его теперь в сферу креольской аристократии. Кармелита была воспитана в католическом духе, и после свадьбы ее духовник устроил Диасу встречу с архиепископом Лабастидой. Была достигнута тайная договоренность о том, что назначения на церковные должности будет представляться на одобрение Диаса, но зато законы Реформы не будут проводиться в жизнь. Были вновь открыты женские и мужские монастыри и — посред-

ством всевозможных юридических фикций — церковь снова начала накапливать имущество. От этой сделки выиграл главным образом Диас. Благодарное духовенство использовало свое влияние, чтобы проповедывать повиновение диктатору. Оно знало, что антиклерикальные законы остаются в силе, и Диас, если пожелает, может провести их в жизнь. Когда в начале XX в. небольшая часть мексиканского духовенства стала выступать за социальные реформы, католическая верхушка позаботилась о том, чтобы церковь не делала ничего такого, что могло бы восстановить против нее правительство. Таким образом, духовенство отказалось от возможности присоединиться к народному делу и опять, как во времена испанских королей, стало орудием деспотизма. Для мексиканской церкви эта сделка оказалась гибельной.

Во время вторичного пребывания на посту президента Диас настолько усилил свою власть над страной, что оппозиция стала невозможной. Уроком его соперникам послужила судьба генерала Гарсиа де ла Кадена, который замышлял мятеж и был убит в Сакатекасе местными чиновниками. Других честолюбивых главарей рано или поздно также постигла внезапная смерть. Корона, один из героев войны с французами, был убит каким-то сумасшедшим. Доказательств участия Диаса во всех этих делах не было; но начали поговаривать, что стремление стать президентом — болезнь со смертельным исходом. Приближенным, которые обнаруживали желание получить пост президента, даже собственному тестю, Диас намекал на преждевременную смерть Гарсиа де ла Кадена. В то же время верность Диасу была выгодна. Количество должностей и торговых монополий, находившихся в распоряжении президента, непрестанно росло. Оппозиция же, если и не кончалась роковым образом, всегда обходилась дорого. Диас умел строить налоговые таблицы таким образом, чтобы врагам его режима приходилось платить огромные суммы.

Губернаторы штатов стали орудиями диктатуры. Натравливание их на генералов попрежнему давало требуемые результаты. На северо-востоке, где когда-то Сант-Яго Видаурри правил почти независимым княжеством, генерал Бернардо Рейес держал в узде генералов Тревино и Наранхо, получивших при Гонсалесе посты губернаторов. Впо-

следствии, когда Рейес получил пост губернатора Нуэво-Леона и стал приобретать популярность, Диас нажал на противоположную чашу весов и стал восстанавливать влияние генерала Тревиньо. Там, где нельзя было применить этот способ, выборы губернатора штата объявлялись незаконными и подвергались ревизии федерального конгресса, подчинявшегося Диасу. Так все губернаторы штатов оказались ставленниками президента. Многие из них переизбирались почти с тем же постоянством, как и диктатор, а другие передавали свой пост родственникам. В награду за верность им позволяли тиранить подчиненных, убивать политических противников и приобретать асиенды, питейные монополии и незаконные игорные дома. Таким образом, Реформа, вместо того чтобы уничтожить старый феодализм, закончилась созданием нового. Наряду с креольскими асендадос выросла новая метисская знать из бывших либеральных главарей. Все 27 губернаторов штатов подражали Диасу, а им, в свою очередь, подражали 300 политических главарей, «хефес политикос», и 1800 председателей муниципалитетов, господствоваших над местной администрацией. Их непопулярность служила для диктатуры дополнительной гарантией безопасности. На фоне большинства местных чиновников Диас казался образцом честности и гуманности. Никто не захотел бы заменить Диаса кем-нибудь из его губернаторов.

Контроль Диаса над правительствами штатов был настолько всепроникающим, что выборы превратились в пустую формальность, и члены конгресса всегда были ставленниками Диаса. Он лично подготовлял список лиц, которых желал наградить местами в конгрессе, и рассылал этот список чиновникам на места. В список включались все, кому случалось заслужить милость президента. Депутатское место было предоставлено, например, зубному врачу, которого Диас однажды вызвал, чтобы лечить больной зуб. Особое предпочтение оказывалось уроженцам родного штата Диаса Оахаки. Все, кто не угодил диктатору, на следующих выборах исключались из списка членов конгресса. Иногда происходили ошибки, и в список вносились имена лиц, которых уже не было в живых. Но, несмотря на все это, внешние формы избирательного права всегда тщательно соблюдались. Впрочем, многие избиратели скоро перестали

принимать участие в голосовании, так как имена избранных были известны еще до выборов. В одном штате, чтобы сохранить видимость энтузиазма избирателей, заполнять бюллетени было поручено заключенным, сидевшим в тюрьме штата.

Согласно конституции, судьи назначались верховным судом, а верховный суд избирался таким же образом, как и президент. Такой порядок облегчал Диасу господство над судебной системой. Общее правило, установленное Диасом, заключалось в том, чтобы по судебным процессам иностранцев, особенно американцев, всегда выносились благоприятные приговоры, а богатые и чиновные мексиканцы выигрывали тяжбы, пока пользовались благосклонностью диктатора. Для крестьян и пролетариата правосудия не существовало. Армия комплектовалась путем принудительных наборов, и человек из низшего сословия, которому на свою беду случалось обидеть какого-либо крупного чиновника, сразу же зачислялся на военную службу. Уголовные преступники, — а эта категория охватывала всех, кто противился тирании местных хефес политикос или алчности местных землевладельцев, — высылались в Кинтана Роо или в Национальную долину в Оахаке, где их продавали плантаторам и где, работая на каторге от зари до зари под тропическим солнцем, они обычно умирали в течение года. Волнения в сельских местностях Мексики были прекращены очень простым приемом — превращением бандитов в полицейских. Знаменитые руралес, сельская полиция Диаса, с украшенными серебром седлами, в широкополых фетровых шляпах, серых мундирах с красными галстуками и серебряными пуговицами, превратили Мексику в одну из самых безопасных стран мира — для всех, кроме мексиканцев. Впервые в истории Мексики бандитизм почти совершенно исчез, но бывшие бандиты, щеголявшие теперь в мундирах государственной полиции, могли совершенствовать свои старые профессиональные наклонности за счет крестьян. По обычаю «лей фуга» (закона о бегстве) этим бандитам было разрешено расстреливать заключенных, а потом заявлять, что они были убиты при попытке к бегству. При режиме Диаса «лей фуга» применялся более 10 тыс. раз.

Правило «хлеб или дубинка» позволило Диасу завоевать поддержку интеллигенции. Бюрократический аппарат

непрерывно расширялся. С 1876 по 1910 г. фонд жалованья, уплачивавшегося правительством, возрос на 900%. Мексиканская буржуазия с радостью соглашалась служить диктатору за изрядные регулярно выплачиваемые оклады. Ни один интеллигент не был независим от правительства. Образование, если не считать нескольких католических школ и семинарий, контролировалось государством. Диас субсидировал всю прессу, даже оппозиционную, которую он использовал, чтобы подрывать положение тех членов правительства, которые становились чересчур популярными. Несколько редакторов осмелилось напасть на самого диктатора, но поплатилось за это тюремным заключением. Установленное конституцией право передавать дела об оскорблении в печати в суд присяжных было отменено еще Гонсалесом. Отныне журналистов можно было осуждать за клевету и пропаганду решением одного судьи. За пределами Федерального округа ничья жизнь не была в безопасности, и несколько журналистов было убито губернаторами штатов. Как только журналисты становились опасными, Диас отправлял их в зараженную тифом Белемскую тюрьму или в затопленные водой темницы Сан-Хуан де Улоа. Филомено Мата, поддерживавший Тустепекскую революцию, сидел в тюрьме 34 раза. В результате в стране не было серьезной идеологической оппозиции диктатуре, а следовательно, не велось идеологической подготовки к революции.

Тем временем дело завоевания, начатое некогда Кортесом, быстро приближалось к концу. Началось покорение индейских племен, которые при вице-королях и при республике фактически были независимы. Их земли стали собственностью креольских и метисских помещиков или американских капиталистов, а сами индейцы были низведены до положения пеонов. На этот раз завоевание оправдывали не на языке религии, а на языке экономических законов. Теперь его требовал не христианский бог, а новое божество, чье имя было прогресс и чьи апостолы не проявляли и сотой доли того благоволения и милосердия, какие иногда обнаруживали францисканцы и иезуиты. Экспроприация тех индейских деревень, которые устояли против посягательств компаний по торговле недвижимостью, совершилась при помощи закона Лердо, который было приказано проводить

в жизнь в 1888 г., а затем в 1902 г. Как и в 1856 г., раздробление индейских «эхидос» на частновладельческие участки позволило креолам и метисам разворовать их или скупить на льготных условиях. Сопротивлявшихся этому индейцев высылали или расстреливали. В Идальго некоторых из них закопали по горло в землю, которую они пытались защитить, а потом по ним галопом проскакал отряд руралес. В нескольких местностях началась открытая война. Лосадо, племенной вождь Найярита, который призывал к истреблению белых и восстановлению ацтекской державы, был устранен еще в правление Лердо.

При Диасе завершилась, наконец, долгая расовая война на полуострове Юкатан. Племена майя, которых не покорили Франсиско де Монтехо и испанские вице-короли и которые в 40-х годах XIX в. стали наступать на белых, были фактически обращены в рабство. В 1901 г. Викториано Уэрта окончательно покорил их. Хозяевами полуострова сделались 50 креолов-плантаторов во главе с губернатором штата Олегарио Молиной, которому принадлежало 15 млн. акров, а 100 тыс. индейцев работали на колонизаторов.

В 80-х годах велась также война с племенем яки, жившим в Соноре. Яки владели плодородными долинными землями, привлекавшими богатых креолов. Последние утверждали, что яки используют земли нерентабельно, тогда как они, креолы, могут разбить на этих землях хлопковые и рисовые плантации. Под руководством Кахеме, солдата, сражавшегося в рядах либералов во время войны за Реформу, яки взялись за оружие и ушли в горы, где одерживали победы над всеми посылавшимися против них отрядами, пока в конце концов голод не заставил их сдаться. Губернатор Соноры Рамон Корраль после разговора с пленным Кахеме к своему удивлению обнаружил, что имеет дело не с угрюмым и тупым дикарем. Кахеме получил образование и обладал талантом к военному руководству. Тем не менее, Корраль расстрелял его, а его сторонников продал по 75 песо за голову на плантации Кинтана Роо. На этом сам Корраль и его преемник Луис Торрес нажили состояние. Несмотря на то, что восстание было подавлено, продажа яки практиковалась до 1910 г. Под палящим солнцем Кинтана Роо яки быстро вымирали.

Как бы эффективны ни были политические методы Диаса, обеспечить стабильность диктатуры мог только излишек в казне. В 80-х и 90-х годах в Мексику устремился поток капиталов из Европы и Соединенных Штатов, и все отрасли экономики развивались поразительно быстро. До конца столетия было проложено более 9 тыс. миль железных дорог. Добыча рудников, увеличившаяся благодаря применению нового цианидового процесса и открытию свинцовых и медных залежей, выросла с 30, приблизительно, миллионов песо в 1880 г. до 90 с лишним миллионов в 1900 г. На новых плантациях выращивались сахар, кофе, пенька, хлопок, каучук и тропические плоды. Текстильные фабрики в Вера Крус, железоделательные и сталелитейные заводы в Нуэво-Леоне положили начало промышленному перевороту в Мексике. Годовой объем мексиканской внешней торговли, составлявший в 70-х годах 50 млн. песо, к концу XIX в. превышал 200 млн. Доходы непрерывно росли, но в 80-х годах расходы росли еще быстрее. Признание английского долга дало Диасу возможность занимать деньги за границей, но по прежним высоким процентам и учетным ставкам.

В 1892 г. в результате плохого урожая и обесценения серебра на мировом рынке казна снова оказалась в затруднительном положении. Этот год был тяжелым для диктатуры Диаса, так как он был отмечен также оживлением политической оппозиции. В 1888 г. Диас переизбрал себя без соблюдения формальностей, но в 1892 г. происходили демонстрации с требованиями свободных выборов. Диас решил сделать демократический жест. Была организована новая партия — «либеральный союз», и хотя партийный съезд выполнил свою функцию, заключавшуюся в выдвижении кандидатуры Диаса для переизбрания, руководителям партии было позволено критиковать диктатуру. Хусто Сьерра произнес сенсационную речь, в которой заявил, что мексиканский народ жаждет справедливости. Либералов уговорили поддержать Диаса, убедив их, что иначе наступит анархия, но им внушали, что диктатура — только временная мера и что вскоре будет дарована свобода печати и суда. Пока же непримиримые враги диктатуры томились в тюрьме в Мехико или подвергались действию «лей фуга» в провинциях.

После того как Диас был переизбран, он забыл о свободе печати и суда и возобновил борьбу с финансовым кризисом. В 1893 г. пост министра финансов был передан молодому человеку — Хосе Ивесу Лимантуру, который теперь пожинал плоды долгой борьбы, начатой Хуаресом и Ромеро и продолженной Диасом и Дубланом. В 1894 г. Мексика впервые в истории своего независимого существования добилась сбалансированного бюджета при расходах в 41 млн. песо и доходах в 43 млн. К 1910 г. доходы федерального правительства достигли суммы в 110 млн. песо, а доходы штатов и муниципалитетов, составлявшие во времена Хуареса 11 млн. песо, повысились до 64 млн. Весь излишек за последние 16 лет диктатуры составил 136 млн. песо, причем больше половины этой суммы оставалось в казначействе в качестве наличного резерва. Отныне Диас и его сторонники были уверены, что мир обеспечен. Теперь они могли без труда подкупать всякую оппозицию, а если у них все же возникала нужда в деньгах, то правительство, пользовавшееся кредитом за границей, могло на льготных условиях получать займы.

3. Диктатура на вершине

Вступление Лимантура в правительство отмечает начало возвышения новой группы — «людей науки» (сиентификос). Сиентификос представляли поколение, выросшее после Реформы. Мечта о свободе и равенстве, вдохновлявшая Хуареса и Окампо, казалась им наивной утопией. Общественный организм, который, подобно мексиканскому, находится в зачаточном состоянии, говорили они, так же неспособен воспринять свободу, как губка не в состоянии впитать в себя бифштекс. Но, высмеивая иллюзии революционного либерализма, они сами были апостолами новой иллюзии — иллюзии прогресса благодаря одной лишь науке. Их учителями были Огюст Конт и Герберт Спенсер. Превыше всего они ценили материальное развитие, измеряемое продукцией рудников и заводов и длиной железных дорог и телеграфных линий, — такое развитие, какого достигла Мексика при Диасе. Они считали мексиканцев отсталым и варварским народом, который нуждается в том, чтобы его силой повели по пути цивилизации. Мекси-

кой должны править белые люди. Ее должен цивилизовать иностранный капитал.

Организатором группы сиентификос был Росенда Пинеда, помощник министра внутренних дел Ромеро Рубио. Пинеда хотел разжечь политическое честолюбие своего начальника, собрав вокруг него самых способных из молодых адвокатов и интеллигентов, таких людей, как Лимантур, Пабло и Мигель Маседо, Хоакин Касасус, Рафаэль Рейес Спиндола и Франсиско Бульнес. Все эти люди одобряли диктатуру. Впоследствии некоторые из них превратились в банкиров, промышленников и адвокатов корпораций, а другие стали губернаторами штатов или заняли должности в правительственном аппарате. Диаса окружили способные экономисты и умелые интриганы, определявшие политику правительства и служившие главными посредниками в навязывании Мексике англо-саксонского капитала. Некоторые из них стали миллионерами и по мере того, как возрастали их богатство и власть, начали стремиться к полному политическому и экономическому господству над страной. Они всегда были скорее кликой, чем политической партией, ибо не имели поддержки в населении. Напротив, большинство мексиканского народа от всего сердца ненавидело их. Внутренний кружок сиентификос состоял из 15—16 человек. Руководителем его после смерти Ромеро Рубио, последовавшей в 1895 г., стал Лимантур.

Несмотря на то, что сиентификос только идеологически обосновывали программу Диаса и извлекали из нее выгоды для себя самих, их возвышение означало новую тенденцию. Правительство Диаса было первоначально метисским. Сам Диас и большинство членов его правительства и губернаторов штатов были метисами. Политическим идеалом сиентификос было не правление военного героя, а креольская олигархия. Они высказывались за конституционное правительство при условии, чтобы его можно было приспособить к господству креолов. В течение последнего десятилетия диктатуры диасовская администрация все в большей степени становилась креольской, и хотя некоторые новые чиновники были потомками старых выходцев из Испании, многие, подобно самому Лимантуру — незаконному сыну французского авантюриста, искавшего золото в Кали-

форнии, а затем нашедшего более легкий источник наживы в приобретении мексиканских церковных имуществ во время Реформы, — принадлежали к тому слою новых креолов, которые поселились в стране после достижения независимости. С возвышением сиентификос правительство Диаса лишилось своих корней в мексиканской нации и постепенно превращалось просто в агента иностранного капитала.

Под надзором сиентификос администрация стала более энергичной. Но осуждая бесстыдный грабеж, которым отличались прежние правительства, сиентификос умели направлять в свои карманы значительную долю растущего богатства страны. Если они проповедывали честность, то отчасти потому, что были достаточно умны, чтобы наживать состояния, не нарушая законов. Вместо того чтобы присваивать взятки и асиенды грубыми способами военных главарей, они позаимствовали с Уолл-стрит более джентльменские формы подкупа. Мексиканский банк, находившийся теперь в значительной степени под контролем сиентификос, получил возможность наживать непомерные прибыли путем продажи государственных ценных бумаг. Когда Лимантур задумал национализировать железные дороги, скупив для мексиканского правительства 51% их акций, банкирский дом Шерер — Лимантур, одним из владельцев которого был брат министра финансов, приобрел эти акции, чтобы продать их казначейству по повышенной цене. Заключение юридических сделок между правительством и иностранным капиталом было монополизировано адвокатами сиентификос, бравшими за каждую сделку огромную плату.

Под контролем Лимантура благосостояние Мексики — по крайней мере в отражении статистических данных — продолжало стремительно расти. Лимантур отменил алькабалу, этот пережиток колониального периода, мешавший росту внутренней торговли. Он консолидировал внутренний и внешний долг из 5%, и мексиканское правительство стало пользоваться таким доверием за границей, что государственные ценные бумаги вскоре начали продаваться выше паритета. Лимантур разрешил открывать банки во всех мексиканских штатах и позволял им выпускать банкноты на сумму, в три раза превышающую их наличные резервы.

Он облегчил развитие внешней торговли, установив единый золотой стандарт и уничтожив биметаллическую основу мексиканской валюты. Национализировав железные дороги, он предотвратил их концентрацию в руках одной из крупных железнодорожных компаний США. Тем временем строились новые сооружения — гавани, правительственные здания, театры, телеграфные и телефонные линии. В Мехико появились широкие улицы, дворцы и грандиозные общественные здания. На запад, к парку и замку Чапультепек, служившему теперь официальной резиденцией диктатора, шел широкий бульвар, о котором мечтал еще Максимилиан, называвшийся Пасео де ла Реформа, а в новых предместьях, рядом с Пасео, выросли дома сиентификос и иностранных капиталистов. Мехико Диаса гордо именовал себя американским Парижем. И хотя к востоку и северу от площади, в полуразрушенных домах колониального периода и вновь построенных многоквартирных домах-трущобах, в тесноте ютились нищие и пролетарии, деловая часть города и его западные предместья отличались всеми красотами мировой столицы.

Длительный мир и рост буржуазии привели, несмотря на отсутствие свободы, к некоторому культурному развитию. Ничто не нарушало феодального загнивания сельской Мексики, но в городах диктатура продолжала строить школы, и количество неграмотных уменьшалось[1]. Колоссально возрос тираж газет. По мере того как вымирало старое якобинское поколение, поколение Прието и Альтимирано, литература стала утрачивать сознание своей общественной роли и свой мексиканский национализм, но достигла больших успехов в области формы. Во всей Латинской Америке это был век модернистской поэзии того стиля, величайшим мастером которого был никарагуанец Рубен Дарио и который в Мексике был представлен Гутьерресом Нахерой и Амадо Нерво. Среди прозаиков только Хусто Сьерра, романист и историк, непревзойденный в мексиканской литературе мастер испанского языка,

[1] К 1910 г. имелось около 12 тыс. школ, в которых, по крайней мере, по официальным данным, училось около 900 тыс. чел. Но польза, приносимая школами, была незначительна — отчасти потому, что учителям платили ничтожное жалованье, отчасти потому, что дети нередко бывали полуголодными.

остался верен либеральным и националистическим традициям реформы. Сьерра поддерживал Диаса, хотя понимал сущность его диктатуры. Любя свободу, он убеждал себя, что «свобода, подруга львов, — достояние сильных» и что Мексика при Диасе набирает силы. Один из его учеников описывает, как Сьерра по утрам читал студентам Национальной подготовительной школы лекции о прекрасной свободе перикловых Афин, а днем в качестве члена диасовского верховного суда оформлял продиктованные диктатором решения. Но лучше всего представлял дух эпохи историк — сиентифико Франсиско Бульнес, который поставил своей задачей высмеивание национальной гордости Мексики и ее национальных героев.

Если поэзия находила убежище в эмпиреях, то в других видах искусства ярко проявлялось то смешение великолепия и продажности, та мишурная пышность, которая характеризовала диктатуру Диаса. Эти искусства утратили связь с народными традициями и подражали эклектическим стилям, развивавшимся в международном обществе финансового капитала. В Мехико прекрасное здание, копия дворца в стиле итальянского возрождения, служило новым центральным почтамтом, а через улицу, близ того угла Аламеды, где когда-то инквизиция сжигала свои жертвы, возвышалась огромная куча белого мрамора вообще без всякого стиля — новый национальный театр. Живопись была скучным подражанием французскому салонному стилю и в академической манере изображала славные сцены войны за независимость и сражение за Пуэблу, а на площадях всех городов возвышались статуи, представлявшие собой самые скверные образцы викторианского стиля. Национальным героем был теперь Хуарес. Аламеда была украшена большой статуей сидящего Хуареса; еще бóльшая статуя была воздвигнута в Оахаке, где он родился. Типичен для режима Диаса тот факт, что эта статуя была привезена из Италии и сделана итальянским скульптором, который никогда не видал Хуареса и не бывал в Мексике.

Американские дельцы, ценившие милости, щедро раздававшиеся им мексиканским правительством, стали даже поговаривать, что в Вашингтоне нужен свой Диас. У Диаса, говорили они, награждая его высшей из имевшихся в их

распоряжении похвал, кожа коричневая, но душа белого человека.

Но под поверхностью накапливались силы, о которых не имели представления Диас и Лимантур. По мере угасания своих способностей Диас все более утрачивал понимание происходящего. Он еще управлял, но источники его информации были в руках Кармелиты и сиентификос. Добиться беседы с Диасом стоило 3 тыс. песо. Что касается Лимантура, то при всех своих хваленых административных талантах он был не государственным человеком, а финансистом, и если бы не основы, заложенные его предшественниками, он не мог бы добиться и финансового успеха. Лимантур был одним из тех банкиров-экономистов, для которых процветание страны измеряется цифрами, а государственная мудрость состоит в манипуляции бюджетом по всем правилам финансовой игры. В то же время бо́льшая часть мексиканского народа была теперь во имя прогресса осуждена на страшную нищету.

Мексиканский капитализм был надстроен над системой асиенд, при которой почти половина сельского населения была связана долговым рабством. Задача разрушения асиенд и спасения индейцев от пеонажа так и не была разрешена. Об ее осуществлении мечтали самые выдающиеся из руководителей Реформы, но алчность их приверженцев и закон Лердо не дали ей возможности воплотиться в жизнь. Вместо того чтобы разделить церковные асиенды между мелкими собственниками, Реформа только передала их метисам и иностранцам. При Диасе система асиенд фактически укрепилась. Официальная политика правительства попрежнему предусматривала увеличение числа земельных собственников, но оно достигалось не путем раздела крупных поместий, а путем захвата, в соответствии с законом Лердо, индейских общинных земель, а с 1894 г. путем раздачи общественных земель без всякого ограничения размеров участка, присваивавшегося одним покупателем. Количество ранчерос увеличилось на несколько десятков тысяч человек. Но наиболее заметным результатом правительственной политики была концентрация землевладения в невиданных дотоле масштабах. Старым креольским семьям было разрешено расширять свои владения за счет индейских деревень, а в северных штатах

фантастическое количество общественных земель было распределено между лицами, пользовавшимися милостью правительства. В Нижней Калифорнии почти 30 млн. акров было роздано четырем лицам. Один человек получил 17 млн. акров в Чигуагуа, другой — 12 млн. акров на северо-востоке. Семнадцати лицам было роздано 96 млн. акров, т. е. почти одна пятая всей площади республики. Значительная часть распределенной таким образом земли не была пригодна для обработки. Ее владельцы намеревались устроить животноводческие фермы или надеялись найти богатства в недрах. Но общий результат был достаточно серьезен. К 1910 г. почти половина Мексики принадлежала менее чем трем тысячам семей, а из 10 млн. мексиканцев, занятых в сельском хозяйстве, более 9,5 млн. фактически земли не имели. 5 млн. индейцев — жителей свободных деревень, сохранивших независимость еще со времен до испанского завоевания, — были теперь едва ли счастливее тех 4,5 млн. индейцев, которые жили на асиендах. Некоторым из них, особенно в Оахаке, удалось сохранить часть своих общинных земель — эхидос, либо передав права на них своему касику, либо заручившись покровительством диктатора. Но даже они едва ли имели достаточно земли для удовлетворения своих нужд, а большинство индейцев было вынуждено стать батраками на асиендах.

Многие из новых землевладельцев — скотоводческие бароны на севере, владельцы плантаций сахарного тростника в Морелосе, производители кофе и каучука в Чиапасе и пеньки на Юкатане — обрабатывали земли методами капиталистического рационального производства; но снабжение Мексики главными продовольственными продуктами все еще зависело от старых креольских помещичьих семей центрального плоскогорья, презиравших деловые методы. Они попрежнему обрабатывали только незначительную часть своих земель, причем почти теми же способами, как и 300 лет назад. Почва непрерывно истощалась, и процесс этот продолжался уже тысячу лет. Прогрессировала эрозия. Диктатура ничего не делала для развития ирригации и даже раздавала права на воду частным лицам, лишая многих мелких землевладельцев доступа к воде. Она не строила шоссейных путей, а железные дороги прокладывались только там, где это соответствовало интересам эконо-

мического проникновения американцев. Таким образом, Мексика, три четверти населения которой занималось сельским хозяйством, не могла себя прокормить. В последние годы диктатуры, несмотря на то, что покровительственные пошлины на сельскохозяйственные продукты равнялись 100%, страна ввозила продовольствие из-за границы.

Помещики — асендадос жили в Мехико или еще чаще в Париже, извлекая доходы из земель, завоеванных или украденных их предками у индейцев, и оставляя эти земли в ведении наемных управляющих. Они посылали сыновей учиться в иезуитский коллеж Стоунихерст в Англии, а дочерей — во французские монастыри. Когда один-два раза в год они навещали свои поместья, для пеонов устраивался праздник, а помещик и его жена раздавали им подарки. О действительной жизни пеонов, о том, как управляющие избивают и пытают их и заявляют феодальные права на их жен и дочерей, помещики оставались в блаженном неведении. Быть может, ни в одной другой стране положение пролетариата не было столь тяжелым, как в Мексике. Мексиканские сельскохозяйственные рабочие жили при режиме Диаса в нищенских условиях, почти на положении рабочего скота. Их пища состояла почти исключительно из кукурузы, перца и бобов (фрихолес). Они спали в маленьких деревянных или каменных хижинах, постелив соломенные цыновки (петатес) на голой земле. Заболеваемость желудочными болезнями — вследствие загрязненности пищи и питьевой воды, воспалением легких — вследствие крайней скученности, и венерическими болезнями была выше, чем где бы то ни было в мире. Пеоны находились во власти полуязыческих, полукатолических суеверий; они пытались лечить болезни магическими обрядами и тратили значительную часть своих жалких заработков на плату священникам и на церковные свечи[1]. Водка и фиесты были единственным утешением их нищенского существования, и когда деревня церемониальными плясками и взрывами хлопушек отмечала какой-нибудь религиозный праздник, население ее, начиная с малых детей, напивалось до

[1] Эти деньги часто уплачивались священнику непосредственно помещиком или его управляющим, а затем вычитались из заработка пеонов.

беспамятства. Такова была жизнь пеонов начиная с колониального периода; но при Диасе система асиенд распространилась на всю страну, и положение ее жертв стало еще тяжелее. Дневной заработок пеона составлял, как и двести лет назад, от 25 до 40 сентавос в день [1]. Но тем временем банки Лимантура накачивали финансовую систему бумажными деньгами, и цены неуклонно повышались. С 1890 по 1910 г. цены почти на все важные продовольственные продукты возросли более чем вдвое. В 1910 г. реальная заработная плата пеона, в ценах на кукурузу, составляла одну четверть заработной платы, которую он получал в 1800 г. При вице-королях пеоны могли, по крайней мере, жить на свои заработки. При Диасе они медленно умирали с голоду.

В Мексике появился новый пролетариат, подвергавшийся почти такому же угнетению, как и пеоны. Развивался промышленный рабочий класс. На постройке железных дорог, в рудниках и на заводах нужна была рабочая сила, которую прежде владельцы этих предприятий получали, покупая пеонов на асиендах. Лучше оплачиваемый, чем сельскохозяйственный рабочий (городские рабочие получали 4—6 песо в неделю за 12—14-часовой рабочий день), избавленный от изолированного деревенского существования, городской пролетарий усваивал новые идеи. Испанские иммигранты принесли с собой в Мексику учение анархосиндикализма. Предприимчивые мексиканцы уезжали на поиски высоких заработков в Соединенные Штаты и там вступали в организацию Индустриальных рабочих мира. Несколько мексиканских интеллигентов — Рикардо и Энрике Флорес Магон, Антонио Вильяреаль, Диас Сото-и-Гама — начали проповедывать социализм. В течение последнего десятилетия диктатуры появились профессиональные союзы и устраивались стачки. Правительство свирепо подавляло эти первые выступления за права рабочего класса. В Кананеа (Сонора), где находились принадлежащие американцам медные рудники, и на текстильных фабриках Рио-Бланко в Вера Крус, плативших самые высокие дивиденды среди всех хлопчатобумажных фабрик мира, войска стреляли в бастующих и убивали сотни

---

[1] До 1931 г. песо равнялся $1/2$ доллара. В песо — 100 сентавос.

безоружных рабочих, осмеливавшихся выступать против своих хозяев.

Мексиканских патриотов приводили в негодование привилегии иностранного капитала. Туземным капиталистам было трудно конкурировать с иностранцами. Мексика, говорили тогда, стала матерью для иностранцев и мачехой для своих собственных детей. Американские фирмы — Херстов, Гуггенхеймов, Маккормиков, Дохини, «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Анаконда корпорейшн», «Стандард ойл» — владели тремя четвертями мексиканских рудников и более чем половиной нефтяных промыслов Мексики. Им принадлежали плантации сахарного тростника, кофе, хлопка, каучука и маги, а близ американской границы — огромные скотоводческие фермы. Американские капиталовложения в Мексике, которые в 1910 г. превышали миллиард долларов, превосходили весь капитал, принадлежавший мексиканцам. Англичане были заинтересованы в нефти, драгоценных металлах, предприятиях общественного пользования, сахаре и кофе. Текстильные фабрики принадлежали главным образом французам. Испанцы, которых еще ненавидели как гачупинов, почти монополизировали розничную торговлю, приобретали крупные асиенды и владели знаменитыми табачными полями в Национальной долине, где находили смерть тысячи заключенных. Мало кто из иммигрантов приобретал мексиканское гражданство. Иностранцы жили в изоляции, предоставляя все наиболее ответственные и высоко оплачиваемые должности на своих предприятиях соплеменникам, накапливая богатства, которые намеревались в будущем увезти на родину, и открыто выражая презрение к эксплоатируемой ими нации.

Мексиканцы всегда отличались ненавистью к иностранцам. Именно эта ненависть и служила Диасу излюбленным предлогом для оправдания его диктатуры. Свободная печать и свободный суд, говорил он своим друзьям, немедленно сделают положение иностранных капиталистов невыносимым. Мексика же нуждается в иностранных капиталовложениях. Еще более того она нуждается в сноровке иностранцев. Только иностранцы могут построить железные дороги, разработать рудники, ввести новую промышленную технику. Но Диас не защищал мексиканские интересы и

не обеспечивал суверенитет Мексики. Он не требовал, чтобы мексиканцы осваивали новую технику. Иностранцы монополизировали все ответственные должности на новых предприятиях, а мексиканцев использовали только в качестве неквалифицированных рабочих. Диас не защитил мексиканских рабочих от эксплоатации. Иностранному капиталу была предоставлена возможность получать чудовищные прибыли, а мексиканцев, устраивавших забастовки с требованием повышения заработной платы, расстреливали. Мексиканское правительство не следило за строительством железных дорог, прославлявшимся как величайшее достижение диктатуры, и американцы, строившие эти дороги, выбирали маршруты по собственному усмотрению; в результате несколько линий соединяло Мехико с Соединенными Штатами, а по всей остальной территории страны единственным средством сообщения были караваны мулов. Еще более гибельной была политика Диаса в горнозаводском деле. Железные дороги, заводы и предприятия общественного пользования, по крайней мере, оставались в Мексике, но по горному кодексу 1884 г. ее можно было без всякой компенсации лишить нефти. Развитие мексиканской нефтяной промышленности было главным образом делом Эдуарда Л. Дохини, который в 1900 г. по баснословно низкой цене — около доллара за акр — приобрел огромные нефтяные поля в окрестностях Тампико. Другие поля были впоследствии приобретены фирмой Рокфеллера и английской фирмой «Пирсон и сын», главой которой был лорд Каудрей. Некоторые скважины на этих полях могли, без давления и насосов, давать до 50 тыс. барелей в день. Если не считать ничтожного гербового сбора, владельцы мексиканской нефти не платили налогов и могли свободно вывозить свою добычу. Мексика не пользовалась даже преимуществом более низких цен, ибо, несмотря на большие налоги, цены на нефть в Соединенных Штатах были не выше, чем в Мексике.

Эти плоды «политики примирения» — ограбление крестьян, эксплоатация промышленных рабочих и раздача привилегий иностранцам — вскоре вызвали еще более грандиозное потрясение, чем война за независимость и война за Реформу.

4. Падение диктатуры

Пока Диас был у власти, мало кто сознавал, как велики проблемы, оставленные им неразрешенными или созданные им самим. Но по мере того как он старел, его приверженцы с растущей тревогой начинали думать о будущем. Борьба за место президента могла поставить под угрозу все достижения диктатуры. Найти себе преемника должен был сам Диас; но престарелый диктатор отказывался выполнить эту обязанность. За четверть века у него создалась привычка не терпеть близ своего престола никаких соперников, и эта привычка стала его второй натурой. Он не задумывался о том, что будет после его смерти. Пока он был жив, он желал быть первым. Диас обладал несколько мрачным чувством юмора, и тревога услужливых льстецов забавляла его.

Наиболее вероятным преемником Диаса был генерал Бернардо Рейес, губернатор Нуэво-Леона и командующий войсками северо-востока. Рейес был самым дельным из губернаторов Диаса; он превратил Нуэво-Леон в один из наиболее цветущих и передовых штатов страны. В свободу он не верил и беспощадно расстреливал враждебные демонстрации. Однако Рейес провел и некоторые реформы: так, в его правление был принят первый в Мексике закон о заработной плате. Рейес, казалось, был способен продолжать политику Диаса его же методами. Сын его Родольфо, столичный адвокат, организовал партию рейистов, в которую привлекал молодых интеллигентов, не допущенных в клику сиентификос. Родольфо убеждал их — без особых на то оснований, —что его отец даст Мексике бóльшую свободу и больший демократизм.

Сиентификос ненавидели Рейеса. Он был метисом и стал бы править как военный диктатор, а сиентификос мечтали о креольской олигархии. Они хотели, чтобы президентом стал их главарь Лимантур. В начале XX в. Диас, казалось, соглашался уладить вопрос о преемственности. Он сделал Рейеса военным министром, и предполагалось, что Лимантур станет президентом, а Рейес его правой рукой. Одно время Лимантур сблизился с Рейесом. Но вскоре между ними начались ссоры. Рейес стал создавать армейский резерв, и Лимантур заподозрил, что он замыш-

ляет использовать этот резерв для государственного переворота. Родольфо Рейес опубликовал в своей газете статью с нападками на Лимантура. Диас предпочел поддержать Лимантура. Рейес получил отставку и был послан обратно в Нуэво-Леон. Однако если сиентификос считали себя победителями, то вскоре они были выведены из заблуждения. Диас попрежнему имел обыкновение подкапываться под любую группировку, которая становилась слишком сильной. Он стал создавать третью группу, руководимую министром юстиции Хоакином Барандой и губернатором Вера Крус Дехесой. Группа эта представляла старых якобинцев. Баранда, повидимому, поощряемый Диасом, указывал, что, как сын французского гражданина, Лимантур не имеет законного права стать президентом.

Диас беспрепятственно переизбрал себя в 1896 и 1900 гг. Однако в 1904 г. вопрос о преемственности встал с особой остротой. Диас согласился, чтобы на случай его кончины был избран вице-президент, но настоял на том, что сам назначит кандидата. Тогда же срок пребывания президента у власти был продлен до 6 лет. Была организована национально-либеральная партия, и, когда собрался ее съезд, делегаты проявили серьезное беспокойство. Франсиско Бульнес заявил, что стабильность мексиканской национальной жизни и цивилизации зависит от жизни престарелого диктатора. Когда настало время выдвинуть вице-президента, Диас не назвал своего кандидата, и делегаты в смущении молчали. Ни один не осмеливался назвать чье-нибудь имя. Наконец, явился уполномоченный Диаса и заявил, что выбор диктатора пал на Рамона Корраля, который и был избран. Диас объявил, что сам он был избран единогласно, а против Корраля было подано семь голосов.

Корраль был связан со сиентификос, и за его избранием последовало окончательное падение рейистов и «якобинцев». Баранда вышел из правительства, а Мигель Маседо, помощник министра внутренних дел, принялся укреплять влияние группы сиентификос в администрации и усиливать террор против радикальных элементов. Но если назначение Корраля было победой сиентификос, оно явилось также результатом личного выбора Диаса. Корраль был выдвинут отчасти по той причине, что никто не захо-

тел бы устранить Диаса, чтобы сделать президентом Корраля. По отношению к Рейесу Диас испытывал патологический страх. Он был убежден, что если Рейес станет вице-президентом, то его собственная жизнь окажется в опасности. Корраль был деятельным администратором, сурово правил Сонорой и построил несколько школ; но Мексике он был известен главным образом как человек, наживший состояние продажей в рабство индейцев яки. Всеобщая ненависть к Корралю приводила Диаса в восторг. Старый негодяй, смакуя, повторял ходившие насчет Корраля анекдоты и торжественно прибавлял: «Какая жалость, что о таком хорошем человеке так дурно судят!» К тому же он знал, что вице-президент — человек больной, и твердо надеялся пережить его.

Надменно пренебрегая желаниями подданных, Диас возбуждал к себе вражду и за границей. Мощь американского капитала начала тревожить его, и он старался укрепить в Мексике европейские интересы в противовес интересам Соединенных Штатов. Это была его старая игра — натравливать одного врага на другого. Теперь начала получать льготы английская фирма «Пирсон и сын». Вначале эта фирма намеревалась осушить в Мексике озеро Тескоко и соорудить гавани. Затем Диас стал давать ей нефтяные поля, расположенные на общественных землях, и оказывать ей предпочтение перед фирмами Рокфеллера и Дохини. В политических вопросах он также стал проявлять враждебность к Соединенным Штатам. Когда президент Никарагуа Селайя был изгнан из страны революционным движением, поддержанным американцами, его радушно приняли в Мексике. В 1907 г. Вашингтон просил у Мексики сдать США в бессрочную аренду бухту Магдалена в Нижней Калифорнии, чтобы построить морскую базу на случай войны с Японией. Диас соглашался сдать бухту в аренду только на трехлетний срок, до 1910 г. Тем временем Мексику посетила группа японских моряков, которой был оказан самый радушный прием. Американское правительство, возглавлявшееся после 1909 г. президентом Тафтом и представителем «дипломатии доллара» государственным секретарем Филендером Ноксом, до тех пор помогало Диасу, препятствуя мексиканскому революционному движению и высылая мексиканских политических эмигрантов с

территории Соединенных Штатов. Но в 1910 г. политические противники Диаса получили разрешение использовать территорию Соединенных Штатов в качестве операционной базы против Диаса. Официально американское правительство сохраняло дружбу с Диасом, но его действия свидетельствовали, что отныне оно будет приветствовать политические перемены в Мексике.

В 1908 г., впервые после 1876 г., в Мексике возникли серьезные политические споры. Экономическое положение страны было хуже, чем в предыдущие годы. Кризис, охвативший Уолл-стрит в 1907 г., отразился и на Мексике. Лимантур приказал банкам потребовать назад неоплаченные кредиты, и начался процесс дефляции, приведший к большим бедствиям. В 1909 г. был неурожай, и в некоторых сельских районах крестьяне умирали с голоду. Тем временем Диас своим интервью, данным американскому журналисту Крилмену, развязал руки оппозиции. Он заявил, что целью его диктатуры было повести Мексику по пути демократии и что теперь он считает цель достигнутой. Мексика готова к свободе, и он намерен уйти в отставку в 1910 г. Поэтому он будет приветствовать рост оппозиционной политической партии. При этом Диас добавил, проявив полную неспособность понять смысл оппозиции, что будет сам руководить такой партией и поощрять ее. Это заявление было опубликовано печатью Соединенных Штатов и в конце концов дошло до тех, к кому имело прямое отношение, — до мексиканцев. Филомено Мата, который, несмотря на то, что 34 раза сидел в тюрьме, попрежнему проповедывал свободу, спросил Диаса, серьезно ли он это говорил. Оказалось, что интервью было предназначено только для иностранного потребления. Диас, очевидно, намеревался помириться с Соединенными Штатами или, быть может, просто расставлял западню своим противникам в Мексике.

И все же интервью, данное Диасом Крилмену, было серьезным просчетом. Молодые столичные адвокаты и интеллигенты, представители поколения, сменившего сиентификос, люди вроде Луиса Кабреры и Хосе Васконселоса, стали требовать свободы и реформ. Широкое внимание привлекла изданная на деньги Бернардо Рейеса книга Андреса Молины Энрикеса «Великие национальные

проблемы», в которой давался анализ пагубной аграрной политики Диаса. Братья Магон, жившие изгнанниками в Лос-Анжелосе, готовили восстание в провинциях Чигуагуа и Коагуила. А для защиты интересов рейистов была создана новая политическая партия — демократическая партия.

Рейисты не осмелились выступить против переизбрания Диаса, но просили, чтобы в 1910 г. Корраля заменил на посту вице-президента Рейес. Летом 1909 г. они стали устраивать политические собрания, пользовавшиеся большим успехом. Партия сторонников переизбрания, созданная сиентификос, и личные приверженцы Диаса, организовавшиеся в национальный клуб «порфиристов», рассылали ораторов для пропаганды заслуг Рамона Корраля. Но вся страна, за исключением бюрократии, единодушно была против них. В Гвадалахаре их встретили градом камней, а в Гуанахуато обливали водой. Но Диас был непреклонен. Он тридцать лет поступал так, как ему хотелось, и не находил нужным на старости лет начинать считаться с общественным мнением. В ноябре он приговорил Рейеса к изгнанию в Европу. Рейес, вынужденный либо поднять восстание, либо покинуть Мексику, выбрал последнее. Одобряя достижения Диаса, он не хотел подвергать их опасности, вызвав гражданскую войну. Кроме того, он боялся. Пыл его почитателей глубоко встревожил его, и он не раз уверял Диаса, что не отвечает за деятельность демократической партии. После устранения Рейеса переизбрание Диаса и Корраля казалось обеспеченным. Мексиканский народ мог негодовать, но возглавить его было некому. Ни один военный или политический деятель в стране не хотел рисковать жизнью, выступив против воли диктатора. Армия и бюрократия хорошо оплачивались и были верны.

То, что последовало за этим, казалось мифом, сказкой, а не реальной действительностью. Среди тех, кого интервью Крилмену пробудило к политической деятельности, был человек, которому, предстояло возглавить борьбу, окончившуюся свержением диктатора, Имя этого человека было Франсиско Мадеро. Мадеро принадлежал к богатой креольской семье в Коагуиле. Его дед, отец и дяди владели асиендами, хлопковыми план-

тациями, пивоваренными и чугунолитейными заводами. В качестве мексиканских капиталистов они выступали против привилегий, предоставлявшихся их американским конкурентам. Они пострадали от монополии на гвайюлу, приобретенной фирмами Рокфеллера и Олдрича, и от роста влияния Гуггенхеймов в металлургии. Но диктатуру они всегда поддерживали, и некоторые из них имели дружественные отношения с Лимантуром. Франсиско был в семье белой вороной. Он воспитывался во Франции и в Соединенных Штатах, где набрался гуманных идей, которые его семья находила очень странными. Когда в 1903 г. Рейес расстрелял в Монтерее враждебную ему демонстрацию, Мадеро начал интересоваться политикой. В 1908 г. он опубликовал книгу «Выборы президента в 1910 г.», в которой провозглашал необходимость политической свободы и, соглашаясь на переизбрание Диаса, заявил, что выдвижение кандидатуры вице-президента должно быть предоставлено свободному выбору мексиканского народа. Эта небольшая, написанная в сдержанном тоне книжка, в которой говорилось только о политическом положении, а более существенные экономические недуги Мексики игнорировались, сделала Мадеро фигурой национального значения. В 1909 г. он начал разъезжать по стране, произнося речи и завоевывая себе сторонников. А когда Бернардо Рейес был изгнан из Мексики, рейисты стали искать руководства у Мадеро. С группой своих друзей — Роке Эстрадой, Федериго Гонсалесом Гарса, Пино Суаресом, Феликсом Палависини, Хосе Васконселосом — он основал газету и стал организовывать клубы противников переизбрания Диаса. Наконец, в апреле 1910 г. состоялся съезд противников переизбрания, на котором Мадеро был выдвинут кандидатом в президенты, а Франсиско Васкес Гомес, бывший рейист, — кандидатом в вице-президенты.

Сначала Диас не принимал Мадеро всерьез. Между ними состоялась встреча, во время которой Мадеро объяснил, что его цель — убедить мексиканских избирателей серьезно отнестись к выборам. Диас величественно одобрил это прекрасное стремление. Однако вскоре Мадеро стал казаться опасным. Собрания, на которых он выступал, всегда были многочисленными и восторжен-

ными. В мае 30 тыс. его последователей устроили демонстрацию под окнами Национального дворца. Диас не решился итти на риск, и в июне, за месяц до выборов, Мадеро был заключен в тюрьму в Сан-Луис-Потоси по обвинению в подготовке вооруженного восстания. Подлинную опасность в глазах Диаса представлял все же не Мадеро, а Лимантур. Диас привык целиком полагаться на Лимантура в административных вопросах, но теперь он решил, что Лимантур стал слишком влиятельным. Он не посоветовался с Лимантуром по поводу списка депутатов, которых надлежало избрать в следующий конгресс, и начал возвышать Дехесу в противовес Корралю и сиентификсс. Национальный клуб порфиристов получил инструкции выдвинуть Дехесу кандидатом в вице-президенты. Летом Лимантур уехал в Европу — по официальной версии для переговоров с европейскими финансистами о новом урегулировании долгов.

11 сентября на Пасео участники мадеристской демонстрации, которых разгоняла полиция, бросали камни в окна дома Диаса. Но 16 сентября отмечалась столетняя годовщина «Грито де Долорес», и в этот день Диас организовал самое расточительное празднество в истории Мексики. Оно обошлось в 20 млн. песо. Представителей всех стран мира развлекали банкетами, военными парадами и карнавалами, посвященными историческим событиям, а на большом балу в Национальном дворце было выпито 20 вагонов шампанского. Через две недели были объявлены результаты выборов. Диас и Корраль были избраны президентом и вице-президентом на следующий шестилетний срок. Диас уделил 196 голосов Мадеро и 187 — Васкесу Гомесу. Тем временем Мадеро, благодаря связям своей семьи со сиентификос, был выпущен на поруки, а 7 октября перебрался в Техас и в Сан-Антонио опубликовал план Сан-Луис-Потоси. Он объявил выборы недействительными, принял звание временного президента и призвал к всеобщему восстанию, которое назначил на 20 ноября. Брат Мадеро Густаво и доктор Васкес Гомес отправились просить поддержки в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Начало движения было смехотворно. Мадеро, которому его друзья в Коагуиле пообещали войско, перешел границу,

заблудился, нашел в конце концов ожидавших его 25 человек, из которых половина не имела оружия, и вернулся в Техас. Акилес Сердан, рабочий, ставший руководителем противников переизбрания в Пуэбле, был осажден полицией в своем доме и убит. В Халиско, Тласкале и Федеральном округе произошли восстания, которые были легко подавлены и не принесли никаких результатов. Мадеро в отчаянии уехал в Новый Орлеан и намеревался отплыть в Европу. Тогда пришла весть, что в Чигуагуа началось нечто более серьезное.

Чигуагуа, штат животноводческих ферм, управлявшийся семейством Террасас и в большей своей части принадлежавший ему, едва ли не сильнее всех других штатов страдал от политической тирании и экономической олигархии. В 1910 г. его губернатором был Альберто Террасас. Руководитель противников переизбрания в штате Чигуагуа, Авраам Гонсалес, без труда набрал среди пастухов-вакерос кавалерийские отряды и нашел способных партизанских вождей. В южной части Чигуагуа командование отрядами принял на себя лавочник Паскуаль Ороско; вместе с Ороско действовал Панчо Вилья, который мальчиком бежал от пеонажа с асиенды в Дуранго, затем изборздил вдоль и поперек штат Чигуагуа и сделался популярным среди пеонов Чигуагуа. 27 ноября Ороско одержал победу над федеральными войсками у Педерналеса. Вскоре Ороско и Вилья господствовали над южной оконечностью штата. Тогда они отправились на север, перерезав железную дорогу, связывавшую город Чигуагуа с Снудад-Хуарес и американской границей. В феврале, когда правительство Соединенных Штатов начало удовлетворять просьбы Диаса не допускать мексиканских революционеров на американскую территорию, Мадеро вторично перешел границу и присоединился к повстанцам в Чигуагуа.

Когда эти вести разнеслись по стране, вспыхнули восстания и в других местах. В Морелосе крестьянский вождь Эмилиано Сапата стал набирать в свое войско индейских пеонов с плантаций сахарного тростника и воевать с помещиками — асендадос. К апрелю партизанские отряды нападали на хефес политикос и диасовскую бюрократию в Соноре, Синалоа, Дуранго, Пуэбле, Герреро, Вера Крус,

Габаско, Оахаке и на Юкатане. Пламя восстания охватило всю страну. Диасовская диктатура, с виду столь непобедимая, в действительности одряхлела и прогнила. Политика Диаса, разжигавшего разногласия между своими сторонниками, лишила ее внутренней цельности. Диас не сумел обновить административный аппарат. Двоим из назначенных им губернаторов штатов было более 80 лет, шести — от 70 до 80 и шестнадцати — от 60 до 70. Большинство генералов и министров также были старики. Наварро, командовавший гарнизоном в Сиудад-Хуарес, был ветераном войны за Реформу. Боеспособность армии с каждым годом понижалась. Номинально в ней числилось 30 тыс. чел., но в действительности имелось 18 тыс. чел., да и эти 18 тыс. состояли из завербованных насильственным путем рекрутов, которых продажные чиновники военного министерства снабдили никуда не годным оружием. Диас отстранил военного министра и взял контроль над армией в свои руки. Он изучал карты боевых действий, посылал в Чигуагуа бессвязные телеграммы и заявлял, что намерен сам отправиться на позиции. Среди чиновников не было ни одного, кому бы он мог доверять. Одни были слишком стары и слабы, а другие замышляли покинуть его тонущий корабль. Лимантур был в Европе. Диас чувствовал себя без него беспомощным. Он нетерпеливо ждал возвращения «Пепе», который, как он верил, все уладит.

Лимантур покинул Европу в феврале. Он остановился в Нью-Йорке и совещался с Васкесом Гомесом, с Густаво Мадеро и мексиканским послом в Соединенных Штатах Франсиско де ла Барра. Опасаясь интервенции со стороны правительства Соединенных Штатов, которое собрало на границе 20 тыс. солдат, он обдумывал уступки и компромиссы. Он хотел договориться с Мадеро, чтобы самому остаться у власти и спасти интересы тех кругов, которым угрожала революция. Он был готов покинуть своих друзей сиентификос и даже, если нужно, отстранить самого Диаса. Лимантур достиг Мексики 19 марта. Он принял руководство правительством, назначил новый кабинет, обещал реформы и послал Бернардо Рейесу предложение вернуться из Европы. Лимантур начал переговоры с революционерами, которые осаждали Сиудад-Хуарес. В апреле было достигнуто соглашение о перемирии.

Договориться с Мадеро было нетрудно. Над ним взяли власть его родственники, противившиеся его революционной деятельности до тех пор, пока она не возымела успеха. Он согласился пойти на компромисс и просить Лимантура остаться в правительстве. Но его союзники посылали Франсиско Васкесу Гомесу срочные телеграммы, настаивая, чтобы он приехал и занялся переговорами. Васкес Гомес потребовал отставки Диаса, исключения сиентификос из конгресса, назначения революционных губернаторов, по крайней мере, в 18 штатах и оплаты национальным казначейством издержек революции. Агенты Лимантура отказались пойти на эти условия. Тогда у Сиудад-Хуарес начались столкновения между федеральными войсками и революционерами. Столкновения привели к перестрелке, а перестрелка — к сражению. Вопреки приказам Мадеро, Ороско и Вилья взяли город штурмом, пробираясь с одной улицы на другую через пробоины, которые они проделывали в стенах домов динамитом. 10 мая Наварро сдался. Мадеро спас его от расстрела, лично проводив через американскую границу. Тогда Ороско и Вилья напали на штаб-квартиру Мадеро и попытались арестовать его.

Взятие маленького пограничного городка Сиудад-Хуарес оказалось решающим событием. Революция собирала силы по всей стране. 12 мая Сапата во главе пеонских отрядов овладел Куаутлой. Партизаны стали захватывать столицы штатов. Васкес Гомес ловко перехитрил семейство Мадеро, лишил Лимантура надежды овладеть властью, обратившись через его голову к Диасу, и заставил противников принять все его условия. Соглашение было подписано близ Сиудад-Хуарес в 10 ч. 30 м. вечера 21 мая за столом, освещенным автомобильными фарами. Диас и Лимантур должны были уйти в отставку, а Франсиско де ла Барра становился временным президентом до новых выборов.

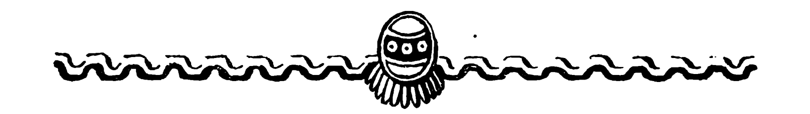
Договор был оглашен в столице 23 мая. 24 мая толпы народа наполнили улицы, галлереи конгресса и площадь, громко требуя отставки Диаса. Но Диас отказывался подать в отставку. Пока друзья и родственники убеждали его согласиться, войска из Национального дворца и с башен собора стали стрелять по толпе.

Площадь быстро опустела, на ней осталось лишь двести

трупов убитых жителей. В конце концов Диас сдался. Эта весть вызвала в городе взрыв исступленного ликования. Мальчики, колотившие в пустые бидоны, всю ночь поддерживали на улицах волнение. Боялись нападения на дом Диаса и на обоих концах улицы поставили двойную линию вооруженных до зубов драгунов, а друзья диктатора охраняли лестницу. Главными объектами народной ненависти были сиентификос и богатые владельцы концессий, губернаторы штатов и хефес политикос — все мелкие тираны, разбогатевшие под покровительством Диаса. На рассвете 26 мая Диас тайком пробрался на вокзал Сан-Ласар, сел на поезд, отправлявшийся в Вера Крус, и оттуда отплыл в Европу[1].

[1] Лимантур последовал за Диасом через неделю. Диас умер в Париже 2 июля 1915 г.

РЕВОЛЮЦИЯ

1. Мадеро

То, что де ла Барра был принят в качестве временного президента, означало, что первоначальный натиск революционного движения был остановлен. Де ла Барру отождествляли с режимом Диаса; действительно, допустив в кабинет некоторых из руководителей революции, а именно Франсиско Васкеса Гомеса и его брата Эмилио, он сохранил прежнюю бюрократию и армию и использовал их для наведения «порядка». Революционные войска и партизаны были распущены, а против тех, кто отказывался сложить оружие, высылались федеральные войска. Мексика должна была ждать избрания нового президента и медленного процесса реформ. В Пуэбле генерал Бланкет расстрелял группу революционеров; генерал Викториано Уэрта, покоритель майя, был послан в Морелос, чтобы подавить восстание пеонов, шедших за Сапатой.

Мадеро приехал в Мехико в июне. Его встретили бурей восторга, далеко превзошедшей все овации, какими приветствовали в прошлом военных вождей. Избрание его на пост президента было решенным делом, но относительно кандидатуры вице-президента возникли разногласия. Братья Васкес Гомес с полным основанием не доверяли способностям Мадеро. Они использовали должности в правительстве для распределения оружия и денег среди сторонников революции, намереваясь предотвратить реакционный переворот и одновременно создать партию своих личных приверженцев. Результатом этого был раскол революционного движения. На новом съезде партии противников переизбрания, где руководящее влияние принадлежало Густаво Мадеро, Франсиско Васкеса Гомеса заменил в качестве помощника Мадеро юкатанский журналист Пино Суарес. Тем временем была создана независимая

католическая партия, которая без энтузиазма согласилась принять Мадеро, но поддерживала кандидатуру де ла Барры в вице-президенты. В октябре были избраны Мадеро и Пино Суарес, а конгресс и посты губернаторов штатов заполнили люди, сочувствовавшие революции или делавшие вид, что они ей сочувствуют. Мадеро вступил в должность 6 ноября, и мексиканский народ приготовился ждать чудес; но скоро ему пришлось разочароваться.

Мадеро никогда не понимал событий, которые сделали его героем Мексики. Его правительство было националистическим. Он стал урезывать привилегии иностранного капитала. Но он не понимал экономических бедствий Мексики. В плане Сан-Луис-Потоси имелся пункт, обещавший возвращение индейским деревням незаконно отнятых у них земель; но за этим исключением в плане говорилось только о действительном избирательном праве и о запрещении переизбрания. Программа Мадеро была не экономической, а политической. Народ, заявил он в одной из своих речей, не просит хлеба — он просит свободы. Мадеро намеревался только восстановить конституцию 1857 г. и выполнить обещания, данные Диасом в Тустепекском плане. Революция Мадеро была революцией против Диаса. Но массы были охвачены надеждой, которая вскоре выразилась в революционном лозунге «Тьерра и либертад»[1] — надежда на свержение креольских землевладельцев и сиентификос, на избавление Мексики как от потомков испанских конкистадоров, так и от новых капиталистических конкистадоров из Европы и Соединенных Штатов. Медленно, с большими трудностями, на протяжении целых десяти лет хаотической гражданской войны, формулировалась программа национального освобождения, целью которой было завершить дело, начатое войной за независимость и войной за Реформу. Но Мадеро не понимал необходимости такой программы.

Семья его переехала вместе с ним в Национальный дворец. Мадеро дал нескольким своим родственникам должности в кабинете и объяснил тем, кто обвинял его в семейственности, что назначил их, так как знал, что они честные люди. Пока он проповедывал свободу, его брат

[1] Tierra y libertad (исп.) — земля и свобода.

Густаво сделался главой администрации и начал заправлять конгрессом и вмешиваться в выборы, а его дядя Эрнесто и двоюродный брат Рафаэль Эрнандес возглавили министерство финансов и фоменто, где проводили инспирированную сиентификос политику.

Таким образом, правительство Мадеро не было ни подлинно бескорыстным, ни подлинно диктаторским. Как только обнаружилось, что Мадеро не имеет программы, он сразу утратил свою популярность.

Тем временем мексиканский народ, впервые со времени Тустепекского плана, получил возможность выражать свои подлинные чувства. Рабочий класс мог свободно организоваться. Быстро росли профсоюзы, а в Мехико был основан центр социалистической пропаганды «Каса дель обреро мундиаль». В Морелосе Сапата снова взялся за оружие. В августе Мадеро виделся с ним в Куэрнаваке и обещал устранить Уэрту. Сапата согласился подождать проведения в жизнь плана Сан-Луис-Потоси. Но когда Мадеро стал президентом, ничего сделано не было. В конце ноября Сапата изложил группе приверженцев план Айялы и под звуки исполненного оркестром мексиканского национального гимна развернул мексиканский флаг. План Айялы, написанный школьным учителем из Куаутлы, Отилио Монтаньо, призывал к немедленному возвращению незаконно украденных у деревень земель и к захвату одной трети помещичьих земель. Сапата не верил в обещания и предложения столичных политиков. Крестьяне должны взять землю и охранять ее с оружием в руках. Мадеро послал в Куэрнаваку ряд генералов, из которых одни сражались с Сапатой, а другие вели с ним переговоры. Но Сапата остался неприступным и непреклонным в горах, окружающих Морелос, а одетые в хлопчатобумажные ткани пеоны с плантаций сахарного тростника стекались под его знамя. В конгрессе стали раздаваться требования аграрной реформы. Руководителем блока, призывавшего не ограничиваться простым восстановлением конституции, стал Луис Кабрера. Медленно — слишком медленно, чтобы спастись, — Мадеро начал сознавать, что задача его еще вся впереди, и намечать перестройку своего правительства.

Такой поворот событий сильно обеспокоил землевла-

дельцев, правительственных подрядчиков и иностранных капиталистов. Руководит ли Мадеро пробуждением масс или только терпит его — в том и в другом случае его надо свергнуть. Однако еще более года правительство проявляло силу, удивлявшую всех тех, кто считал, что Мексикой можно управлять только методами дона Порфирио.

Первым мятежником был Бернардо Рейес. Вызванный из Парижа Лимантуром для подавления восстания, он приехал в Мексику после того, как восстание победило, и быстро решил примкнуть к нему. Предполагалось, что он сделается военным министром в правительстве Мадеро, но Густаво отверг это предложение. Густаво имел свою свиту, «порру» из наемников по образцу брави Ромеро Рубио, и когда генерал посетил столицу, порра освистала его и забросала камнями. Тогда Рейес удалился в Техас и стал ждать подходящего момента для пронунсиаменто. Вынужденный под давлением правительства Соединенных Штатов выступить ранее намеченного срока, он в декабре перешел границу, но, не завербовав ни одного сторонника, сдался властям и был отправлен в тюрьму Тлателолько.

Через несколько недель возникло более грозное движение, возглавленное бывшим командующим армией революции Паскуалем Ороско. Мадеро уже дал ему 50 тыс. песо и чин генерала федеральных войск, но Ороско этого было мало. Он поддался уговорам скотоводческих баронов Чигуагуа, семейства Террасас, и в феврале 1912 г. восстал против Мадеро, выступив в роли борца за революционные чаяния, которым, как он заявил, изменил Мадеро. Против него выступил генерал Салас и, потерпев тяжелое поражение, покончил с собой. Тогда против Ороско был послан Викториано Уэрта. Мадеро сначала не хотел дать Уэрте это назначение — не потому что Уэрта был генералом Диаса, а потому, что он был горький пьяница. Но когда один из членов правительства заметил, что тот же недостаток не помешал Линкольну доверять генералу Гранту, Мадеро нашел этот аргумент убедительным. Уэрта подавил восстание, заставил Ороско покинуть Мексику и скрыться в Аризону, а затем вернулся в столицу. Он отказался дать отчет в использовании

врученного ему миллиона песо из средств военного министерства и был уволен в отставку.

В октябре с еще большей легкостью было подавлено третье восстание, возглавленное Феликсом Диасом, племянником Порфирио и бывшим начальником полиции в его правительстве. Диас поднял мятеж в Вера Крус, но через неделю был взят в плен и присужден военным судом к смертной казни. Мадеро отказался дать свое согласие на его расстрел, и Диас, подобно Рейесу, был привезен в столицу и заключен в тюрьму. Оба генерала жили в своих камерах комфортабельно и даже принимали посетителей.

Тем временем Мадеро навлек на себя более грозную вражду — со стороны правительства Соединенных Штатов. Президент Тафт, вначале относившийся к нему благожелательно, вскоре обнаружил, что Мадеро не собирается предоставлять льгот американскому капиталу и что ему нельзя доверить охрану порядка и защиту американского имущества. Посол Соединенных Штатов в Мексике Генри Лейн Уилсон был тесно связан с Гуггенхеймами, конкурировавшими с семейством Мадеро, и стал фанатичным врагом правительства, при котором был аккредитован. Еще в январе 1912 г. Уилсон сообщил в Вашингтон, что Мексика «бурлит недовольством». В феврале, по совету Уилсона, у границы было сосредоточено 100 тыс. американских солдат, а Уилсону было разрешено предупредить американцев в Мексике, чтобы они оставили те районы страны, которые он считает небезопасными. Началось паническое бегство тысяч американских граждан обратно в Соединенные Штаты, а в американском посольстве был устроен склад оружия для подготовки к осаде. Эти меры, принятые в то время, когда на девяти десятых мексиканской территории царил еще мир, нанесли непоправимый ущерб престижу правительства Мадеро. Тем временем американские граждане, слепые ко всему, кроме своей ненависти к Мадеро, посылали оружие Сапате. В течение 1912 г. Вильсон выступил с рядом энергичных протестов против беспорядков, заявил Мадеро, что «правительство Мексики должно зашевелиться», и пригрозил интервенцией. В сентябре он предъявил список тринадцати американцев, которые якобы лишились жизни вследствие неспособности

правительства поддерживать порядок. Министр иностранных дел правительства Мадеро Педро Ласкураин назвал в ответ восемь мексиканцев, которые за тот же период подверглись линчеванию или были убиты в Соединенных Штатах. Но правительство Соединенных Штатов нашло этот аргумент неуместным. Нельзя сравнивать смерть мексиканского рабочего со смертью американского собственника.

Мадеро избегал расстрелов, что сделало неизбежным новый мятеж, а присутствие в столице Бернардо Рейеса и Феликса Диаса облегчило подготовку этого мятежа. Главными инициаторами мятежа были Родольфо Рейес, который еще мечтал о «диктатуре Рейеса» и ее политике реформ, и хищный, продажный Мигель Мондрагон, наживший огромные барыши на посту начальника артиллерийского управления при доне Порфирио. Весь январь 1913 г. энергично велась подготовка к восстанию. Почти все офицеры войск федерального округа были подкуплены, и все знали, что близится государственный переворот. Единственным человеком, который не желал думать о нем, был президент Мадеро. Густаво предупредил его, что генералы замышляют его свергнуть, но Мадеро не верил этим сведениям, считая, что подобное предательство невозможно.

День восстания был назначен на воскресенье 9 февраля. В 2 часа ночи войска, стоявшие в Такубайе, вышли из казарм. Они пошли в Тлалпам, чтобы завербовать кадетов военной академии, а оттуда в тюрьмы, где содержались Бернардо Рейес и Феликс Диас. Рейес принял командование и в 7 часов утра повел своих солдат на площадь, полную мирными жителями, отправлявшимися в собор к ранней обедне. Рейес надеялся овладеть Национальным дворцом, но в этом заговорщики просчитались. Сторож Чапультепекского парка услышал топот ног и грохот повозок с пушками в Такубайе и предупредил Густаво Мадеро. Густаво поехал во дворец, заручился верностью рядовых дворцовой охраны и передал командование ею генералу Вильяру, которому мог доверять. Поэтому когда солдаты Рейеса приблизились к дворцу, Вильяр приказал им остановиться, а когда Рейес, не поверив, что ему может быть оказано сопротивление, продолжал продвигаться вперед, Вильяр приказал своим солдатам стрелять. По площади

застрочили пулеметы. Было убито несколько человек, направлявшихся в собор. Среди убитых был и Бернардо Рейес. В отместку его солдаты дали залп по дворцу и ранили генерала Вильяра. Затем они уныло отступили в западную часть города и брели по заполненным толпами улицам, никем не задержанные, пока не дошли до цитадели. Здесь находилась штаб-квартира Феликса Диаса, оказавшегося теперь руководителем мятежа.

Когда в 9 часов президент приехал из Чапультепека в Национальный дворец, мятеж был подавлен, но правительственные войска не имели руководителя. Подходящей заменой генералу Вильяру мог бы быть Фелипе Анхелес, преданный друг Мадеро, имевший репутацию способного профессионального военного. Но Анхелес был послан в Морелос для борьбы с сапатистами. В федеральном округе единственным пригодным генералом был Викториано Уэрта, который, не жалея громких слов, клялся в верности правительству. Мадеро обнял его, поручил ему командование, а затем отправился в Куэрнаваку, чтобы вызвать Анхелеса.

В долгой и трагической истории мексиканских революций не было фигуры более зловещей, чем Викториано Уэрта. Это был злодей елизаветинского масштаба. Способный генерал, сильная и властная личность, он в то же время был пьяницей, наркоманом и человеком, совершенно лишенным чувства чести. С момента своего назначения генералом правительственных войск он решил обеспечить торжество мятежа и захватить руководство им. Он задумал не только предать Мадеро, но и провести Феликса Диаса и Родольфо Рейеса. В течение «трагических десяти дней» 9—18 февраля Уэрта в Национальном дворце и мятежники в цитадели, находившиеся на расстоянии более мили друг от друга и разделенные главным деловым кварталом города, обстреливали друг друга из орудий. Было два попадания в Национальный дворец и одно в цитадель. Цель этого трагического фарса заключалась в том, чтобы, нанеся городу как можно больший ущерб, заставить его население принять любой способ восстановления мира. Лежавшие на улицах трупы мирных жителей были свалены в кучу, облиты керосином и сожжены. Верные Мадеро полки посылались без прикрытия на штурм цитадели, чтобы мятеж-

ники могли расстрелять их. Когда из Куэрнаваки прибыл Анхелес, он предложил бомбардировать цитадель с запада; но близ избранного им места находилось американское посольство, и Генри Лейн Уилсон выразил протест, заявив, что шум мешает ему работать. Анхелес двинулся на север, на вокзал Колония, и там обнаружил, что с его пушек сняты прицелы.

Тем временем между Уэртой и Диасом велись тайные переговоры, причем их доверенным был Генри Лейн Уилсон. 18 февраля Уэрта решил, что его час пробил. Он намеревался обеспечить свою безопасность, не принимая открытого участия в перевороте, пока не будет гарантирован успех. Генерал Бланкет, завоевавший себе славу тем, что 46 лет тому назад лично участвовал в расстреле Максимилиана, отправился во дворец, чтобы захватить президента, вице-президента и генерала Анхелеса. Когда до Уэрты дошла весть об успехе переворота, он арестовал Густаво Мадеро и передал его мятежникам в цитадель, где его пытали и затем расстреляли. Уэрта обратился к толпе, стоявшей перед Национальным дворцом, и объявил, что канонады больше не будет и что наступил мир. Вечером он встретился с Феликсом Диасом в американском посольстве. Рейисты не хотели принять руководство Уэрты, но Генри Лейн Уилсон убедил их согласиться. Согласно заключенному в посольстве пакту, Уэрта становился временным президентом, Феликс Диас должен был сменить его, как только можно будет устроить выборы, и назначался рейистский кабинет. После окончания переговоров Уилсон созвал собрание иностранных дипломатов и убеждал их признать новый режим, а когда в комнату вошел Уэрта, Уилсон первый зааплодировал «спасителю Мексики». Вашингтонскому правительству посол разъяснил, что «безнравственный деспотизм пал».

Мадеро был еще нужен Уэрте. Прежде чем умереть, он должен был дать узурпатору возможность законно оформить свой захват власти. Мадеро и Пино Суареса убедили подать в отставку. Президентом оказался Педро Ласкураин. Его уговорили назначить Уэрту министром иностранных дел, а самому уйти в отставку. Прежде чем сделать это, Ласкураин просил Уэрту обещать, что он пощадит жизнь Мадеро. Уэрта дал торжественную клятву, что Мадеро

получит возможность покинуть Мексику. Тогда заявление Ласкураина об отставке было передано в конгресс, и конгресс, ошеломленный тем, что Уэрта неожиданно оказался законным президентом и запуганный его войсками, почти единогласно утвердил его президентом.

Мадеро и Пино Суарес думали, что их отправят в Вера Крус, но Уэрта продолжал держать их обоих в заключении в Национальном дворце, выпустив только Анхелеса. Иностранные дипломаты и члены семьи Мадеро просили Генри Лейна Уилсона ходатайствовать за них перед Уэртой, но вдохновитель пакта в посольстве ответил только, что не может вмешиваться во внутренние дела Мексики. Он сказал Уэрте, чтобы тот делал все, что нужно для водворения мира в стране, а своим друзьям заметил, что подходящим местом для Мадеро был бы сумасшедший дом и что Пино Суарес — преступник, заслуживающий расстрела. Вечером 22 февраля Мадеро и Суареса увезли из дворца и по пути в тюрьму вытащили из автомобилей и расстреляли. Официально было объявлено, что их пытался спасти вооруженный отряд и что в схватке они были случайно убиты.

2. Свержение Уэрты

Вечером 18 февраля Уэрта разослал по телеграфу краткие извещения о том, что принял пост президента, и почти все губернаторы штатов, не зная, как совершилась эта перемена, приняли ее. Уэрта быстро заменил многих губернаторов генералами федеральных войск, так что прежде, чем стало широко известно, что Мадеро убит, вся страна, кроме крайнего севера, оказалась под властью Уэрты. Имея возможность опереться на богатых землевладельцев, федеральную армию, диасовскую бюрократию и католическую церковь, он намеревался насладиться плодами своего преступления. Рейисты, замышлявшие установить новый, более просвещенный порфиризм, оказались в результате смерти своего руководителя и вмешательства Генри Лейна Уилсона под властью одной из самых чудовищных тираний в истории Мексики. Президент был вечно пьян, и министры зачастую не могли найти его. Нередко можно было видеть процессии автомобилей, полных высшими чиновниками, разъезжавшими по федеральному округу в поисках

трактира, завсегдатаем которого, по слухам, являлся Уэрта. Некоторые из членов кабинета стремились провести социальные и аграрные реформы, но Уэрта имел в конгрессе клику личных приверженцев, при помощи которых расстраивал планы своих подчиненных. Убеждаясь в своем бессилии, они один за другим выходили в отставку, а Уэрта заменял их военными из своего окружения. Врагов нового режима, не успевших бежать из столицы, убивали головорезы Уэрты, а его друзья грабили казначейство. Осенью один сенатор, доктор Белисарио Домингес, попытался спасти честь конгресса, сказав правду о президенте. Через две недели после этой речи его труп был найден в канаве. Когда другие члены конгресса нашли в себе мужество протестовать против убийства своего коллеги, 110 человек из них было заключено в тюрьму. На свободе остались только члены католической партии. Затем Уэрта назначил новый конгресс — сборище офицеров, в котором федеральный округ был представлен его личным штабом, — и стал подготавливать свое избрание в президенты. Феликс Диас, которому когда-то была обещана эта честь, был отправлен в Японию с поручением военного характера.

Тем временем на севере, за тысячу миль от столицы, в трех штатах — Коагуиле, Чигуагуа и Соноре — началось движение, ставившее своей целью отомстить за убийство Мадеро. Это движение началось только в защиту конституционного правительства, согласно плану Сан-Луис-Потоси, но постепенно поставило перед собой более широкие задачи и выдвинуло требование революционного преобразования мексиканского общества.

Губернатором Коагуилы был Венустиано Карранса, пожилой землевладелец, который, будучи в свое время членом сената Диаса, не проявил там никаких признаков идейной независимости, затем стал рейистом, а весной 1911 г. примкнул к Мадеро. Во время переворота Уэрты в распоряжении Каррансы оказался небольшой отряд войск под командой Пабло Гонсалеса. Враги Каррансы говорили, что он набрал свою частную армию, намереваясь восстать против Мадеро, и смог выступить в качестве мстителя за него только потому, что Уэрта его предупредил. 19 февраля Карранса объявил, что не признает Уэрту президентом, и через

несколько дней поднял открытое восстание. В марте он провозгласил план Гвадалупе, в котором призывал к национальному восстанию с целью свергнуть узурпатора, и принял звание «первого начальника армии конституции».

Если бы судьба Мексики зависела только от Каррансы, Уэрте не стоило бы беспокоиться. Сам Карранса не претендовал на руководство войском, а Пабло Гонсалес терпел только поражения. Но в Соноре развернулось более грозное движение. Губернатор, Хосе Майторена, был склонен признать Уэрту. Однако законодательное собрание Соноры под руководством Роберто Пескьеры и Адольфо де ла Уэрты голосовало за сопротивление. 26 февраля Майторена взял отпуск и увез свои колебания в Соединенные Штаты. Временным губернатором стал Пескьера, а военное руководство принял молодой ранчеро, впервые взявшийся за оружие год тому назад, во время кампании против Ороско, — Альваро Обрегон. Обрегон собрал вокруг себя группу способных помощников — Плутарко Элиаса Кальеса, Бенджемина Хилла, Сальвадора Альварадо и Франсиско Серрано — и одержал одну за другой целый ряд побед. К лету конституционалисты изгнали федеральные войска со всей территории Соноры, за исключением порта Гуаймас, и начали проникать в Синалоа. После отречения Майторены в Соноре не осталось кандидата на национальное руководство, и в апреле ее законодательное собрание признало за Каррансой присвоенное им себе звание первого начальника. В сентябре Карранса оставил Пабло Гонсалеса командовать армией северо-востока, а сам прибыл в Сонору и обосновался на американской границе, в Ногалесе, где создал свое правительство.

Сначала над Чигуагуа господствовал Уэрта. Организатор мадеристских сил в революции 1910 г. Авраам Гонсалес, впоследствии губернатор штата, был схвачен и брошен под поезд за несколько дней до убийства Мадеро, а генералом федеральных войск стал вернувшийся из изгнания Паскуаль Ороско. Руководство конституционалистами Чигуагуа принял на себя Панчо Вилья. После избрания Мадеро Вилья занялся торговлей мясом в городе Чигуагуа. Во время мятежа Ороско он служил в войсках Уэрты, который, стремясь избавиться от столь опасного подчиненного, приказал судить его военным судом и расстрелять

за неповиновение. Мадеро отменил этот приговор, и Вилья был посажен в тюрьму в Мехико, откуда сумел бежать в Соединенные Штаты. В полночь 13 марта он с восемью товарищами переплыл на лошади желтые воды Рио-Гранде и начал завоевание Мексики. Благодаря своей славе самого смелого и умного из разбойничьих атаманов он без труда набрал отряды из пастухов Чигуагуа. Весной и летом в шести жестоких сражениях он разбил федеральные войска и сделался хозяином всей территории штата, кроме городов. Осенью он повернул на север и, узнав, что гарнизон федеральных войск в Сиудад-Хуарес ждет прибытия подкреплений с юга по железной дороге, погрузил свое войско на воинские поезда и так, наподобие троянского коня, с триумфом проник в сердце города. Затем был взят город Чигуагуа. Диасовских чиновников и купцов гачупинов с женами и детьми без жалости прогнали в пустыню, а Вилья реорганизовал правительство штата и стал готовиться к походу через плоскогорье на Торреон и на юг.

Между двумя главарями конституционалистов, Каррансой и Вильей, существовали взаимные подозрения и неприязнь; тем не менее, целый год они избегали открытой ссоры. Летом Вилья формально признал руководство Каррансы, и они договорились, что сражаются не только за свержение Уэрты, но также за уничтожение трех традиционных язв Мексики — плутократии, военщины и клерикализма. Начинали вырисовываться цели мексиканской революции. Всю весну и лето 1913 г. люди, служившие Мадеро или видевшие в его мягком правлении возможность национального возрождения, бежали из Мехико или возвращались из изгнания, чтобы предложить свои услуги конституционалистским армиям. Города Ногалес и Чигуагуа стали центрами, куда стекались интеллигенты и идеалисты, мечтавшие о свободе, демократии, социальных и аграрных реформах. Однако, хотя революционные изъявления любви к пеону и рабочему стали обычным явлением среди генералов конституционалистов, в конституционалистском движении было больше расчета, чем бескорыстия. Оно было не только крестовым походом, но также борьбой за власть.

Завоеванием республики занимались северяне, жители сурового и безлюдного края, родины упорной породы

стяжателей. Веками пустыни Северной Мексики, населенные индейцами, недалеко ушедшими от стадии дикости, и испанцами, позабывшими искусства и дары цивилизации, служили границей между культурой и варварством, а затем нейтральной зоной между мексиканцами и англо-саксами. Армии Вильи и Обрегона набирались в горняцких поселках, на скотоводческих фермах, в окаймлявших американскую границу городишках с игорными притонами и красными фонарями, полных скрипа автоматов и звуков механических фортепиано, доносившихся из дешевых танцовальных зал. Лозунгами северян были свобода и демократия, свержение помещиков и сиентификос.

Из северных лидеров пригодным для роли главы государства представлялся один только Обрегон. Этот молодой ранчеро, в прошлом механик на заводе, быстро выдвинулся, как самый одаренный генерал в истории Мексики — генерал, который выигрывал сражения по заранее продуманному плану, а не благодаря силе натиска, как Вилья.

Но вождем конституционалистов стал Карранса, а с таким руководителем мексиканская революция казалась обреченной на неминуемую неудачу. По странной иронии судьбы этот речистый и самоуверенный помещик оказался представителем революционного подъема мексиканских масс. Председательствуя в конституционалистическом правительстве в Ногалесе, откуда было рукой подать до американской границы — в связи с этим вспоминая о пребывании Хуареса в Пасо дель Норте — Карранса собрал вокруг себя в качестве своих избранных советников изнеженных молодых людей, аплодировавших его бесконечным монологам. Он относился враждебно ко всем, кто проявлял способности и самостоятельность. Исправить какую-нибудь его ошибку было равносильно личному оскорблению. Карранса терпел Обрегона, без помощи которого не мог и надеяться вступить в Национальный дворец, но любимым его генералом был Пабло Гонсалес, превосходивший всех других в страсти к грабежу и убийствам, но сохранявший расположение своего завистливого хозяина благодаря тому обстоятельству, что ни разу не выиграл ни одного сражения.

Противоположностью Каррансе был Вилья. Первый стремился к новому порфиризму с большинством его пороков;

второй был неграмотным вчерашним пеоном, умевшим вод ворять справедливость только винтовкой. Те, кому надоедала обстановка угодничества и своекорыстия в Ногалесе, уходили на штаб-квартиру Вильи в Чигуагуа. Вилья, при всех своих слабостях, был, по крайней мере, человеком из народа; он никогда не был ни землевладельцем, ни сенатором Диаса. В старом испанском городе с его белыми, сохранившимися от колониального периода церквами, возвышавшимися на фоне коричневой пустыни и коричневой зубчатой линии гор, он проводил грубую программу реформ, заставляя своих солдат чистить улицы и работать на электростанции, раздавая пеонам землю, строя школы и печатая огромное количество бумажных денег, обеспеченных лишь его подписью и раздававшихся всем, кому придется. Вилья действительно мечтал о Мексике, свободной от тирании и классового угнетения. В его сердце, заявлял он, запечатлены великие видения.

Карранса и Вилья стали для примкнувших к революции интеллигентов двумя крайностями неразрешимой дилеммы. Некоторые из них, подобно Луису Кабрере, предпочли остаться с Каррансой. Другие, подобно Хосе Васконселосу и Антонио Вильяреалю, стали замышлять устранение обоих. Но остальные предпочли примкнуть к Вилье, надеясь как-нибудь приручить его и подчинить своему руководству. В начале 1914 г. в Чигуагуа приехал Фелипе Анхелес и стал помощником Панчо Вильи, предоставив в его распоряжение свои познания в области военного искусства.

Но в Мексике имелось и третье течение, с подлинно революционными целями, течение, которое впоследствии было признано чистейшим воплощением чаяний мексиканских масс. Это была Освободительная армия юга, генералом и организационным гением которой был Эмилиано Сапата. Из своей штаб-квартиры в холмах над Куэрнавакой Сапата постепенно распространил операции по направлению к побережью — за южные горы, а также в Пуэблу, штат Мехико и долину самого федерального округа. Всюду, куда приходили сапатисты, они жгли асиенды, убивали управляющих, а земли делили между пеонами. Они никогда не были настоящей армией, ибо занимались запашкой вновь завоеванных земель и сбором с них урожая и

брались за оружие только для того, чтобы отразить вторжение врагов. Это был восставший народ. Пока земля была у них в руках, они не особенно заботились о том, кто сидит в Национальном дворце и называет себя президентом. Они хранили верность не Мексике, а маленькой родине («чика патриа») индейских племен. Спасавшиеся от них богачи считали их воплощением самого слепого нигилизма и сравнивали их вождя с Аттилой. Но жестокости сапатизма имели определенную цель. Они были намеренной хирургической операцией, предпринятой для избавления индейцев от рабства, которое они терпели со времен испанского завоевания. Мало кто из городских интеллигентов понимал смысл сапатизма. К Сапате примкнул социалист Диас Сото-и-Гама, величайший оратор революции. Но большинство интеллигентов видело в сапатизме движение, которое сделает хозяином страны пеона во всем его грубом невежестве. Они издевались над десятками генералов-пеонов, командовавших сапатистскими армиями, и их пугал подчеркнутый индианизм сапатистов, которые видели врага в каждом креоле, а на территориях, находившихся под властью Сапаты, заставляли всех носить только хлопчатобумажные брюки и широкополые сомбреро индейских крестьян. Являясь уравнительным движением, сапатизм не осложнялся ни личной алчностью, ни честолюбием. Сапата, неграмотный фермер-арендатор из метисов, единственный из всех вождей революции ничего не хотел и ничего не брал для самого себя, а подписанные им прокламации не имели себе равных по ясности и проницательности. Один Сапата искренне разоблачал личный характер стремлений Каррансы и искренне требовал не просто смены обитателя Национального дворца, а социальной революции.

Федералисты терпели одно поражение за другим. Пламя революции охватывало всю страну. В третий раз в истории Мексики все здание закона и порядка рушилось, начиналась анархия, и мексиканский народ делал новое судорожное усилие, чтобы избавиться от недугов, терзавших его со времен испанского завоевания. Снова появились местные главари, собиравшие крестьян в свои отряды, убивавшие помещиков и хефес политикос и захватывавшие их владения. Молодые пеоны и ранчерос брались за оружие, едва

ли зная, зачем или против кого, движимые только ненавистью к какому-нибудь местному тирану и сознанием, что вся Мексика охвачена пожаром. Вскоре они оказывались во главе вооруженных отрядов и захватывали несколько квадратных миль территории. Они называли себя генералами. Некоторые из них были просто бандитами, но других с самого начала воодушевляли благородные идеалы. Однако они редко обладали ясным пониманием нужд Мексики. Они намеревались только отнимать у своих врагов, чтобы давать своим друзьям. К ним присоединялись нищие адвокаты или студенты, которые служили у них личными секретарями и сочиняли им прокламации. Многие из этих революционных генералов погибли в бою или были расстреляны, другие завершили круг и кончили свою карьеру владельцами асиенд и хозяевами провинций, образовав столь же тираническую правящую касту, как те люди, которых они свергали. Казалось, что борьба Мексики за освобождение от деспотизма снова окончится простой сменой правителей.

Тем временем по ту сторону границы Соединенные Штаты с фарисейским изумлением взирали на переживающую глубокое потрясение нацию. Железные дороги, предназначавшиеся для того, чтобы обеспечивать американских акционеров дивидендами, теперь не перевозили ничего, кроме воинских составов, а рабочие принадлежавших американцам рудников и плантаций вступали в революционные армии. Несмотря на деятельность Генри Лейна Уилсона, в Соединенных Штатах к Уэрте относились холодно. Уэрта был не только кровавым тираном, но и продолжателем диасовской политики потворствования европейским интересом. Лорд Каудрей был у диктатора в большой милости, а английский посол поддерживал его самым усердным образом. Все апостолы учения о провиденциальной роли США и все магнаты, владевшие в Мексике имуществом — собственники скотоводческих ферм, вроде Уильяма Рэндольфа Херста, представители нефтяной промышленности, вроде Олберта Б. Фолла, — стали провозглашать обязанности англо-саксонской расы, как носительницы цивилизации. К счастью для Мексики, в марте 1913 г. президента Тафта сменил Вудро Вильсон. Вильсон был против вооруженной интервенции и друже-

любно относился к целям конституционалистов, но он боялся предоставить Мексике самой разрешить свои проблемы, ибо знал, что если война затянется на слишком долгий срок, преодолеть нажим интервенционалистов будет невозможно.

Летом 1913 г. президент Вильсон отозвал Генри Лейна Уилсона из Мексики, установил эмбарго на продажу Мексике оружия и послал в Мехико Джона Линда с инструкциями убедить Уэрту не выставлять свою кандидатуру на предстоящих выборах. И когда в октябре состоялись выборы, кандидатура Уэрты выставлена не была. Тем не менее, было объявлено, что большинство избирателей желает голосовать за Уэрту. Фарс был совершенно очевиден. Уэрта в конце концов объявил выборы недействительными и продолжал действовать в качестве временного президента. Когда Линд снова попытался видеть его, Уэрта уклонился от этой встречи. Не сумев заставить Уэрту уйти с миром, Вильсон объявил, что его нужно свергнуть силой, и в феврале 1914 г. эмбарго на ввоз оружия конституционалистам было снято.

Но Вильсон не мог ждать победы конституционалистов. Он потерял терпение и искал повода для конфликта с самим Уэртой. Предлог нашелся, когда федералисты арестовали команду американского военного судна, высадившуюся в запретной зоне у Тампико, продержали ее полтора часа под арестом, а потом с извинениями освободили. Американский командир потребовал салюта из 21 орудия американскому флагу, а когда Уэрта отказался удовлетворить это требование, Вильсон послал американский флот в Мексиканский залив. 21 апреля, узнав, что в Вера Крус направляется германский торговый пароход «Ипиранга» с грузом оружия, он приказал захватить Вера Крус. При выполнении этого распоряжения было убито почти 200 мексиканцев, пытавшихся защитить территорию своей родины. Карранса поспешил осудить вмешательство своего непрошенного союзника, тем более, что продажный капитан «Ипиранги» доставил оружие Уэрте, а последний с восторгом ухватился за возможность выступить в качестве поборника независимости Мексики. В Мехико толпы людей громили дома американцев, а Уэрта в неистовстве клялся, что вторгнется в Техас, вооружит южных

негров и водворит на вашингтонском Капитолии мексиканского орла.

Однако Вилья и Обрегон, укрепившиеся благодаря потоку оружия из-за границы, были теперь непобедимы. Всю тяжесть боев приняли на себя Вилья и северная армия, атаковавшая железную дорогу, которая на протяжении 800 миль шла по плоскогорью из Чигуагуа к столице и находилась под охраной длинного ряда федеральных гарнизонов. Вилья подготовил отряды легкой кавалерии — «дорадос», не обремененные «солдатками», которыми кишела северная армия и которые придавали ей вид бродячего племени. Он захватил тысячи голов скота, принадлежавшего Херсту и Террасасам, и продал их за границу в обмен на оружие. В марте северная армия под пение «Кукарачи» в десяти длинных воинских составах приблизилась к Торреону. После двенадцати дней яростных атак Торреон капитулировал, а Вилья повернул на восток, чтобы сокрушить федеральные войска в Коагуиле. Затем он пошел на Сакатекас. Тем временем Обрегон прогнал федералов из Синалоа и пробивался по тихоокеанскому побережью в Халиско. Война превращалась в состязание за столицу.

На этой стадии произошел открытый разрыв между Вильей и Каррансой. После долгого ряда столкновений Вилья отказался подчиняться первому начальнику. В ответ Карранса наложил эмбарго на отправку Вилье угля. В то время как Обрегон занимал Гвадалахару и объединялся с войсками Пабло Гонсалеса в Керетаро, Вилья был вынужден ждать в Сакатекасе. Дорога на столицу была открыта, а война фактически закончена. В июле Уэрта, который за полтора года своего пребывания на посту президента ни разу не осмелился выехать на передовые позиции, сел на поезд, отправлявшийся в Вера Крус. 10 августа федеральный гарнизон Мехико добровольно сдался, а через пять дней Обрегон с триумфом вступил в столицу.

3. Карранса против Вильи

После бегства Уэрты обе группы конституционалистов остались друг против друга. Вилья клялся отомстить за приостановку подвоза угля, а офицеры Каррансы пред-

усмотрительно начали арестовывать людей, подозреваемых в том, что они «вильисты».

Посредником служил Обрегон. Позаботившись, чтобы Карранса благополучно въехал в Национальный дворец, он поспешил на север для переговоров с Вильей. На этот раз Вилья готов был проявить благоразумие, и оба лидера договорились, что Карранса не будет выдвинут в качестве кандидата в президенты, но будет править до выборов. Затем Обрегон поехал в Сонору, где назревала гражданская война. Майторена, вернувшийся из изгнания летом 1913 г., обнаружил, что штатом правят ставленники Каррансы, никому не желающие уступать свою власть. После отъезда Каррансы он набрал армию и вновь взял власть в свои руки; но его права оспаривал Кальес, конституционалистский генерал Соноры, выступивший против Майторены, как против друга Уэрты и федералов. Обрегон высказался за компромисс, предложив, чтобы и Майторена и Кальес отказались от командования. Затем он вернулся в столицу и сообщил Каррансе, что ему не суждено сделаться законным президентом. Перед угрозой соединения двух ведущих генералов революции Карранса постарался выиграть время и предложил созвать учредительное собрание в Мехико, где он надеялся забрать его в свои руки.

Однако положение в Соноре уже не допускало компромисса. Приверженцы Майторены не соглашались на устранение своего руководителя, и начались бои. Вилья и Анхелес согласились поддержать Майторену. Обрегон немедленно вернулся в Чигуагуа, чтобы возобновить переговоры с Вильей, но Вилья арестовал его и объявил, что намерен его расстрелять. Однако впоследствии он изменил это решение и освободил Обрегона. Между ними было достигнуто соглашение, что учредительное собрание будет созвано не в Мексике, а на нейтральной территории, в Агуаскалиентес. Затем Обрегон уехал на юг.

Учредительное собрание в Агуаскалиентес собралось в октябре под председательством Антонио Вильяреаля. Несколько недель военные главари, составлявшие бо́льшую часть депутатов, сидели и слушали, а интеллигенты произносили речи. Но перед руководителями собрания встала неразрешимая задача. Они хотели предотвратить гражданскую войну, устранив как Вилью, так и Каррансу; однако

в их распоряжении не было вооруженных сил, и ни один генерал не хотел взять на себя инициативу неподчинения власти. Карранса, оставшийся в Мехико, предпочел провозгласить собрание «сборищем вильистов» и объявил, что не будет обращать на него внимания. Тем временем Пабло Гонсалес замышлял убить Вилью. Съезд в конце концов переложил свои затруднения на плечи генерала из Сан-Луис-Потоси, Эулалио Гутьерреса, назначенного временным президентом. Гутьеррес был способным и честным человеком, но, к сожалению, этого было недостаточно. Нужно было иметь армию. Гутьеррес надеялся на поддержку Обрегона, но Обрегон быстро решил, что войну предотвратить невозможно, а из соперничавших между собой кандидатов он предпочитал Каррансу, заявив, что этот последний сильнее, а поэтому он, Обрегон, будет поддерживать его.

Гутьеррес мог полагаться только на ту маленькую группку интеллигентов, вдохновляемых Мадеро, которая хотела прекращения власти военных и свободного и демократического правительства. Эти люди были трагически слепы к реальностям мексиканской политики; большинство их окончило жизнь в уединении или в изгнании, отрицая все достижения революции.

Покинутый Обрегоном, Гутьеррес принял неизбежное и назначил Вилью своим генералом. Армия Севера сделалась армией учредительного собрания. Затем члены нового правительства и вильистские генералы стали готовиться к захвату Национального дворца и длинной цепью воинских поездов двинулись на столицу. Карранса, снова почувствовав себя вторым Хуаресом, устроил свою штаб-квартиру в Вера Крус, за неделю до того оставленном американцами, а город Мехико с трепетом ждал прихода новых хозяев. Первыми городом овладели сапатисты, но к удивлению мексиканцев, считавших их жестокими бандитами, они оказались самой дисциплинированной из всех революционных армий. В то время как наглые генералы из Соноры и Коагуилы разместились в самых красивых домах и обращались со столицей, как с военным трофеем, сапатистские крестьяне с любопытством бродили по городу и просили только чего-нибудь поесть. Вильисты прибыли в декабре. Вилья сначала отправился в Хочимилько, где

договорился с Сапатой, а оба вождя — Вилья в форме цвета хаки и техасской шляпе, а Сапата в штанах с серебряными пуговицами и широком сомбреро южных «чарро» [1] рядом въехали в столицу.

Гутьеррес назначил кабинет и взял в свои руки правительственный аппарат, но вскоре обнаружил, что является пленником Вильи. Вилья был сдержаннее большинства своих товарищей. Его личные привычки во всех отношениях заслужили бы ему одобрение Ассоциации христианской молодежи. Когда в Пуэбле и Оахаке начались бои, правительство, созданное учредительным собранием, вступило в тайные переговоры с Обрегоном, командовавшим армиями Каррансы, и старалось обеспечить поражение вильистских и сапатистских войск, состоявших номинально под началом этого правительства. В январе Гутьеррес решил бежать из столицы в свои края, на северо-восток. Маленькой группе его сторонников удалось ускользнуть. Она пробиралась на север через горы Идальго и Сан-Луис-Потоси. Надежда ее на создание независимого правительства вскоре угасла, и в то время как одни, подобно самому Гутьерресу, в конце концов сдались Каррансе, другие, более непримиримые, либо были расстреляны, либо, подобно Хосе Васконселосу, покинули Мексику и бежали в Соединенные Штаты.

Обнаружив, что его президент исчез, Вилья назначил на смену ему марионетку — Роке Гонсалеса Гарсу. В наступившем кризисе Карранса попытался заручиться поддержкой народа. Эта попытка оказалась решающей как для его конфликта с Вильей, так и для конечных результатов мексиканской революции. Сам Карранса, как показали события, остался помещиком и диасовским диктатором, но рядом с ним были Обрегон и Луис Кабрера — люди, способные к государственному руководству. Побуждаемый Каброй, Карранса провозгласил радикальную программу социальных преобразований. В декабре он выпустил прокламацию с перечислением реформ, а в первые месяцы 1915 г. опубликовал несколько законов, наиболее важным из которых был закон об аграрной реформе от 6 января. Земли, незаконно отобранные у индейских деревень, возвращались им, а если этого было для их нужд недостаточно, им разреша-

[1] Charro (исп.) — крестьянин.

лось дополнительно экспроприировать земли асиенд. Проводить закон в жизнь должны были губернаторы штатов и местные военные власти, а их решения подлежали контролю Национальной аграрной комиссии. Таким образом, впервые признание требований крестьян вылилось в конкретную форму. В то же время Обрегон искал помощи у рабочих. Он вступил в переговоры с руководителями «Каса дель обреро мундиаль», главным из которых был рабочий-электрик Федерального округа Луис Моронес. Для «Касы» был предназначен в Мехико большой дом колониального периода, так называемый «Черепичный дом», и правительство Каррансы обещало ей помощь в образовании профсоюзов и посредничество в конфликтах между рабочими и предпринимателями. На территориях, находившихся под властью Каррансы, были созданы отделения «Касы», а армия Каррансы была пополнена шестью «красными» рабочими батальонами.

После поворота помещика Каррансы влево реакционные элементы стали сплачиваться вокруг бывшего пеона Вильи. Американские капиталисты пришли к выводу, что Вильей будет легко управлять, и некоторые из них, связанные с Генри Лейном Уилсоном, стали устраиваться при штаб-квартире Вильи. Вилья был искренен в своих революционных намерениях, но его туманные стремления не были оформлены в настоящую программу. Он сражался за выполнение выдвинутого Мадеро плана Сан-Луис—Потоси.

К концу января, разбив вильистов у Пуэблы, Обрегон приехал в столицу. Вилья возвратился в Агуаскалиентес, а Сапата — в свои горы. Сапатистская конница патрулировала дороги, ведущие к столице, и лишила ее поставок продовольствия. Чтобы облегчить положение в городе, Обрегон ввел принудительные займы у духовенства и купечества. Священники отказались платить, и 180 из них были приговорены к службе в армии. Затем Обрегон направился на север, навстречу Вилье, и решил ждать его у Селайи. Он приказал выкопать траншеи, окружить их заграждениями из колючей проволоки и установить пулеметы.

Вилья поспешно съездил в Сиудад-Хуарес к своему брату Иполито, которому было поручено ввозить оружие из Соединенных Штатов. Иполито был занят главным образом игорными домами, а на железных дорогах царил

беспорядок. Ликвидировав пробку в Сиудад-Хуарес, Вилья снова занялся военными операциями и в апреле, не дожидаясь Анхелеса, спешившего к нему с советами и подкреплениями, напал на Обрегона. Три раза Вилья бросал конницу на проволочные заграждения Обрегона и видел, как обрегоновские пулеметы расстреливали ее. В конце концов, после ряда самых крупных сражений, какие только разыгрывались на мексиканской территории, Вилья отступил на север, и господство Каррансы над Мексикой было обеспечено.

Летом и осенью 1915 г. Вилью неуклонно гнали обратно к американской границе. Он дал сражения у Тринидада, Агуаскалиентес и Торреона, но хладнокровное мастерство Обрегона брало верх над его бурными атаками. А по мере того как Вилья терпел одно поражение за другим, войска его таяли. Томас Урбина, старый друг Вильи, бежал, захватив армейскую казну. Зимой, когда Анхелес отправился искать помощи в Нью-Йорке, Вилья повел остатки армии через горы на соединение с Майтореной, который держался против Кальеса в Соноре. Этот поход через занесенные снегом перевалы оказался губительным. Но Кальес уже получил подкрепление от Обрегона, и Вилья опять был дважды разбит — перед Агуа Приета и у Эрмосильо. В конце концов Майторена покинул Мексику и отправился в Лос Анжелос, а Вилья вернулся в Чигуагуа. В родном краю, среди своих, он все еще был непобедим. Его охраняли крестьяне Чигуагуа, он знал каждую тропинку, и поймать его было невозможно.

В то время как Вилья терпел поражения от Обрегона, Пабло Гонсалес командовал войсками, действовавшими против сапатистов. Теперь обе стороны заявляли, что борются за аграрную реформу; но Карранса настаивал, что она должна быть осуществлена под его личным руководством, а Сапата советовал крестьянам не верить ничему, кроме своих ружей. Весной 1915 г. столица неоднократно переходила из рук в руки, но в августе Гонсалес получил подкрепления от Обрегона, смог вытеснить сапатистов из долины и через горы дойти до Морелоса. Гонсалес оправдал репутацию генерала, не выигравшего ни одной битвы, но недостаток военного мастерства он возмещал страстью к грабежу и разрушению. Он заявил, что

Сапату нужно взять измором, и его армия, которая больше чем армия Сапаты заслуживала название бандитского войска, довершила опустошение Морелоса. Ее солдаты сожгли асиенды, пощаженные сапатистами, разорили сахарные плантации и присваивали всю ценную движимость. Но среди родных холмов Сапата, подобно Вилье, был непобедим, а его люди, которых мучили и убивали служившие Каррансе солдаты, были одушевлены надеждами, от которых они еще не отказались. В течение трех лет все усилия поймать Сапату оказывались тщетными, и если Гонсалес в конце концов и восторжествовал, то лишь при помощи единственных доступных ему способов — предательства и убийства.

Тем временем Карранса начал препираться с правительством Соединенных Штатов. Затяжка гражданской войны в Мексике причинила Вудро Вильсону большие неприятности. Американские дельцы все более настоятельно требовали интервенции, порицали помощь, оказанную Вильсоном конституционалистам, и приветствовали любое событие, которое могло принудить его к действию. Американцы, жившие в Мехико, ликовали при известии об убийстве одного американского гражданина. Более того, к интервенционистам присоединилась католическая церковь и ее руководитель в Соединенных Штатах кардинал Гиббонс. Поддержка, оказанная Уэрте многими мексиканскими священниками, вызвала некоторых конституционалистов на месть. Священников расстреливали, а церкви оскверняли. Верхушка мексиканского духовенства, которая, как нередко бывало раньше, больше интересовалась собственными привилегиями, чем независимостью родной страны, распространяла вымышленные россказни о нападениях на монахинь. Тревога Вильсона нашла выражение в ряде пересыпанных угрозами нравственных проповедей на тему о преимуществах мира и конституционализма и о правах иностранцев в Мексике на защиту. Мексиканцы находили их почти такими же невыносимыми, как откровенная агрессия «дипломатии доллара». Карранса ответил на эти проповеди упорным отказом итти на какие бы то ни было уступки, заявив, что Соединенные Штаты не имеют права вмешиваться в мексиканские дела и что с иностранцами в Мексике будут обращаться так же, как с мексиканцами.

Однако Вильсон продолжал относиться к Каррансе терпимо, а в октябре признал его правительство и наложил эмбарго на отправку оружия Вилье. Вилья обратил свою ярость против Соединенных Штатов. В январе 1916 г. в Санта Исабель (Чигуагуа) вильисты остановили поезд и расстреляли шестнадцать американских инженеров. Через два месяца Вилья руководил набегом на город Коламбус в Нью-Мексико и убил нескольких американцев на их территории. Тем временем мексиканцы-бандиты, нисколько не интересовавшиеся политикой, нападали на пограничные американские деревни. В отместку американская полиция расстреливала почти всех попадавших в ее руки мексиканцев. На границе фактически велась война. Ввиду приближения срока президентских выборов Вильсон был вынужден принять меры. После набега на Коламбус он приказал Першингу схватить Вилью живым или мертвым. Першинг повел американские войска по пустыням Чигуагуа, вызвав протесты Каррансы. Отряд экспедиции Першинга подвергся нападению со стороны мексиканских правительственных войск, а мексиканский министр иностранных дел Кандидо Агиляр грозил Соединенным Штатам войной. Но Вильсон узнал из частных источников, что эта угроза предназначается только для внутреннего потребления и не имеет серьезного значения. Поэтому он согласился отозвать Першинга. Было объявлено, что Вилья теперь безвреден, хотя постоянные набеги на асиенды Чигуагуа доказывали, что в действительности он еще опасен. Першинг вернулся на родину в феврале 1917 г., готовый к участию в авантюре большего масштаба, а через два месяца растущая агрессивность американцев была направлена в безвредное для Мексики русло. Когда в 1920 г. Соединенные Штаты снова получили возможность заняться своей южной соседкой, в Мексике было правительство, которое с большей готовностью, чем правительство Каррансы, признавало права иностранцев.

4. Правление Каррансы

К весне 1916 г. бóльшая часть Мексики приняла Каррансу в качестве временного президента, и, хотя Вилья и Сапата еще не сложили оружия, положение в стране можно было назвать почти мирным. Люди начали задавать

себе вопрос, что сделано за годы гражданской войны и каков был ее внутренний смысл.

При поверхностной оценке могло показаться, что произошла перемена к худшему. Один правящий класс был свергнут другим. Вместо диасовских губернаторов и хефес политикос появилась новая каста лидеров. Над всей страной господствовала армия с пятьюстами генералами и сотней тысяч солдат. Бóльшая часть страны фактически распалась на ряд независимых суверенных княжеств, управляемых вожаками, которыми когда-то руководила искренняя ненависть к тирании. Было несколько администраторов, пытавшихся вводить реформы. Сальвадор Альварадо, которого Карранса послал управлять Юкатаном, организовал производителей пеньки в кооператив и, воспользовавшись недостатком пеньки на мировом рынке, сумел втрое повысить взимаемую с иностранных потребителей цену на пеньку. Губернатор Пуэблы объявил неграмотность уголовным преступлением, но не принимал никаких мер, чтобы обеспечить население Пуэблы школами. Аграрный закон Каррансы, уполномочивший военных главарей распределять землю, явился обильным источником беспорядков. Некоторые военные выступали в качестве аграрных реформаторов, организовывали подчиненных в крестьянские союзы или в частные армии и оставляли себе значительную часть земли, взятой ими из асиенд. Другие, подобно Гвадалупе Санчесу в Вера Крус, продавали свои услуги помещикам и убивали крестьян, требовавших земли. И в том и в другом случае крестьянам доставалось мало. И та и другая тактика были двумя различными способами использования революции для частного обогащения. В Тампико генерал Пелаэс состоял на службе у иностранных нефтяных магнатов, которые, вместо того чтобы платить введенные Каррансой налоги, давали субсидии местному бандиту, умевшему не подпускать к ним агентов федерального правительства.

Не обладая ни престижем генерала, ни способностями государственного деятеля, Карранса не умел вводить порядок. Федеральное правительство управляло немногим лучше, чем местные главари. Карранса быстро отстранил от себя способных и честных людей. Только министр финансов Луис Кабрера придавал еще правительству внешне

приличный вид. Обрегон же, как только окончилась война, ушел в частную жизнь. Даже в Федеральном округе генералы грабили дома и расстреливали мирных жителей. Для выражения наиболее заметной деятельности чиновников конституционалистского правительства был введен новый глагол «каррансеар», означавший «красть». Карранса бездеятельно возглавлял администрацию, о которой впоследствии не без основания писали как о самой продажной администрации в истории страны.

Однако мексиканская революция не была так бесплодна, как это могло показаться. Неуловимо, но глубоко она изменила дух нации. Она пробудила новые надежды и чаяния, настойчиво требовавшие осуществления. Никогда больше индейская Мексика не примирится с привилегированным положением креола и иностранца, как бы часто ее ни предавали продажные лидеры. Аграрная реформа, направленная против землевладельцев, защита рабочего класса от промышленников и национального суверенитета от иностранного капитализма — таковы были нужды Мексики, и только правительство, которое признавало их, могло рассчитывать остаться у власти.

Осенью 1916 г. Карранса приказал созвать конгресс, который внес бы в конституцию изменения, сделавшиеся необходимыми в результате революции. Из состава конгресса, собравшегося в декабре в Керетаро, были исключены все противники «первого начальника»; отсутствовали сапатисты, вильисты, сторонники учредительного собрания, и казалось, что все решения конгресса будут продиктованы Каррансой. В представлении самого Каррансы изменения, которые следовало внести в конституцию, сводились главным образом к расширению полномочий исполнительной власти. Его проект содержал туманные намеки на социальные реформы. Карранса созвал конгресс отчасти для того, чтобы его имя, подобно имени Хуареса, вошло в историю в связи с изданием кодекса законов, а отчасти для того, чтобы узаконить свои диктаторские замашки. Однако в составе конгресса имелась более радикальная группа, руководимая генералом Франсиско Мухика и вдохновляемая отцом проекта аграрной реформы Андресом Молина Энрикесом. За спиной Мухики стоял влиятельный генерал Альваро Обрегон. В последние две-три недели января, незадолго

до роспуска конгресса, Мухика добился принятия двух знаменитых статей, 27 и 123, которые совершенно изменили характер конституции.

Статья 27, дававшая новое определение имущественных прав, была попыткой уничтожить одним ударом два наиболее пагубных последствия диктатуры Диаса — отчуждение индейских общинных земель (эхидос) и приобретение иностранцами рудников и нефтяных полей. Она отрицала абсолютное право частной собственности, которое подчеркивал либерализм, и вместо того заявляла, что частная собственность подчинена общественному благополучию. Она заимствовала кое-что у социалистического учения, но в то же время являлась возвратом к индейским и испанским традициям, отказом от которых был закон Лердо и законодательство диктатуры Диаса. Она принимала за норму не коммунальное, а скорее индивидуальное использование и занятие земли, но утверждала право государства регулировать и ограничивать имущественные права. Нация объявлялась собственником всех земель и вод и имела право экспроприировать собственников за выкуп. Воспрещалось отчуждение национальной собственности на воду и недра, хотя частные лица могли получать концессии на их разработку. Все земли эхидос, отчужденные со времени издания закона Лердо, подлежали возврату прежним владельцам, а если этого было недостаточно для обеспечения нужд деревень, разрешалось экспроприировать дополнительно земли из соседних частных владений. Эхидос, становившиеся отныне неотчуждаемыми, были объявлены коммунальной собственностью деревень, хотя время от времени, по индейским обычаям, они делились на участки, раздававшиеся крестьянам в личное пользование.

Статья 123 была направлена на защиту интересов наемных рабочих в промышленности и сельском хозяйстве. Принимая капиталистическую систему, она сочетала все методы защиты рабочих от эксплоатации, принятые или проповедуемые в наиболее передовых капиталистических странах. Конституция «даровала» рабочим восьмичасовой рабочий день, минимум заработной платы, запрещение детского труда, пеонажа и системы хозяйских лавок (tienda de raya), постройку предпринимателями домов и школ, участие рабочих в прибылях, компенсацию за увечья

и за увольнения без уважительной причины, арбитражные суды для улаживания промышленных конфликтов и право на организацию профессиональных союзов.

Другие статьи конституции в еще более решительной форме подтверждали антиклерикальное законодательство Реформы. Подобно Хуаресу, руководители революции были большей частью верующими католиками; но политическая деятельность церкви, поддержка, которую она оказывала Диасу и Уэрте, вновь показали необходимость сурового ограничения ее власти. Было возобновлено запрещение церкви владеть имуществом, фактически отмененное при Диасе. Даже церковные здания объявлялись теперь собственностью нации. Священники должны были регистрироваться у гражданских властей, и им было запрещено организовывать политические партии или контролировать начальные школы. Религиозные церемонии разрешалось совершать только в стенах церквей. Священникам-иностранцам служить запрещалось, а законодательным собраниям штатов было предоставлено право ограничивать число священников на своих территориях.

Конституция 1917 г., подобно большинству мексиканских конституций, фиксировала не факты, а стремления. Но, в отличие от конституций 1824 и 1857 гг., она обещала не только систему демократического правления и гарантии гражданской свободы, но также конкретные экономические реформы, действительно соответствовавшие нуждам мексиканского народа. Всякая попытка провести эту конституцию в жизнь неминуемо вызовет жестокую борьбу. Церковь и землевладельцы будут всеми силами противиться ей. Иностранцы, владельцы рудников и нефтяных промыслов, которым статья 27 грозила лишениями прав, приобретенных при Диасе, будут осуждать ее, как санкцию на конфискацию их имущества, и обращаться к своим правительствам за помощью. Многие пункты статьи 123 останутся мертвой буквой, пока мексиканская промышленность не вырастет и не станет более производительной. Тем не менее то обстоятельство, что идеалы революции были теперь записаны в основной закон страны, имело некоторое положительное значение. История Мексики следующего поколения будет историей долгой борьбы за осуществление этих идеалов.

Этой борьбе предстояло начаться только в 1920 г. Карранса принял реформаторские статьи, выработанные конгрессом, но отнюдь не собирался проводить их в жизнь. В марте 1917 г. он вступил на пост президента и, пренебрегая обещаниями реформ, которые ему пришлось дать во время гражданской войны, начал управлять Мексикой в духе диасовского сенатора. Революция, по мнению Каррансы, была закончена.

Карранса энергично утверждал национальную собственность на общественные земли, отчужденные при Диасе; было отобрано более 30 млн. акров этих земель. Но крестьяне так и не получили обещанную им землю. В 1916 г. местные власти были лишены права распределять участки. Аграрная реформа должна была проводиться исключительно Национальной аграрной комиссией. За время пребывания Каррансы на посту президента эта организация раздала 48 тыс. семьям 450 тыс. акров. Рабочий класс был предан подобным же образом. В 1916 г. поток бумажных денег, выпущенных конституционалистами, и вызванное им падение реальной заработной платы вызвали всеобщую забастовку в Федеральном округе. Карранса ответил на нее закрытием «Каса дель обреро мундиаль», арестом руководителей забастовки и обещанием расстрелять всех бастующих. Федеральное правительство ничего не делало для осуществления 123 статьи конституции. Правительства некоторых штатов назначили арбитражные бюро, но постановлением верховного суда Каррансы решения этих бюро были лишены всякой принудительной силы. Луис Моронес был приговорен к смерти (позже смертный приговор заменили тюремным заключением). Другой из наиболее способных руководителей рабочего класса, Хосе Барраган Эрнандес, был убит в Тампико каррансистскими чиновниками.

Пламя гражданской войны еще не угасло. Еще расстреливали вильистов и сапатистов. Вилья продолжал совершать набеги на Чигуагуа. Фелипе Анхелес в 1918 г., после двух лет изгнания, вернулся в Мексику, был пойман с несколькими товарищами в горах Чигуагуа и расстрелян. До 1919 г. все попытки поймать Сапату оставались безуспешными. В конце концов с помощью обмана удалось совершить то, чего не могли совершить открыто. Полковник армии Пабло Гонсалеса, Хесус Гуахардо, сообщил Сапате, что он хочет

присоединиться к нему со своим полком. Чтобы доказать искренность своего намерения, Гуахардо напал на другой отряд войск Гонсалеса в Хона-Катепеке, взял его солдат в плен и расстрелял. После этой убедительной демонстрации Сапата согласился встретиться с Гуахардо на асиенде Сан Хуан Чинамека. Сапата прибыл туда с десятью спутниками. Под звуки рога их впустили в асиенду, а потом убили. За этот «подвиг» Гонсалес наградил Гуахардо 50 тыс. песо и генеральским чином. Тело Сапаты было увезено в Куаутлу. Чтобы проститься с ним, туда пришли тысячи крестьян.

После гибели Сапаты его отряды начали разваливаться. Некоторые из его сторонников подчинились правительству, а другие, подобно Диасу Сото-и-Гаме, скрылись. Сам Сапата стал легендарным героем. Когда-то его считали лучшим наездником в Морелосе, и теперь многие верили, что он разъезжает еще на своем черном коне по сьеррам, бессмертный и непобедимый, готовый опять притти на помощь крестьянам Юга, как только он им понадобится. Певцы южных деревень пели бесчисленные корридос, прославлявшие его подвиги, а некоторые фразы из его прокламаций, например: «Южане, лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», почитались, как изречения из священного писания.

В годы правления Каррансы медленно возобновлялась нормальная мирная деятельность. Бумажные деньги в конце концов совершенно обесценились, и золото и серебро снова стали единственным средством обмена. Промышленность начала оживать, хотя заработная плата была теперь еще ниже, чем при Диасе. По Мексике пронеслась охватившая весь мир эпидемия инфлуэнцы и в сочетании с революцией сократила ее население на 1250 тыс. чел. Но если в Мексике водворялся мир, это был мир истощения и разочарования, и если она терпела режим Каррансы, то только потому, что он не мог быть вечным. Лозунг «никакого переизбрания» так часто провозглашался в ходе революции, что даже Карранса не смел нарушить его. Когда же настало время избрать преемника Каррансы, никто не мог соперничать с Обрегоном. Его считали предназначенным судьбой освободителем, который проведет в жизнь все обещания революции.

В мае 1918 г. губернатор Коагуилы созвал в Сальтильо съезд рабочих лидеров для создания рабочей организации под контролем Каррансы. Дорожные расходы делегатов оплачивались правительством. Однако Луис Моронес, присутствовавший на съезде в качестве делегата от Федерального округа, перехитрил правительство и использовал его щедрость для других целей. На съезде была создана национальная федерация профсоюзов «Confederación Regional Obrera Mexicana», обычно известная под названием КРОМ. КРОМ была организована на базе цеховых союзов, по образцу Американской федерации труда; создание такой организации являлось отказом от туманных анархо-синдикалистских доктрин, распространенных до тех пор среди мексиканских рабочих лидеров. Секретарем КРОМ стал Моронес, а деятельность ее контролировалась тайной «группой действия» из восемнадцати членов, которые все были союзниками Моронеса. На следующий год «группа действия» выступила на арену политической борьбы, организовав «мексиканскую рабочую партию», цель которой заключалась в поддержке кандидатуры Обрегона на пост президента.

Однако избрание Обрегона не прошло мирно. Карранса не имел намерения отказаться от власти. Вынужденный признать правило «никакого переизбрания», он решил посадить на свое место марионеточного президента. Его кандидатом был некий Игнасио Бонильяс, мексиканский посол в Вашингтоне, известный в Мексике под именем «мистер Бонильяс». Действительное избирательное право, во имя которого Мадеро сверг Диаса, а Карранса — Уэрту, все еще было мифом, и Карранса мог без труда обеспечить Бонильясу большинство голосов на выборах. Обрегонисты использовали как повод к восстанию вмешательство Каррансы во внутренние дела Соноры, губернатором которой был друг Обрегона Адольфо де ла Уэрта. В Соноре произошла забастовка железнодорожников, и Карранса намеревался послать для ее подавления федеральные войска. Тогда Сонора провозгласила себя независимой от федерального правительства. А в апреле 1920 г. де ла Уэрта в союзе с Кальесом опубликовал план Агуа Приета, призывавший к устранению Каррансы и назначению до выборов временного президента. Обрегон оставался тем временем в

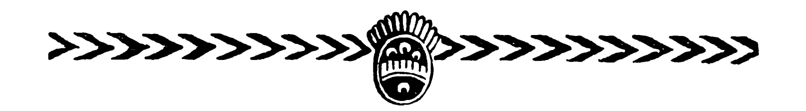
Федеральном округе. Под угрозой ареста он бежал и скрылся в Герреро.

Восстание было просто демонстрацией. Сонорская армия стала продвигаться вдоль тихоокеанского побережья, постепенно собирая силы, а военные главари всей страны поспешно примыкали к будущим победителям. Даже Пабло Гонсалес, которого Карранса осыпал своими милостями, покинул его и высказался за Обрегона. В мае Карранса решил бежать. С небольшим отрядом, в сопровождении немногих сохранивших ему верность друзей, он поездом уехал из столицы в Вера Крус, захватив с собой из мексиканского казначейства 5 млн. песо золотом и серебром. Командовавший гарнизоном Вера Крус Гвадалупе Санчес торжественно поклялся ему в верности. Но когда поезд Каррансы дошел до гор Пуэблы, Санчес напал на него. Карранса с несколькими спутниками верхом скрылся на север в надежде добраться до Тампико. Один из местных главарей Родольфо Эррера вызвался служить ему проводником. Эррера довел Каррансу до Тласкалантонго, далекой индейской деревни, лепящейся по склону горы, и предоставил ему ночлег в деревянной хижине, пообещав охранять его ночью. Когда Карранса заснул, Эррера убил его, а потом объявил его спутникам, что Карранса покончил жизнь самоубийством.

Тем временем революционная армия вступила в столицу, и Адольфо де ла Уэрта был объявлен временным президентом. Его недолго просуществовавшее правительство ликвидировало последние вспышки революции [1]. Последние сапатисты согласились сложить оружие после того, как правительство обещало предоставить в их владение захваченные ими в Морелосе земли. Таким образом, Морелос был первой областью Мексики, добившейся проведения в жизнь аграрной реформы. В июне восстали Пабло Гонсалес и Хесус Гуахардо. Гуахардо был расстрелян, а Гонсалес вынужден отправиться в изгнание. Когда в ноябре 1920 г. Обрегон стал президентом, всякое сопротивление правительству было подавлено, и провинция была подчинена центральной власти.

---

[1] Вилья был убит летом 1923 г. По всеобщему мнению, убийство было организовано членами правительства, которые боялись, что Вилья снова появится на сцене и будет противодействовать избранию Кальеса президентом.

ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ

1. Обрегон

Когда весной 1920 г. Обрегон во главе сорокатысячной армии ехал по Пасео де ла Реформа, многие, вероятно, задавали себе вопрос, является ли он только новым каудильо из того длинного ряда военных вождей, которые силой оружия захватывали Национальный дворец — преемником Итурбиде, Санта-Аны и Порфирио Диаса, — или же долгой борьбе мексиканского народа против военщины, клерикализма и плутократии действительно пришел конец. При Обрегоне и его непосредственных преемниках нельзя было сколько-нибудь уверенно ответить на этот вопрос. Если за революцией Агуа Приета последовал режим, при котором начали проводиться некоторые реформы, то она породила также новый правящий класс, продолжавший добиваться богатства и власти традиционными способами мексиканских политиков, и в течение четырнадцати лет было неясно, которое из обоих явлений окажется более важным.

В Мексике не было заметно успехов в отношении демократизации государственного строя. Лозунги мадеристской революции — «действительное избирательное право», «никакого переизбрания» — красовались на всех официальных документах, но выборы были таким же фарсом, как и прежде. Федеральное правительство воплощалось в одном человеке, попрежнему занимавшем положение фактического диктатора. В провинции соперничавшие между собой главари боролись за власть и добычу, а честные губернаторы встречались так же редко, как при Диасе. Но несмотря на прочно укоренившуюся тиранию и продажность, ход мексиканской истории представлял собой не замкнутый круг, а спираль. Правительственный аппарат при Обрегоне и его преемниках едва можно было отличить от аппарата порфиристской диктатуры. Он имел такую же власть и состоял из таких же крикливых политиканов и

продажных генералов; но постепенно его деятельность начала принимать иное направление.

Реформы сопровождались потоками революционного красноречия. Революция получила официальный характер, и отныне каждое мексиканское правительство провозглашало себя защитником рабочих и крестьян. Мексиканские политики стали называть себя социалистами и заявлять, что ведут классовую борьбу против империализма янки. Эти революционные фразы предназначались для того, чтобы пускать пыль в глаза иностранцам. Они были лишь новым образцом свойственной мексиканским политикам любви к красивым фразам. Программа Обрегона и его преемников, если оценивать ее не по их словам, а по их делам, не была ни социалистической, ни революционной. Если они оказывали рабочему классу покровительство, подобное тому, какого он уже добился в передовых капиталистических странах, то они поощряли также развитие туземного мексиканского капитализма. И если они, с одной стороны, боролись с феодальной властью креольских землевладельцев и духовенства, то, с другой стороны, не пытались коренным образом перестроить систему землевладения.

Мало кто был менее революционен по духу, чем Альваро Обрегон, установивший тот курс, которому мексиканские правительства следовали 14 лет. Уроженец полуамериканизированного штата Соноры, он обладал психологией практического дельца. Сила его заключалась в исключительно ясном понимании реальной обстановки и конкретных возможностей каждой ситуации. Налаженная экономика и политический мир значили для него больше, чем демократия и свобода.

Обрегон предоставил свободу печати, терпимо относился к критике в конгрессе и не злоупотреблял своей властью, чтобы без суда убивать или изгонять личных врагов. Но предпочитая примирение репрессиям, он тем не менее намеревался водворить мир путем концентрации власти в собственных руках. Подобно Диасу в 1876 г., он распределял должности между всеми важнейшими революционными группировками, и подобно Диасу он натравливал одну группировку на другую. Главной его опорой в конгрессе была рабочая партия. Главари КРОМ пользовались политическим покровительством и помощью против сопер-

ничавших с КРОМ профсоюзных организаций, но Обрегон не собирался стать зависимым от них. В противовес растущей силе КРОМ он стал поддерживать соперничавшую с ней партию «аграриста» (аграрную), претендовавшую на то, что она выражает интересы крестьян, и руководимую Диасом Сото-и-Гамой. В штатах он укреплял власть федерального правительства, чаще всего, чтобы помочь полезному союзнику. Революционные генералы были столь же надменны и недисциплинированны, как свергнутые ими генералы Диаса, и Обрегон, хотя и намечал жесткое сокращение расходов на армию, действовал осторожно.

При Обрегоне были устранены некоторые препятствия из числа тех, которые чинил аграрной реформе Карранса. Деревни, нуждавшиеся в земле, должны были обращаться к аграрным комиссиям штатов, которые давали им землю соседних асиенд из расчета от 7 до 20 акров на семью; затем эти решения проходили через национальную аграрную комиссию. Землевладельцы получали возмещение государственными ценными бумагами, которые, согласно закону, должны были быть выкуплены в течение двадцати лет. В эту программу не включались рабочие, жившие на асиендах. Число их за время революции уменьшилось, но все же их было более миллиона семей, почти треть всего сельского населения страны. Официально, в соответствии со 123 статьей конституции, они уже были не пеонами, а свободными рабочими, имевшими право на минимум заработной платы; но осуществление статьи 123 зависело от правительств штатов, и в большей части страны пеонаж сохранился, если не юридически, то фактически. Впрочем, свободные деревни, которых было около 24 тыс., с населением более 2 млн. семей, имели теперь право на землю.

Однако Обрегон решительно выступал против всякого радикального перераспределения земли. Он был убежден, что Мексика зависит в экономическом отношении от системы асиенд и что разрушение крупных поместий приведет к развалу экономики. Он считал аграрную реформу только предохранительным клапаном, дававшим выход недовольству, которое в противном случае могло вылиться в восстание. Инициатива решительного осуществления реформы должна была исходить от самих крестьян, но тысячи деревень были терроризированы помещиками — из

которых многие нанимали вооруженную охрану для защиты своего имущества и ведения мелких гражданских войн с восставшими крестьянами, — и священниками, которые, за немногими исключениями, объявляли аграрную программу грабежом и грозили крестьянам, если они примут землю, божьим гневом в виде эпидемии и голода. Мало кто из землевладельцев соглашался признать экспроприацию законной, приняв возмещение. Они считали, и пожалуй не без основания, что государственные ценные бумаги никогда не будут выкуплены, а поэтому не имеют почти никакой ценности[1]. К тому же деревня, подававшая просьбу о земле, не всегда получала землю. Аграрные комиссии штатов нередко были подкуплены помещиками. Национальная комиссия работала медленно и с незначительными результатами. Наконец, даже окончательное предоставление земли национальной комиссией могло впоследствии быть отменено национальным верховным судом. При Обрегоне было распределено 3 млн. акров земли между 624 деревнями. 320 млн. акров осталось в руках частных лиц, главным образом в руках нескольких тысяч богатых помещиков[2].

Но даже когда деревня действительно получала землю, это нередко приводило к разочарованию. У крестьян не было ни семян, ни орудий, ни кредитов, ни научной подготовки. Земля должна была обрабатываться сообща, под наблюдением выборных комитетов, и деревенские политики, заполнявшие эти комитеты, легко превращались в деревенских тиранов, живущих в свое удовольствие, в то время как ни них работают соседи. Если в некоторых эхидос крестьяне были способны преодолеть все эти препятствия, то были случаи, когда крестьяне становились жертвами акулростовщиков, нередко бравших за ссуды до 100%, или вынуждены были снова уходить работать на асиенды.

Рабочие были организованы лучше, чем крестьяне, и их достижения были более заметны. Статья 123 конституции

[1] Этими бумагами можно было уплачивать налоги по некоторым статьям, и предполагалось, что они приносят проценты; но выплата процентов производилась весьма нерегулярно.

[2] Эти цифры основаны на материалах переписи 1930 г., охватившей только две трети страны. Территория, на которой перепись не производилась (более 160 млн. акров), главным образом состояла из необитаемых гор, пустынь и джунглей.

оставалась недостижимым идеалом, но Обрегон поощрял вовлечение рабочих в профсоюзы, а заработная плата стала медленно повышаться, хотя и была еще намного ниже минимума, необходимого для предотвращения недоедания. К несчастью, рабочее движение было раздираемо честолюбивыми стремлениями соперничавших между собой групп. Моронес и «группа действия» хотели контролировать все профсоюзы Мексики. В стране имелся ряд независимых профсоюзов. Некоторые из них исповедывали анархо-синдикализм, на другие, особенно на профсоюзы в Вера Крус, начинал оказывать влияние коммунизм. Но официальным покровительством пользовалась только КРОМ, а без официального покровительства мексиканские рабочие организации были бессильны. В арбитражных бюро, где заседали представители капитала и труда, решающий голос принадлежал представителям правительства. По статье 123, забастовка признавалась законной, если бастующие не нарушили договор и не совершили беспричинного насилия. На практике арбитражные бюро объявляли законной любую стачку членов КРОМ. В этом случае бастующие завладевали предприятием и вывешивали красно-черный флаг КРОМ, а правительственные войска защищали их от штрейкбрехеров. Но когда забастовку объявлял независимый профсоюз, она считалась незаконной, а Моронес пользовался случаем поставлять штрейкбрехеров.

Наибольших успехов правительство Обрегона достигло в области просвещения. Это было главным образом заслугой министра Хосе Васконселоса. Он был последователен только в двух отношениях — в прославлении цивилизации, которую принесла Америке Испания, и в своей вражде к Соединенным Штатам. Васконселос считал политику США, начиная с 1810 г., сплошным заговором с целью подрыва испанских учреждений и приобретения господства над Мексикой. Его страсть к деятельности в области просвещения стимулировала развитие мексиканской школьной системы. Ему удалось построить около тысячи сельских школ и разработать программу, которую последующие правительства постепенно проводили в жизнь. Согласно этой программе сельская школа становилась не только средством насаждения грамотности, но также культурной ячейкой в самом широком смысле слова.

Сельский учитель приходил на смену священнику в деле внедрения среди индейцев цивилизации, начатом монахами XVI в., но в течение трехсот лет с лишним находившемся в совершенном пренебрежении. Сельские учителя получали жалование не выше, чем неквалифицированные рабочие, а жили зачастую в горных районах, из которых до ближайшего города надо было несколько дней ехать на муле; священники, яростно противившиеся светскому образованию, поносили их, и нередко им угрожала смерть от рук суеверных деревенских жителей.

Самой трудной из всех стоявших перед Мексикой проблем была проблема иностранного капитала. В этой области Порфирио Диас причинил непоправимый вред. Возможность вернуть отчужденные Диасом природные богатства зависела не только от самих мексиканских правительств, но также от Вашингтона. А вашингтонское правительство двенадцать лет находилось в руках республиканской партии, традиционной представительницы «дипломатии доллара», и — при президенте Гардинге — особо дружественной к нефтяной промышленности. Главной причиной трений был один пункт статьи 27 конституции, объявлявший минеральные богатства неотчуждаемой собственностью мексиканской нации [1]. Обрегон не делал никаких попыток провести это правило в жизнь, но обложил нефтяную промышленность налогами, которые были объявлены на Уоллстрит равносильными конфискации. Кроме того, вашингтонский государственный департамент бешено выступал против всего, что напоминало о большевизме, и некоторые резкие высказывания мексиканских должностных лиц, в действительности предназначенные для внутреннего потребления — обычно с целью смягчить недовольство, вызванное отсутствием каких бы то ни было революционных мероприятий со стороны этих должностных лиц, — принимались в Соединенных Штатах всерьез.

Три года Вашингтон не признавал правительство Обрегона. Эта неучтивость не причинила Мексике особого вреда. Напротив, она означала, что объединенная Мексика сможет проводить какие ей угодно реформы, не нуж-

---

[1] Другой постоянной причиной конфликтов были совершавшиеся по временам конфискации принадлежавших американцам земель для раздачи крестьянам.

даясь в сохранении благосклонности Соединенных Штатов. Ахиллесовой пятой Мексики была угроза внутреннего недовольства. Сам Обрегон крепко сидел в седле, но гарантировать мирные выборы он не мог, а если бы вспыхнула гражданская война, то позиция Соединённых Штатов могла иметь решающее значение. Поэтому Обрегон старался договориться с Соединенными Штатами и готов был пожертвовать для этого принципом, изложенным в статье 27.

С того времени как он стал президентом, Обрегон заявлял, что статья 27 не имеет обратного действия, иными словами, что иностранцев, приобретших права на недра до 1917 г., она не коснется и что относится она только к тем залежам, которые остались незамеченными во время погони за концессиями при Диасе. Однако Вашингтон настаивал, чтобы это положение было зафиксировано договором, а Обрегон считал такое требование оскорбительным. Но в то время как Вашингтон оставался непреклонным, Уолл-стрит проявляла бóльшую готовность вести деловые разговоры. В 1922 г. министр финансов в правительстве Обрегона Адольфо де ла Уэрта заключил с Томасом Ламонтом соглашение об урегулировании долгов. Мексика взяла на себя обязательство возобновить, после девятилетнего перерыва, уплату процентов иностранным займодержателям; для этой цели были ассигнованы доходы от налогов на нефть. Эта хитроумная мера парализовала американских нефтяных магнатов, завербовав на сторону мексиканского правительства американских банкиров. Тем временем торговля между обеими странами расширялась, а лидерам КРОМ была оказана мощная поддержка со стороны Американской федерации труда. Летом 1923 г. в Мексику были посланы американские дипломаты. Мексика согласилась уплатить американцам возмещение за убытки, понесенные во время революции (сумму их должна была установить комиссия по претензиям), и было подтверждено разъяснение, что статья 27 не имеет обратного действия. 30 августа Соединенные Штаты признали мексиканское правительство [1].

[1] В последующие годы Мексика часто прекращала платежи по иностранным долгам. Комиссия по претензиям представила свой отчет в 1934 г., причем Мексика согласилась заплатить 5,5 млн. долларов.

Это произошло как раз во-время, чтобы спасти правительство Обрегона, ибо до конца года вспыхнула буря, вызванная проблемой выборов президента. Обрегон решил поддержать кандидатуру своего министра внутренних дел Плутарко Элиаса Кальеса. Кальес считался руководителем левого крыла в правящей группе. Это был человек сильной воли, не особенно уважавший те конституционные свободы, о которых еще мечтали мексиканские либералы. Многие члены конгресса его не любили. Они могли рассчитывать на трудно совместимую поддержку революционных профсоюзов, не желавших вступать в КРОМ, военных главарей, жаждавших добычи, и помещиков, ненавидевших аграрные реформы [1]. В поисках подходящей кандидатуры враги Кальеса обратились к Адольфо де ла Уэрте. В течение десяти лет Уэрта был самым верным союзником Обрегона, но когда его стали тянуть вперед люди, убеждавшие его стать спасителем Мексики, а сзади подталкивали коллеги по кабинету, жаждавшие получить министерство финансов в свое распоряжение, он, наконец, уступил. В сентябре он вышел из кабинета и стал выступать с резкими разоблачениями всей политики правительства, к которому раньше принадлежал. Новый министр финансов Альберто Пани немедленно объявил, что застал министерство финансов в хаотическом состоянии и что вследствие продажности и невежества его предшественника Мексика находится на краю гибели.

Ожидаемый мятеж начался в декабре. Двое самых влиятельных военных в стране — Гвадалупе Санчес в Вера Крус (тот самый, который предал Каррансу) и Энрике Эстрада в Халиско — восстали, объявив себя сторонниками де ла Уэрты, и принялись пытать и убивать сторонников правительства и захватывать все правительственные фонды в подвластных им областях. Командовавший войсками в Оахаке Фортунато Майкотте поспешил в Мехико, получил 200 тыс. песо на подавление восстания и присоединился к повстанцам. По всей стране помещики пользовались случаем, чтобы вернуть себе розданные крестьянам земли. Губернатор Юкатана Фелипе Карильо Пуэрто, сделавший для осуще-

[1] Согласно Обрегону, противники Кальеса могли рассчитывать также на поддержку английских нефтяных фирм.

ствления аграрной реформы больше, чем какой-либо другой губернатор, был схвачен и расстрелян. Движение явно было обычным реакционным куартеласо. Либералы были устранены насильственными приемами «группы действия». В январе наемные бандиты Моронеса убили представителя де ла Уэрты в конгрессе и похитили четырех его товарищей. Возмущенный этим поступком, Хосе Васконселос вышел из правительства.

Мятежники едва не захватили Мехико; но у Обрегона было два союзника, чье вмешательство оказалось решающим: правительство Соединенных Штатов, щедро снабжавшее его оружием, и крестьянские отряды Вера Крус, тревожившие армию Санчеса с тыла. После трех месяцев тяжелой борьбы мятеж был подавлен, а большинство его руководителей поймано и расстреляно. Де ла Уэрта отправился в изгнание в Соединенные Штаты. Летом 1924 г. Кальес был без новых потрясений избран президентом. Однако мятеж обошелся правительству в 60 млн. песо. Казнь главарей мятежа была безусловным благом, но их место заняла новая группа. Вместо того чтобы использовать возможность для борьбы с военщиной, Обрегон дал генеральский чин 54 верным ему офицерам.

2. Кальес

Вступая на пост президента, Кальес был одержим подлинной страстью к социальным реформам и решимостью провести в жизнь те статьи конституции, которыми Обрегон предпочел пренебречь. Он намеревался управлять, как хозяин, а если нужно,— и как диктатор. Четыре года его правления были безусловным прогрессом в осуществлении обещаний революции. Эти годы были также отмечены неуклонной концентрацией власти в руках правящей клики. Участились случаи расстрела офицерами лиц, обвиненных в подрывной деятельности. К традиционному мексиканскому «лей фуга» прибавился, в качестве нового способа избавляться от неудобных заключенных, «лей де суисидио» [1].

Кальес был типичным представителем мексиканского революционного движения. Когда-то он был учителем начальной школы в Соноре, но его едва ли можно было

[1] Ley de suicidio (исп.) — закон о самоубийстве.

назвать образованным человеком. Он был скорее военным главарем, чем интеллигентом. Кальес называл себя социалистом, но это не помешало ему сделаться богатым землевладельцем и давать своим коллегам возможность превращаться в капиталистов. В правление Кальеса быстро рос туземный мексиканский капитализм, сосредоточенный в строительстве и легкой промышлености. Главными его представителями были члены кабинета и друзья президента, которые могли рассчитывать на поддержку правительства. Превращение «кальистов» в группу богачей, вроде сиентификос Диаса, может служить новым примером той легкости, с какой путаные идеалы мексиканской революции превращались в сознательное своекорыстие. Через шесть лет после того, как он сделался президентом, Кальес был все еще диктатором, но утратил свое былое рвение к реформам.

Бюджет государства редко превышал 300 млн. песо, а четверть этой суммы попрежнему поглощалась армией. Период диктатуры Кальеса был периодом процветания торговли, и правительство имело в своем распоряжении в то время больше денег, чем любое правительство в прошлом. Кальес энергично проводил программу просвещения, начатую Васконселосом, затевал кампании по внедрению санитарии и гигиены, предпринимал обширные ирригационные работы и прокладывал современные дороги, начинавшие нарушать первобытное уединение сельской Мексики. До своего избрания президентом он посетил Куаутлу и объявил себя наследником Сапаты. Аграрная реформа, хотя сам Сапата высмеял бы ее, осуществлялась при Кальесе значительно быстрее, чем при Обрегоне. За четыре года было распределено 8 млн. акров земли между 1500 деревень. Чтобы воспрепятствовать тирании деревенских политиканов, эхидос сразу делились на индивидуальные участки, а для разрешения проблемы кредита был создан ряд сельскохозяйственных банков. Впрочем, банки оказались для политиканов слишком большим искушением. Четыре пятых их средств давались в виде ссуд не крестьянам, а богатым землевладельцам, обладавшим политическим влиянием.

Тем временем Моронес и главари КРОМ шли по тому же пути, что и кальисты, но быстрее и более откровенно.

Моронес занял в правительстве пост министра промышленности и несколько лет фактически играл в мексиканском рабочем движении роль диктатора. «Группа действия» продолжала проводить программу разрушения независимых профсоюзов и намеревалась завербовать всех мексиканцев, работавших по найму, в ряды КРОМ. Она завладела увеселительными предприятиями, добившись того, что все театральные представления, в которых не были заняты актеры — члены профсоюзов, освистывались, и, контролируя печатников, сумела осуществлять неофициальную цензуру над мексиканской прессой. Все же при Кальесе на долю рабочих выпадали некоторые подачки. Заработная плата продолжала расти, предприниматели были вынуждены платить возмещение рабочим, потерпевшим увечье или уволенным без уважительной причины. Но гораздо заметнее были преимущества, получаемые «группой действия». Члены ее построили себе в Тлалпаме великолепную усадьбу с бассейнами для плавания и площадкой для игры в мяч, приобретали гостиницы и через посредников даже фабрики. Моронес носил дорогие бриллиантовые кольца. Критикам он объяснял, что хранит драгоценности в качестве резервного фонда, который рабочий класс сможет использовать в час нужды. На вершине своей власти КРОМ, по ее данным, имела 1,5 млн. членов, но только 13 тыс. из них платили членские взносы[1]. Значительная часть богатства КРОМ была приобретена у капиталистов посредством шантажа. Моронес пришел к заключению, что выгоднее вести с предпринимателями переговоры, чем прибегать к классовой войне. Пока он был министром промышленности, количество стачек значительно сократилось. Продолжая называть себя социалистом и произнося речи о своей солидарности с хеймаркетскими жертвами, он начал доказывать, что принципы социализма вполне совместимы с политикой сотрудничества между рабочими и капиталистами.

Самая серьезная оппозиция режиму Кальеса исходила от духовенства. Мексиканская церковь была еще тесно связана с той системой обскурантизма и классового угнетения, которая развилась в колониальный период. Ее

---

[1] Всего в промышленности, горном деле и транспорте было занято около 850 тыс. чел. КРОМ претендовала на руководство некоторыми крестьянскими союзами, но фактически его не осуществляла.

последователи попрежнему совершали паломничества, чтобы поклониться святой деве из Гвадалупе, а ее фанатики попрежнему занимались самобичеванием, прижимали к головам венцы из кактусовых колючек и увешивали себе ноги тяжелыми железными гирями. Вся программа революции была духовенству антипатична. То обстоятельство, что духовенство, по его словам, имело свою программу реформ, не нарушало его союза с привилегированными классами. В 1913 г. католический конгресс рекомендовал реформы в области труда, аналогичные реформам статьи 123, а в 1921 г. священники начали организовывать профсоюзы, объявив принадлежность к союзу, входящему в КРОМ, смертным грехом. Но церковь ничего не дала для осуществления своей программы. Фабриканты должны были принимать ее предложения по доброй воле. Рабочим говорили, что повиновение хозяевам и примирение со своей бедностью является их религиозным долгом. Ни один католический профсоюз ни разу не объявил ни одной забастовки.

В 1926 г. возник конфликт, который, казалось, готов был превратиться в войну не на жизнь, а на смерть между церковью и революцией. Первым выстрелом было вторичное опубликование в мексиканской печати протеста против конституции, заявленного духовенством в 1917 г. Рассерженный этим внезапным враждебным актом, Кальес стал проводить в жизнь игнорировавшиеся до тех пор антиклерикальные статьи конституции. Выслали двести человек иностранных священников и монахинь, закрыли клерикальные начальные школы, священникам было приказано зарегистрироваться у гражданских властей. Епископы ответили, что регистрация даст правительству возможность отбирать священнослужителей по своему усмотрению и что они предпочтут регистрации стачку.

Вечером 31 июля 1926 г. священники оставили церкви, и на следующий день, впервые со дня высадки Кортеса, в Мексике не было католической службы. По распоряжению правительства церкви перешли в ведение комитетов граждан, которым было поручено следить за тем, чтобы они оставались открытыми.

Стачка, продолжавшаяся три года, оказалась бесплодной. Индейское крестьянство было очень набожно, но вера

его и через 400 лет была более языческой, чем христианской. Пока церкви оставались открытыми, пока индейцы могли жечь свечи, исполнять пляски и праздновать фиесты в честь своих местных святых, они могли обойтись без услуг священников. На защиту духовенства встали не индейцы, а креолы, и хотя их деятельность принесла церкви мало чести, она все же причинила правительству некоторое беспокойство. В западных штатах — Халиско, Колиме и Мичоакане—мятежники, известные под названием «кристерос», чьим лозунгом было «Кристо рей» [1], ушли в горы и стали поджигать государственные школы и совершать акты бандитизма. Духовенство сняло с себя ответственность за этот мятеж, но, повидимому, не сделало ничего, чтобы его ликвидировать. В апреле 1927 г. кристерос взорвали поезд, шедший из Мехико в Гвадалахару, причем было убито и сгорело 100 пассажиров. Было признано, что при этом террористическом акте присутствовали священники, но епископы пытались оправдать их, объясняя, что они служили кристерос только капелланами. В ответ Кальес выслал шестерых епископов за границу в Техас. Феррейра, командовавший войсками в Гвадалахаре и прославившийся тем, что позволял своим офицерам похищать школьных учителей в подвластном ему районе, не собирался ликвидировать мятеж слишком быстро. Он приказал опустошить район площадью в 6 тыс. квадратных миль в Северном Халиско. 60 тыс. ни в чем не повинных крестьян вытащили из их домов и загнали в концентрационные лагери, а затем отряды Феррейры обобрали все ценное, что было на этой территории, а остальное сожгли.

Одновременно с мятежом кристерос зимой 1925—1926 гг. возник новый конфликт с Соединенными Штатами. Кальес приступил к осуществлению отдельных пунктов статьи 27, направленной против иностранцев, и в частности предложил владельцам нефтяных промыслов обменять свои владельческие права на право аренды продолжительностью в 50 лет, считая с момента приобретения участка. Соединенные Штаты нашли этот декрет противоречащим тем заверениям, которые дал Обрегон в 1923 г., и утверждали, что, хотя эти заверения не были оформлены договором,

---

[1] Cristo rey (исп.) Христос — царь.

они все же налагают на Кальеса известные моральные обязательства. Многие нефтяные магнаты, чье положение осложнялось тем обстоятельством, что вследствие путаницы в правах на землю в Мексике, а также насилия и плутовства, которыми отличался ранний период развития промышленности, мало кто из них имел безусловное право собственности на разрабатываемые ими поля, отказались приобрести право аренды. Мексиканское правительство возбудило против них судебные процессы.

В течение всего 1926 и начала 1927 г. между обоими правительствами происходил оживленный обмен нотами. Американские дельцы, имевшие капиталовложения в Мексике, стали требовать интервенции, а американские католики метали громы и молнии против религиозных преследований в Мексике. Кое-какие круги втайне добивались разрыва, ибо нападения мексиканских бандитов на американских граждан подозрительно участились, а изготовление фальшивых документов приняло масштабы крупной отрасли промышленности. Кульминационным пунктом явилось утверждение херстовской прессы, что четыре либеральных лидера в сенате Соединенных Штатов получили от мексиканского правительства взятку, превышающую миллион долларов. Эти явно смехотворные обвинения пали в конце концов на голову тех, кто их изобрел. Более того, двое самых шумливых сторонников интервенции, Олберт Б. Фолл и Эдуард Л. Дохини, были главными героями нефтяных скандалов при Гардинге. В 1927 г. американское общественное мнение решительно высказывалось за мир, и американское правительство решило изменить тактику. Весной посол Шеффилд был отозван из Мексики, а на смену ему назначен Дуайт Морроу.

Результаты приезда Морроу не замедлили сказаться. До сих пор американские дипломаты привыкли обращаться с мексиканцами, как с людьми низшей расы. Они недостаточно уважали права Мексики, как суверенной державы. Но Морроу начал не грозить, а льстить. Он завоевал доверие Кальеса, проявив большой интерес к его школам и ирригационным проектам. В результате через два месяца после приезда Морроу мексиканский верховный суд заявил, что законы о нефти противоречат конституции. Иностранцы, получившие права на недра до 1917 г., должны

получить их в собственность [1]. В течение трех лет пребывания Морроу на посту посла его дружеские заверения и чарующие манеры имели и более серьезные последствия.

Приближались очередные президентские выборы, а с ними очередной военный мятеж. Кальес решил вернуть пост президента Обрегону, а для этой цели потребовалось внести соответствующее изменение в конституцию, причем в то же время срок, на который избирался президент, был продлен до шести лет. Угроза постоянного чередования Обрегона и Кальеса явилась достаточным поводом для пронунсиаменто, и генералы стали готовиться к войне. Но Кальес действовал быстро. В октябре 1927 г. был схвачен и расстрелян по обвинению в подготовке заговора в Мехико Франсиско Серрано. В Вера Крус поднял восстание Арнульфо Гомес, но его быстро загнали в горы, а через месяц и он был расстрелян. Единственным кандидатом остался теперь Обрегон, но причиной этого была скорее политика застращивания, чем популярность Обрегона. Между Обрегоном и Кальесом не было личной вражды. С 1924 г. Обрегон стоял в стороне от политики и наживал состояние, выращивая турецкий горошек. Оба вождя остались верны друг другу — случай весьма редкий в мексиканской истории. Тем не менее, политические деятели стали называть себя обрегонистами или кальистами. Обрегон издавна враждебно относился к КРОМ, и вокруг него сплотилась партия аграристов, все еще возглавляемая Сото-и-Гамой, а также все те, кто ненавидел и боялся Моронеса. КРОМ же выступала против его переизбрания и предполагала выставить кандидатуру Моронеса. Поняв, наконец, что избрание Обрегона неминуемо, она решила сохранить нейтралитет. Обрегон сразу заявил, что не нуждается в ее поддержке, и многозначительно добавил, что без труда заполнит вакансии в правительстве и без нее. Летом 1928 г. он был избран. Но через три недели (17 июля) Обрегон был убит католиком Хосе де Леоном Торалем.

Убийство Обрегона грозило вовлечь Мексику в самый серьезный политический кризис со времени раскола между

[1] Было, однако, достигнуто соглашение, что землевладельцы не будут считаться собственниками недр, если ими не было осуществлено никаких мероприятий, которые служили бы доказательством их намерения вести разработки.

Каррансой и Вильей. Сторонники Обрегона, рассчитывавшие заполнить места в новом кабинете, требовали, чтобы виновником убийства был признан тот, кто получил от него наибольшую выгоду, иными словами, «группа действия». Ходили даже слухи, что в убийстве каким-то образом замешан Кальес. В действительности Тораль был просто фанатиком и действовал совершенно независимо от кого бы то ни было. Даже на католиков нельзя было возложить ответственность за его поступок. Тем не менее любая попытка со стороны Кальеса завладеть властью расценивалась бы, как подтверждение выдвигавшихся против него обвинений.

В этом кризисе Кальес проявил редкую государственную мудрость; в сентябре, когда собрался конгресс, он созвал в столицу всех губернаторов штатов и генералов. Перед этим небывалым сборищем деятелей Мексики, и с одобрения посла США Морроу, нарушившего правила дипломатического этикета публичными аплодисментами, Кальес прочел заявление, в котором говорилось, что Обрегон был последним каудильо. Отныне ни сам он, ни любой другой вождь не будет править как диктатор. Настала пора заменить правление лиц правлением законов и создать такие учреждения, которые будут служить надлежащей основой для демократии.

Право выбрать временного президента было предоставлено конгрессу. Нужно было назначить человека, который принадлежал бы к группе обрегонистов и в то же время был приемлем для кальистов. Подходящей кандидатурой оказался Эмилио Портес Хиль, адвокат и бывший губернатор Тамаулипаса.

3. Диктатура Кальеса

В конце 1928 г. Портес Хиль вступил на пост президента, а Кальес вернулся к частной жизни. Таким образом, шестилетний период, на который был избран Обрегон, начался многообещающе. Однако он оказался периодом неудач и разочарований. Революционное развитие Мексики было прервано, а цели его так и остались неосуществленными.

Революция с самого начала была чревата противоречиями. Ее целью было освобождение рабочих и крестьян и в то же время упрочение туземного капитализма. К 1929 г. люди, пользовавшиеся милостями правительства при Обрегоне и Кальесе, превратились в класс богачей; теперь рабочее и крестьянское движение являлось в их глазах угрозой не только креолам-помещикам и иностранцам, но также им самим. Правительственный аппарат с его диктаторской властью, ориентировавшийся при Кальесе налево, начал праветь.

Вдохновителем правящей клики, соединявшей в своих руках политическое и экономическое могущество и включавшей таких людей, как Арон Саэнс, Абелярдо Родригес, Альберто Пани, Луис Леон и Пуиг Касауранк, был Кальес. Он был окружен бывшими революционными деятелями, которые теперь принадлежали по мексиканским стандартам к категории миллионеров. В течение следующих шести лет президенты предоставляли ему решение всех вопросов государственной важности, и ни один из них не смел противиться его желаниям. Самое примитивное низкопоклонство получило еще более широкое распространение, чем в эпоху Диаса. Кальеса называли верховным вождем революции — «хефе максимо». Случаи вмешательства «верховного вождя» в политические дела, в 1929 г. относительно редкие, в последующие годы значительно участились.

В превращении кальистского аппарата из орудия реформы в орудие реакции важную роль сыграл Дуайт Морроу. Сам он сделался участником фирмы Моргана и мог превозносить достоинства капитализма не только в силу дипломатического долга, но и со всей искренностью апостола наживы. Аграрная программа, означавшая раздачу земли крестьянам, которые часто не могли производительно использовать ее, и налагавшая огромные обязательства на мексиканское казначейство, казалась Морроу нарушением всех законов экономики. Он убеждал Кальеса не распределять больше землю, если за нее не будут платить наличными. Принятие этого принципа означало бы конец всей аграрной программы. Кальисты, несомненно, и без Морроу отошли бы от революции, но Морроу ускорил их перерождение.

Портеса Хиля нельзя было назвать реакционером. Он проводил аграрную программу более быстрыми темпами, чем Кальес, и намеревался даже осуществить статью 123 конституции. Это совершилось, наконец, в 1931 г. Но главным событием его правления была ликвидация раскола между кальистами и обрегонистами и консолидация сил правящей клики путем создания новой политической партии. До сих пор мексиканские партии были временными и текучими объединениями. Большинство их создавалось кандидатами в президенты только на время выборов. Новая организация — «Национально-революционная партия» (ПНР) должна была иметь постоянный характер. Каждый государственный служащий обязан был вносить в ее фонд часть своего жалованья. Это давало ПНР большие средства и полуофициальное положение. Кальесу и Портесу Хилю удалось влить в ПНР все важные политические группы в стране и в то же время не допустить в нее ни одного лидера, проявившего наклонности к независимости. Рядовых членов партии аграристов включили в ПНР, но их руководителя Сото-и-Гаму искусно оторвали и изолировали от них. С другой стороны, в то время как большинство членов кабинета Кальеса получило ответственные посты в партии, Моронес и «группа действия» остались вне ее.

Выборы преемника Портесу Хилю должны были состояться летом 1929 г.; в марте того же года в Керетаро ПНР созвала свой первый съезд, намереваясь выдвинуть кандидатом в президенты Арона Саэнса; но в последнюю минуту было получено указание «верховного вождя» выдвинуть кандидатуру Паскуаля Ортиса Рубио из Мичоакана. Это вызвало военный мятеж, возникший в Соноре и Коагуиле и возглавленный Гонсало Эскобаром. Соединенные Штаты снабдили правительство оружием, а Кальес на время мятежа стал военным министром и через два месяца вынудил Эскобара покинуть Мексику. Тогда появился новый противник кандидата ПНР в лице Хосе Васконселоса, выдвинутого кандидатом в президенты группой, называвшей себя «противниками переизбрания». Васконселос был убежден, что Мексика стонет под игом тирании, худшей, чем тирания Диаса. Подражая Мадеро, он разъезжал по стране, разоблачая взяточничество и военную тиранию и

нападая на Кальеса и Морроу. Когда в ноябре были объявлены результаты голосования, согласно которым за Васконселоса было подано 20 тыс. голосов, а за Ортиса Рубио 1 млн. с лишним, Васконселос объявил, что выборы были проведены неправильно, и в ожидании восстания уехал в Соединенные Штаты. Но Мексика осталась спокойной, и Васконселос убедился, что сам себя осудил на вечное изгнание.

В период, когда президентом был Ортис Рубио, над Мексикой властвовал «верховный вождь». Кальес поселился в Куэрнаваке, где жил в окружении богачей — бывших участников революции — на улице, получившей в народе прозвище «улицы сорока воров». Он фактически руководил правительством. Ортис Рубио был известен всем под именем «Паскуалито», а его ничтожество было настолько общеизвестно, что грозило сделать правительство посмешищем всего народа.

Господство Кальеса означало конец революции и, в частности, конец аграрной реформы. Посещение «верховным вождем» Европы еще более укрепило его в намерении последовать совету, который дал ему Морроу. Во Франции он пришел к выводу, что крестьянская собственность на землю в экономическом отношении нежелательна. В июне 1930 г. он объявил, что аграрная реформа себя не оправдала, ибо крестьяне используют свою землю непроизводительно и объем сельскохозяйственной продукции сократился. Действительно, из всех форм сельского хозяйства процветали только те, которые были связаны с производством на крупных плантациях и для экспорта. Были эхидос, где крестьяне жили в достатке, но средний ежедневный доход большинства крестьян составлял около 44 сентавос. Иных результатов нельзя было и ожидать ввиду невежества крестьян, продажности большинства их руководителей и недостатка кредитов. Аграрная программа не имела успеха потому, что правительство выполняло ее неохотно. Однако Кальес сделал вывод, что нужно отказаться от всей программы. По его указанию в двенадцати штатах были назначены сроки, после которых раздача земли прекращалась. Количество распределяемой земли неуклонно снижалось: в 1929 г. оно равнялось 2,5 млн. акров, а в 1933 — 0,5 млн. акров.

Ни одна рабочая организация не могла больше рассчитывать на правительственную поддержку. КРОМ была уничтожена при Портесе Хиле. Моронес оказался жертвой беспринципной тактики, с помощью которой он сам стал диктатором мексиканских рабочих. Лишившись официального покровительства, КРОМ быстро распалась. В текстильных районах Вера Крус профсоюзы КРОМ были еще достаточно сильны для борьбы со своими противниками, и в течение многих лет соперничавшие между собою рабочие организации вели братоубийственную войну, которая привела к закрытию многих предприятий. Но вскоре в центральном комитете КРОМ стало так мало средств, что было не на что покупать почтовые марки. Уцелело лишь личное богатство Моронеса. Однако после уничтожения КРОМ новой федерации создано не было. Использовав революционные профсоюзы как орудие против КРОМ, правительство открыло против них беспощадные репрессии. Коммунистических лидеров убивали или высылали на каторжные работы в колонию на островах Трес Мариас в Тихом океане. Реальная заработная плата с каждым годом неуклонно снижалась, и мексиканским рабочим грозила потеря всего, что было достигнуто благодаря революции.

Впрочем, в программе революции был один пункт, который не нарушал интересов правящей клики и мог быть использован как доказательство революционности правительства: конфликт с церковью. В 1929 г., в значительной степени благодаря посредничеству Дуайта Морроу, мир был временно восстановлен. Два изгнанных епископа тайно посетили Мексику, и Портес Хиль обещал им, что если священники согласятся на регистрацию, то правительство не будет посягать на духовную автономию церкви и разрешит производить в церковных зданиях религиозное обучение, запрещенное в начальных школах. 29 июня звон церковных колоколов, молчавших три года, известил население о том, что священники опять служат мессу. Тогда на соглашение пошли остатки кристерос, и к началу 1930 г. в Мексике воцарился мир. Однако правительство имело в своем арсенале другое оружие. Законодательные собрания штатов могли ограничивать число священников, которым разрешалось служить на территории штата. Портес Хиль заявил, что правительство не намерено уничтожить церковь,

но на основании антиклерикального законодательства 1931 и 1932 гг. создавалось впечатление, что оно преследует именно эту цель. Впервые в истории Мексики священники имели законное право жаловаться на религиозные преследования. Им пришлось быть козлами отпущения за преступления правительства. В южном штате Табаско, которым управлял Гарридо Каннабаль — эксцентричный диктатор, организовавший антиклерикальный отряд «красных рубашек», — было уже издано постановление, запрещавшее доступ на территорию штата всем священникам, которые не состояли в законном браке. В 1931 г. другие штаты стали ограничивать число священников или вообще не допускать их на свою территорию. А к 1933 г. во всей Мексике было позволено совершать богослужение только 197 священникам, так что в среднем приходился один священник на 80 тыс. жителей. Эти законы часто приводили к восстаниям, а иногда к расстрелам, высылкам и конфискациям имущества. Все это могло быть использовано в доказательство того, что церковь остается опасным врагом революции.

В сентябре 1932 г. правлению Ортиса Рубио внезапно пришел конец. Рубио попытался удалить некоторых чиновников, пользовавшихся доверием «верховного вождя». Тогда Кальес сообщил в печати, что Ортис Рубио вышел в отставку, а когда эта новость дошла до самого президента, он счел за лучшее подтвердить ее. Преемником его был Абелярдо Родригес, богатый банкир и владелец игорных домов. В правительственных кругах было еще принято революционное красноречие, и Роберто Кирос Мартинес поспешил выпустить биографию нового президента, в которой восхвалял его как друга и защитника пролетариата. Тем временем стали проявляться открыто фашистские тенденции и начались вооруженные выступления организации «золотые рубашки», поддерживаемой богатыми кальистами и посвятившей себя войне с евреями, с одной стороны, и коммунистами — с другой.

Однако, хотя казалось, что революции пришел конец, правление Родригеса явилось переходным периодом, за которым последовала новая волна реформ. Программа революции была попрежнему программой мексиканского народа, и хотя вероломные лидеры могли на время

преградить революционный поток, с течением времени он накопил достаточно сил, чтобы с возросшей энергией устремиться вперед. До сих пор над Мексикой господствовали ветераны революции, психология которых отражала весь обскурантизм провинциальной жизни времен Диаса. Они черпали вдохновение из самых неподходящих источников. Сальвадор Альварадо, в своё время влиятельный выразитель идеалов революции, приписывал свое духовное пробуждение чтению трудов Сэмюэля Смайлса, автора викторианских рассказов о добившихся успеха молодых людях. Теперь выросло новое поколение — поколение людей, умы которых формировались под влиянием самой революции и которые всерьез принимали ее чаяния. Многих из них привлекали идеалы русской революции, и они провозгласили коллективизм своей конечной целью. Эти люди считали своей библией 27 и 123 статьи конституции, однако, по существу, они представляли новое движение, возникшее из революции, но во многом отличавшееся от нее. Мексиканское движение за переустройство общества, говорившее в XIX в. по-французски, теперь начинало говорить по-русски. Время покажет, насколько эти люди сохранят верность своим идеалам.

ПНР никогда не отличалась монолитным единством фашистской правящей партии, и в 1933—1934 гг. силу в партийной организации стали захватывать молодые. Один из самых видных членов этой группы, Нарсисо Бассольс, был одно время министром просвещения в кабинете Родригеса.

До конца 1933 г. было распределено около 19 млн. акров земли между 4 тыс. деревень с населением в 750 тыс. семей. Более 300 млн. акров находилось еще в руках частных владельцев, причем четыре пятых этого количества принадлежало асиендам, имевшим более 2500 акров каждая, и свыше 150 млн. акров принадлежало менее чем 2 тыс. семей. Почти 2,5 млн. семей вообще не имело земли. Иными словами, после двадцати лет якобы революционного правления мексиканская деревня была еще в основном феодальной. В 1933 г. левому крылу удалось снова двинуть реформу вперед, и на следующий год оно провело аграрный кодекс, передававший распределение земли из ведения штатов в ведение федеральных органов и имевший целью

сделать это распределение более скорым и эффективным. Кроме того, сельскохозяйственные банки были реорганизованы, с тем чтобы они действительно давали ссуды крестьянам.

В области просвещения достижения революции выразились в строительстве 6—7 тыс. федеральных сельских школ и такого же количества школ, контролируемых штатами или частными лицами. В сельских школах числилось 750 тыс. детей, или 30% всего количества деревенских детей школьного возраста, а процент неграмотных среди лиц старше 10 лет упал с 69 до 59. Однако многие школы были плохо оборудованы или вовсе не имели никакого оборудования. Учителя нередко обучали по 70 детей одновременно, а треть учителей получала жалованье менее 40 песо в месяц. В 1933 г. Бассольс провел общую реформу школьной системы. Он повысил учителям жалованье, распространил контроль федеральных органов на школы штатов и применил принципы сельской школьной системы к городским школам. На следующий год была принята поправка к конституции, в которой говорилось, что официальной точкой зрения во всех мексиканских школах должна быть точка зрения социализма. Но на практике «социалистическое воспитание» имело мало общего с социализмом. В Мексике слово «социалист» почти утратило свой смысл. Кальес все еще называл себя социалистом, а среди школьных учителей только ничтожное меньшинство имело хоть малейшее представление об учении Маркса. Под социалистическим воспитанием обычно понималось такое воспитание, которое боролось с клерикализмом путем внедрения научных взглядов на жизнь. Введение в школе «социалистического» воспитания усилило враждебное отношение католиков к правительству. Несколько лет учителя в отсталых районах страны жили под постоянной угрозой нападения, и 18 человек из них было убито.

Из среды рабочего класса появлялись новые руководители; наиболее выдающийся из них, Висенте Ломбардо Толедано, интеллигент, бывший раньше профессором университета, представлял новый тип в мексиканском политическом рабочем движении. Ломбардо Толедано несколько лет сражался внутри КРОМ против господства Моронеса. В 1932 г. он объединил профессиональные союзы в Гене-

ральную конфедерацию рабочих и крестьян (КХОК). Некоторые его помощники, получившие воспитание в школе Моронеса, были продажны, однако новая организация стояла значительно выше КРОМ, как по своим теоретическим основам, так и по честности своих членов.

Кальисты не собирались отказываться от власти; но усиление левого крыла ПНР вызывало необходимость перейти от открытой вражды к политике уступок. Когда пришло время выбирать президента, Кальес решил выдвинуть такого кандидата, который был бы приемлем для молодых, и нашел подходящую фигуру в лице Ласаро Карденаса. Последний родился в 1895 г. и завоевал популярность в качестве генерала, министра и губернатора Мичоакана. Кальес предложил также разработать национальный план, который послужил бы программой новому правительству. Магическое слово «план» немедленно возбудило всеобщий восторг, и было решено, что Мексика должна принять шестилетний план. Такой план, обещавший, хотя и в очень туманных выражениях, быстрое расширение аграрной и просветительной программы и правительственного контроля над промышленностью, был составлен в течение двух-трех месяцев и принят вместе с избранным Кальесом кандидатом на съезде ПНР. Успокоив левое крыло и кандидатом и планом, Кальес решил, что предотвратил опасность открытой борьбы. Карденас был избран президентом в июле 1934 г., а двум другим кандидатам — коммунисту Эрнану Лаборде и противнику переизбрания Антонио Вильяреалю — досталось то незначительное число голосов, которое в Мексике по традиции получают неофициальные кандидаты. Карденас стал президентом в ноябре и принял предложенный Кальесом состав кабинета. Кальес полагал, что после того, как Карденас окажется у власти, его революционный пыл быстро испарится и он найдет невозможным управлять без помощи «верховного вождя».

4. Карденас

После избрания Карденаса произошла первая мирная революция в истории Мексики. Кальес обнаружил, что дал левому крылу не просто представителя, но и руково-

дителя. Карденас оказался не только честным человеком, но также исключительно способным политическим деятелем. Еще до выборов он возбуждал подозрения «верховного вождя». Мексиканские кандидаты в президенты имели обыкновение платить дань уважения «действительному избирательному праву», предпринимая тур поездок по стране и произнося речи; но по тому, как Карденас вел свою кампанию, было видно, что он серьезно борется за избрание. Он проехал 16 тыс. миль и стал известен значительно большей части мексиканского народа, чем любой его предшественник. Вступив в должность, он немедленно показал, что намерен принимать всерьез революционные заявления, которые имели хождение в официальных кругах. Он стал закрывать незаконные игорные дома, большинство которых принадлежало богатым кальистам, и весьма энергично осуществлял аграрную программу. А когда весной 1935 г. поднялась волна стачек, он выразил им сочувствие.

Вначале Кальес пытался овладеть положением, применив свое старое оружие, — антиклерикализм. Гарридо Каннабаль был членом кабинета, и деятельность его «красных рубашек» распространялась на всю республику. Они стали нападать на католиков, намереваясь, повидимому, спровоцировать их на восстание, которое заставило бы Карденаса обратиться к услугам «верховного вождя». Когда эта тактика не дала ожидаемых результатов, Кальес, созвав в июне 1935 г. ряд сенаторов в Куэрнаваку, произнес речь, в которой порицал эпидемию стачек и напомнил о судьбе Ортиса Рубио. Карденас ответил на это решительным разрывом с «верховным вождем». Он распустил кабинет и с помощью Портеса Хиля, ставшего президентом ПНР, быстро образовал коалицию антикальистских элементов. В новом кабинете господствовало левое крыло, возглавлявшееся главным автором 27 и 123-й статей конституции, генералом Мухикой; но в нем имелся также сторонник крайней правой, генерал Сатурнино Седильо, который 20 лет правил в Сан-Луис-Потоси и постепенно из крестьянского вождя превратился в богатого феодала-землевладельца и защитника католической церкви. Намекнув, что он может ослабить антиклерикальные законы, Карденас обратил антиклерикализм «верховного вождя» против

самого Кальеса[1]. Положение Карденаса было настолько прочным, что сенаторы, побывавшие в Куэрнаваке, сразу поняли, куда дует ветер, и Кальес потерял почти всех своих сторонников. В течение ближайших месяцев пали губернаторы-кальисты. Когда «краснорубашечники» встретили пулеметами табасканских студентов, явившихся из Мехико в столицу своего штата, чтобы демонстрировать против Гарридо Каннабаля, федеральное правительство вмешалось. Гарридо Каннабаль был изгнан, а «красные рубашки» распущены. По всей стране рабочие и крестьянские демонстрации добивались устранения других реакционных губернаторов. К концу года Карденас обладал столь же полной властью над Мексикой, как прежде Кальес.

Кальес, следивший за положением из ранчо в Синалоа, вернулся в декабре в столицу. Дом его охранялся, и какие бы политические планы он ни вынашивал, он находил нужным проводить время за игрой в гольф. Однако его присутствие в столице вызывало беспокойство. «Золотые рубашки» действовали, и по некоторым признакам было видно, что готовится переворот. В апреле 1936 г., когда бурные рабочие демонстрации требовали смерти Кальеса, Карденас устранил виновника волнения. Кальес и Моронес были отправлены на самолете в Техас. Кальес заявил американским журналистам, что он изгнан за то, что был врагом коммунизма и у него видели книгу Гитлера «Майн кампф». В Соединенных Штатах Кальес обращался за помощью к Уолл-стрит, к Американской федерации труда и даже к католической церкви; но его политическая карьера, повидимому, совершенно окончена.

Укрепив свою власть над страной, Карденас отказался от блоков, заключенных им во время конфликта с Кальесом, и преобразовал правительство в соответствии с требованиями левого крыла. Осенью 1936 г. Портес Хиль был удален с поста председателя ПНР, а летом 1937 г. Сатурнино Седильо вышел из кабинета и вернулся в Сан-Луис-Потоси. После падения Кальеса Карденас фактически стал диктатором, но это была диктатура, небывалая в истории Мексики. Печать осталась свободной, и оппозиционным

[1] В 1938 г. бóльшая часть антиклерикальных законов была еще в силе, но применялись они гораздо снисходительнее.

элементам была предоставлена значительная свобода критики. Карденас жил скромно, избегал общества богатых людей и не проявлял желания разбогатеть. Он проводил в столице мало времени и продолжал поездки по стране, посещая далекие деревни, не видавшие ранее ни одного президента, выслушивая крестьян, излагавших ему свои нужды. Он не выносил революционного фразерства, и бо́льшая часть его публичных выступлений была посвящена сугубо практическим мероприятиям в области реформ.

Наиболее энергичную поддержку оказало новому режиму рабочее движение. Весной 1936 г. была организована новая федерация профессиональных союзов, Конфедерация трудящихся Мексики, или КТМ, секретарем которой стал Ломбардо Толедано. В отличие от КРОМ, КТМ была организована на базе производственных профсоюзов. Она установила дружественные отношения с Джоном Л. Льюисом и конгрессом производственных профсоюзов США. Однако Карденас не хотел допускать, чтобы в руках Ломбардо Толедано была сосредоточена слишком большая власть, и воспротивился стремлению КТМ к установлению контроля над крестьянами. Рабочий класс, крестьянство и армия были тремя опорами режима Карденаса, и его политика заключалась в том, чтобы не давать этим трем силам возможности объединиться. Но хотя принцип «разделяй и властвуй» был традиционным в мексиканской политике, система организации являлась, в свом роде, единственной. Все предыдущие правительства были основаны на коалициях различных главарей, тогда как система Карденаса создавала непосредственный контакт между федеральным правительством и народом. Карденас старался объединить различные крестьянские союзы, большинство которых было орудиями местных лидеров, в организацию национального масштаба и надеялся подорвать независимую власть генералов, увеличив жалованье и подняв дух рядовых солдат. В то же время, чтобы создать противовес армии, он распределял среди крестьян оружие и организовал из них милицию. Власть профессиональных политиков над ПНР была ослаблена посредством приема в партию делегатов профсоюзов и крестьян, а в начале 1938 г. была проведена полная реорганизация ПНР. Принудительная уплата чиновниками взносов была отменена, и партия должна

была отныне представлять рабочих, крестьян и армию. Она стала называться партией мексиканской революции.

При Карденасе программа революции проводилась с небывалой быстротой. К концу 1937 г. Карденас распределил среди крестьян 25 млн. акров земли — на 6 млн. акров больше, чем все предыдущие правительства. Он заявлял, что через несколько лет осуществит аграрную реформу в том виде, в каком она предусмотрена существующими законами.

Завершение реформы отнюдь не означает разрушения асиенды: по крайней мере одна треть земель попрежнему будет принадлежать частным лицам, и положение миллиона сельскохозяйственных рабочих останется неразрешенной проблемой[1]. Борьба между асиендой и эхидо будет поэтому продолжаться, и окончательная судьба Мексики зависит, вероятно, от экономического успеха новой системы. Ранее большинство политических деятелей считало эхидо только средством утолить земельный голод воинствующего крестьянства. Предполагалось, что в нормальных условиях эхидо прокормит обрабатывающих его крестьян, но не сделается существенным элементом экономики страны. Однако при Карденасе аграрная реформа предусматривала не только распределение участков земли, на которых крестьяне могли бы выращивать кукурузу, но также организацию кооперативных хозяйств для производства на рынок. Первый опыт организации этого нового вида эхидо был произведен в хлопководческом районе Лагуна, в провинциях Коагуила и Дуранго. Это район площадью в 8 млн. акров, где аллювиальные отложения рек Насас и Агуанаваль создали необычайно плодородную почву. В октябре 1936 г., после стачки рабочих хлопковых плантаций, в районе Лагуна, на площади в 600 тыс. акров, были организованы под личным наблюдением Карденаса кооперативные хозяйства, в которые вошло 30 тыс. крестьянских семей. В район было отправлено огромное количество семян и оборудование. Правительство стало проводить обширные ирригационные работы, были организованы школы и потребительские кооперативы, а новый

---

[1] По аграрному кодексу 1934 г. сельскохозяйственным рабочим было разрешено становиться членами соседних эхидо; но вряд ли этой уступкой могло воспользоваться значительное число рабочих.

Национальный банк кредита для эхидо предоставил кооперативам ссуды на сумму до 30 млн. песо. Летом 1937 г. лагунский опыт был начат, и, повидимому, успешно. Аналогичные проекты осуществлялись на пеньковых плантациях Юкатана, в долинах рек Яки и Мехикали в Соноре и в других местах. Новая система таила в себе очевидную опасность. Возникали сомнения, имеют ли крестьяне достаточную сельскохозяйственную квалификацию. Не была исключена возможность, что организаторы предприятия и должностные лица Банка кредита для эхидо установят свой контроль над предприятием и обратят крестьян в новое рабство. По мнению Луиса Кабреры, выразителя идеалов 1910 г., все эти эксперименты должны были окончиться восстановлением энкомиендарной системы колониального периода. В начале 1938 г., вследствие засухи летом 1937 г., лагунский опыт, казалось, был в опасности, и крестьянские лидеры энергично критиковали банк за отказ давать новые ссуды. Однако опыт всей мексиканской истории свидетельствовал, что асиенда и эхидо не могут вечно существовать бок-о-бок. Если будет уничтожена асиенда, то ее может заменить только кооперативное сельское хозяйство [1].

Была возобновлена война с иностранным капиталом. Теперь она могла вестись более энергично благодаря исключительно дружественному отношению правительства Рузвельта к Мексике. Иностранные предприниматели оказались между двух огней. С одной стороны — боевой рабочий класс, требования которого о повышении заработной платы получают официальную поддержку, с другой — правительство, неуклонно усиливающее свой контроль над экономикой. Карденас не собирался изгонять иностранцев.

[1] Организация крестьянских кооперативных хозяйств при капитализме не может, конечно, разрешить аграрную проблему. Организация подобных кооперативных предприятий способствует только ускорению развития капитализма, тому, что капиталистическое государство и отдельные капиталисты (например, как указывает сам Паркс, «организаторы предприятия и должностные лица Банка кредита для эхидо») устанавливают над ними контроль и получают возможность эксплоатировать крестьян более удобными способами или же тому, что эксплоататорские элементы вырастают из среды самих крестьян и превращают кооперативные предприятия в орудие для лучшего извлечения прибылей. (*Прим. ред.*)

Считая, что Мексика нуждается еще в иностранном капитале и иностранных специалистах, он призывал к продолжению иностранных капиталовложений. Его целью было заставить иностранных капиталистов платить мексиканским рабочим максимально высокую заработную плату. Он не контролировал непосредственно туземный капитализм, насажденный кальистами. Окончательные намерения правительства оставались неясными. Некоторые из советников Карденаса были открытыми сторонниками коллективизма, но сам он утверждал, что не намерен уничтожать частную предпринимательскую деятельность. Однако рабочие, бастовавшие против туземного капитала, получали поддержку правительства. В начале 1936 г. забастовка на стекольном заводе в Монтерее, центре мексиканской тяжелой промышленности, а также штаб-квартире «золотых рубашек» и богатых кальистов типа Арона Саэнса, сопровождалась уличной демонстрацией тысяч собственников, которые несли плакаты с лозунгами, направленными против коммунизма. Карденас посетил Монтерей и заявил, что не намеревается коллективизировать частную промышленность, но добавил, что, если промышленники откажутся платить достаточную заработную плату, правительство охотно завладеет их предприятиями.

Однако фактически программа Карденаса вела к быстрому расширению государственной собственности. Забастовки происходили часто, а в случае забастовок излюбленной политикой правительства было производить расследование состояния финансов в соответствующей отрасли промышленности. В результате расследования мексиканские чиновники определяли размеры заработной платы, которую может выплачивать рабочим данная отрасль.

Тенденцией этой политики было сделать Мексику непривлекательной для иностранного капитала и таким образом, путем измора, вернуть стране ее предприятия и природные богатства. Позиции, оставленные иностранцами, занимались уже не туземным капитализмом, а государством. В 1936 г., после забастовки в электроэнергетической промышленности, английская фирма «Мексикен лайт энд пауэр компани» согласилась повысить заработную плату. Однако железные дороги, которые до тех пор работали на иностранных займодержателей, были в 1937 г. национали-

зированы, а в марте 1938 г. были экспроприированы иностранные нефтяные компании, как английские, так и американские. Летом 1937 г. быстрое вздорожание предметов первой необходимости в районах добычи нефти вызвало стачку. Тогда правительство произвело расследование в нефтяной промышленности и пришло к выводу, что общая прибыль нефтяных компаний составляет в среднем 60 млн. песо в год, т. е. около 17% на вложенный капитал, и что компании продают в Мексике нефть по более высоким ценам, чем за границей. Арбитражное бюро предложило компаниям выплатить прибавки к заработной плате на сумму в 26 млн. песо и дать рабочим определенные права участия в управлении промыслами. Нефтяные компании опровергали результаты правительственного отчета и заявили, что в действительности их прибыли составляют только 23 млн. песо. Они предложили повысить заработную плату на 22 млн. песо, но утверждали, что выплата прибавок, предписанная арбитражным бюро, обойдется им в 41 млн. песо, что это невозможно и что они скорее покинут Мексику, чем подчинятся требованию бюро. Компании апеллировали к мексиканскому верховному суду, оспаривая решение арбитражного бюро, но суд поддержал бюро. А когда нефтяные компании все же отказались заплатить прибавку, несмотря на гарантию правительства, что она обойдется им не более чем в 26 млн. песо, их имущество было конфисковано правительством[1]. Компаниям было обещано уплатить возмещение, а нефтяные промыслы должны были отныне принадлежать правительству и управляться рабочими. Эта мера, самая смелая, какую только принимало какое-либо мексиканское правительство со времени революции, была встречена в Мексике с энтузиазмом. Нефтяных магнатов всегда ненавидели больше, чем каких-либо других иностранных капиталистов, потому что они эксплоатировали незаменимые естественные богатства страны, никогда не подчинялись правительственному регулированию и призывали Соединенные Штаты к интервенции. Критики режима Карденаса спрашивали, каким образом

[1] В день, когда был подписан декрет об экспроприации, нефтяные компании согласились выплатить прибавку к заработной плате, но попрежнему отказывались выполнить остальные требования арбитражного бюро.

Мексика сумеет уплатить обещанную компенсацию, будут ли нефтяные промыслы работать достаточно производительно и кому будет Мексика продавать свою нефть, учитывая враждебное отношение к ней за границей.

Политика Карденаса, осуществлявшего революционную программу на всех фронтах, была чревата серьезными опасностями. В 1938 г. финансовое положение правительства было весьма неопределенным. Карденас пришел к власти в период роста благосостояния в стране. С 1931 по 1936 г. мексиканская внешняя торговля выросла более чем вдвое, и в 1936 г. доход федерального правительства впервые превысил 400 млн. песо. В 1938 г. правительство уже не выпускало ценных бумаг для возмещения экспроприированным землевладельцам и не платило процентов по прежним долгам. Оно все еще заявляло, что намерено в конце концов уплатить возмещение, но представлялось вероятным, что большая часть аграрного долга будет, в конечном счете, аннулирована. Тем не менее, правительственная программа предусматривала весьма значительные расходы. Строилось по 2 тыс. сельских школ в год. Проекты хозяйственного планирования в отдельных районах, вроде лагунского эксперимента, требовали крупных капиталовложений. Кроме того, правительство было теперь обязано платить компенсации бывшим владельцам железнодорожных акций, нефтяным компаниям, а также компенсации за все оборудование и здания, отнятые у землевладельцев. До 1938 г. благосостояние Мексики частично зависело от проводившейся правительством Соединенных Штатов политики закупок серебра. Но в марте этого года Вашингтон объявил, что закупки серебра в Мексике будут прекращены. Это была, очевидно, репрессия в ответ на конфискацию нефтяных промыслов, и свидетельствовала она о том, что Карденас не может больше рассчитывать на поддержку правительства Рузвельта. Мексике грозил серьезный экономический кризис. Устойчивость режима Карденаса зависела, вероятно, от быстрого успеха кооперации в сельском хозяйстве и новых экспериментов в области установления государственной собственности на предприятия.

Тем временем враги режима надеялись на его крушение. В период правления Карденаса в Мексике существо-

вала яростная оппозиция ему среди землевладельцев и промышленников, продолжалась агитация против евреев и коммунистов, наемные бандиты то и дело убивали рабочих и крестьянских лидеров и периодически возникали слухи о готовящемся фашистском перевороте, причем наиболее подходящей фигурой для того, чтобы возглавить этот мятеж, казался Сатурнино Седильо, единственный военный, сохранивший еще частную армию. Международное положение отразилось и на Мексике. В то время как мексиканское правительство, единственное из всех американских правительств, оказывало помощь испанским республиканцам, мексиканские реакционеры мечтали о победе генерала Франко, надеясь, что она укрепит их собственное положение. Если бы в Мексике была предпринята попытка переворота, то она, весьма вероятно, получила бы тайную поддержку фашистских держав Европы, ибо правительство Карденаса, единственное прогрессивное правительство к югу от реки Рио-Гранде, было главным препятствием для осуществления их надежды на установление фашистского господства в Латинской Америке [1].

5. Заключение

Даже в 1938 г. людям, презрительно относившимся к мексиканской революции, легко было издеваться над ее конкретными результатами. За тот же период многие другие страны осуществили более значительные реформы при меньшей огласке. В 1938 г. Мексика была еще отсталой страной, сохранившей кастовый строй. В то время как политические деятели и промышленники Федерального округа наслаждались европейской роскошью, средняя рабочая семья попрежнему жила в лачуге из одной комнаты и зарабатывала недостаточно не только для редких развлечений, но даже для удовлетворения своих основных нужд. Шестилет-

[1] Давно ожидавшееся восстание генерала Седильо началось 21 мая 1938 г., когда эта книга печаталась. Мятеж начался без достаточной подготовки в ответ на требование Карденаса, чтобы Седильо покинул Сан-Луис-Потоси и отказался от своей частной армии. За 2—3 недели мятеж был без труда подавлен. Седильо пользовался, очевидно, поддержкой из Германии; кроме того, по утверждению мексиканского правительства, ему помогали нефтяные фирмы.

ний план предусматривал минимум заработной платы, обещанный в статье 123 конституции, и этот минимум сводился к 1,5 песо в день. Но если рабочие в наиболее развитых отраслях промышленности зарабатывали вдвое или втрое больше этой суммы, то имелись районы, где не был достигнут даже этот минимум. Более половины сельского населения попрежнему работало на асиендах и питалось главным образом лепешками тортильяс и перцем. Даже в Федеральном округе, на окраинах Мехико, имелись индейские деревни, обитатели которых жили в хижинах из необтесанного камня, таких низких, что в них нельзя было стать во весь рост, и спали на голой земле. Индейские племена в горах Герреро и лесах Чиапаса недалеко ушли от каменного века. Употреблялось еще 54 различных индейских языка. Свыше миллиона человек не говорило по-испански, еще миллион человек объяснялись преимущественно по-индейски. Более половины населения оставалось совершенно неграмотным.

И все же сводить революцию к статистическим данным значило бы недооценить ее подлинное значение. Она произвела глубокую перемену в национальном сознании. Вновь ожила индейская культура, задавленная со времени испанского завоевания. Война за независимость не достигла своих главных целей, а Реформа боролась с туземной тиранией при помощи иностранной идеологии; но революция дала Мексике национальную цель. Задачей, разрешением которой постепенно занялась послереволюционная Мексика, было сплавить индейский жизненный уклад с тем, что есть ценного в современной цивилизации, включить индейские качества в современное общество, не уничтожая их.

Иностранные наблюдатели нередко пытались свести мексиканскую систему к той или иной из господствующих идеологий послевоенного мира. Если иностранные промышленники часто видели в мексиканской диктатуре диктатуру пролетариата, то иностранные радикалы, даже при режиме Карденаса, были склонны находить в ней сходство с фашизмом. Однако в действительности мексиканская система является системой sui generis.

Революционный характер этой системы с большой творческой силой проявился в области искусства. Послереволюционная Мексика была ареной возрождения, являв-

шегося выражением идеалов народа, выходящего из эпохи феодализма. Во всем этом было нечто общее с великим европейским Возрождением. Вновь развился свойственный индейским народам талант к изобразительным искусствам, и Мексика стала давать лучшие архитектурные произведения и картины во всей Америке. Такие художники, как Ривера и Ороско, исповедывавшие учение Маркса, создали, например, в фресках, заказанных политическими деятелями для стен общественных зданий, гневные каррикатуры на вероломных руководителей, обогатившихся благодаря революции. Но наряду с ненавистью, породившей эти суровые произведения, в художниках мексиканской революции жила вера в будущее Мексики, теплое и живое понимание индейских легенд, индейских фиест, красок индейской жизни; так, они дали картины, изображающие идеальный мир, где крестьяне будут пахать свою собственную землю, а мечты Морелоса и Сапаты станут действительностью. Тот же бунтующий энтузиазм вдохновлял другие искусства. В деятельности таких композиторов, как Карлос Чавес, традиционные индейские мелодии легли в основу национальной музыки. Темами романа эпохи революции служили подвиги Вильи и Сапаты, а также жизнь индейских крестьян, с которой мексиканские интеллигенты знакомились теперь впервые. Хотя этот роман нередко был лишен технического совершенства литературы эпохи Диаса, он отличался жизненностью, до которой далеко было прежним мексиканским писателям.

Брешь между креолом и индейцем в мексиканской культуре отнюдь не была заполнена. Течения, распространенные среди мексиканских интеллигентов и представленные Автономным университетом [1] и философией Антонио Касо и Хосе Васконселоса, остались испанскими, католическими и потенциально фашистскими; но революционное течение, хотя его теоретические выражения часто носили примитивный характер, было несравненно более творческим.

Революционные мечтатели надеялись, что мексиканское крестьянство перейдет от своего примитивного хозяйства к кооперации. Дать мексиканской деревне блага современной

[1] Университет был восстановлен Хусто Сьеррой в 1910 г. Самоуправление он получил в 1933 г.

техники, не разрушая индейских навыков совместного труда, освободить индейцев от первобытных суеверий, сохранив в то же время то эстетическое чувство, которое нашло свое выражение в корридос, танцах и фиестах, — все эти возможности были постепенно осознаны в годы революции.

В этих рассуждениях было, вероятно, много утопического. Вся революционная программа зависела от роста производительности членов эхидос, для чего, в свою очередь, необходимо было пробуждение у них новых потребностей, новых интересов. Но когда жизненный уровень крестьян повысился, в их среду начали проникать американские обычаи, осуждаемые как реакционерами, так и революционерами. Американские кинофильмы и танцовальные мотивы стали появляться даже в далеких деревнях, куда можно добраться только на мулах. В 20-е годы многие мексиканские рабочие эмигрировали на поиски американской заработной платы. Они вернулись на родину в эпоху депрессии и послужили средством проникновения в Мексику американской культуры.

Нельзя предсказать, какими путями национальный характер и современный уклад жизни в конце концов приспособятся друг к другу. Мексика может не оправдать надежд некоторых ее поклонников. Но важно то, что 12 миллионов ее деревенских жителей приобретают новую веру в будущее, что ее индейские народы создают новые культурные ценности и их культура приобретает самостоятельный характер. Даже при Обрегоне и Кальесе аграрные реформы не были совершенно бесплодными. Существовали эхидос, нашедшие бескорыстных руководителей и не отравленные ядом политической коррупции. То там, то сям появлялись рассеянные по различным частям страны образцовые деревенские общины, ячейки нового общественного порядка, который когда-нибудь, быть может, распространится по всей Мексике. В этих ячейках крестьяне сумели организовать совместный труд: они изучают новые методы в сельском хозяйстве, покупают тракторы и сельскохозяйственные орудия, новые семена и скот, совершенствуют ирригацию и санитарию, строят бетонные дома с современными ванными, современные дороги, школьные и общественные здания. Подобно индейцам майя в юкатанской деревне Чан Ком, они уже не вспоминают легенды о рае, каким будто бы

была Мексика до прихода испанцев. Теперь они смотрят вперед, мечтая о том времени, когда каждый крестьянин будет жить в каменном доме и иметь свой скот и фонограф, когда деревенский кооператив повезет на рынок свою кукурузу и овощи в коллективном грузовике, а иностранцы будут приезжать в деревню в автомобилях и восхищаться ее достижениями [1]. Неуклонный рост подобных общин в течение 20-х и 30-х годов и постепенное распространение влияния этих новых надежд на крестьян, работавших на помещиков или угнетаемых политиканами, были гораздо более значительными явлениями, чем неистребимость коррупции и тирании среди революционных деятелей. Эти явления показывают, что индейская Мексика начинает, наконец, освобождаться от четырехвекового владычества белых и что индейские народы обладают достаточной жизненной силой, чтобы стряхнуть привычки, созданные у них угнетением и эксплоатацией, и создать свое будущее своими собственными руками [2].

---

[1] См. описания подобных деревень в книгах: Eyler Simpson. The Ejido, стр. 306—315 и Robert Redfield and Alfonso Villa. Chan Kom.

[2] Попытка изобразить социальный строй Мексики, как какой-то совершенно своеобразный (sui generis) строй, абсолютно ненаучна. Мексика — обычная полуколониальная страна, идущая в фарватере американского империализма. Лучшего будущего мексиканцы не смогут добиться путем постепенного прогресса, о котором мечтает Паркс. Чтобы избежать участи американской колонии, мексиканцы должны вступить на путь решительной борьбы с американским капиталом и реакционными правителями, неспособными отстоять честь и независимость своей родины. (*Прим. ред.*)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФОРМА

ГОСПОДСТВО ДИАСА

РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ

Редактор *Н. М. Соболева*
Переплет, титул и заставки художника *И. Фоминой*
Технический редактор *Б. И. Корнилов*
Корректоры *А. Ф Алябьев* и *В. С. Соколов*

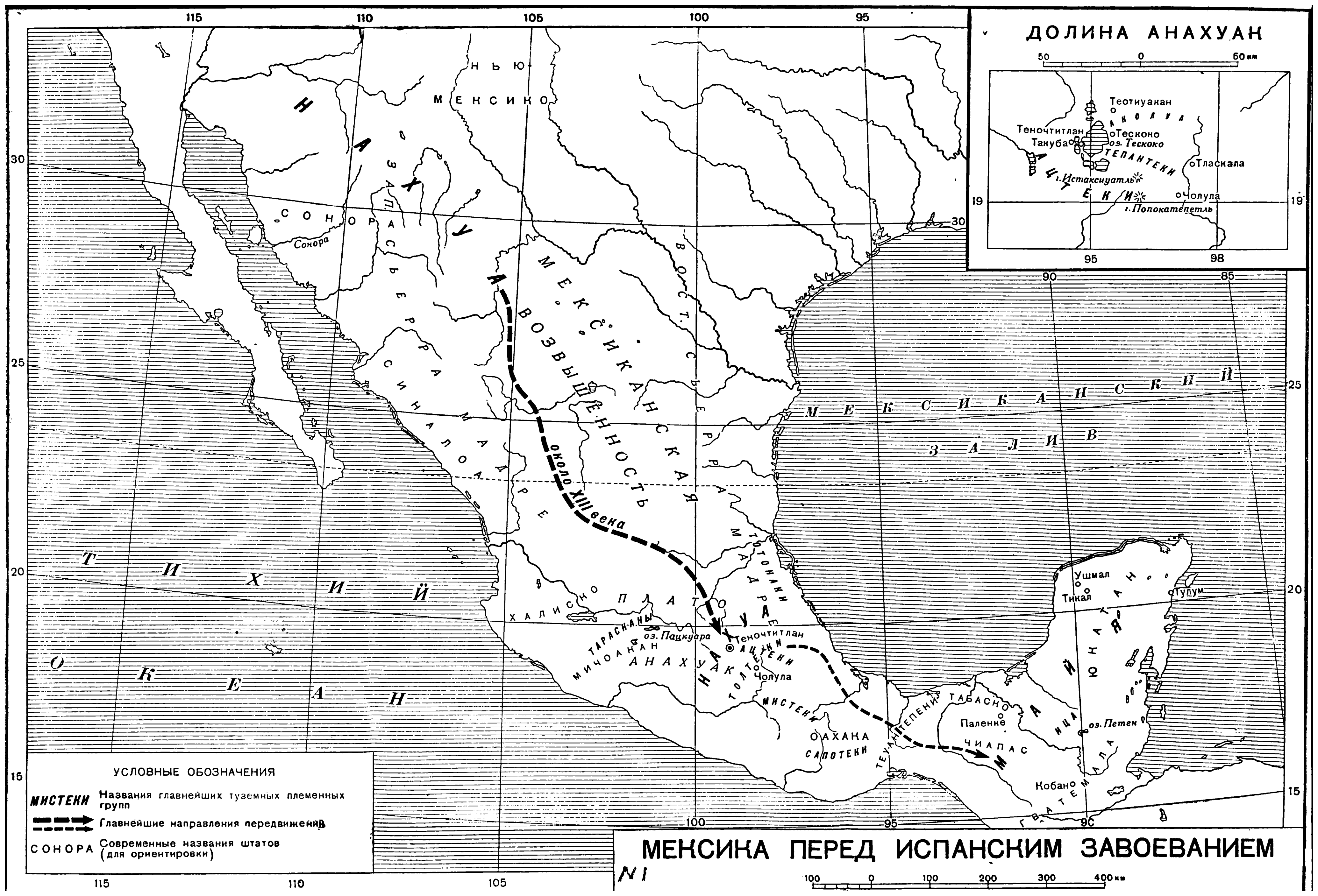
Сдано в производство 15/XII 1948 г. Подписано к печати 7/IV 1949 г.
А03839. Печ. л. 22³/₄.+7 вкл. Уч.-издат. л. 21,3
Формат 82×108¹/₃₂. Издат. № 6/469. Цена 20 р. Зак. № 1428

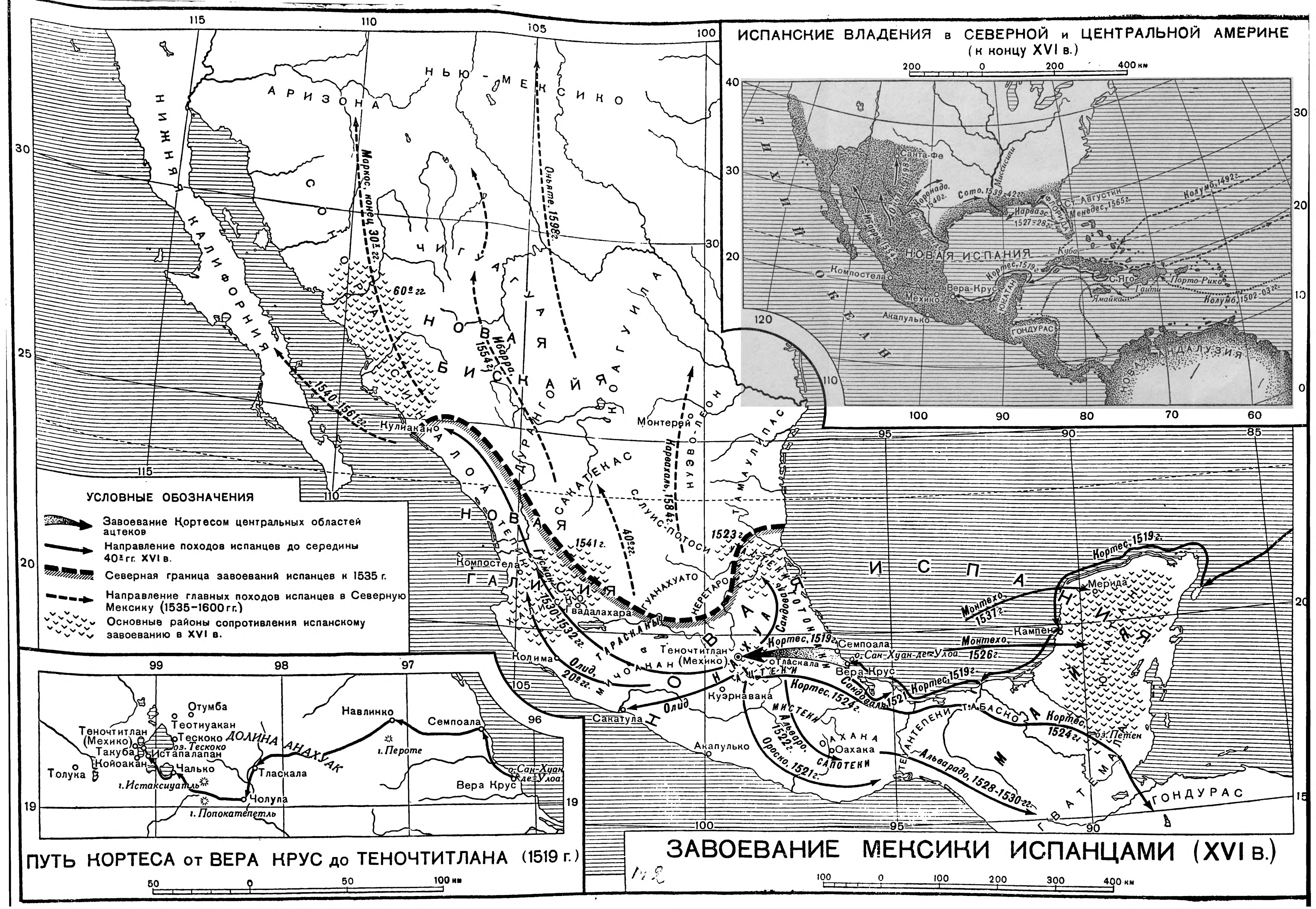
20-я типография треста „Полиграфкнига“ Главного Управления по делам полиграфии, издательств и книжной торговли при Совете Министров СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52

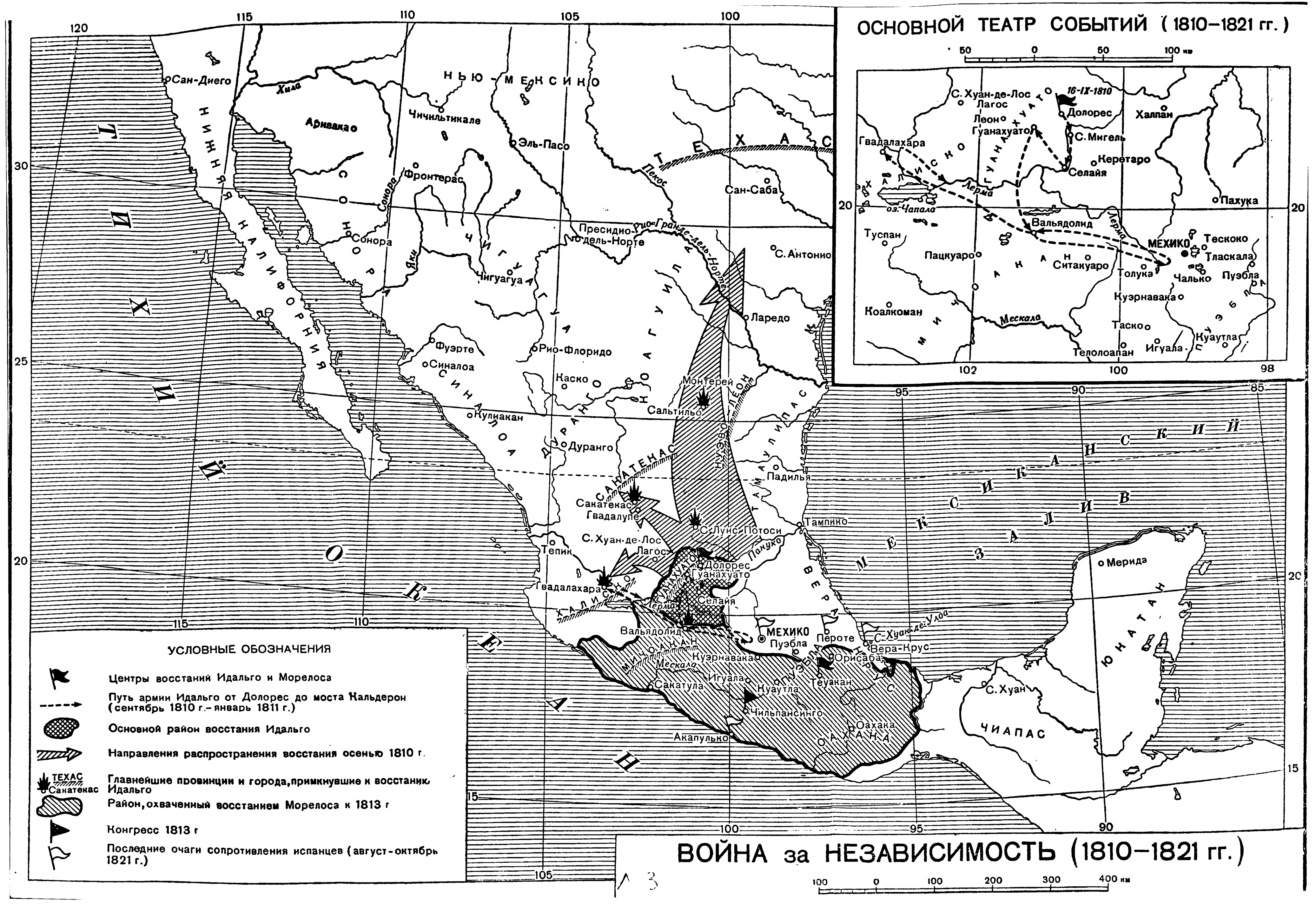
ОПЕЧАТКИ

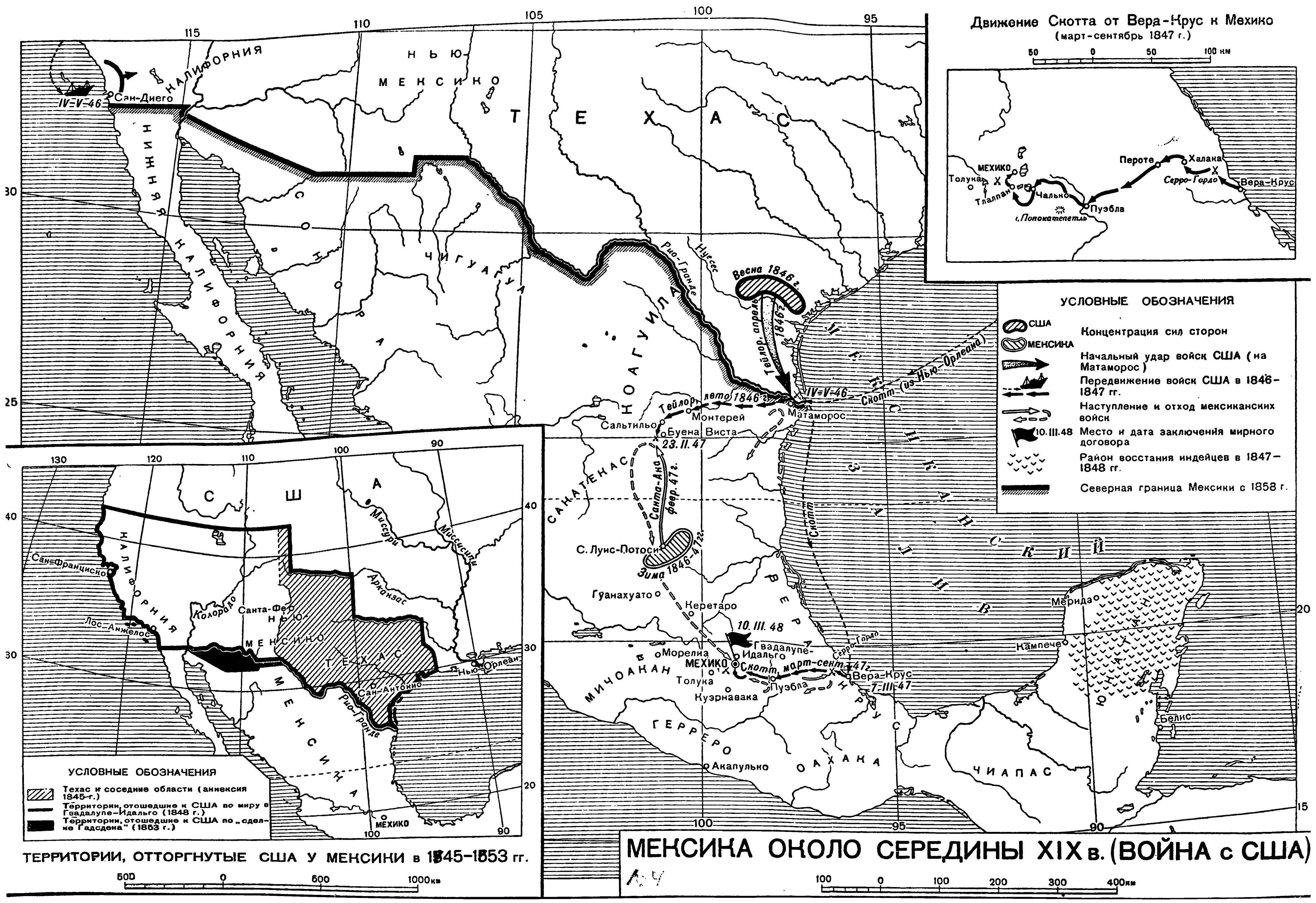
Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
17	10 св.	становятся	становится
21	1 сн.	Авило Камачо	Авила Камачо
	9 „	Авило Камачо	Авила Камачо
22	13 св.	Авило Камачо	Авила Камачо
	18 „	Авило Камачо	Авила Камачо
38	5 сн.	обогощенный	обогащенный
118	10 сн.	импровизировали	и импровизировали
201	19 св.	в бепорядке	в беспорядке
282	13 сн.	Снудад-Хуарес	Сиудад-Хуарес
295	9 св.	говорезы	головорезы
301	11 сн.	интересом	интересам

Зак. 1428

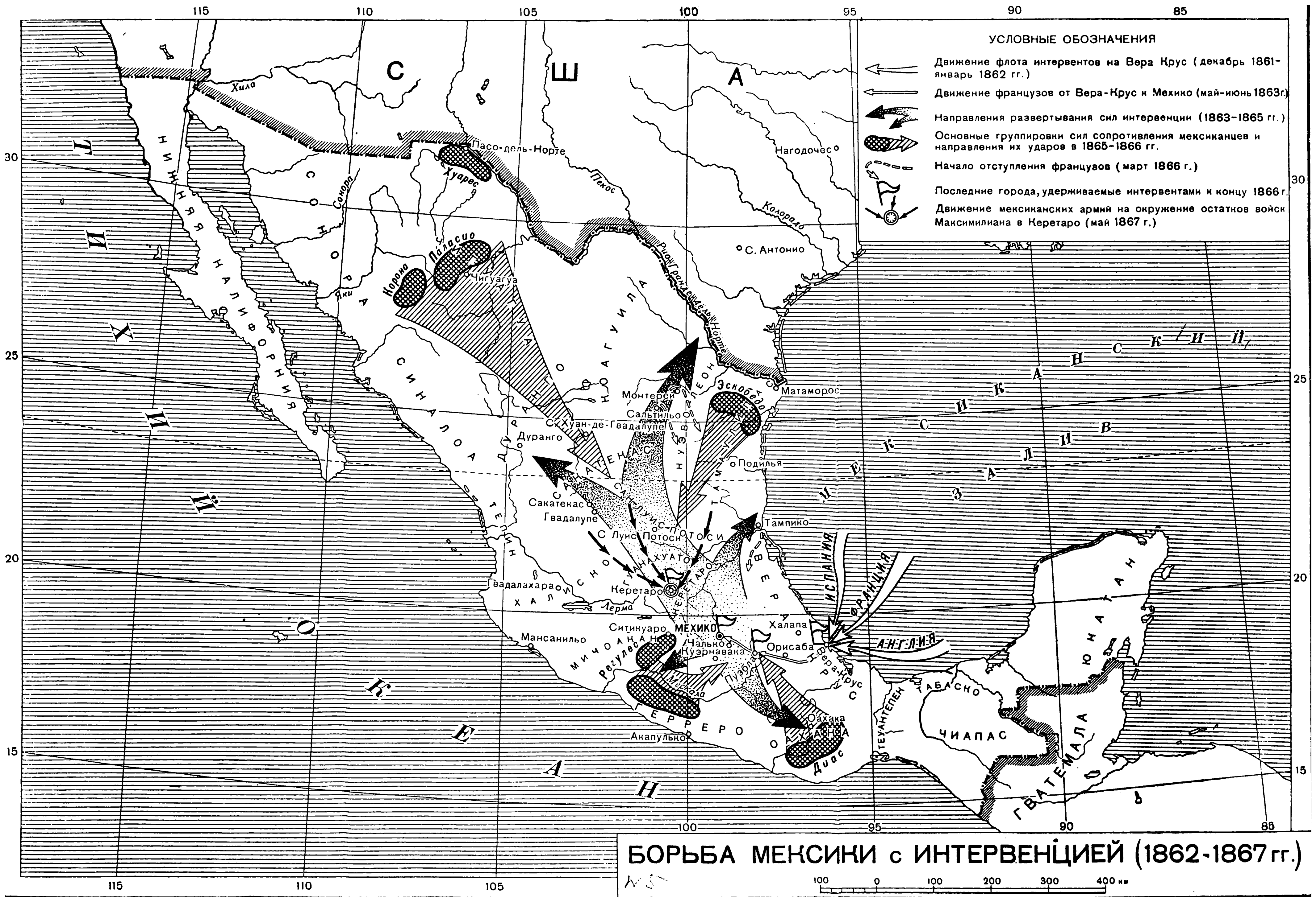

МЕКСИКА ПЕРЕД ИСПАНСКИМ ЗАВОЕВАНИЕМ
N1
ДОЛИНА АНАХУАН
Теотиуакан
Теночтитлан
Тескоко
Такуба
оз. Тескоко
Аколуа
Тепантеки
Тласкала
г. Истаксиуатль
Ацтеки
Чолула
г. Попокатепетль
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
МИСТЕКИ Названия главнейших туземных племенных групп
Главнейшие направления передвижений
СОНОРА Современные названия штатов (для ориентировки)
Нью Мексико
Нахуа
Сонора
Зап. Сьерра Мадре
Синалоа
Мексиканская возвышенность
Вост. Сьерра Мадре
около XIII века
Мексиканский залив
Тихий океан
Халиско
Плато
Тарасканы
оз. Пацкуара
Мичоакан
Анахуак
Теночтитлан
Ацтеки
Тотонаки
Толтеки
Чолула
Мистеки
Оахака
Сапотеки
Теуантепек
Табаско
Паленке
Чиапас
Майя
Юкатан
Ушмал
Тикал
Тулум
оз. Петен
Кобан
Гватемала

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ ИСПАНЦАМИ (XVI в.)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Завоевание Кортесом центральных областей ацтеков
Направление походов испанцев до середины 40-х гг. XVI в.
Северная граница завоеваний испанцев к 1535 г.
Направление главных походов испанцев в Северную Мексику (1535–1600 гг.)
Основные районы сопротивления испанскому завоеванию в XVI в.
ИСПАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ в СЕВЕРНОЙ и ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ (к концу XVI в.)
НОВАЯ ИСПАНИЯ
Санта-Фе
Компостела
Мехико
Вера-Крус
Акапулько
Куба
С. Яго
Ямайка
Гаити
Порто-Рико
Ст. Августин
Флорида
Юкатан
Гондурас
Новая Андалузия
Миссисипи
Коронадо, 1540 г.
Сото, 1539–42 г.
Нарваэс, 1527–28 г.
Менедес, 1565 г.
Колумб, 1492 г.
Колумб, 1502–03 г.
Кортес, 1519 г.
ТИХИЙ ОКЕАН
АРИЗОНА
НЬЮ-МЕКСИКО
НИЖНЯЯ КАЛИФОРНИЯ
СОНОРА
ЧИГУАГУА
НОВАЯ БИСКАЙЯ
ДУРАНГО
КОАГУИЛА
НУЭВО-ЛЕОН
ТАМАУЛИПАС
САКАТЕКАС
САН-ЛУИС-ПОТОСИ
СИНАЛОА
НОВАЯ ГАЛИСИЯ
ХАЛИСКО
ГУАНАХУАТО
КЕРЕТАРО
НОВАЯ ИСПАНИЯ
ЮКАТАН
ГВАТЕМАЛА
ГОНДУРАС
Маркос, конец 30-х гг.
Онъяте, 1598 г.
Ибарра, 1554 г.
1540–1561 гг.
60-е гг.
40-е гг.
Каравахаль, 1584 г.
1541 г.
1523 г.
Гусман, 1530–1532 гг.
Олид, 20-е гг.
Олид
Сандоваль
Сандоваль, 1521 г.
Кортес, 1519 г.
Кортес, 1524 г.
Альварадо, 1522 г.
Ороско, 1521 г.
Альварадо, 1528–1530 гг.
Монтехо, 1537 г.
Монтехо, 1526 г.
Кулиакано
Компостела
Гвадалахара
Монтерей
Колима
Сакатула
Теночтитлан (Мехико)
Тласкала
Семпоала
о. Сан-Хуан-де-Улоа
Вера-Крус
Куэрнавака
Акапулько
Оахака
Мерида
Кампече
оз. Петен
Табаско
Тарасканы
Мичоаван
Отоми
Тотонаки
Ацтеки
Мистеки
Сапотеки
Теантепеки
Майя
ПУТЬ КОРТЕСА от ВЕРА КРУС до ТЕНОЧТИТЛАНА (1519 г.)
Отумба
Теотиуакан
Теночтитлан (Мехико)
Тескоко
оз. Тескоко
Такуба
Истапалапан
Койоакан
Чалько
Толука
г. Истаксиуатль
г. Попокатепетль
Чолула
Тласкала
ДОЛИНА АНАХУАК
Навлинко
г. Пероте
Семпоала
о. Сан-Хуан де-Улоа
Вера Крус

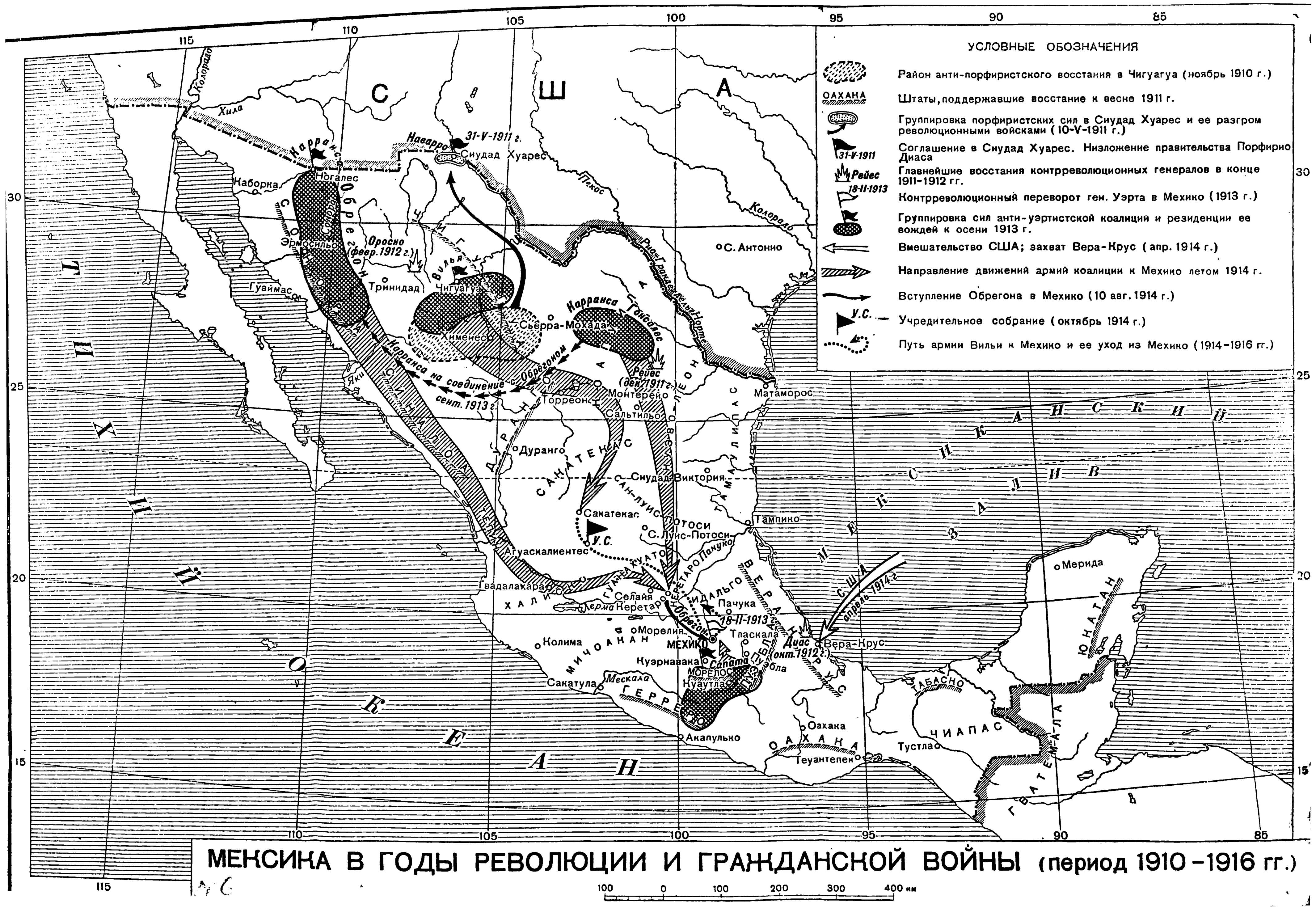

ОСНОВНОЙ ТЕАТР СОБЫТИЙ (1810–1821 гг.)
ВОЙНА за НЕЗАВИСИМОСТЬ (1810–1821 гг.)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Центры восстаний Идальго и Морелоса
Путь армии Идальго от Долорес до моста Кальдерон (сентябрь 1810 г.– январь 1811 г.)
Основной район восстания Идальго
Направления распространения восстания осенью 1810 г.
ТЕХАС
Сакатекас
Главнейшие провинции и города, примкнувшие к восстанию Идальго
Район, охваченный восстанием Морелоса к 1813 г
Конгресс 1813 г
Последние очаги сопротивления испанцев (август-октябрь 1821 г.)
Сан-Диего
Хила
Аривака
Чичильтикале
Эль-Пасо
Фронтерас
Сонора
Яки
Пекос
Сан-Саба
Пресидио-дель-Норте
Рио-Гранде-дель-Норте
С. Антонио
Ларедо
Чигуагуа
Фуэрте
Синалоа
Рио-Флоридо
Каско
Кульякан
Дуранго
Монтерей
Сальтильо
Падилья
Сакатекас
Гвадалупе
С. Луис-Потоси
Тампико
Пануко
С. Хуан-де-Лос Лагос
Тепик
Гвадалахара
Долорес
Гуанахуато
Селайя
Лерма
Вальядолид
МЕХИКО
Пуэбла
Мескала
Куэрнавака
Пероте
Орисаба
С. Хуан-де-Улоа
Вера-Крус
Сакатула
Игуала
Куаутла
Теуакан
Чильпансинго
Оахака
Акапулько
Мерида
С. Хуан
ЧИАПАС
НЬЮ-МЕКСИКО
ТЕХАС
НИЖНЯЯ КАЛИФОРНИЯ
СОНОРА
ЧИГУАГУА
СИНАЛОА
ДУРАНГО
КОАГУИЛА
НУЭВО-ЛЕОН
ТАМАУЛИПАС
САКАТЕКАС
ХАЛИСКО
ГУАНАХУАТО
МИЧОАКАН
ВЕРАКРУС
ПУЭБЛА
ОАХАКА
ЮКАТАН
ТИХИЙ ОКЕАН
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
16-IX-1810
С. Хуан-де-Лос Лагос
Леон
Халпан
С. Мигель
Керетаро
оз. Чапала
Пахука
Туспан
Пацкуаро
Ситакуаро
Тескоко
Тласкала
Толука
Чалько
Коалкоман
Таско
Телолоапан
Куаутла
МИЧОАКАН

МЕКСИКА ОКОЛО СЕРЕДИНЫ XIX в. (ВОЙНА с США)
Движение Скотта от Вера-Крус к Мехико
(март-сентябрь 1847 г.)
МЕХИКО
Толука
Тлалпан
Чалько
г. Попокатепетль
Пуэбла
Пероте
Халапа
Серро-Гордо
Вера-Крус
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
США
МЕКСИКА
Концентрация сил сторон
Начальный удар войск США (на Матаморос)
Передвижение войск США в 1846-1847 гг.
Наступление и отход мексиканских войск
10.III.48
Место и дата заключения мирного договора
Район восстания индейцев в 1847-1848 гг.
Северная граница Мексики с 1858 г.
КАЛИФОРНИЯ
Сан-Диего
IV-V-46
НИЖНЯЯ КАЛИФОРНИЯ
НЬЮ МЕКСИКО
ТЕХАС
СОНОРА
ЧИГУАГУА
КОАГУИЛА
Рио-Гранде
Нуэсес
Весна 1846 г.
Тейлор, апрель 1846 г.
IV-V-46
Скотт (из Нью-Орлеана)
Тейлор лето 1846 г.
Монтерей
Матаморос
Сальтильо
Буена Виста
23.II.47
САКАТЕКАС
Санта-Ана февр. 47 г.
С. Луис-Потоси
Зима 1846-47 гг.
Гуанахуато
Керетаро
10.III.48
Гвадалупе-Идальго
Морелия
МЕХИКО
Скотт, март-сент. 47 г.
Серро-Гордо
Вера-Крус
7.III.47
Толука
Пуэбла
Куэрнавака
МИЧОАКАН
ГЕРРЕРО
Акапулько
ОАХАКА
ВЕРА КРУС
Скотт
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
Мерида
Кампече
ЮКАТАН
Белис
ЧИАПАС
ТЕРРИТОРИИ, ОТТОРГНУТЫЕ США У МЕКСИКИ в 1845-1853 гг.
США
КАЛИФОРНИЯ
Сан-Франциско
Лос-Анжелос
Колорадо
Санта-Фе
НЬЮ-МЕКСИКО
ТЕХАС
Сан-Антонио
Рио-Гранде
Миссури
Миссисипи
Арканзас
Нью-Орлеан
МЕКСИКА
МЕХИКО
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Техас и соседние области (аннексия 1845 г.)
Территории, отошедшие к США по миру в Гвадалупе-Идальго (1848 г.)
Территории, отошедшие к США по „сделке Гадсдена" (1853 г.)

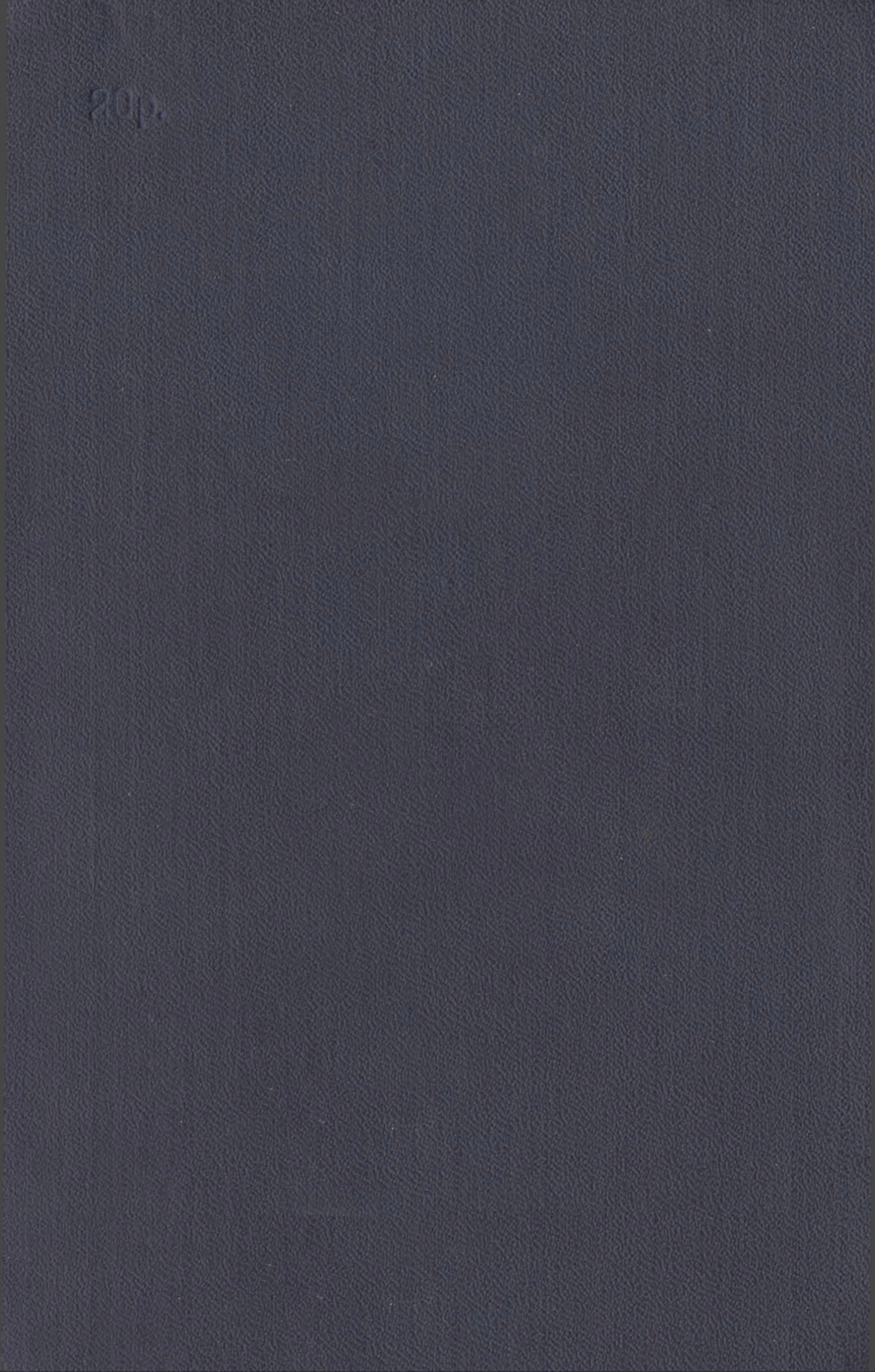

БОРЬБА МЕКСИКИ с ИНТЕРВЕНЦИЕЙ (1862-1867 гг.)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Район анти-порфиристского восстания в Чигуагуа (ноябрь 1910 г.)
ОАХАКА
Штаты, поддержавшие восстание к весне 1911 г.
Группировка порфиристских сил в Сиудад Хуарес и ее разгром революционными войсками (10-V-1911 г.)
31-V-1911
Соглашение в Сиудад Хуарес. Низложение правительства Порфирио Диаса
Рейес 18-II-1913
Главнейшие восстания контрреволюционных генералов в конце 1911-1912 гг.
Контрреволюционный переворот ген. Уэрта в Мехико (1913 г.)
Группировка сил анти-уэртистской коалиции и резиденции ее вождей к осени 1913 г.
Вмешательство США; захват Вера-Крус (апр. 1914 г.)
Направление движений армий коалиции к Мехико летом 1914 г.
Вступление Обрегона в Мехико (10 авг. 1914 г.)
У.С.
Учредительное собрание (октябрь 1914 г.)
Путь армии Вильи к Мехико и ее уход из Мехико (1914-1916 гг.)
С Ш А
Колорадо
Хила
Карранса
Ногалес
Наборка
Наварро
31-V-1911 г.
Сиудад Хуарес
Пекос
Колорадо
Рио Гранде дель Норте
С. Антонио
Эрмосильо
Сонора
Обрегон
Ороско (февр. 1912 г.)
Тринидад
Гуаймас
Вилья
Чигуагуа
Хименес
Сьерра-Мохада
Карранса
Гонсалес
Рейес (дек. 1911 г.)
Яки
Карранса на соединение с Обрегоном сент. 1913 г.
Торреон
Монтерейо
Сальтильо
Матаморос
Синалоа
Дуранго
Сакатекас
Сиудад Виктория
Тамаулипас
Сан-Луис-Потоси
Тампико
С. Луис-Потоси
У.С.
Агуаскалиентес
Гвадалахара
Халиско
Гуанахуато
Селайя
Керетаро
Неретаро
Лерма
Пануко
Идальго
Пачука
18-II-1913 г.
Обрегон
Морелия
Колима
Мичоакан
Мехико
Тласкала
Сапата
Куэрнавака
Морелос
Пуэбла
Диас (окт. 1912 г.)
Вера-Крус
С. Ш. А. апрель 1914 г.
Мерида
Юкатан
Сакатула
Мескала
Куаутла
Герреро
Акапулько
Оахака
Теуантепек
Табаско
Чиапас
Тустла
Гватемала
Тихий Океан
Мексиканский залив
115
110
105
100
95
90
85
30
25
20
15
МЕКСИКА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (период 1910-1916 гг.)
100 0 100 200 300 400 км

МЕКСИКА
(административное деление)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Государственные границы
Границы штатов Мексики
Столица Мексики
Административные центры штатов
Прочие населенные пункты
100 0 100 200 300 400 км
НАЗВАНИЕ ШТАТОВ
1 Агуаскалиентес
2 Идальго
3 Керетаро
4 Колима
5 Мехико
6 Морелос
7 Тласкала
8 Федеральный округ
США
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
ТИХИЙ ОКЕАН
ГВАТЕМАЛА
Мехикали
Энсенада
Росарио
Пунта-Пеньяско
Каборка
Кананеа
Касас Грандес
Эрмосильо
Гуаймас
Мулехе
Ла-Пас
Охинага
Чигуагуа
Пиедрас-Неграс
Сьерра-Мохада
Хименес
Торреон
Монтерей
Сальтильо
Монтеморелос
Линарес
Матаморос
Кулиакан
Дуранго
Масатлан
Фреснильо
Сиудад-Виктория
Сакатекас
Солинас
Тампико
С.-Луис-Потоси
Агуаскалиентес
Тепик
Гуанахуато
Туспан
Гвадалахара
Керетаро
Пачука
Халапа
Аутлан
Морелия
МЕХИКО
Тласкала
Вера-Крус
Колима
Толука
Пуэбла
Орисаба
Куэрнавака
Теуакан
Игуалао
Сакатула
Чильпансинго
Акапулько
Оахака
Теуантепек
Тустла
С.Кристобаль
Вилья-Эрмоса
Кампече
Мерида
Тисимин
Пето
НИЖНЯЯ КАЛИФОРНИЯ
СОНОРА
ЧИГУАГУА
КОАГУИЛА
НУЭВО-ЛЕОН
ТАМАУЛИПАС
СИНАЛОА
ДУРАНГО
САКАТЕКАС
САН-ЛУИС-ПОТОСИ
НАЙЯРИТ
ХАЛИСКО
ГУАНАХУАТО
ВЕРАКРУС
МИЧОАКАН
ПУЭБЛА
ГЕРРЕРО
ОАХАКА
ТАБАСКО
ЧИАПАС
КАМПЕЧЕ
ЮКАТАН
КИНТАНА РОО
Хила
Пекос
Рио-Гранде-дель-Норте
Сонора
Яки
Лерма
Мескала
Пануко
114
110
106
102
98
94
90
30
26
22
18
14

20р.